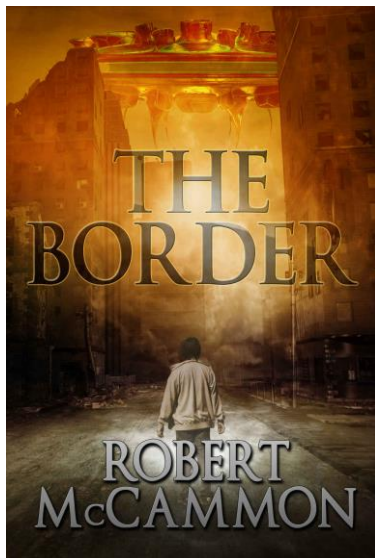

Роберт Маккаммон
ГРАНИЦА

*Перевод с английского Московских Н.И.
Литературная обработка Langley*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ В ПАНТЕР-РИДЖ..	3
Глава первая.....	3
Глава вторая.....	12
Глава третья.....	25
Глава четвертая.....	32
Глава пятая.....	43
Глава шестая.....	52
Глава седьмая.....	60
Глава восьмая.....	65
Глава девятая.....	75
Глава десятая.....	83

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. <u>МУРАВЬИНАЯ ФЕРМА</u>	94
Глава одиннадцатая.....	94
Глава двенадцатая	102
Глава тринадцатая.....	114
Глава четырнадцатая.....	122
Глава пятнадцатая	131
Глава шестнадцатая.....	145
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. <u>ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ</u>	159
Глава семнадцатая.....	159
Глава восемнадцатая	169
Глава девятнадцатая.....	178
Глава двадцатая.....	191
Глава двадцать первая.....	197
Глава двадцать вторая.....	211
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. <u>НА ЗАПАД</u>	217
Глава двадцать третья	217
Глава двадцать четвертая	227
Глава двадцать пятая	241
Глава двадцать шестая	254
Глава двадцать седьмая.....	262
Глава двадцать восьмая.....	274
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. <u>ТО, ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ</u>	287
Глава двадцать девятая	287
Глава тридцатая	298
Глава тридцать первая.....	308
Глава тридцать вторая.....	318
Глава тридцать третья.....	329
Глава тридцать четвертая	342
Глава тридцать пятая.....	354
Время. Нужно больше времени.....	365

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ В ПАНТЕР-РИДЖ

Глава первая

Мальчик мчался сквозь дождь.

Он внезапно оказался под этим обжигающе-колким ливнем. Через несколько секунд, падающая с неба вода превратилась в настоящий омут мучений: капли казались целой армией пламенно-колючих игл. Мальчик оглянулся на бегу и сквозь зыбкую дымку увидел, как вдалеке взрываются вершины гор. Каменные глыбы размером с целые жилые дома, взлетели в отравленный воздух, с титанической силой врезались в землю и рассыпались на сотни отскакивающих в разные стороны осколков. Над горами мерцали синие молнии, способные повергнуть в ужас любого храбреца, а более слабого заставить пасть на колени.

Мальчик продолжал бежать сквозь дождь.

Поле под его ногами простиралось на необъятное расстояние вдаль и вширь, но земля была бесплодна. Грязь начала засасывать обувь мальчика, грязные кроссовки «Пума», когда-то давно бывшие белыми, как снег. Мальчик не помнил, когда впервые надел их и откуда взял. Он не мог вспомнить, откуда взялись его грязные джинсы или засаленная темно-красная рубашка, на которой не хватало правого рукава. Он вообще ничего не мог вспомнить.

Но он знал, что должен бежать. И надеялся, что ему удастся пережить этот день.

Ибо, хотя обрывки его памяти трепетали, как оборванный флаг — он знал, что происходит позади него. А еще он откуда-то знал, что находится в Колорадо. Мальчик понимал, почему горы, древние, как само время, сейчас разрушались и рассыпались на куски. Понимал, чем были сверкающие в небе голубые молнии и почему скоро расчерки красного пламени взметнулся вверх от измученной земли к злому серому небу. Между ними шло сражение. Они нашли еще одну границу, которую теперь отстаивали. И в яростной борьбе между собой они уничтожали все, что попадало на линию огня.

Он бежал прочь, тяжело дыша, обливаясь потом, окруженный знойным липким воздухом, пока дождь предпринимал все новые попытки пригвоздить его к земле.

Грязь затянула его. Она поймала его кроссовки в ловушку, заставила запнуться на бегу и полететь вниз, в ее объятия. Липкая и горячая — она тут же налипла ему на лицо и забилась в ноздри. Весь черный от грязи, мальчик с трудом поднялся на колени. Сквозь плотную

завесу дождя он видел, как по обе стороны от него по бесплодному полю что-то движется, и понял, что одна из армий на подходе.

Мальчик затаился в луже грязи. Он лежал, словно мертвец, хотя сердце его в этот момент барабанило в грудь со скоростью пулеметной очереди, едва не разрываясь от страха. Мальчик надеялся, что ему удастся полностью зарыться в грязь, проскользнуть в темноту и слиться с нею, остаться в безопасности под ее защитной... но все, что он мог сделать — просто лежать, свернувшись в позе эмбриона, напоминая едва рожденного младенца, которого сразу бросили на произвол судьбы.

Он видел их раньше. Разум не мог подбросить ему воспоминание где и когда. Какое-то событие разорвало личность мальчика и оставило ему лишь жалкие ошметки памяти. Но когда слева и справа от себя он заметил размытые мазки движения, то сразу понял, что это движется, словно сгустки серого дыма... или словно бесформенные, но смертоносные призраки.

Мальчик лежал неподвижно, и руки его цеплялись за грязную землю в страхе, что его вот-вот могут превратить в ничто.

Вдруг он осознал, что один из них остановился... точнее, он остановил размытые движения своего тела и принял определенную форму, и теперь стоял всего в нескольких футах от мальчика, глядя на него.

Мальчик же не смог удержаться от того, чтобы не уставиться на существо в ответ, обратив к нему свое перепачканное грязью лицо. Неоткуда было ждать защиты. Защиты попросту не существовало. Голубые глаза мальчика смотрели в черное бесформенное лицо. Или маску... или шлем... что бы это ни было. Существо было тощим, как скелет, а рост его составлял около семи футов. В общих чертах оно походило на человека: по крайней мере, у него тоже было две руки и две ноги. Руки с пятью пальцами скрывали черные перчатки. Черные ботинки сидели на почти человеческих по форме ногах. Было ли это существо лишь машиной или живым существом, появившимся на свет из яйца или чрева — мальчик не знал и мог лишь догадываться. Существо, похоже, не дышало.

Но пугало даже не это, а оружие в руках существа. Черное, казавшееся отлитым... из плоти. Две массивных емкости с жидкостью присоединялись к телу с помощью гибких трубок. Существо прижимало оружие к боку и, казалось, целилось в мальчика. Палец замер на некой остроконечной выпуклости, которая вполне могла оказаться аналогом спускового крючка.

Мальчик ощутил, что смерть его близка, как никогда.

И вдруг воздух сотрясла вибрация. Она скорее чувствовалась, чем была слышна, но от этого ощущения волоски на шее мальчика

зашевелились, кожа покрылась мурашками, по ней прокатилась волна дрожи. Непослушные каштановые волосы встали дыбом, потому что мальчик, хоть и лишенный памяти, знал, что должно сейчас произойти. Он не понимал, откуда у него эти сведения, но в их верности не сомневался.

Существо взглянуло куда-то за спину мальчика, затем вверх. Размытые контуры тел других созданий тоже приняли четкие очертания. Все они смотрели вверх, и их оружие в унисон поднялось, выискивая врага.

Затем, мальчик услышал странный звук сквозь шум дождя. Он повернул голову, подставив лицо ливню, и увидел, как сквозь низкие желтые облака прорвался источник звука, напоминавшего тихое движение механизмов в прекрасно выполненных наручных часах или... мягкое тиканье бомбы замедленного действия.

Объект треугольной формы был огромным, примерно две сотни футов в длину, такой же окраски, как шкура доисторического хищника: смеси желтовато-коричневого и черного цветов. Он был тонким, как бритва, не имел ни иллюминаторов, ни каких-либо других отверстий, и при этом казался одним сплошным мускулом. Объект скользнул вперед, источая, как показалось мальчику, безмолвную, но потрясающую мощь. Желтые усики потревоженного воздуха обтекали широко расставленные крылья. Четыре электрических голубых шара размером с крышки канализационных люков начали пульсировать под брюхом этого монструозного чуда. Пока корабль продолжал свое почти бесшумное, медленное, но властное движение к земле, один из замерших на грязном бесплодном поле воинов выстрелил в него. Два заряда пламени, которое, по сути своей, было не совсем пламенем, но выглядело, как нечто раскаленное — взмыли в воздух и понеслись в сторону корабля. Прежде, чем они достигли мяса или металла — неизвестно, из чего был изготовлен корабль — вспыхнула синяя искра и погасила пламя. Два раскаленных сердечника боевых снарядов потухли легко, как спичечные головки, к которым прикоснулись влажными пальцами.

Пока мальчик, дрожа всем телом и не решаясь пошевелиться, наблюдал за развернувшимся действием, существа направили свое оружие на корабль и открыли огонь. Все быстрее и чаще вспышки внеземного пламени загорались и тянули за собой ослепительно белые, похожие на кометы, хвосты, но все они были потушены сверкающей голубой электрической искрой.

Мальчик понимал, что происходит. В его разуме эхом воскресали вещи, которые он не мог до конца осознать. Ему казалось, что он прошел долгий путь от некой изначальной точки, но он не мог сказать, чем эта точка являлась.

Но, несмотря на то, что он не помнил ни своего имени, ни места, откуда он бежал, ни своих родителей... он помнил, что похожие на людей вооруженные существа называются солдатами Сайферов.

А кораблем над их головами управляли Горгоны.

Эти названия дали им люди. Настоящие имена этих рас не были известны никому на Земле. Их молчание было непроницаемым.

Голубая искра скакала и танцевала в воздухе, без труда отражая атаку хищных языков пламени. Дождь лил, кружились вихрем желтые облака. Солдаты Сайферов опустили свое оружие, оказавшееся малоэффективным, и снова начали обращаться в размытые фигуры. Уже через секунду мальчик остался на грязном поле один. Монструозный корабль проплыл над ним, его голубые шаровые молнии угрожающе пульсировали. Мальчик почувствовал себя маленьким, как насекомое на лобовом стекле автомобиля, которое вот-вот могли превратить в кровавое месиво. Он напрягся, готовясь снова вскочить и побежать, но... корабль проскользил мимо, и мальчик чувствовал, что угроза миновала, по мере того, как летающий объект набирал скорость. Во рту остался привкус грязи и чего-то похожего на ржавый металл. Раздался резкий шипящий звук, словно бекон жарили на сковороде, и, повернув голову в сторону улетающего прочь корабля, мальчик увидел, как из нижней части летающего объекта выстрелили плети электрической голубой энергии. Маленькие взрывы — вспышки черной материи — посыпались нескончаемыми ударами на Сайферов, способные достать их даже в нынешнем, бесплотном и почти невидимом состоянии.

Мальчик решил, что пришло время подниматься и убегать отсюда. Он вскочил на ноги и побежал прочь от поля битвы. Дождь молотил по его голове и плечам, а грязь неустанно старалась утянуть его вниз. Один раз он даже упал на колени, но сразу же встал и поклялся себе, что больше не упадет.

Он бежал вслед за дождем через грязь в сторону желтого тумана, висевшего над горизонтом, минуя и перепрыгивая дымящиеся кратеры, в которых угадывались очертания выжженных инопланетным огнем предметов, ныне похожих на искореженные и иссушенные древесные корни. Дышать на бегу было тяжело, воздух проникал в легкие неохотно, будто до этого грудная клетка испытала град ударов тяжелыми кулаками. В какой-то момент боль заставила мальчика остановиться и закашляться. Он сплонул на землю кровавую слюну и продолжил путь.

Впереди из тумана вынырнула еще дюжина или больше солдат Сайферов — все тощие и облаченные в взеземные одеяния. Каждый имел оружие, которое, казалось, произрастает из их собственных тел, а лица закрывали черные гладкие маски. Может, это лица роботов,

как думал... или знал мальчик. Что-то приближалось сзади, с металлическим шумом, напоминавшим дребезжание струн пианино в самом высоком регистре. Мальчик свернул в сторону и успел скрыться в ближайшем кратере, а над ним засверкали синие сферы скованного огня, пролетая на умопомрачительной скорости. Они поражали Сайферов, словно кнуты из раскаленной добела колючей проволоки. Мальчик приподнялся на краю кратера, посмотреть, как Сайферов разрывают на куски новым оружием. Хотя несколько Сайферов смогли сбить огненные шары своим собственным энергетическим оружием, или размытым движением нырнули в туман, исход битвы решился за доли секунды. Подергивающиеся руки и ноги, оторванные от тел и покрытые черной копотью, остались лежать на поле боя. А огненные шары, похожие на горящие демонические глаза, вновь вспыхнули в желтом тумане и принялись искать новые жертвы.

Внимание мальчика привлекло движение в кратере. Он почувствовал, как волосы у него на затылке вновь встают дыбом, а сердце начинает колотиться, как бешеное.

Напротив него, полумертвый и забрызганный грязью солдат Сайферов тянулся к своему оружию, несколько секунд назад оторванному от тела, и теперь оно — сморщенное, как умирающая плоть — лежало, подергивая внешними венами, в нескольких шагах. Руки в черных перчатках скребли по земле в надежде поскорее восстановить связь с утерянным оружием, но безуспешно, потому что тело самого Сайфера было почти разорвано пополам. Ноги все еще дергались в судорогах, ботинки упрямо молотили измученную землю. В полости тела блестели черные кишки, в которых копошилось что-то желтое и красное, отдаленно напоминавшее кузнечиков — мальчик не помнил, откуда это знал, но прекрасно представлял себе облик этих насекомых. От Сайфера распространялась вокруг едкая вонь, похожая на запах жидкости, которую выпускают кузнечики, когда их схватишь. Только нынешний запах был гораздо сильнее. Существо, лежащее в луже, все еще пыталось добраться до оружия, но разорванное тело не слушалось.

Мальчик заговорил голосом, которого раньше никогда не слышал:

— А я думал, вы намного выносливее, — произнес он.

Безликое существо продолжало трепыхаться в грязи. Мальчик сел на корточки, не забывая о других солдатах или летающих объектах, которые запросто могли снести ему голову, и рискнул прикоснуться к энергетическому ружью. На ощупь оно было мягким и чуть липким, как резина, слишком долго остававшаяся под палящим солнцем. Вены перестали качать жидкость. Оружие стало съеживаться и будто всасываться само в себя, пока мальчик смотрел на него. Похожая на кра-

душегося паука рука попыталась схватить его за лодыжку, и мальчик в испуге отскочил в сторону, а затем... побежал снова, потому что понимал: слишком долго оставаться на одном месте опасно. Смертельно опасно.

А он хотел жить. Знал, что ему необходимо выжить, и найти себе укрытие, пока не стало слишком поздно.

Пока он бежал, дождь нещадно лупил его по лицу. Из-за нарастающего давления в легких мальчик снова закашлялся, и кашель оказался кровавым. Он спрашивал себя: кто он и откуда пришел, но на эти вопросы ответом была лишь пустота. У него не сохранилось памяти ни о чем, кроме той секунды, когда он оказался под дождем на поле. Как будто раньше его разум был выключен, а затем кто-то дрожащей рукой включил в его голове свет. Отец? Мать? Дом? Братья или сестры? Нет, он ничего не помнил. В его распоряжении были только тени, тени и еще раз тени.

Мальчик испытывал боль. Она поселилась не только в легких, сердце и желудке — ему ломило почти все кости. Он чувствовал себя... *перестроенным*. словно в той странной песенке о том, как бедренная кость соединяется с коленной чашечкой и так далее. Только его собственная бедренная кость словно срослась с плечом, а коленная чашечка с копчиком. Что-то у него внутри было перемешано, хотя он сохранял способность бежать. По крайней мере, пока. И этого было достаточно.

Чудовищный треугольный объект двигался над ним. Мальчик поднял глаза, глядя на массивное творение горгонской техники — пестрое, как доисторическая рептилия — скользившее меж уродливыми желтыми облаками. Корабль продолжал стрелять энергетическими молниями, поражая невидимые фигуры на земле. На мальчика он не обращал внимания; для него мальчишка был ничем, он не стоил и толики его разрушительной силы.

Внезапно яркие синие разряды начали вспыхивать то слева, то справа, ища другие цели. Корабль Горгонов словно задрожал от ужаса... по крайней мере, мальчику так показалось. Через пару секунд он понял, почему.

В небе появились тонкие и длинные эбеново-черные ракеты. Они двигались быстро и бесшумно, все десять. Четыре из них были поражены молниями и взорвались, разлетевшись на черные ленты, но оставшиеся шесть, достигнув горгонского корабля, выпустили когти и зубы, жадно впились в его мясо и принялись проедать себе путь через пеструю шкуру, обратившись в прожорливых хищников, похожих на блестящих пауков.

Еще шесть голодных ракет полетели в сторону корабля, запущенные откуда-то из-за горизонта. Две из них были сбиты, но осталь-

ные четыре, приняв свои паучьи очертания, жадно вгрызлись в инопланетную плоть, если это можно было назвать плотью. Куски горгонского корабля начали отпадать, обнажая под пестрой шкурой пурпурно-красное мясо, в котором пролегли шестигранные каналы. Паукеты-пауки продолжали рвать и жевать плоть врага, все быстрее и быстрее, пока синие молнии отчаянно палили во все стороны.

Мальчик вздрогнул, когда энергетический разряд испепелил землю в сорока футах справа от него, однако он не мог оторвать взгляд от ужасного пира и гибели великана.

Похоже, горгонский корабль умирал. Его тело дрожало и корчило, пока пауки Сайферов проникали все глубже в самое его сердце. Из дюжины ран выплескивалась темно-красная жидкость, кусочки корабля падали на землю, продолжая биться в предсмертных конвульсиях. Машина кричала. Послышался высокий звук, показавшийся мальчику чем-то средним между скрипом ногтей по школьной доске и зловещим шипением гадюки. Ему пришлось опуститься на колени и закрыть уши руками, чтобы хоть немного заглушить шум.

Огромный кусок корабля рухнул вниз, вздымая целые фонтаны темной жидкости. Внутри полости продолжали пировать черные пауки, разрывая чужеродное мясо своими когтями и клыками. Впрочем, как подумал мальчик, такие зубы могли прогрызть не только плоть, но даже бетон и металл. Корабль Горгонов накренился вправо, из него вываливалось все больше мясистых кусков, которые Сайферы не собирались доедать.

Крик продолжался и продолжался, пока корабль падал на землю. Пауки ползали по его шкуре, добывая врага.

Мальчик снова пустился бегом. Он понятия не имел, где искать убежища. Вскоре пронзительный шум прекратился. *Одно очко Сайферам*, подумал мальчик. Он пробежал сквозь пелену желтого туман и внезапно вместо грязи обнаружил под ногами потрескавшийся бетон.

Он оказался на стоянке. Вокруг него в загустевшем воздухе стояли ржавые и обветренные корпуса восьми брошенных автомобилей. Дождь перестал, вода заполняла трещины и кратеры. Перед мальчиком высилось здание из красного кирпича, в котором не осталось ни одного целого окна. Слева виднелись перекошенные ворота на поросшем сорняками футбольном поле. Трибуны были разрушены. На стоянке торчал указатель — мужественный и стойкий со своим объявлением из прошлого.

«Средняя школа Итана Гейнса», гласили сохранившиеся черные буквы. А чуть ниже красной строкой добавлялось: «Последняя Иг А Рель 4-6 Детская Сб рн я».

Мальчик увидел, как к нему через футбольное поле приближаются размытые пятна. Несколько солдат Сайферов остановились, приняли свои формы на несколько секунд, прежде чем снова ускориться. Мальчик подумал, что их сорок или пятьдесят — настоящая черная волна. Он побежал, забирая правее, хотя понимал, что у него не хватит времени скрыться: они настигнут его в любую секунду.

Упав на бетон, мальчик спрятался под разбитым пикапом, который когда-то был черным, но теперь из-за ржавчины стал скорее рыжим. Однако под разбитым задним стеклом его все еще красовалась табличка с именем Денвера Бронкса.

Размытые фигуры оказались на стоянке. Солдаты Сайферов все время находились в движении, направляясь к только им ведомой цели. Мальчик прижался к потрескавшемуся бетону. Если кто-нибудь из них почувствует его здесь...

Что-то приближалось.

По телу мальчика прокатилась дрожь. Он чуял какую-то... форму жизни, пульсирующую силой в этом отравленном воздухе. Из своего укрытия он заметил, что некоторые из солдат замерли на месте. Они, похоже, тоже ощутили чье-то приближение.

Наступила тишина, нарушаемая лишь капающей с промокших корпусов автомобилей на бетон водой. Затем, что-то пронеслось над головами, с шумом, напоминающим свист ветра, и в небе загорелась яркая вспышка синего света — такая яркая, что мальчику пришлось зажмуриться. А затем все исчезло.

Мальчик ждал, моргая. Перед глазами кружили разноцветные пятна. Наконец, зрение вернулось. Часть солдат снова обратились в размытые полутени, другие же оставались неподвижными, сохраняя бдительность, или, возможно, были оглушены и потому видимы.

Корпус пикапа над телом мальчика пошевелился.

От стопа, исходящего от ржавой машины, мальчик вздрогнул. Эхо этого стопа прокатилось по всей парковке. Вдруг нижняя часть пикапа превратилась в красно-коричневую чешуйчатую плоть, а заплесневелые шины — в крепкие, покрытые чешуей ноги, на которых выросли красные шипы с блестящими черными наконечниками.

Пикап оживает, осознал мальчик.

Вздымающийся в такт дыханию живот оказался над его головой. Он видел, что тело над ним расширяется со звуком, напоминающим хруст костей и металла — так образовывалась плоть.

В панике он выкатился из-под машины и оказался на коленях посреди того, что уже не было парковкой брошенных автомобилей — теперь это превратилось в логово чудовищ из самых страшных ночных кошмаров.

То, что пролетело над его головой несколько секунд назад, сопровождаемое синей вспышкой, обладало способностью создавать жизнь, понял мальчик. И жизнь, которую оно создало здесь из ржавых брошенных корпусов автомобилей, принадлежала скорее Горгонам, чем Сайферам. Громоздкие, мускулистые фигуры начали подниматься с бетона. Мальчик очутился среди них, среди их когтистых конечностей, угрожающе сверкающих своими красными шипами. Рогатые головы с зияющими ротовыми впадинами множеством глаз осматривали поле битвы. Солдаты Сайферов открыли огонь. Красные сгустки инопланетного пламени вырвались из стволов их ружей, сжигая при попадании чужеродную плоть. Раненые существа ревели и выли, и стон их боли сотряс землю. Другие с огромной скоростью бросились вперед, стремясь поскорей добраться до врагов. Мальчик с ужасом наблюдал, как творения Горгонов разбегаются по парковке, сметая целые отряды солдат своими огромными мускулистыми и шипастыми конечностями. Он заметил также, что на стыке шеи и плеча в теле одного из чудовищ все еще вплавлена табличка с именем Денвера Бронкса... Земная заплатка на бронированной инопланетной плоти.

Солдаты продолжали стрелять, чешуйчатые тела горели и дымились, существа разваливались на части, падая и подминая при этом тонкие фигуры солдат. Жидкость из внутренностей, пахнувшая, словно сок кузнечика, брызгала во все стороны. Рогатая голова одного из монстров, с шестью глубоко посаженными пурпурными глазами, вспыхнула от пламени оружия Сайферов. Слепшее существо носилось по стоянке, а его уродливая морда таяла и плавилась, как серый воск.

Строй Сайферов был прорван монстрами. Некоторые из солдат вновь сделались невидимыми, но остальные продолжали стрелять в чудовищ, вплоть до того момента, как принимали смерть от их лап. Кто-то ползал на четвереньках, кто-то оставался на двух ногах, но существа Горгонов явно выигрывали этот бой, который уже превратился в преследование и истребление побежденных. Трое умирающих Горгонов, опаленные пламенем, лежали на бетоне. Однако они до последнего сопротивлялись смерти и со стоном пытались подняться, несмотря на ожоги. У одного из них получилось встать на колени. Он повернул свою обгоревшую треугольную голову на толстом стволе шеи, и взгляд его глаз, напоминающих тлеющие угли, остановился на мальчике. Тот пополз прочь от существа, но Горгон лишь приподнял свою усеянную шипами лапу, упал и испустил дух.

Мальчик встал, пошатываясь, и снова побежал.

Это было все, что он мог сделать — двигаться и оставаться в живых. Снова оказавшись в дымке желтого тумана, он повторял себе, что не может и не должен упасть. Позади раздавался рев чудовищ,

грязные кроссовки «Пума» увязали в земле. Теперь под ногами не было бетона — снова лишь поле грязи и сорняков. Вокруг валялись смятые и обугленные тела солдат Сайферов. Похоже, недавно здесь произошла еще одна схватка. *Одно очко Горгонам*, подумал мальчик.

Мальчик не преодолел и сотни ярдов, когда почувствовал, что его кто-то догоняет.

Оглядываться было страшно. Остановиться тоже. В замешательстве, он ждал, что его вот-вот уничтожат на этом грязном поле. Затем он все же оглянулся посмотреть, кто его преследует. Хотел отскочить в сторону, но всадник на серой пятнистой лошади вдруг вынырнул из тумана, потянулся и схватил мальчика за руку. Ему не составило труда оторвать худощавого паренька от земли и забросить на спину лошади. Незнакомец зарычал грозным голосом:

— Хватайся и держись!

Мальчик уселся позади мужчины и крепко схватил его поперек туловища. На плече мужчины была кобура с пистолетом-пулеметом «Узи». Лошадь, неся двух седоков, неслась по полю, в то время как монстры Горгонов громыхали, словно хор похоронных колоколов в последний день мира.

Глава вторая

Но это еще не был последний день мира.

Наступил четверг, 10 мая. Впрочем, кому-то хотелось, чтобы это был последний день мира, и кое-кто молился об этом, проливая горькие слезы в знак искренности своей мольбы. Но другие готовились прожить следующий день, и тот, что последует за ним. Одним из таких людей был мальчик. Верхом на чужой лошади, сидя позади всадника и держась за его талию, он приближался к крепости.

На обочине дороги, ведущей к холму на южной окраине Форт-Коллинза, стоял потрепанный непогодой и ржавый знак с изображением рычащей пантеры. Под ней потускневшими металлическими буквами было выгравировано: «*Апартаменты Пантер-Ридж*». На вершине холма, откуда открывался некогда прекрасный вид на округу, располагался жилой комплекс. Он состоял из четырех кирпичных зданий, выкрашенных в песочный цвет, с серыми балконами, куда выходили раздвижные стеклянные двери. Построенный в 1990 году, этот комплекс считался престижным местом для представителей среднего класса. Однако к 2007 Пантер-Ридж столкнулся с тяжелыми временами, и инвестиционная компания, владевшая комплексом, выставила его на продажу. Так элитные квартиры сбавляли в цене, переходя по нисходящей от менеджеров и банкиров к рабочим и обслужи-

вающему персоналу. Мальчик не знал об этом ровным счетом ничего. Он просто видел четыре мрачных здания, окруженных высокой каменной стеной, увенчанной толстыми витками колючей проволоки. Деревянные сторожевые вышки с брезентовыми тентами высились на всех четырех углах.

Пока лошадь со своими седоками продолжала путь по дороге на север, на южной вышке поднялся зеленый сигнальный флаг. Мальчик видел, как большие деревянные ворота, окованные металлическими пластинами, начинают открываться внутрь. Стоило лошади проскочить между створками, люди, столпившиеся по обе стороны от ворот, тут же принялись запирать свою обитель. В придачу, они подперли вход двумя тяжелыми деревянными брусками, уложенными на закрепленные в стене скобы. Увлечшегося наблюдением за незнакомцами мальчика приподняли и посадили с лошади на землю; один из обитателей этой крепости поспешил к хриплому всаднику, чтобы помочь ему с пассажиром. Сам же всадник с длинной седой бородой, поддерживал мальчика руками в кожаных перчатках, так, словно тот был мешком с мусором. Так же бесцеремонно этот человек держал себя со своим спасенным пассажиром, когда они зашли в жилой комплекс и спустились по лестнице. Открылась дверь, и мальчика буквально втокнули внутрь находящегося за ней помещения. Через секунду дверь закрылась, и мальчик услышал, как ключ поворачивается в замке.

Не понадобилось много времени, чтобы понять: теперь он узник.

Пол устилал белый, усеянный трещинами и царапинами линолеум. Стены, выкрашенные в желтовато-серый цвет, также покрывали царапины. Мальчик сел на пол, продолжая изучать окружающую обстановку. Его внимание привлекли отметины, напоминающие следы от когтей. Были здесь и пулевые отверстия... Входную дверь дополнительно защищали листы металла, как и главные ворота. Окно было перекрыто стальной пластиной и, в придачу, колючей проволокой. Незащищенной оставалась лишь небольшая квадратная форточка, через которую в помещение проникал скудный дневной свет. Мебель отсутствовала. Светильники тоже; впрочем, без электричества от них все равно не было бы толку. С потолка свисали голые провода, являющие собой печальное напоминание о безвозвратно ушедших временах. От внимательного взгляда молодого узника не укрылись и странные пятна на полу, сильно напоминавшие следы крови...

— Ну, хорошо, — произнес мальчик, просто чтобы снова услышать свой голос.

Это было больше, чем просто слова. *Ну, хорошо*. Если уж ему удалось выбраться с той парковки, на которой воскресали монстры, созданные технологией Горгонов, стало быть, ему удастся пережить

что угодно. Он понимал, что его инстинкт самосохранения необычайно силен, хотя он почти ничего не знал о том, кто он и откуда. Так что... все было не так уж плохо. По крайней мере, теперь он находился среди людей. Может, они собирались бросить его в котел, сварить и съесть, но... Ладно, возможно, судьба мальчика могла сложиться не так уж хорошо, но пока он старался об этом не думать. Он все-таки среди людей, верно? Так что все хорошо — хотя бы в данную конкретную минуту. Здесь, в своей небольшой темнице, он чувствовал себя в безопасности, и ему больше не нужно было бежать. Он слишком устал и страдал от боли, так что его радовала возможность просто посидеть спокойно и подождать, что будет дальше.

Долго ждать не пришлось. Через несколько минут мальчик услышал, как ключ снова поворачивается в замке. Сердце забилось чаще. Он напрягся, вскочил с пола и метнулся к дальней стене, прижавшись к ней с такой силой, словно хотел слиться со стеной воедино. Дверь отворилась, и в тускло освещенную комнату вошли трое.

Один из вошедших держал черную кожаную медицинскую сумку и зажженную масляную лампу, свет которой сразу же направил на узника. Двое других были вооружены автоматами и взяли мальчика под прицел.

Дверь закрылась за незнакомцами.

— Встань, — приказал один из вооруженных мужчин. — Сними одежду.

— Что? — в недоумении переспросил мальчик.

— Поднимайся! — повторилась грубая команда. — И снимай одежду.

Мальчик поднялся на ноги. Теперь он узнал говорившего с ним человека: именно он помог ему взобраться на лошадь. Мужчине было около сорока. Среднего роста, но в его манере держаться ощущалась сила, обманчиво скрытая за поджарым телосложением. Черты его лица с настороженными темно-кариими глазами казались жесткими и суровыми, нос напоминал клюв хищной птицы. При взгляде на это лицо невольно казалось, что улыбка ему не знакома. Вполне возможно, что столь непривычная работа мышц могла заставить треснуть это каменное лицо. На всаднике были выцветшие джинсы, коричневые рабочие сапоги, серая рубашка с закатанными рукавами и грязная темно-синяя бейсболка. В его бороде серебрилась седина. Вокруг левого плеча обвивался ремень кобуры, в которой, на боку, хранилось оружие. Левое запястье украшали наручные часы с разбитым стеклом.

— Ну же, сынок, — приветливо проговорил человек с медицинской сумкой. Он был старше — вероятно, около шестидесяти с лишним от роду. Волосы полностью поседел. Мужчина был гладко выбрит и

одет более аккуратно, чем другие: в синюю рубашку и выцветшие штаны цвета хаки. Создавалось впечатление, что он еще сохранил волю к жизни и готов держаться за все, что у него осталось. Его лицо, наверное, когда-то выглядело дружелюбным и открытым, но теперь оно стало напряженным и сосредоточенным. Мальчик заметил на ремне доктора кобуру, и наручные часы на запястье, в довольно сносном и рабочем состоянии.

— Вы меня убьете? — спросил мальчик, обращаясь к старику.

— Только если придется, — ответил за него мужчина с суровым лицом и в потертых джинсах. — Снимай одежду. Сейчас же.

Третий человек, с желтоватой кожей, худой и чернобородый, стоял у двери, заняв удобную позицию для стрельбы. Что ж, ничего не оставалось, как повиноваться. Мальчик начал снимать одежду — очень медленно, потому что его кости болели. Он чувствовал себя таким уставшим, что мог бы проспать сотню лет. Избавившись от одежды, он швырнул ее на пол и замер неподвижно, пока трое мужчин осматривали его в свете масляной лампы.

— Откуда у тебя все эти ушибы? — спросил врач тихим и спокойным голосом.

Мальчик не сразу понял, о чем его спрашивают. Он опустил взгляд на свое тело. Его грудь покрывал огромный уродливый черный кровоподтек от плеча до плеча. Темные синяки усеивали также оба его бока, живот и бедра. У него не было воспоминаний о том, как он получил эти травмы, но теперь он ясно понимал, почему ему было так больно и почему его мучил кровавый кашель — его кто-то избил, притом, очень сильно.

— Повернись, пожалуйста, — попросил доктор. — Дай-ка мне посмотреть твою спину.

Мальчик повернулся. Чернобородый мужчина, стоящий у двери, тихо хмыкнул, а человек с вечно угрюмым лицом заговорил с третьим едва слышным шепотом.

— Повторяю вопрос, — сказал доктор. — Откуда у тебя все эти ушибы?

— Я не знаю, — неуверенно пролепетал мальчик, снова поворачиваясь к ним лицом.

— У тебя похожие синяки на груди и спине. Тот, что на спине тянется вдоль позвоночника, и все травмы выглядят очень... сурово. Ты, похоже, пережил нечто страшное. Не просто кубарем с лестницы свалился или упал по дороге, я имею в виду. Я говорю о... насильственной жестокости, — он сделал шаг вперед, посветив мальчику масляной лампой прямо в глаза.

— Осторожно, док! — предупредил человек с угрюмым лицом. Его «Узи» замер на уровне груди мальчика, и было ясно, что в случае чего рука у него не дрогнет.

— Ты кашлял кровью?

— Да, сэр.

— Неудивительно. Удивительно, скорее, то, что твои легкие не лопнули, и ты все еще можешь дышать. А со слухом проблем нет?

— У меня немного звенело в ушах. Но все уже прошло.

— Хм. Интересно. Я думаю, ты прошел через... ну... я пока точно не могу сказать, через что именно, — морщинистое лицо доктора прорезала неуверенная улыбка.

— Могу я снова надеть свою одежду?

— Пока нет. Разведи руки в стороны, ладно?

Мальчик повиновался.

Доктор отдал свой медицинский саквояж человеку с угрюмым лицом и вновь приблизился к мальчику. Он осветил лампой все его тело, похоже, ища что-то особенное. Он нахмурился, вновь осматривая огромный черный кровоподтек на груди своего юного пациента.

— Можешь опустить руки, — сказал он.

Затем доктор потянулся к саквояжу и извлек оттуда шприц для подкожных инъекций, который явно собирался применить по назначению. — Левую руку, пожалуйста.

Мальчик занервничал.

— Что это?

— Я введу тебе солевой раствор.

— Зачем?

— Мы хотим кое-что проверить и убедиться, — объяснил доктор, внимательно глядя на пациента. — Действительно ли ты человек, или нет. Солевой раствор вызывает определенные реакции в инопланетной крови. Он ее нагревает. Затем происходят... разные вещи. Левую руку, пожалуйста.

— Я человек, — сказал мальчик.

— Делай, что тебе говорят, — грубо рявкнул угрюмый мужчина. — Мы не собираемся стрелять в тебя без причины.

— Хорошо, — мальчик с трудом натянул на лицо улыбку и вытянул вперед левую руку. — Давайте.

Игла проникла в вену, поршень шприца выдавил его содержимое. Доктор отошел назад. Оба охранника напряглись и крепче перехватили оружие. Доктор принялся отсчитывать время по своим наручным часам. Примерно через минуту он обернулся и вздохнул с явным облегчением:

— Дейв, — обратился он к угрюмому человеку. — Я думаю, он чист.

— Уверен?

Доктор всмотрелся в лицо мальчика. Его глаза были голубыми, вокруг них собирались мелкие морщинки, но взгляд оставался очень ясным.

— Я не вижу никаких узелков. Ни аномалий, ни наростов. Никакой реакции на физраствор. Давайте послушаем его сердце и проверим кровяное давление, — доктор извлек из своего саквояжа стетоскоп, проверил пульс мальчика. Затем использовал манжету для измерения кровяного давления. — Все в пределах нормы. Особенно, учитывая обстоятельства.

— А как насчет синяков?

— Да, — кивнул доктор. — Насчет синяков, — похоже, ему нечего было ответить, он просто давал понять, что помнит о них. — Синюк, как тебя зовут?

Мальчик колебался. Его мучила усталость и боль, и он все еще ощущал вкус крови во рту. Имя? Он не знал, что ответить. А мужчины ждали. Он решил, что лучше сказать им хоть что-то, поэтому вспомнил имя, которое недавно видел написанным.

— Итан Гейнс.

— Правда? — Дейв склонил голову набок. — Забавно. Один из наших наблюдателей заметил тебя на парковке в бинокль. Это была парковка средней школы имени Итана Гейнса. Понимаешь, к чему я клоню? Так как тебя на самом деле зовут, а?

Мальчик пожал плечами.

— Я думаю, — мягко проговорил доктор. — что он не знает своего имени. Он перенес сильное потрясение. Похоже, он оказался недалеко от взрыва или чего-то подобного. Возможно, его накрыло ударной волной. Где твои родители?

— Не знаю, — мальчик нахмурился. — Я как будто просто проснулся. Внезапно. На бегу. Это все, что я помню. Я догадываюсь, что я в Колорадо... в Форт-Коллинзе, верно? Но все остальное... — он моргнул и оглядел свою маленькую тюрьму. — Что это за место? Что вы имели в виду насчет того, что... инопланетная кровь нагревается?

— Об этом потом, — сказал Дейв. — Сейчас вопросы здесь задаем мы. Например, откуда ты взялся?

Терпение мальчика лопнуло после вопроса Дейва. Ему было все равно, что человек держал его под прицелом «Узи». Мальчик сделал уверенный шаг вперед, и стволы угрожающе поднялись, однако он с вызовом выпятил подбородок, а в его голубых глазах загорелась злость.

— Я уже сказал. Я не помню, кто я или откуда. Все, что я помню, это как мне пришлось бежать от них. Они сражались прямо у меня над головой. Они были повсюду, — ему пришлось сделать паузу,

чтобы набрать воздуха в свои многострадальные легкие. — Я понятия не имею, кто вы такие. Очень рад, что вы вытащили меня оттуда, но мне совсем не нравится, когда мне угрожают оружием. Все одно — вы или Сайферы, — он позволил этим словам повисеть в воздухе несколько секунд, а затем добавил, — сэр.

Оружие опустили. Дейв бросил быстрый взгляд на доктора, который отошел в сторону с легкой, но довольной улыбкой.

— Что ж, хорошо — подытожил доктор. — Итан, ты можешь одеться. Насчет того, кто мы такие: я Джон Дуглас. Был хирургом-педиатром... в прошлой жизни. Теперь я по большей части подаватель аспирина. Это Дейв МакКейн, — он указал на мужчину с угрюмым лицом. — И Роджер Пэлл.

— Рад знакомству, — сказал Итан, обращаясь сразу ко всем трем. Он начал одеваться: грязные белые носки, белье, выглядевшее хуже некуда, заляпанные грязью джинсы, темно-красная рубашка с оторванным рукавом и перепачканные кроссовки «Пума». Он подумал, что стоило бы проверить карманы джинсов — вдруг содержимое даст хоть намек на его прошлое. Однако беглый осмотр ничего не дал.

— Я не помню даже эту одежду, — сказал мальчик собравшимся. Вдруг он ощутил, как что-то внутри него надломилось. Это произошло быстро и тихо, и тут же превратилось в неконтролируемый внутренний вопль. Он собирался сказать, что не помнит, кто дал ему эту одежду, но слова покинули его и улетели прочь. Итан потянулся рукой ко лбу, и рука его дрожала крупной дрожью. Он словно пытался нащупать воспоминания там, где их не было. Глаза его обожгло подступающими слезами, а горло перехватило, словно там возвели стену.

— Черт, — хмыкнул Дейв МакКейн. — Иногда и я забываю свое имя, — его голос теперь звучал тише и казался далеко не таким резким, как несколько минут назад. Он, похоже, тоже ощутил легкий приступ паники, который постарался скрыть, откашлявшись. — Просто времена сейчас такие. Верно, док?

— Верно, — согласился Джон Дуглас. Он прикоснулся к руке Итана, осторожно, чтобы не причинить ему боль. Как врач, он не забывал о пациенте. — Времена сейчас такие, — печально проговорил он, и Итан сморгнул свои слезы и кивнул. Слезы не выигрывают войн и не могут ничего исправить.

— Она захочет его увидеть, — сказал Дейв, обращаясь преимущественно к доку. — Если ты уверен.

— Я уверен. Итан, ты можешь называть меня Джей Ди. Хорошо?

— Да, сэр.

— Ну, ладно. Тогда давайте выберемся из этой дыры.

Они вывели его через укрепленную металлическими пластинами дверь на туманно-желтый свет. Полдюжины людей — худые, в поношенной и неоднократно стиранной одежде — столпились снаружи, дожидаясь исхода этой маленькой драмы. При появлении Итана они отступили от лестницы.

— Сюда, — Джей Ди указал Итану налево.

Похоже, они находились на самом нижнем уровне подземной парковки этого здания. Дождь перестал, но тепло солнечного света не могло прорваться сюда сквозь густые желтые облака. В воздухе пахло электричеством, как перед грозой, а сам воздух был тяжелым, влажным и безветренным. Пока Итан следовал за тремя мужчинами через парковку, мимо заброшенного теннисного корта и бассейна с лужей дождевой воды внутри, вокруг собирались люди. Все они были разными, но их объединила эта импровизированная крепость, ставшая их пристанищем. Здесь были женщины различного возраста: некоторые держали младенцев на руках, другие придерживали детей-подростков, были здесь и пожилые люди, переступившие порог седьмого десятка. Некоторые из местных поселенцев трудились: рубили дрова, укрепляли внешние стены. Другие патрулировали, высматривая повреждения и наблюдая за окрестностями. По-видимому, в этой крепости каждому была отведена своя роль.

Большинство жителей прервало свою работу, чтобы взглянуть на Итана, проходящего мимо них в сопровождении трех мужчин. Почти все местные поселенцы были худощавыми и двигались медленно, словно в полусне. Выражение их покрасневших пустых глаз было отсутствующим. Однако, эти люди тоже умели выживать и делали для этого все, что должно.

Итан насчитал восемь лошадей, пасущихся в загоне на каменистом холме, самая вершина которого поросла травой и была украшена несколькими каштанами. Рядом стоял небольшой деревянный амбар. Разумеется, его возвели недавно; в прежнем жилом комплексе Пантер-Ридж ничего подобного не предусматривалось. Что ж, без бензина неплохим средством передвижения могла стать и настоящая лошадиная сила.

— Нам туда, — сказал Джей Ди, кивнув Итану на новый лестничный пролет центрального здания. Стены здесь были покрыты разноцветными надписями-граффити, чьими-то немymi криками:

МЫ НЕ УМРЕМ

ЭТО НАША ЗЕМЛЯ

ЗАВТРА БУДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ

Итан невольно задумался, живы ли еще те люди, что писали эти надписи?

Он следовал за Джей Ди в компании Дейва МакКейна и Роджера Пэлла. На следующем этаже доктор остановился напротив двери с номером 227 и постучал. Перед тем, как дверь открылась, до них донесся резкий звук: очень короткий, но громкий. Все, кроме Итана вздрогнули, понимая, что в небе пронесся треугольный летающий корабль Горгонов. Мальчик же не обратил на это внимания; он слишком устал бегать. Если ему все же суждено умереть сегодня, рассудил Итан, стало быть, от судьбы не ускользнуть.

Из-за двери показался худощавый бледный человек с копной курчавых рыжеватых волос и рыжей бородой. Он носил очки, перемотанные изолентой, и от линз его серые глаза казались очень большими. На нем был грязный комбинезон и коричневая клетчатая рубашка. В руке, что замерла у правого бока, был зажат желтоватый клочок бумаги, на котором Итан заметил ряд цифр. В левом уголке рта незнакомец держал короткий огрызок карандаша.

— Добрый день, Гэри, — поздоровался Джей Ди. Он жестом указал на Итана. — У нас новый поселенец.

Взгляд мужчины изучил мальчика. Его рыжие брови приподнялись.

— Упал в грязь? — спросил он. Итан кивнул.

— Кто-то новый? — раздался женский голос из-за спины Гэри, который тоже носил пистолет в кобуре на поясе, как и Джон Дуглас. — Давайте-ка посмотрим.

Гэри отступил в сторону. Джей Ди позволил Итану войти в квартиру первым. Внутри, сидя за письменным столом, ждала женщина. Позади нее стену закрывала огромная картина с изображением диких лошадей, скачущих через поле. Стеклопанельная раздвижная дверь, ведущая на балкон, была по периметру обклеена изолентой. Через нее виднелись далекие горы, недавно взорвавшиеся на глазах у Итана. На полу лежал малиновый коврик; помимо письменного стола в комнате стояли два стула, журнальный столик и коричневый диван. Вся мебель выглядела, как хлам, подобранный со свалки, но ему удивительным образом удавалось придать квартире подобие уюта. Хотя, как посмотреть. У другой стены находилась стойка с тремя винтовками, одна из которых была снабжена оптическим прицелом. Комнату освещали несколько масляных ламп.

Еще одна женщина сидела на стуле напротив стола, перед ней лежал планшет с желтыми листами бумаги, на которых Итан также заметил числа. Похоже, в самом разгаре некий подсчет, и Итану показалось, что числа на бумаге совсем не радуют собравшихся.

Обе женщины встали, словно проявляя уважение к новому гостю. Может, подумал Итан, это и так, раз он сумел добраться сюда живым, ускользнув и от солдат Сайферов, и от монстров Горгонов. Старшая

из двух женщин была одета в бледно-голубую блузу и серые штаны, а на шее у нее красовалось ожерелье из бирюзовых камней с серебряным распятием посередине.

— Что у нас тут? — ее темные карие глаза сузились и обратились к Джей Ди.

— Он человек, — тут же сказал доктор, отвечая на ее невысказанный вопрос. Но голос его звучал неуверенно. Итану показалось, что док проглотил окончание фразы: «насколько я могу судить». — Но есть одна проблема. Он не знает...

— Меня зовут Итан Гейнс, — заявил мальчик до того, как Джей Ди закончил предложение.

— ... своей истории, — договорил доктор.

Гэри запер дверь квартиры после того, как вошли Дейв и Роджер. Шум работ снаружи чуть поутих.

— Итан не помнит, откуда он и где его родители. Он... скажем так... загадка.

— Ханна заметила его в бинокль, — добавил Дейв. Голос его уже не был таким суровым, как в тюрьме, но все же до сих пор казался настороженным. Он снял бейсболку, показав свои темные волосы, в которых запуталось несколько коллочек. На висках белели полосы седины. — Я решил подобрать его. Не было времени докладывать вам или еще кому-то.

— Храбрец или безумец — какой вариант вернее? — немного раздраженно произнесла женщина за столом, обращаясь к Дейву. Словно она слишком высоко ценила его жизнь, чтобы позволить ему погибнуть во время верховой вылазки. Затем, ее взгляд обратился к мальчику. — Итан, — сказала она. — Я Оливия Куинтеро. Можно сказать, что я здесь главная. По крайней мере, остальные так считают. Думаю, мне следует сказать тебе... добро пожаловать в Пантер-Ридж.

Итан кивнул. Он полагал, что на земле есть множество мест куда хуже этого. Например, все пространство по ту сторону стен. Он внимательно посмотрел на Оливию Куинтеро, отметив излучаемое ей успокаивающее доверие, силу воли и целеустремленность. Итан решил, что именно поэтому женщина стала местным лидером. Оливия была высокой и стройной... даже слишком стройной, возможно, из-за недоедания. При этом женщина сохраняла неплохую форму. Она буквально светилась уверенностью, твердостью духа и спокойствием, под венчающей ее голову короной коротких седых волос.

Итан прикинул, что ей около пятидесяти. Тон кожи говорил о примеси латиноамериканской крови. Кожа лба была гладкой, однако в уголках ее глаз сосредоточились довольно глубокие морщинки, выдающие возраст. В остальном Оливия Куинтеро выглядела очень хорошо. Видимо, она была такой еще до того, как все началось, подумал

Итан. Она выглядела, как человек с богатым жизненным опытом, прекрасно понимающий, что хорошо, а что плохо. Может, она даже была директором школы Итана Гейнса, кто знает? Или, к примеру, она могла быть бизнес-леди, родившейся в бедной семье, но поймавшей удачу за хвост и сумевшей хорошо заработать на торговле недвижимостью? Возможно, она понимала, что такое надежный дом, еще до того, как поселилась в этой крепости. Откуда родились эти мысли, Итан сказать не мог, но чувствовал, что это правда. Отрывочные сведения прорывались, как лучи света сквозь непроглядную тьму, но никаких ответов на волнующие его вопросы он не находил.

Мальчик ощущал, что Оливия Куинтеро тоже изучает его. Ей он виделся просто измученным подростком лет четырнадцати или пятнадцати с мокрыми непослушными каштановыми волосами, свисающими на лоб и лезущими в глаза. Голубые глаза, цвета неба над ранчо в двадцати милях к востоку отсюда, которым она владела на пару со своим ныне покойным мужем Винсентом... там, в прошлой жизни, когда небо было голубым, а в мире еще оставалось место здравомыслию. Она отметила резкую форму носа и подбородка Итана, а еще обратила особое внимание на дерзкое пронзительное выражение его глаз. Это очень умный мальчик, решила она, который родился под счастливой звездой, раз пережил то, с чем он повстречался снаружи. Или... *tal vez no tan afortunado*,¹ потому что, учитывая происходящее, все счастливики уже умерли и воссоединились со своими близкими на небесах, и их не заботит, что творится на Земле.

Остальным же придется добираться в ад длинной окольной дорогой, и одному Богу известно, сколько еще страданий выпадет на долю горстки выживших, а ведь они и так страдали немало. Количество самоубийств все возрастало. Невозможно было остановить кого-то, кто хотел покончить с собой — при таком-то количестве оружия.

Худшей из кар была потеря надежды, Оливия знала это. Поэтому она не позволяла кому-либо увидеть, как она сама близка к тому, чтобы посреди ночи приставить пистолет к голове и присоединиться к мужу. Как ей хотелось оказаться в лучшем месте, чем это!

Но Пангер-Ридж нуждался в лидере. В ком-то, кто следил бы за порядком, был хорошим организатором и не уставал повторять, что завтра наступит новый день и ничто в мире не сможет лишить надежды. Она была именно таким лидером, пусть в глубине души часто задумывалась, как надолго ее хватит, и есть ли во всем этом смысл?

— Вам приходилось убивать кого-нибудь? — вдруг спросил ее Итан.

— Что? — переспросила она, удивленная этим вопросом.

---

¹ «Не такой уж счастливой» (исп.)

— Убивали кого-нибудь в той комнате, куда меня привели в начале? — уточнил Итан. — Я видел на стенах отметины от когтей и следы от пуль. И что-то похожее на пятна крови тоже. Я думаю, что людей приводили туда и убивали.

Дейв подошел ближе, став между Итаном и Оливией.

— Да, мы убивали там... нечто. Может, когда-то они были людьми, но теперь... ничего человеческого, кроме внешнего облика, в них не осталось. Поэтому мы убивали их. Это необходимо было сделать. А потом мы пытались отмыть кровь, насколько это возможно. А ты разве не знаешь, о чем я говорю?

— Я знаю о Горгонах и Сайферах. Знаю, что они сражаются между собой. Их война разрывает мир на части. Это все, что я могу вспомнить.

— И ты не помнишь, откуда тебе это известно? — спросила Оливия. — Совсем ничего?

— Ничего.

Оливия посмотрела на Джона Дугласа. Тот приподнял седые брови и пожал плечами, показывая, что ничего не может ей подсказать. Женщина вновь посмотрела на юного гостя.

— Не знаю, где ты побывал и как выжил, но, думаю, тебе есть, что рассказать. Особенно о Горгонах и Сайферах. Ты голоден? Я надеюсь, ты ничего не имеешь против конины?

— Я не против.

— Мы здесь делаем все, что можем. Либо создаем, либо обходимся имеющимся. Чаще всего обходимся. Но мы держимся.

Почему? спросила она сама себя, как только произнесла эту фразу. Неужели мы верим, что в наших силах повлиять на ход вещей? Она быстро отринула эти вопросы. Оливия пока не видела смысла рассказывать мальчику о том, что в некоторые ночи на последний оплот земной цивилизации обрушивался истинный ад.

— Дейв, отведи его в столовую. Пусть его накормят. А потом найди ему место для отдыха.

— Конечно, — отозвался Дейв с каменным лицом. — Еще одно счастливое дополнение к нашей маленькой семье.

— Сколько здесь поселенцев? — спросил Итан Оливию.

— Сто двенадцать, если верить последним подсчетам. А эта цифра меняется день ото дня.

Итан пристально посмотрел на лист желтой бумаги на столе. Некоторые строки в списке были вычеркнуты.

— Дело не в людях, — покачала головой Оливия, заметив, куда смотрит Итан. — Дело в условиях. Мы здесь уже почти два года. У нас кончаются запасы.

— Еда и вода? — спросил мальчик.

— Консервы и вода в бутылках, и то и другое уже подходит к концу. Вот, почему нам приходится есть лошадей, и мы опасаемся пить дождевую воду. Вот... примерно так тут обстоят дела, — закончила она.

Плохо, подумал Итан. Он видел отчаяние глубоко в ее глазах. Она, казалось, ощутила это, и снова обратилась к Дейву.

— Иди и накорми его. Итан, увидимся позже, хорошо?

Он кивнул, затем Дейв и Роджер вывели его из комнаты и закрыли дверь.

Джон Дуглас остался. Кэти Мэттсон снова заняла свой стул, а Гэри Руза вернулся к своему списку потерь. Оливия села. Она понимала, что доктор задержался не просто так, поэтому спросила:

— Что-нибудь еще?

— Интересный молодой человек, не находишь? — спросил он.

— Тяжело даже подумать о том, что ему пришлось пережить в столь юном возрасте. Но он не один такой, другие тоже через это проходили. Мы ведь нашли несколько выживших пару дней назад, помнишь?

— Верно. Выжить снаружи сложно, но не невозможно, — доктор нахмурился. — Просто... мне жаль, что у меня нет приличной лаборатории. Хотелось бы как следует обследовать Итана.

— Зачем? — страх заставил ее губы сжаться в тонкую линию. — Ты думаешь, что он все-таки может быть...?

— Я думаю, — перебил Джей Ди. — что он настоящий человек. Но также я думаю — и это не должно выйти за пределы этих стен — что у него *слишком* серьезные травмы. Если говорить начистоту, я просто не понимаю, как он вообще двигается с такими-то ушибами. Похоже, у него несколько тяжелых внутренних повреждений. Он мог пострадать от ударной волны. Странно, что он такой... такой...

— Живой? — подсказала Оливия.

— Может, и так, — признался Джей Ди. — На первый взгляд, кажется, что у него обширная травма грудной клетки. Одного этого достаточно, чтобы... — он пожал плечами. — Впрочем, пока рано делать выводы. И я в любом случае не могу произвести нормальное обследование.

— Проведи такое, какое сможешь, — ответила Оливия. Взгляд ее был спокойным. — Наблюдай за ним. Если выяснится, что он — другая форма жизни... достаточно выносливая, чтобы пройти испытание физраствором, то нам лучше узнать об этом как можно скорее. Так что внимательно наблюдай за ним, ты меня слышишь?

— Слышу, — Джей Ди направился к двери.

— И держи оружие наготове, — напомнила Оливия, возвращаясь к подсчету истощающихся запасов. Идея учета и распределения ре-

сурсов под руководством бывших бухгалтеров — Кэти и Гэри — была на данный момент актуальнее некуда.

— Да, — с тяжелым сердцем ответил Джей Ди, и вышел из комнаты на болезненно-желтый дневной свет.

Глава третья

Дейв и Джей Ди наблюдали, как мальчик ест тушеную конину из небольшой миски, сидя за столом в помещении, что играло тут роль столовой. Обычно, время принятия пищи было строго определено, ради облегчения работы трем поварам, что трудились в поте лица, стараясь прокормить местных жителей. Еду готовили на улице, на кострах, и только потом приносили в столовую. За укрепленными дверями складских помещений продолжали стремительно таять запасы консервов и воды. Можно сказать, они уже почти закончились.

Дневной свет просачивался в помещение через мутную пленку, заклеивающую оба окна. На некоторых столиках стояли лампы и свечи, однако их скудный свет вряд ли мог сделать столовую менее мрачной. На дальней стене виднелась надпись: «МЫ ВЫЖИВЕМ!», нанесенная с яростной и безумной решимостью — потеки красной краски тянулись от агрессивно намалеванных букв к самому полу, покрытому линолеумом.

Мальчик так накинудся на еду, будто не верил в начертанные на стене слова — могло показаться, что, по его мнению, завтра никогда не наступит. Ему дали бумажный стаканчик с водой, объяснив, что это дневная норма, поэтому Итан не спешил выпивать сразу всю порцию. А вот история его знакомства с тушеной кониной была довольно короткой.

— Сделай глубокий вдох, — попросил Джон Дуглас.

Итан отвлекся от старательного вылизывания пустой миски и выполнил просьбу доктора.

— Боли в легких нет?

— Немного давит. Больно вот здесь, — ответил Итан, коснувшись центра груди. Затем продолжил собирать языком и пальцами последние крохи мяса, прилипшие ко дну миски.

— Наверное, шея тоже болит?

— Немного больно.

— Это и удивляет — что только *немного* больно, — доктор потер подбородок. В отличие от большинства других мужчин в лагере, он старался бриться как можно чаще и пользовался дезодорантом. С возрастом он остался все так же придирчив к своему внешнему виду и столь же трепетно относился к своим привычкам, сколь и в юности,

несмотря на то, как изменился мир. Сейчас следовать старым правилам было много труднее, однако именно поэтому он так рьяно старался. В этом поселении Джей Ди был олицетворением порядка и опрятности, и это помогало ему держать связь с тем человеком, которым он когда-то был. Вероятно, это одна из тех вещей, что не позволяет сойти с ума, не дает потерять волю к жизни.

— Вообще-то, — продолжил он. — после таких травм ты едва мог бы ходить, не говоря уж о беге. Впрочем, ты еще молодой. Лет пятнадцать, если навскидку. Но даже с учетом возраста... — он сделал паузу, не находя слов, способных описать состояние здоровья пациента. От осознания собственного неведения ему стало очень неудобно. По крайней мере, он был уверен, что этот мальчик — человек. Ну... почти уверен. Физраствор не заставил его кровь закипеть, а тело переродиться в утыканного шипами паукообразного монстра или еще какое-нибудь чудовище, что иногда случалось во время проверки других «людей», приходящих в этот лагерь.

— Даже с учетом всего, — проворчал Дейв резче, чем хотел, — твоя история... как бы повежливее сказать... хрень собачья!

В прошлой жизни Дейв МакКейн сперва работал каменщиком, а после — вышибалой в кантри-клубе в Форт-Коллинзе. Поэтому, когда дело доходило до обмена крепкими словцами, его не нужно было долго тянуть за язык. В решительности он также не испытывал недостатка, ища приключений на свою задницу в любой передрыгге, что в местных кругах считалось дурной привычкой. Грязь плотно укоренилась под его ногтями, в волосах и даже в порах кожи на лице. МакКейн гораздо серьезней относился и больше внимания уделял своей должности в крепости и связанной с ней ответственности, чем внешнему виду.

— Если ты потерял память, откуда ты знаешь о Горгонах и Сайферах? Почему, черт возьми, это не стерлось из твоей башки?

Итан сделал глоток воды, спокойно встретившись со взглядом Дейва.

— Похоже, что у меня вообще никаких воспоминаний не сохранилось, кроме этих... Я просто знаю, что между ними идет война.

— Тогда ты знаешь и как это началось? Ты помнишь? Помнишь тот день?

Итан сосредоточился на вопросе. Ничего, никакого отклика в памяти. Он сделал глоток воды и, пройдясь языком по зубам, обнаружил еще один застрявший между ними кусочек конины.

— Нет. Этого я не помню.

— Третье апреля, два года назад? — подсказал Дейв. Он сложил руки на столе и вспомнил, что когда-то молился перед едой, сидя с женой и двумя сыновьями на кухне за таким же столом, в маленьком

домике, расположенном в нескольких милях отсюда... Хотя, теперь можно сказать, что от прежнего жилища его отделяли не мили, а миры. Однажды утром, через пару месяцев после того, как приехал сюда, Дейв выехал верхом на сером коне Пилигриме на разведку, с желанием либо испытать судьбу, либо попросту совершить самоубийство руками инопланетян. Обычно их схватки не длились долго в одном и том же месте, однако никто не мог с точностью предсказать, когда они вернутся. Поле битвы менялось, но война продолжалась. Насколько было известно Дейву, так обстояли дела во всем мире.

Дейв направил Пилигрима к тому участку земли, что когда-то принадлежал им с Шерил, спешился и остановился у кратера, вокруг которого были разбросаны обгоревшие останки дома. Он некоторое время разглядывал эти обломки, заметил куски того самого стола... Затем вернулся назад к коню и ускакал прочь. Потому что теперь его домом стал Пантер-Ридж, а Шерил и мальчики были мертвы. А еще потому, что приближался корабль Горгонов, проскальзывая через желтый воздух, что означало лишь одно: Сайферы тоже не заставят себя долго ждать.

— Третье апреля, — пробормотал Джей Ди, поднимая со дна своей памяти чувства и воспоминания. Он словно ощутил удар молотом по сердцу. Раньше ему казалось, что эту боль удалось оставить позади, и он научился жить дальше, однако это было не так. Нет, боли было слишком много. Для всех. Его жена погибла именно тогда, в апреле, не дожив до тридцати трех лет. Он наблюдал за тем, как она медленно лишалась рассудка, звала маму и папу, как маленький ребенок, и дрожала от страха, когда пришельцы вели свои сражения в их районе, и взрывы сотрясали землю. Дебора перестала есть и разговаривать, как и многие жертвы потерянной надежды. Джон пытался накормить ее... он старался изо всех сил, но она лишь лежала в постели и пустым взглядом смотрела на запятнанный потолок, и та часть ее личности, что когда-то знала радость и свободу, похоже, была мертва. Когда он в сгущающихся сумерках садился у кровати и держал ее за руку, она иногда переводила на него взгляд своих водянистых глаз и задавала один-единственный вопрос пугающе детским голосом, как дочь могла спрашивать отца: «Мы в безопасности?»

Он не знал, что ответить, хотел сказать хоть что-нибудь. Но прежде, чем он успел подобрать нужные слова, вдалеке послышался шум их приближения — грохот стремительного налета на Пантер-Ридж — и Джон услышал треск первых выстрелов. А когда он посмотрел на Дебору, взгляд ее снова остекленел, и она покинула эту землю, потому что больше не могла выносить того, во что превратилась ее мир.

В тот момент Джон Дуглас столкнулся с тяжелым выбором. Выбор между винтовкой или пистолетом, находившимися в его распоряжении. Он несколько минут смотрел на мертвую женщину, бывшую когда-то любовью всей его жизни, родившую и вырастившую ему двух дочерей и сына. Ему пришлось выбирать между тем, чтобы продолжать бороться за жизнь, и тем, чтобы позволить своей душе и сердцу разбиться вдребезги, после чего он мог последовать за Деборой в любую Землю Обетованную, находящуюся за гранью жизни, потому что *эта* жизнь превратилась в сплошной безумный кошмар.

Минуты ползли медленно, как и секунды. В итоге он оставил Дебору, и вооружился винтовкой и пистолетом, чтобы защищать свою крепость.

— В тот день, — тихо сказал Джей Ди, — третьего апреля... было около десяти утра. О, я помню точное время. Восемнадцать минут одиннадцатого. Я был у себя в кабинете, занимался обычной бумажной работой. Одна из медсестер вбежала и сказала, что мне стоит посмотреть телевизор в приемной. «Си-Эн-Эн», «Фокс», «Эм-Эс-Эн-Би-Си» — все известные каналы вели прямые репортажи. Огромные взрывы в небе по всему миру, похожие на сгорающие в атмосфере болиды. А потом появились... корабли Горгонов. Тогда, конечно, никто не называл их Горгонами, это название появилось позже. Как бы то ни было, они появлялись из тех взрывов. Просто выскальзывали, истребляли все на своем пути и ускользали снова, и этому не было конца. Не знаю, сколько это длилось...

— Два дня, — подсказал Дейв. Он щелкнул своей зажигалкой и закурил, не спросив разрешения, потому что всем давно было наплевать на вред курения. — Все закончилось через два дня. Уверен, ты не помнишь одиннадцатое сентября,² — сказал он, обращаясь к Итану. — Но это было... как тысячи одиннадцатых сентября, следующих друг за другом. Горгоны разделались с нашими ВВС, потом с армией и флотом, — он выдул струйки дыма через нос, как разъяренный дракон, однако глаза его при этом оставались тусклыми и пустыми. — И так было по всему миру. Ничто не могло нанести вред этим тварям. По крайней мере, ничто из того оружия, которым мы обладали. Ничто на Земле. Горгоны разнесли некоторые города, но не все. Нью-Йорк был взорван, как и Атланта, и Даллас, и Лос-Анжелес... Москва... Токио... Берлин... Пекин. Демонстрация силы, вот, что сказали большие шишки из Пентагона. Но большие шишки вдруг оказались не такими уж большими. С того дня... уже никто не мог называться большим, —

---

² Имеется в виду знаменитый теракт, уничтоживший здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11-го сентября 2001 года.

он снова посмотрел на мальчика сквозь плывущий по помещению дым. — Ты ничего из этого не помнишь?

— Нет, — ответил Итан. Если что-то в его памяти на этот счет и осталось, оно ушло. *И, может быть, так даже лучше*, думал он.

— Маскировка, — сказал Джей Ди. — Ученые сказали, с помощью какого-то маскировочного устройства Горгонам удалось незамеченными подобраться вплотную к атмосфере нашей планеты. С тех пор мы называем их Горгонами, это название прочно к ним прилипло.

— Почему именно Горгоны?

— Первым его озвучил какой-то репортер из «Фокс», — ответил Дейв. — Сказал, что на них так жутко смотреть, что можно обратиться в камень. Штука в том, что Горгоны, наверно, слишком отличались от нас... и при взгляде на них человек мог сойти с ума от страха. Правда это или нет, но название быстро стало популярным и разлетелось по всем новостям.

Джей Ди помнил, какая повсеместно царила паника. Люди бежали, но куда? Президент США призывал к спокойствию, а затем исчез в «безопасном месте», как и все другие члены правительства из Вашингтона. В других уголках мира лидеры и главы государств отказывались от своих бесполезных постов. Все гражданские права превратились в прах, и полиция не могла сладить с беспорядками. Телевизионные сети и радиостанции держались так долго, как только могли. Через два дня после того, как был замечен первый корабль Горгонов, вылетевший из своего огненного чрева, появилось любительское видео, демонстрирующее, как в воздухе открылось подобие черного портала, и из него начали появляться объекты, чем-то напоминающие гладких черных летучих мышей. Позже их начали называть кораблями Сайферов.

— Загадочные, — сказал Джей Ди почти шепотом. — Непостижимые, — он моргнул, заставляя себя вернуться в настоящее. — Шифраторы. Потому их и прозвали Сайферами³, — сказал он Итану. — Явились в наш мир из чего-то вроде черных дыр, открывающихся прямо в небе. А затем... обе армии пришельцев начали воевать между собой. Люди не представляли для них ни угрозы, ни интереса. Мы были лишь беспомощными жуками, которых можно было раздавить, даже не заметив, — добавил он. — Они воевали друг с другом, не с нами. Вскоре после прихода Сайферов, электросети по всему миру стали выходить из строя. Башни сотовой связи накрылись первыми. Полагаю, спутники тоже были уничтожены. Должно быть, Сайферы

---

³ «Cipher» можно перевести с английского, как «шифр» или (в данном контексте) «тот, кто шифрует».

сделали это, чтобы прекратить нашу мешающую им болтовню. Или, возможно, это была очередная демонстрация силы.

Итан покончил со своим маленьким стаканчиком воды и все еще испытывал жажду, но был рад и тому, что ему вообще дали немного попить. Он испытывал благодарность за все, понимая, что в сложившихся обстоятельствах немного — это уже много.

Дейв дымил своей сигаретой в воцарившейся тишине, а затем сказал:

— Я говорил с тем, кто слышал одну из последних радиопередач, — он подул на кончик сигареты, чтобы разжечь огонь сильнее. — Там высказывались какие-то ученые и военные. Пытались давать оценки тому, что происходит. Говорили о том, что эти две цивилизации — кем бы они ни были — воюют между собой. И, похоже, воюют довольно давно. Может, это длилось... всегда. И, возможно, они воюют за Землю... а возможно, и нет, потому что...

— Это граница, — Итан услышал собственный голос так, словно говорил кто-то другой, на расстоянии.

Дейв и Джей Ди ничего не сказали в ответ, они лишь уставились на Итана с усилившимся интересом.

— Граница, — повторил Итан. — Между ними. Между их мирами, их вселенными или измерениями, откуда они пришли. Земля находится на границе, и вот, за что они сражаются, — он с изумлением осознал, что не испытывает никакого сомнения в собственных словах, и сам считает их непреложной истиной. — Они будут сражаться, пока один противник не уничтожит другого. Этого может никогда не произойти, потому что... — он ощутил внезапный приступ паники, растущий внутри него. Почувствовал, как ускользает сам от себя на территорию неизведанного. Ему потребовалась секунда-другая, чтобы сделать глубокий и болезненный вздох, который, несмотря на боль в легких, принес ему успокоение. — Потому что у них, — мальчик снова сделал паузу, подбирая нужный термин. — гонка вооружений.

Воцарилось молчание. Двое мужчин тупо уставились на мальчика, позаимствовавшего имя у средней школы.

Первым заговорил Джей Ди, и голос его был напряженным и обеспокоенным.

— А теперь... скажи-ка нам... как ты можешь быть уверен во всем этом, если ничего толком не помнишь? Ты слышал это от кого-то? Возможно, от своих родителей?

— Нет, — Итана бросило в жар, он вспотел, и чувствовал себя не в своей тарелке. Все кости разом заныли, как кариозные зубы. — Я не знаю, кто мне это сказал. Я просто... — он поймал на себе озадаченный взгляд доктора. Его собственные голубые глаза лихорадочно за-

блестели. — Я просто знаю, что это правда. Мы на границе между ними, но сама территория их не интересует. Это просто... линия в космосе.

Дейв и Джей Ди переглянулись, и Итан словно услышал их невысказанный вопрос: «Ты веришь в то, что слышишь?»

— Я очень устал, — пробормотал Итан. — Можно мне где-нибудь поспать?

Потребовалось несколько секунд, чтобы зачарованные предыдущими высказываниями мальчика люди среагировали на его новую реплику. Дейв откашлялся и сказал:

— Конечно. У нас тут много квартир пустует.

Он умолчал о том, что многие из этих квартир не так давно занимали люди, которые предпочли совершить самоубийство, потеряв надежду. На кладбище за третьим зданием жилого комплекса стояли десятки белых деревянных крестов. Целые семьи лишили себя жизни, и кто мог винить их в этом? Среди оставшихся в живых в Пантер-Ридж были два служителя церкви: мужчина католик и женщина методистка. Они по-прежнему вели богослужения и делали все возможное, чтобы сохранить в людях веру, но иногда голос Христа просто не был слышен из-за отдаленных взрывов и криков солдат ночных армий.

Дейв решил, что о последних Итану сейчас знать не нужно. Они являлись не каждую ночь. Но когда они придут — даже если это случится сегодня — мальчик и сам об этом узнает.

— Пойдем, — Дейв встал, закусив сигарету зубами. — Устроим тебе новоселье. Мы принесем тебе ведро с песком, чтобы ты смог отмыться от грязи. Вода — слишком ценный ресурс, мы не трагим ее на мытье.

Он решил не говорить Итану и о том, кого они однажды убили — хотя лучшим словом было бы «уничтожили» — в той самой комнате безопасности, куда недавно приводили его самого. То, что они там сожгли, тоже сначала выглядело человеком, но в действительности оказалось настоящим демоном.

«Узи» лежал под рукой. Дейв взял его со стола и сунул в кобуру, после чего они с мальчиком и доктором покинули столовую, и отправились выбирать жилье без пятен человеческой крови на стенах, полу или на мебели.

Глава четвертая

Итан.

Он проснулся. Похоже, кто-то позвал его по имени, которое он сам себе выбрал. Не очень громко, но достаточно отчетливо, чтобы мальчик, лежащий на кровати в выделенной ему квартире, проснулся, открыл глаза и прислушался.

В квартире 246 не царил крошечная тьма — ее рассеивали два свечных фонаря. Стены были из дешевого коричневого гипсокартона, на полу лежал ковер пшеничного цвета. Одну из стен украшал узор из металлических квадратов, выкрашенных в серебряный и синий цвета. Похоже, некий элемент декора, художественный штрих.

Мальчик сел на кровати, облокотившись на подушку. Он был голоден, его мучила жажда, а в глубине души нарастало раздражение. Перед сном Итан переоделся в темно-зеленую пижаму, ранее принадлежавшую тому, кто, вероятно, уже мертв. Кости все еще ныли, а синяки казались плотными и налитыми кровью. Он хотел снова уснуть, погрузившись в мир и покой, но не мог... Что-то в его разуме не позволяло... что-то важное... Но он не мог понять, что именно.

Он чувствовал себя, как пустая бочка, жаждущая быть заполненной. Но чем? Знаниями? Памятью? У него не сохранилось никаких воспоминаний до того момента, как он бежал по полю под дождем. *Вода*, подумал он. *Пить*. Он понимал, что подходящие к концу запасы воды в бутылках строго нормированы, и что люди боятся пить дождевую воду, потому что она могла быть ядовитой и содержать бог знает какие инопланетные вещества. Но они ели лошадей. А лошади ели траву, которую поливал дождь. Итан подумал, что кипячение могло бы сделать дождевую воду достаточно безопасной для питья. В любом случае, когда бутилированная вода закончится, людям придется пить дождевую, хотя бы они того или нет.

Люди боялись оказаться посреди битвы между Горгонами и Сайферами, но чего еще они боялись? Что заставило их укрыться здесь, за каменными стенами?

Мальчик понятия не имел, как долго ему удалось поспать. Джей Ди принес ему пижаму и другую одежду: две пары джинсов с заплатками на коленях и пару футболок — серую и красную с логотипом группы «Black Destroyers», про которую Итан никогда не слышал... Или слышал, но не помнил. С помощью песка он кое-как соскреб с себя грязь в желтой кафельной ванной. При свете свечи осмотрел в зеркале свои раны: грудь была черной от одного плеча до другого. Извернувшись, он увидел множество ушибов и на спине. Каждый кровоподтек выглядел ужасающим. Мальчик подумал, что лучше ему

и не вспоминать, как и от кого он получил эти травмы. Похоже, что бы это ни было, оно провело его сквозь целый мир боли.

Пить хочется, подумал он. Но в пустых кранах на кухне или в ванной не осталось ни капли воды, и туалетный бачок был пуст. Дейв сказал, что ему придется оправляться в то же ведро с песком, что ему дали. Получить хоть немного воды он мог только в столовой, где выдавались порции из скудных запасов, а склад — так сказал Дейв — после ужина был закрыт и тщательно охранялся вооруженными людьми.

Итан уставился на сине-серебряные квадраты на стене напротив своей кровати. Он представил, как они тают, словно лед, и превращаются в потоки чистой, свежей воды, стекающей по стене и разливающейся по полу.

Пока он смотрел на них, металлические квадраты, казалось, и впрямь, начали мерцать и сливаться в сверкающую лужу.

Бассейн, подумал Итан. *Что-то... связано с бассейном.*

Но он не понимал, что ему делать. Бассейн был почти пуст, в нем лежали лишь обломки старой мебели, а на глубоком дне скопилось несколько дюймов темной дождевой воды.

И все же... его не покидало сильное ощущение, что он должен встать с кровати, дойти до бассейна, и уже там понять, что именно тянуло его туда. Итан встал, натянул футболку с логотипом «Black Destroyers» и обул свои старые кроссовки «Пума», после чего вышел из квартиры в коридор, ведущий к бетонной лестнице. На полпути вниз по лестнице он увидел на горизонте голубые вспышки. Это могли быть просто молнии, а могли и отголоски бесконечной битвы. Мальчик спустился к автостоянке и пошел по извилистой дорожке в сторону бассейна.

Тишина окутывала Пангер-Ридж. Ночь была теплой и влажной, в воздухе витал запах предстоящей грозы. В окнах некоторых квартир Итан увидел теплый свет пламени и понял, что не единственный, кто бодрствует. На сторожевых вышках тоже горел свет. Там находились круглосуточные посты дозорных.

На стоянке мальчику встретила группа из шести человек, сидящих в кругу, в центре которого поставили несколько свечей. Они держались за руки и молились, склонив головы. Итан пошел дальше. Он миновал босого мужчину с длинными волосами и без рубашки — в одних джинсах — сидящего на бетоне с подтянутыми к подбородку коленями.

— Они могут явиться сегодня, — сказал он Итану. — Но они не сожрут меня. Нет, не сожрут, — после этого он поднял лежащий рядом автоматический пистолет, и приставил ствол к виску.

Итан увидел безумную ухмылку на лице мужчины, и молча пошел своей дорогой.

Вскоре он достиг бассейна, окруженного декоративным металлическим забором. Нынче большая его часть повалилась и лежала беспорядочно, ржавея от разъедающего дождя. Створки ворот болтались на петлях. У Итана мелькнула мысль, что немало обитателей Пантер-Ридж тоже кончили свою жизнь, болтаясь в петле. Он подошел к краю бассейна и заглянул в него, но увидел лишь то же самое, что и раньше: обломки деревянных стульев и другой хлам, плавающий в дождевой воде, скопившейся в глубокой части бассейна. Там же была табличка *«Глубже пяти футов не нырять»*. Больше ничего.

Ничего тут нет, подумал Итан.

Но все же...

... что-то...

Он представил себе сине-серебряные квадраты, увидел, как они заблестели, замерцали и стали чистой водой.

Итан спустился по ступеням в самый неглубокий угол бассейна. Синяя краска, покрывающая дно, потемнела, пошла трещинами и кое-где отходила целыми пластами, а под ней виднелся серый бетон. Мальчик прошел по прямой к центру бассейна, спускаясь к самому глубокому краю. Его ботинки уже на четыре дюйма погрузились в грязную дождевую воду, скопившуюся вокруг сливного отверстия.

Что здесь? спросил он самого себя.

Ничего, был ответ.

Его шаги заставили обломки в воде сдвинуться и поплыть прочь. Он обошел кругом сливное отверстие; без всякой цели, просто чувствовал, что это необходимо сделать. Что здесь? Он не переставал размышлять над этим вопросом. Глубокое, тайное явление... как сливающиеся воедино серебристо-синие квадраты на стене? Он на миг замер в самом глубоком конце бассейна, его чувства искали нечто, в существовании чего он даже не был уверен. Прошло несколько секунд, после чего Итан зашагал обратно к мелкому участку через середину бассейна. У него было отчетливое ощущение, что нечто скрывается совсем близко от него, и все же...

— Какого хрена ты здесь делаешь? — раздался вдруг грубый голос.

Итан оглянулся и увидел Дейва МакКейна, стоявшего со своим «Узи» на краю бассейна к востоку от мальчика. — Я слышал, как открылась твоя дверь, — сказал Дейв. — Моя квартира прямо за твоей. Что ты делаешь? Пытаешься добыть воду?

— Нет, сэр, — Итан заметил, что Дейв этой ночью явно плохо спал. И недолго. Он все еще был одет как днем, включая бейсболку. — Я просто вышел погулять.

— Чушь собачья.

Итан решил, что лучше всего будет сказать правду. По крайней мере, ту правду, которую он понимал.

— Я почувствовал, что мне нужно сюда прийти.

— Да? Решил устроить полуночный заплыв?

— Нет, сэр. Мне просто нужно было прийти сюда. И все.

— Зачем? Чтобы попить?

Итан покачал головой.

— Я хочу пить, но Оливия сказала, что дождевую воду пить нельзя. Вот почему вы пьете воду только из бутылок, — он вспомнил о комнате безопасности и о проверке, которой подвергся там. Джон Дуглас тогда сказал: «Мы хотим кое-что проверить и убедиться. Действительно ли ты человек, или нет». Итан знал ответ на свой следующий вопрос, но все равно спросил. — Вы думаете, что дождевая вода не просто ядовита, ведь так? Потому что там, в облаках, скопилась вся эта инопланетная дрянь? — он поднял голову к то и дело озаряемому вспышками небу. — Что все эти инопланетные вещества делают с людьми? Превращают их в существ, которых вам приходится убивать?

— Мы этого еще не знаем, — ответил Дейв. — Мы не знаем, почему некие существа приходят сюда в человеческом облике. Может, они когда-то были людьми, но их поймали и... перекроили, — он кивнул в сторону очередной мелькнувшей на горизонте молнии. — Возможно, они просто играют со своими игрушками, в роли которых выступают люди. Не знаю. Мы здесь до хрена чего не знаем.

— Но это не все, верно?

— Да, — ответил Дейв. — Не все.

— Расскажите мне.

— Для начала вылезай оттуда, — Дейв опустил ствол «Узи» и отступил на несколько шагов, пока Итан поднимался по ступенькам бассейна.

— Так что еще?

Дейв сказал:

— Ночью приходят серые люди.

— Серые люди, — повторил Итан. Ему не нравилось, как это прозвучало ни из уст Дейва, ни из его собственных. Так или иначе, ему пришлось спросить. — Кто они?

— Мутировавшие люди, — Дейв и так был не особенно словоохотлив, и сейчас он явно не собирался изменять себе. — Некоторые из них... *очень* мутировали... В существ, которые больше не похожи на людей. Мы не знаем, что послужило тому причиной. Может, что-то в атмосфере, в дожде. Может, они подхватили какую-то заразу. Серые люди приходят ночью. Не каждой ночью, но, когда они стара-

ются попасть сюда... это плохо. Что-то заставляет их скрываться днем. Мы думаем — Джей Ди думает — что они не переносят солнечный свет. Говорю же, мы не знаем наверняка и никогда не встречали того, кто знает.

У Итана в голове роилось множество вопросов, и каждый из них стремился вырваться первым. Однако он начал со следующего:

— Почему их стали называть Серыми людьми?

— Потому что они серые. Их плоть почти полностью утратила природный цвет. Не знаю, кто первый назвал их так, но название хорошо подходит. Они начали появляться около трех месяцев назад. Сначала совсем мало... затем все больше и больше. Я думаю, у них есть какой-то внутренний радар или что-то другое, что заставляет их сбиваться в стаи... Может, они находят друг друга по запаху, не знаю, — на губах Дейва появилась тонкая болезненная ухмылка. — У нас осталось мало боеприпасов. Рад, что присоединился к нашей группе счастливыхчиков?

— Это лучше, чем остаться снаружи.

— Ага. Серые люди пытаются достать нас, потому что они мясоеды. Они утаскивают своих мертвецов, и мы считаем, что они их едят. Это успокаивает их на какое-то время.

Итан кивнул.

— Но я не серый и не мутировал. Почему же вы повели меня в комнату, где вы обычно убиваете этих существ?

— Мы отвели тебя в комнату безопасности, потому что нам уже приходило сталкиваться с... давай назовем их самозванцами. Эти создания выглядят, как люди. Возможно, они ими были когда-то... или до сих пор считают себя людьми. Но теперь они уже другая форма жизни. Джей Ди и Оливия полагают, что это люди, которых пришельцы подвергли экспериментам. А потом они их выпускают. Как инопланетные бомбы с часовым механизмом, типа того. Мы наблюдали... как бы это сказать... довольно интересные реакции на солевой раствор. У нас здесь был еще один доктор. Он убил свою жену и сына в декабре прошлого года, после чего покончил с собой, но до этого именно он придумал, как солевым раствором проверять реакцию крови. Этот доктор предложил проверять всех вновь прибывших. Слава Богу, что он до этого вовремя додумался, иначе нам пришлось бы столкнуться здесь с настоящим кошмаром. И для нужного решения стало бы уже слишком поздно.

— Дождь, — тихо вымолвил Итан. — Вы думаете, это он создает Серых людей? Если так, разве люди в этом поселении не должны тоже меняться?

— Они и менялись. Сначала появляются серые пятна, цвета пепла. Их становится все больше, они быстро растут... А потом начинают

перестраиваться кости. Мы как-то держали жертву такого превращения под наблюдением. Нам пришлось привязать ее, потому что она была невменяема. Да, с нашей стороны это было жестоко, но нам пришлось, — Дейв потемневшими глазами уставился на мальчика перед тем, как продолжить. — Через пару дней ее тело было все перекручено и деформировано, и она начала отращивать вторую голову, на которой было множество ртов с тонкими, как иглы, зубами. Тут в комнату вошел ее отец и застрелил ее. Девочке было двенадцать лет.

— Оох... — выдохнул Итан.

— Были еще четверо. О них позаботились, пока дело не зашло слишком далеко. Скорее всего, яд содержится в отравленной атмосфере, — продолжал рассказ Дейв. — Иногда идет дождь грязно-коричневого цвета, иногда он желтый, как моча, и мы не знаем, что может вызвать мутации. Никто ни в чем не уверен. Но, да... именно поэтому мы зависим от чистой воды в бутылках. Мы приручили лошадей, но они подвергаются влиянию дождя, а мы потом едим конину. К тому же, дождь льется сквозь крыши и просачивается сквозь стены... Так что нет возможности избежать контакта с этой водой. Док считает, что для проявления эффектов требуется время. Возможно, время зависит от здоровья самого человека, как с любым вирусом или раком. Одни заболевают сразу, другие позже, — Дейв пожал плечами. — Что же делать? — он решил ответить на собственный же вопрос. — Очевидно, умирать. Дело только в том... сколько перед этим придется ждать.

— Почему вы ждете? — Итан многозначительно взглянул на пистолет-пулемет.

Дейв поднес «Узи» к лицу и осмотрел его так, словно впервые увидел это произведение смертоносного искусства. Затем он снова убрал оружие в кобуру.

— Хороший вопрос, — хмыкнул он. — Я знаю многих людей, которые решили не ждать. Решили не выбирать между Горгонами, Сайферами, Серыми людьми и старой доброй безнадеей, а выйти из этой жизни через черный ход. — Он остановился на мгновение, обдумывая свой ответ. — Наверное, — наконец, произнес он, — я еще не готов. Но, может, завтра. Все зависит от...

Он собирался сказать «погоды», но его прервала красная вспышка, внезапно взметнувшаяся ввысь из сторожевой вышки на западном участке стены. Через несколько секунд за ней последовал вой сирены изнутри жилого комплекса. Дейв нахмурился и сказал:

— Тебе повезло. Сегодня у нас будут гости, — в его голосе звучала лишь пустота и усталость.

Дейв помчался к стене. Другие люди, накинув первое, что попало под руку из одежды, но вооруженные пистолетами и винтовка-

ми, стали появляться из своих жилищ. И тут Итан услышал приближение Серых людей.

Поначалу это напоминало далекое невнятное бормотание, стремительно становящееся громче. Итан уже видел раньше деревянные помосты, идущие вдоль гребня стены на несколько футов ниже спиралей колючей проволоки, и теперь защитники Пантер-Риджа поднимались туда по лестницам. Вторая красная вспышка поднялась над южной сторожевой вышкой, и Итан понял, что Серые люди атаковали с двух сторон. Он бросился прочь от бассейна в сторону ближайшей лестницы, ведущей на стену. Как только мальчик добрался до нее, путь ему преградила высокая стройная женщина с короной коротких седых волос. Она явно собиралась опередить Итана и подняться первой. На секунду их взгляды встретились. В кобуре подмышкой у Оливии Куинтеро был револьвер, еще одна кобура болталась на поясе. Сейчас на женщине была желтая блуза с голубыми васильками, вышитыми на плечах.

— Уходи отсюда! — ее темно-карие глаза в полумраке казались почти черными. — Прочь!

Не оглядываясь, она начала взбираться по лестнице. Итан пропустил к лестнице еще одного человека с винтовкой, после чего сам поднялся к помосту, чувствуя, что обязан увидеть все своими глазами.

Крик оглушил его, как взрывная волна. Каменная стена кончалась чуть выше его груди. Но когда он взглянул сквозь колючую проволоку, то увидел, что сама земля за стеной будто шевелится. Сколько их было? Сотня? Или больше? Они карабкались по отвесной стене. С южной сторожевой вышки взлетела белая сигнальная ракета. Итан разглядел на некоторых из нападавших обноски одежды, но многие из них были голыми, с пепельно-серой плотью, свисавшей с костей, как сгустки отвратительного желе. Казалось, их странная кожа покрыта чешуйками или толстым слоем грязи, но, если присмотреться, то, что покрывало их кожу больше напоминало шипы или некие костные доспехи. Сами существа были жилистыми, приземистыми, с приплюснутыми черепами — выглядели мощными, как танки. Некоторые твари стремительно бежали к стене на двух ногах, толстых, как древесные стволы. Другие ковыляли на подобных обезьяним конечностях. А третьи ползли, не боясь быть затоптанными собратьями, извивая свои уродливые, раздавленные виширь тела, словно удавы, проглотившие кабана. Ужас паразил Итана, внутренности его скрутились тутгим узлом.

Авангард нечеловеческой волны представляли собой существа с бронированными спинами и огромными когтями. Они вцеплялись в стену и карабкались к колючей проволоке. Застыв в шоке, Итан

наблюдал, как один из взбирающихся по стене монстров повернул голову, и в пасти, словно разрезавшей пополам его серое лицо с провалившимся носом и тонкими губами, показались маленькие острые, как зубья пилы, зубы. В следующий миг, это лицо взорвалось от первой пулеметной очереди, а тело, вздрагивая, повисло в нескольких футах от колючей проволоки, намертво вцепившись в стену когтями.

Стрельба велась повсюду. Хотя тела многих Серых людей разрывало градом пуль, существа продолжали грохочущей волной накатываться на Пантер-Ридж. Что-то ударило по окованной металлом створке ворот с такой силой, что помост под ногами Итана вздрогнул. В воздух поднялись клубы бетонной пыли. Трассы пулеметных очередей сместились вниз. Чудовищная сила — чем бы она ни была — снова обрушилась на ворота, но чуть слабее. Еще несколько выстрелов покончили с этой угрозой.

Свет еще одной ракеты вновь вырвал из мрака перед лицом Итана целое море уродливых, гротескных существ, которые когда-то были людьми. Мальчик видел мужчин, женщин и детей, превращенных в шипящих и вопящих чудищ инопланетной болезнью или ядом, скрытым в дождевой воде. Он видел горбатые фигуры с жадными глазами и тонкими телами, которые покрывала серая, как толстый слой пыли, кожа, напоминающая...

Анатомическую куклу!

Он вспомнил.

Он вспомнил, как собирал модель анатомической куклы, с ее чистой пластиковой кожей, через которую просматривались все внутренние органы, вены и артерии человеческого организма. Где он ее достал? В «Волмарте»? Нет, кажется, на «Амазоне».⁴ Сидя в своей комнате... в доме... за столом, освещенным зеленой настольной лампой... он выстраивал пластиковые внутренние органы в нужном порядке. Аккуратно, потому что ему хотелось, чтобы все в анатомическом строении было идеальным. Это был школьный проект? А темноволосяя женщина, вошедшая в комнату... Она сказала...

— Назад! — заорала женщина рядом с Итаном.

Пепельно-серый монстр с черными впалыми глазами на одной голове и огромными, с грейпфруты размером, слепыми белыми на второй, крепившейся сбоку на коротком уродливом отростке шеи, перебрался через колючую проволоку и уже тянулся к горлу мальчика. Оливия Куинтеро оттолкнула Итана в сторону и выстрелила в ту голову твари, что побольше. Пуля, попав в висок, вышибла наружу то, что служило этой мерзости мозгами. Но вторая голова продолжала

---

⁴ Wal-Mart (Walmart) и Amazon – крупные и популярные торговые сети розничной и интернет-торговли.

скрежетать острыми маленькими зубами, пока тело не соскользнуло вниз и не упало со стены.

Женщина взглянула на Итана с такой яростью, что от взгляда могло запросто треснуть стекло, затем застрелила еще одного громадного Серого человека, который взбирался по стене, цепляясь усеянными шипами конечностями. Некоторые упорные твари добирались до колючей проволоки и судорожно дергали ее в поисках пути внутрь, пока их не отбрасывали выстрелами. Серая фигура с выпученными глазами и длинными черными волосами, похожая на лягушку, но бывшая некогда женщиной, приземлилась в сплетение колючей проволоки слева от Итана, и начала рвать ее. Вслед за ней появился отвратительный самец с четырьмя руками — двумя нормального размера и двумя отростками, больше напоминающими веретена, растущие из-под ребер. Они остервенело принялись срывать проволоку со стены. Дейв МакКейн выстрелил из своего «Узи» прямо в лицо твари, но, как только окровавленный труп упал вниз, на его месте оказались еще два чудовища. Одно худощавое, как рельса, с пепельной кожей, слоями свисавшей с тела и усеянной мелкими острыми шипами. Второй монстр — толстый, как бегемот, с деформированным черепом, похожим на головку молотка, глазами-бусинами, полными беспросветного мрака, и зияющей впадиной хищного рта.

Чудовище с головой-молотом испустило своим отвратительным ртом рев, который и близко не походил ни на один звук, издаваемый человеком. Оно прорвалось сквозь колючую проволоку на защитный помост. Всего в нескольких футах от Итана монстр схватил шипастыми пальцами молодого человека, не обращая внимания на выстрелы из револьвера в упор. По чудовищу открыли огонь все, стоявшие поблизости, но Серый человек широко разинул пасть и одним движением челюстей оторвал голову своей жертвы. Лишь после этого град выстрелов отправил существо обратно за стену, заставив его перевалиться через колючую проволоку. Обезглавленное тело жертвы свалилось с другой стороны стены, на территорию жилого комплекса.

Твари продолжали карабкаться вверх по стене, все быстрее и быстрее. Они рвали проволоку, получали пули и падали, но другие занимали их места.

То там, то здесь, раздавались металлические щелчки затворов, говорящие о том, что закончились патроны в оружии. В отчаянии, люди шарили по карманам и в ящиках для боеприпасов, в поисках запасных магазинов. Некоторые из защитников схватились за топоры и принялись яростными ударами рубить и кромсать нападающих. Итан замер на месте, охваченный ледяными щупальцами паники. Существа, лишь отдаленно напоминающие людей, больше похожие на порождения ночных кошмаров, продолжали рвать проволоку и

перелезть через стену. «Узи» Дейва МакКейна выпустил очередь... и внезапно замолчал. Стрелок лихорадочно схватился за карман, где лежали запасные магазины. Винтовка Оливии Куинтеро продолжала свою смертоносную речь, сбив темное паукообразное создание со стены. Женщина на миг замешкалась, перезаряжая оружие, и ее едва не схватило тощее существо с длинными седыми волосами, пепельной плотью и отвратительной акульей ухмылкой на лице. Оливия ударила тварь в грудь прикладом винтовки, затем выстрелила ей в голову из револьвера, и чудовище, отвратительно вопя, перевернулось обратно за стену. От усталости и страха лицо Оливии покрылось блестящими каплями пота. Она тщательно целилась из револьвера, пулю за пулей посылая в Серых людей, которые продолжали неумолимо взбираться наверх.

Итан все видел, все понимал.

Их было слишком много. Сегодня Серые люди собирались одержать победу в последней битве за Пантер-Ридж. Пулеметы на сторожевых вышках все еще стреляли, так же как винтовки и пистолеты защитников стен, но Итан понимал — боеприпасы подходят к концу, и стрельба вскоре замолкнет. Он видел десятки тварей, поднимавшихся по стенам, и еще десятки других, которые столпились внизу — армия ходячих злокачественных опухолей копошилась и бурлила, словно сама земля пребывала в беспокойном хаотичном движении.

Их нужно как-то сбросить со стены, подумал он. Нужно стряхнуть их с холма, чтобы земля поглотила их. Какая сила способна на такое?

Он ощутил *это*, окруженный стрельбой, криками и рычанием чудовищ, когда на одну из женщин на стене набросилась тварь цвета бетона. Это была некая сила, создающая и изменяющая землю. Сила, повелевающая землей и способная отдавать ей приказы. Итан пожелал обладать этой стихией, и в его сознании возник образ того, что он должен был сделать.

Четкий и ясный внутренний голос заговорил с ним. Он сказал Итану, как поступить, как до этого велел прийти к бассейну.

Просто коснись камней.

Это был его собственный голос, но более сильный и уверенный.

Просто дотронься до камней и узри силу своего разума...

Я всего лишь мальчик, подумал Итан. *Я не могу! Я не могу этого сделать!*

Все больше и больше Серых людей перелезало через стену. Боеприпасы защитников были на исходе, и лишь считанные минуты отделяли всех обитателей Пантер-Ридж от смерти.

Землетрясение, подумал Итан.

Ты можешь, сказал голос. Его собственный, но другой. Более... взрослый голос. Голос человека, знающего то, чего сам Итан еще не знал и боялся узнать. Так боялся, что страх почти лишил его возможности двигаться.

Ты можешь, снова сказал голос. *Послушайся и попробуй. Сейчас, пока у тебя еще есть время.*

Мальчик осознал, что теперь его ход, теперь все зависит только от него. И хотя это казалось ему безумием, он обязан был хотя бы попытаться.

Итан положил ладони на камни стены. Посмотрел на кипящую массу внизу. Глубоко вздохнул, ощутив боль в легких, а когда выдохнул, то четко представил, как часть холма движется, словно кожа змеи. Он сосредоточился на этом образе, секунды летели одна за другой, но ничего не происходило — только все чаще раздавались щелчки затворов опустевших винтовок и пистолетов, и все больше Серых людей появлялось на стенах, встречая своей уродливой плотью удары топоров. И больше — ничего. Вообще ничего.

Когда Итан уже собирался убрать руки с камня и встретить смерть, он вдруг ощутил нарастающий внутри сильный жар. Он словно опалял все внутренности, это было похоже на мощную электрическую волну, которая гудела в ушах, потрескивала в волосах... Но в то же время, это чувство не было похоже ни на что в мире. Не осталось ничего — лишь твердая уверенность в том, что он может спасти себя и других людей. Всех разом, несмотря на волну ужаса и насилия, захлестнувшую Пантер-Ридж. Итан почувствовал, как часть его — некая таинственная часть, назначения которой он не понимал — сосредотачивает в себе мощную силу. Затем, она вихрем вырвалась из его тела и обрушила свою мощь на землю.

Земля застонала, словно старик, пробужденный от долгого и тревожного сна. А затем старик потянулся и встряхнулся, и в ту же секунду холм пришел в движение.

Это было не просто движение. Трещины прорезали мостовую, и множество стекол в зданиях Пантер-Риджа за спиной Итана разлетелись вдребезги. В домах жилого комплекса закрипели балконы и балки, вырываясь из креплений и опор. Но стены все же стряхнули с себя многих Серых людей, окутав остальных, толпящихся у подножия, облаком бетонной пыли. Почти все защитники не удержались на ногах и опустились на колени, некоторые даже сорвались с помоста. Итан тоже едва не упал, и, присев на корточки, изо всех сил вцепился в камни стены. Он чувствовал себя частью земли, направлял свою силу через эту стихию. Сердце его колотилось, как сумасшедшее, и он прокусил нижнюю губу до крови. Одна из сторожевых вышек рухнула, но пулеметчик успел выпрыгнуть и спастся.

Вершина холма снова задрожала, еще более яростно, и Серые люди градом посыпались вниз со стены. Чудовища падали, путаясь в собственных чужеродных конечностях и отростках. Третий толчок был самым сильным. Десятки кирпичей в стенах жилого комплекса треснули со звуками маленьких взрывов. Из окон квартир со звоном посыпались стекла. Весь Пантер-Ридж сдвинулся с места, издавая рокот, словно древние горы рассыпались на части. Трещины побежали по холму. Некоторые из Серых людей рухнули прямо в разверстную пропасть, когда разломы достигли ширины двух-трех футов. И многие из них остались внутри, когда края трещин стали сходиться. Камни терлись друг об друга, сокрушая и перемалывая серую плоть монстров. Лишь когтистые руки успели вытянуться из могил и схватиться за воздух, но в следующий миг они успокоились навсегда.

Трех мощных толчков, сопровождаемых более слабыми землетрясениями, оказалось достаточно, чтобы пробудить в Серых людях инстинкт самосохранения. Оставшиеся в живых развернулись и бросились вниз по склону холма. Многие тащили с собой мертвые тела, которые, вероятно, позже послужат им трапезой. Они больше не кричали, убегая молча, словно стыдясь поражения. Некоторые оглядывались через свои усеянные шипами плечи, и их бессловесное послание перекликалось с одним из граффити на стенах Пантер-Ридж: ЗАВТРА БУДЕТ НОВАЯ НОЧЬ.

Вскоре толпа серых уродливых фигур, бегущих или ковыляющих в дымке у подножия холма, исчезла из виду.

Землетрясение закончилось.

Итан убрал руки с камней. Его задача — как бы невероятно это ни звучало — была выполнена. Ладони и пальцы мальчика горели. Он тяжело дышал, все тело покрывал липкий холодный пот. Итан чувствовал себя до смерти испуганным, потрясенным и сбитым с толку, однако ощущал, как мощная сила, которую он выпустил на свет, стягивается обратно в свое укрытие глубоко внутри него и успокаивается. Что бы ни произошло с ним несколько секунд назад, теперь он вновь стал обычным мальчиком, который когда-то создал очень крутую анатомическую куклу.

Глава пятая

— Семеро погибших, двенадцать раненых, — подытожил Джон Дуглас в желтом свете масляного фонаря. — У шестерых тяжелые переломы. А Джейн Патерсен долго не протянет. И, я думаю, нам нужно убрать тело Мигча Вандервера как можно скорее, согласна?

— Да, — ответила Оливия. Под ее глазами темнели круги от усталости. Она сидела за столом в своей квартире, облокотившись на него. Взгляд женщины остановился на кожаном пенале, около которого лежал небольшой черный шар. Винсент решил пошутить на ее пятидесятый день рождения четыре года назад и подарил ей наполненный чернилами шар «Волшебная Восьмерка»⁵ с плавающим внутри икосаэдром.⁶ Оливия тоскливо рассматривала этот забавный предмет из безвозвратно ушедшего прошлого. Предмет, который пережил множество ужасов и потрясений вместе с ней и дожил до сегодняшнего дня. Часть их совместной жизни с Винсентом, которая теперь казалась лишь волшебной фантазией, временем радости, и о которой слишком тяжело вспоминать. Но раз за разом «Волшебная Восьмерка» заставляла мысли возвращаться к тем временам. Хотя бы ненадолго. *La parte más pequeña.*⁷

Оливия никогда не пользовалась «Волшебной Восьмеркой», чтобы принимать важные решения, но иногда... иногда... она думала, что стоило бы попробовать. Потому что таким образом Винсент мог пытаться связаться с ней, помочь и успокоить ее, провести сквозь бесконечную чернильную тьму неизвестности.

— Мне очень нравилась Джейн, — услышала она собственный глухой голос. — Очень добрая женщина... Да, нужно убрать тело Мигча. Ты сможешь заняться этим? — последний вопрос Оливия адресовала Дейву МакКейну, который разглядывал потрескавшийся потолок, развалившись на потрепанном коричневом диване. Серия подземных толчков нанесла страшный урон жилому комплексу. Некоторые лестницы рухнули, завалив проход, часть восточной стены обрушилась, почти все оконные стекла были разбиты, и удерживались теперь только с помощью клейкой ленты, кровля в нескольких местах провалилась. На стенах своей квартиры Дейв насчитал, наверное, с тысячу трещин. Ему было ясно, что это проклятое место обречено — лишь вопрос времени, когда все обрушится окончательно. Пол спальни стал настолько неровным, что передвижение по комнате теперь больше напоминало прогулку по палубе корабля в штормовом море.

---

⁵ Шар «Волшебная Восьмерка» - шар судьбы, шар вопросов и ответов, шар предсказаний. Игрушка, шуточный способ предсказывать будущее. Внешне напоминает бильярдный шар, внутри которого, в емкости с темной жидкостью, плавают икосаэдр, на каждой из граней которого нанесено по одному ответу.

⁶ Икосаэдр – правильный выпуклый двадцатигранник, каждая из двадцати граней которого представляет собой равносторонний треугольник.

⁷ *La parte más pequeña* – «совсем немножко», «чуть-чуть» (исп.)

— Я займусь этим, — вяло отозвался он.

На одежде, лице и волосах у Джей Ди запеклись пятна чужой крови. Больница — две квартиры, между которыми снесли перегородки — располагалась в самом нижнем здании. Там трудились две медсестры, одна из которых раньше помогала ветеринару в Форт-Коллинзе, а другая около тридцати лет назад работала со стоматологом в Бойсе, штат Айдахо. Скучные медицинские ресурсы включали в себя бинты, аспирин, антисептики, успокаивающие средства, материалы для наложения гипсовых повязок, деревянные шины, бедный набор хирургических инструментов, таких, как зонды и щипцы, а также несколько стоматологических инструментов, и немного обезболивающего: димедрола и виколина.

— Нам нужно еще раз произвести подсчет боеприпасов, — сказала Оливия. Она старалась, чтобы голос оставался ровным и твердым. В комнате, помимо Дейва и Джей Ди, присутствовали еще три человека, и все они в той или иной степени отвечали за боеприпасы. — Узнайте, сколько осталось у каждого.

— У меня пять магазинов, — ответил Дейв. — Тридцать два патрона в каждом. Когда они закончатся, я пуст, — он сел и стянул свою бейсболку. Его лицо покрывала пыль, запавшие глаза выглядели удивительно темными. — Еще одну такую атаку нам не пережить. Их стало слишком много. Если бы не случилось землетрясение... они бы прорвались. Нам ни за что не удалось бы их отбросить.

— Эти толчки, — задумчиво протянула Кармен Ньюга, художавшая латиноамериканка, прежде работавшая налоговым инспектором в Денвере. Она прожила здесь чуть меньше четырех месяцев, придя с полудюжиной других странников. — Раньше что-нибудь подобное случалось?

— Никогда, — покачала головой Оливия. Она взглянула в сторону двери, которая из-за покосившихся стен теперь не закрывалась до конца. Итан Гейнс стоял на пороге, заглядывая внутрь. За его спиной сквозь густой навес облаков начали пробиваться первые болезненно-желтые лучи зари. — Ты в порядке? — спросила она его.

Он кивнул. Лицо его было бледным, каменная пыль облепила волосы и одежду.

— Я говорила тебе не лезть туда, — сказала она и перевела взгляд на доктора. — Джон, я думаю, он в шоке. Ты не мог бы...?

— Я не в шоке, — ответил Итан раньше, чем Джей Ди успел открыть рот. Он, слегка пошатываясь, вошел в комнату. — Я хотел рассказать вам. Рассказать всем... — он замолчал, пытаясь облечь мысли в слова.

— Рассказать нам — что? — подтолкнул Итана Дейв. Грубость в его голосе теперь объяснялась не подозрительностью, а усталостью.

А ведь ему еще предстояло хоронить людей... включая очень хороше-го парня, с которым он недавно играл в покер и вел задушевные разгово-ры в этих мрачных стенах.

Итан вздохнул.

— Я думаю... это я вызвал землетрясение, — он нахмурился. — Я *знаю*, что я его вызвал.

В комнате повисло молчание. Затем Джей Ди тихо заговорил:

— Итан, пойдём, я отведу тебя в больницу, где ты можешь лечь и отдохнуть. Дам тебе воды и немного еды...

— Я сказал, что это я вызвал землетрясение, — повторил Итан.

— Конечно, — Дейв снова надел бейсболку и провел рукой по бородатому подбородку. — Да-да, ты отлично поработал. Обратил Серых людей в бегство. А еще почти уничтожил жилой комплекс, но... Эй, я же не против спать в комнате, где на меня того и гляди рухнет потолок. Что с тобой, малыш? Совсем шарики за ролики заката-лись, в придачу к потере памяти?

— Прекрати, Дейв, — предупредила его Оливия. Она поднялась. — Итан, тебе лучше пойти с доктором. Может, ты...

— Нет! Я не пойду, — Итан шагнул вперед и встал в центре коман-наты с таким решительным видом, что Кармен Ньегга, Расс Уиткомб и Джоэль Шустер расступились по сторонам. Мальчик прошел мимо Джей Ди и остановился перед столом Оливии. В свете лампы его гла-за были ярко-голубыми, и их сияние почти вызывало у Оливии страх. — Я же пытаюсь объяснить. Я знал, что нужно прикоснуться к кам-ням в стене... и я точно знал... неизвестно откуда, но... я представлял, что произойдет. В своей голове. Как будто я командовал, и земля де-лала то, что я хотел. Но... то, что случилось, оказалось сильнее, чем мне хотелось. Вы ведь понимаете, о чем я?

— Нет, Итан... боюсь, что нет. Случился... природный катаклизм, вот и все. Почему он произошел именно в тот момент, я не знаю. Нам очень повезло. Но ты не мог вызвать землетрясение. А теперь я настаиваю, чтобы ты отправился в больницу. Успокойся и постарайся отдохнуть, если у тебя получится.

Джей Ди озадаченно нахмурился. Отдохнуть в больнице среди массы стонущих пострадавших, требующих к себе внимания? Это будет непросто. Но он хотя бы мог дать мальчику глоток драгоценной воды из бутылки и пару таблеток снотворного, что заставит его за-быться часов на двенадцать.

— Эй, послушайте! — в дверях возникла Китт Фалькенберг. Около тридцати, высокая и стройная, с грязными светлыми волосами, раньше она была звездой волейбола в университете Колорадо. Ее го-лос звенел от волнения. Она явно торопилась сюда с какой-то важной новостью, и теперь судорожно переводила дыхание. — Мне сказал

Томми Корделл, а потом я и сама увидела! Бассейн! Землетрясение раскололо его прямо посередине. Только... он заполняется!

— Что? — Дейв вскочил на ноги.

— Бассейн, — повторила Китт, и ее голубые глаза почти светились на запачканном пылью лице. — Туда течет вода! Через трещину! Идемте, вы должны это увидеть!

Им потребовалось несколько минут, чтобы выбраться из полуразрушенного здания и спуститься с холма. Оливия шла первой. Джей Ди замыкал группу вместе с Итаном. Четыре десятка поселенцев уже собрались вокруг бассейна. Оливия протиснулась сквозь толпу, а за ней Дейв. В желтом свете подступающего рассвета они увидели то, о чем говорила Китт — среди бассейна проходила неровная трещина, и из нее толчками выплескивалась вода. Пол Эдсон, который в прошлой жизни был джазовым музыкантом и играл в группе, где считался очень неплохим саксофонистом, спрыгнул в самый мелкий конец бассейна и наклонился, касаясь вытекающей воды.

— Холодная, — сказал Пол. Он набрал полную пригоршню и попробовал ее на вкус. — Боже мой! — воскликнул он. — Да это ж родниковая вода!

Другие поселенцы тоже спустились в бассейн, чтобы прикоснуться и попробовать воду на вкус. Оливия зачерпнула воду ладонью и поднесла к губам. Взглянув на Дейва, она, почти задыхаясь от переполнявших ее чувств, воскликнула:

— Мы все это время жили рядом с родником под бассейном! Все это время! Это чистая вода, — она вернулась к своей роли лидера и принялась отдавать команды. — Внимание всем! Возьмите ведра, бутылки... в общем, все, что сможете найти, и несите сюда, скорее! Нужно заполнить их! Расскажите об этом всем, кого встретите!

Ей не пришлось никого просить дважды. Видя силу, с которой прибывала вода, каждый горел желанием поделиться радостным известием, пока воду в бассейне не испортил очередной отравленный дождь. Оливия подумала, что нужно как можно скорее соорудить крышу над бассейном, чтобы уберечь воду от дождя, и снова поискала взглядом Дейва, собираясь сказать ему об этом. Но того не было рядом.

Он остановился неподалеку от Итана и уставился на него. Дейв вспомнил, как Итан говорил о предчувствии, что заставило его прийти ночью к бассейну. Он вспомнил и то, как именно мальчик расхаживал по дну бассейна, и отметил, что трещина точно повторяет его маршрут.

Итан полуприкрытыми от усталости глазами смотрел, как течет вода. Он чувствовал себя совершенно измотанным и пребывал на грани между сном и бодрствованием.

Вот, что чувствуют люди в шоке, подумал он. Мальчик молча наблюдал, как люди спешат за емкостями для воды, и не сразу заметил, что Дейв МакКейн пристально смотрит на него, словно видит в первый раз.

— В чем дело? — спросил Итан.

— Просто смотрю, — ответил Дейв.

— На что?

— Пока не знаю, — был ответ. Надо сказать, честный ответ. Дейв повернулся и зашагал в сторону полуразрушенных зданий. Перед ним по-прежнему стояла задача похоронить Митча и других погибших при нападении Серых людей.

Джон Дуглас решил, что сейчас самое время отвести ошеломленного мальчика в больницу и уложить его отдохнуть. А затем, заручившись помощью медсестер, заняться переломами, ушибами и прочими травмами пострадавших. Это было тяжелое утро... но, благо, оно настало.

Оливия поднялась из бассейна и попросила двоих мужчин соорудить какой-нибудь навес для защиты источника от дождя. Даже воодушевленная появлением источника, она не переставала думать о сокращающихся запасах продовольствия и боеприпасов, а также о необычайной численности Серых людей и разрушенных стенах. Пантер-Ридж не сможет выдержать еще одну такую атаку, даже с неограниченным запасом питьевой воды.

Оливия посмотрела на тускло-желтые рассветные облака. Где-то там, на останках старого мира, Сайферы и Горгоны все еще сражались между собой.

Может, эта война будет бесконечной, подумала она. Во всяком случае, ни она, ни кто-либо другой из защитников Пантер-Ридж не застанут конца войны.

Ну и ладно, сказала она себе. Накопилось слишком много дел. В это туманное желтое утро Оливия Куинтеро не могла позволить себе сломаться. Бассейн щедро делился чистой пресной водой. Это ведь чудо, не так ли? Маленький лучик надежды, который с каждой секундой становился все ярче.

Ладно, повторила Оливия, потому что это слово придавало ей мужества и уверенности. Затем она отошла от бассейна и отправилась на поиски пустых бутылок, набрать хоть немного этого жидкого чуда.

Группа мужчин, под руководством Дейва МакКейна, занималась похоронами погибших. Раньше Дейв думал, что привыкнуть можно к чему угодно, но привыкнуть к похоронам оказалось невозможно. Дейв молча и упорно копал могилы, и лишь когда они были заполнены и засыпаны, он закурил сигарету и подошел к бассейну в надежде покурить в тишине и посмотреть, как льется вода. Ему нравился звук

— тихий, похожий на журчание ручейка, бегущего сквозь лес. У него осталось шесть сигарет, да и зажигалка «Бик» была последней. Дейв тяжело вздохнул. Что ж, рано или поздно придется бросать курить.

Низкий раскат грома эхом отозвался в облаках. Похоже, одна из враждующих сторон только что нанесла мощный удар.

В это время, в тускло освещенной комнате больницы, спал Итан, приняв две капсулы залеплона⁸. В соседней комнате Джон Дуглас и две медсестры помогали пострадавшим. Утро продолжалось. Упавшую сторожевую вышку понемногу восстанавливали, и рабочие укрепляли камнями и цементным раствором другие поврежденные места в восточной стене. Солнце слабым светлым мазком проглядывало сквозь кучевые облака. Около полудня пошел небольшой дождь, но к этому времени над бассейном уже установили навес, защищающий источник от отравленной воды, льющейся с неба.

В своей квартире Дейв МакКейн посмотрел на мертвые провода, свисающие с потрескавшегося потолка над кроватью. Он прошел по покосившемуся полу до шкафа и вытащил спальный мешок. Затем снял ботинки и бейсболку, развернул спальник на диване и скользнул в него. В тщетных попытках уснуть прошел примерно час, но мысли не оставляли его.

Он родился в семье фермера, его родители были славными богобоязненными людьми, опасавшимися происков дьявола и ценившими выполненную работу. Он годами работал на кукурузных и соевых полях своей семьи. Когда утром третьего апреля появились Горгоны, он позвонил своим родителям на ферму в Сидар-Рэпидс, штат Айова, сказать им, что Шерил и мальчики приедут на пару дней и переждут, пока все не утрясется. Дейв уверял, что это не конец света, и что — несмотря на царившее вокруг полное безумие — военные не станут сидеть, сложа руки, и вскоре возьмут ситуацию под контроль.

Затем по «Си-Эн-Эн» показали, как ввысь устремляются столбы огня, как падают мертвые сожженные деревья, как взрываются ракеты, натываясь на силовое поле инопланетных кораблей, и как президент из своего Овального кабинета призывает граждан к спокойствию. Сразу после этого лидер страны и прочие высокопоставленные лица из правительства исчезли. По всему миру люди в панике искали новых лидеров, но никто не мог повести за собой народ на этой войне. Полиция и вооруженные силы развалились, как картонные домики. Люди, прежде служившие там и давшие присягу защищать свою родину, разбежались кто куда, в попытках спасти хотя бы свои семьи и близких друзей, найти укрытие. Чуть позже прибыли

---

⁸ Залеплон — снотворное средство.

корабли Сайферов, и все сотовые вышки и телефонные станции, вкупе с интернетом, телевидением и радиостанциями, накрылись медным тазом. Электричество тоже пропало.

Дейв, Шерил и двое их сыновей так и не добрались до Сидар-Рэпидс. Они не нашли дом родителей к югу от Колорадо-Спрингс и так и не выяснили, что там произошло. Или что случилось с сестрой Шерил в Сан-Франциско. Все произошло так стремительно, что казалось почти нереальным. Они покинули свой дом ночью, при свете свечей и фонариков на батарейках. Дейв нес пару чемоданов к прицепу, стоявшему за их пикапом. В следующее мгновение безликие черные солдаты с оружием, вырастающим прямо из их тел, проникли в дом. Они двигались сквозь стены, как мерцающие призраки. Шерил была в гостиной с Майком и Стивеном, и Дейв закричал им: «Бегите к машине!» Он бросил чемоданы и схватил дробовик, стоявший у открытой двери. Но тут голубая вспышка осветила окна их дома. Он вспомнил урчащий звук взрыва и ощущение, словно его сперва пнули тяжелым сапогом в спину, а потом сбросили в бездонную пропасть. И он все падал, падал и падал... казалось, летел из одного мира в другой. Он пришел в себя, лежа возле сгоревшего автомобиля. Одежда была вся в копоти. На месте дома зиял кратер, заполненный горящими обломками, все деревья вокруг превратились в пылающие факелы, и над всем возвышалось страшное голубое пламя.

Он попытался встать, но тело не слушалось. Нервы дрожали, как струны, и он не мог заставить себя пошевелиться. Кровь текла из носа и глаз. Дейв уперся руками в землю и как мог выгачил себя из липкой грязи, которая, казалось, старается удержать его в объятиях. Он бросился к кратеру, истерически выкрикивая имена жены и сыновей, но ответа не было. Небо над ним рассекали равнодушные к его отчаянию сияющие синие и красные следы, похожие на северное сияние. Кто-то мог бы назвать их прекрасными...

Сколько времени прошло, прежде чем Дейв пришел в себя? Сколько длился пожар? Когда огонь, наконец, погас, Дейв сполз вниз, в кратер, и нашел в обломках почерневшие тела. Он прекрасно знал, кому они принадлежат. Он встретил рассвет, сидя среди трупов в дымящихся руинах, пытаясь вспомнить, где ключи от фургона и что делать с расплавившимися крышками. Солдаты Сайферов — как всегда молчаливые, словно призраки, снова двинулись в только им ведомом направлении. Они посмотрели на него, проходя мимо кратера... Точнее, их безликие шлемы обратились к нему на долю секунды, но мужчина их не интересовал. Он не представлял для них угрозы, безоружный, в обгоревших лохмотьях с залитым кровью лицом. Глаза Дейва МакКейна опустели в тот день от беспрестанных рыданий, из приоткрытого рта текла слюна.

Он был ничем в масштабе этой войны.

В какой-то момент Дейв понял, что надо двигаться. Пора идти, если он собирался выжить. Он посмотрел на свои красивые наручные часы «Булова», которые Шерил подарила ему на десятую годовщину их свадьбы, и увидел, что стекло разбилось, а стрелки замерли на 9:27, и это чуть не выжгло оставшуюся часть его разума. Но нечто, все еще оставшееся в его опустошенной душе, заставило его действовать. Следующим его воспоминанием стало то, как он бредет, шатаясь, по дороге во тьме. Возможно, это была уже следующая ночь. Все вокруг застилал дым от горящих деревьев, домов и полей. Фары пронзали дым, когда машины и фургоны с поддавшимися панике людьми проносились мимо. Их лица были искажены от ужаса. Может быть, он кричал и бредил, попадая в свет фар... Дейв не помнил. Разум его будто раскололся на части.

В конечном итоге, путь, привел его сюда, в крепость, в которую превратились апартаменты жилого комплекса Пантер-Ридж. И хотя он каждый день подталкивал себя к тому, чтобы запастись провизией, оседлать лошадь и направиться в Сидар-Рэпидс проверить, живы ли его мать и отец, в глубине души понимал: они мертвы, и любая поездка в те края будет самоубийственным путешествием через все круги ада. Ему никак не обернуться в течение дня, пока светло, а ночью Серые люди выходят на поиски свежего мяса. Или он мог угодить по дороге в разгар очередной инопланетной битвы, и стать случайной жертвой, сожженной в прах, как Шерил, Майк и Стивен...

Неужели в глубине души он был трусом? Он часто задавал себе этот вопрос. Неужели все эти драки в барах, грубость и бравада ничего не стоили, и в душе он был испуганной тенью того, кем притворялся?

Потому что на самом деле... Дейв боялся. Он успокаивал себя тем, что тут были его друзья, тут он мог приносить пользу. И все же он понимал, что скоро умрет. Скорее всего, при очередной атаке Серых людей. У него почти не осталось патронов, нечем будет отстреливаться от них. С последним патроном для него все будет кончено. Когда это произойдет? Сегодня ночью? Завтра? На следующей неделе? Невозможно точно знать, но это случится очень скоро. И когда все закончится для него, вероятно, все закончится и для остальных жителей Пантер-Риджа. Голод выгонит Серых людей из укрытий, и они придут сюда, насытиться человеческим мясом.

Дейв лежал без сна в спальном мешке на диване и жалел, что у него не осталось ни одной бутылки «Джима Бима» — последнюю он прикончил больше месяца назад. Он не мог заставить себя заснуть. Его не переставали тревожить две вещи: Итан, который утверждал, что вызвал землетрясение, и тот факт, что мальчик прошелся по дну

бассейна, а трещина, через которую хлынула живительная вода, последовала за ним по пятам.

Зато теперь можно было не волноваться о распределении воды в бутылках. Конечно, оставалось еще много других поводов для беспокойства, но... вопрос с водой был решен.

Как будто я командовал, и земля делала то, что я хотел.

Так сказал мальчик.

Но только Дейв знал, что Итан ходил по дну бассейна, там, где позже появилась трещина. Тогда мальчик ответил, мол, ему просто нужно было прийти.

Да, это простой ответ, в нем нет ничего особенного. Но... все же что-то в нем было. Больше, чем просто слова. Намного больше. Предчувствия Дейва так мучили его, что заставили вылезти из спального мешка и надеть ботинки и бейсболку. Он видел, как солдаты в черных шлемах скользили сквозь стены его дома. Он видел чудовищные вещи. Видел, как люди, некогда бывшими законопослушными гражданами и патриотами своей страны, обращались в страшных зверей, рвущих друг друга в клочья. Он видел следы инопланетных кораблей в ночном небе и знал, что вещи, о которых ему раньше и помыслить было сложно, могут существовать в реальности. В этом мире кошмаров теперь не стало ничего невозможного.

Дейв вышел из квартиры и направился к больнице. У него возникли кое-какие вопросы к и загадочному мальчику.

Глава шестая

Даже во время крепкого сна Итану не чувствовал себя в безопасности.

Он снова стоял на стене, наблюдая за множеством уродливых искривленных фигур, толпящихся внизу и рвущихся вверх по склону холма. Вокруг него стреляли из пистолетов, пулеметов и винтовок, кто-то пустил в ход ножи и топоры, а Серые люди продолжали цепляться своими усеянными шипами конечностями за каменные выступы на стене и стремительно поднимались, ведомые своей чудовищной решительностью и неутоленным голодом.

Они начали перелезать через колючую проволоку. Некоторые наваливались на нее всем телом, другие просто обрывали капризную преграду, но все больше тварей пыталось перебраться на другую сторону и наброситься на защитников Пантер-Ридж.

Только на этот раз им не удастся защитить стену. Боеприпасы иссякли, выстрелы смолкли. Кого-то из защитников когтистые пальцы и острые, как пилы, зубы разрывали на части. Другие в панике кину-

лись бежать с помоста, пытались спрятаться, найти убежище. Итан отпрянул, когда шипастые монстры навалились на проволоку прямо перед ним. Он едва удерживал равновесие на самом краю помоста, и вдруг... пепельно-серая рука метнулась вперед и ухватила его за горло. Итан видел перед собой худошавую тварь, что выглядела больше рептилией, чем человеком. Она проталкивала свое тело через проволоку, продолжая изо всех сил стискивать горло жертвы. Желтоглазое лицо, покрытое темно-серыми чешуйками и с остатками черных волос на макушке, придвинулось вплотную к лицу Итана. Тонкие губы раскрылись, обнажая зубы, половина которых была обломана о человеческие кости.

Пасть распахнулась. Зубы сверкнули.

Существо произнесло шепотом:

— Иди, — сказала оно, — в Белый Особняк.

А затем пуля пробила твари голову, и из раны брызнула черная кровь. Желтые глаза моргнули, в них мелькнула тень удивления. Пальцы с когтями, похожими на крюки, разжались и освободили горло Итана. Существо завалилось на спину, безнадежно запутавшись в колючей проволоке, оставляя на ее колючках кусочки серой плоти.

— Итан? Итан?

Кто-то тряс его за плечо. Мальчик вздрогнул, не сразу сообразив, кто вырвал его из цепких объятий крепкого сна. Открыв глаза, он прищурился от света масляной лампы. Окна были закрыты занавесками, почти не пропускающими сюда болезненно-желтый дневной свет. На улице лил дождь, брызги залетали в комнату через разбитое стекло, кое-как заклеенное скотчем. Из дюжины трещин на потолке тоже капала вода.

Итан понятия не имел, сколько ему удалось поспать на узкой койке в больничной палате. Кто-то со скрежетом пододвинул стул ближе к кровати. Итан увидел изборожденное морщинами лицо с носом, как у хищной птицы. Дейв МакКейн снял бейсболку, и его грязные волосы торчали в разные стороны. От него пахло, как от промокшей собаки.

— Джей Ди впустил меня, — сказал он. — Сказал, что ты уже достаточно отдохнул и с тобой все будет в порядке.

Дверь комнаты была плотно закрыта. Итан сел на кровати. Его тело все еще ныло, а разум был словно в тумане. Два слова эхом кружили вокруг него, как назойливые насекомые: «Белый Особняк». Он кивнул.

— Я в порядке. Думаю, мне уже лучше...

Дейв хмыкнул. Лицо его хмурилось, потому что Дейву хотелось курить и промочить горло, но доктор запрещал курение в больнице, да и последняя бутылка виски уже была выпита.

— Я должен задать тебе несколько вопросов, — его голос звучал не так резко, как раньше. Скорее, неуверенно. Дейв сделал паузу, и некоторое время просто разглядывал костяшки своих пальцев. Капли дождевой воды блестели на его бейсболке, висящей на спинке стула. Дейв ощущал маслянистые капли и на коже, и невольно подумал: много ли инопланетного яда он впитал?

— Хорошо. Спрашивайте, — сказал Итан, чувствуя, что иначе его посетитель так и не решится заговорить.

— Ага, — кивнул Дейв, собираясь с мыслями. — Ну, ладно. Ты сказал, что вызвал землетрясение. Как такое возможно? Я имею в виду... ты же мальчик, правда? Человек? Ведь так?

— Вы пришли без оружия. Значит, вы верите, что я человек.

— Я хочу верить, что ты не только выглядишь, как человек. Не плод каких-то экспериментов Горгонов или Сайферов. Но... если ты вызвал землетрясение, то как тебе это удалось?

— Я не знаю, если честно, — сказал Итан, продолжая думать об Особняке. Он пытался отогнать эту мысль, но она не давала ему покоя, все сильнее и сильнее приковывая к себе внимание. — Я просто пожелал, чтобы так случилось. Положил руки на стену. Представил, что земля стряхивает с себя Серых людей. Это все, что пришло мне в голову.

— Ты положил руки на стену? Просто пожелал, чтобы случилось землетрясение, и оно... случилось?

— Да.

— Ну-ну. Ладно. Тогда пожелай, чтобы бейсболка со спинки стула переместилась ко мне на голову.

Итан чуть не рассмеялся, но каменное выражение лица Дейва дало ему понять, что это не самая лучшая идея.

— Мог бы получиться неплохой фокус, да? — сказал он. — Но вряд ли я смогу это сделать.

— Почему нет? Ты вызвал чертово землетрясение! Используя свой разум... или как ты там сказал? И теперь ты не можешь поднять в воздух паршивую кепку?

— Я должен захотеть это сделать... Ну... потому что другого выхода нет. Не знаю, как я это делаю. Я просто... знаю... в нужную минуту... что должен постараться. Я не хотел умирать. И не хотел, чтобы еще кто-то умер. Я готов был сделать все, что в моих силах... все, что угодно. Так что... оно просто вышло из меня — такое было чувство. А потом, когда все закончилось, оно вернулось в меня и уснуло.

— Что за чувство? Что из тебя вышло и вернулось? — в голосе мужчины прорезались нотки сарказма.

— Я думаю... сила. Это все, что я могу сказать.

— Сила, — теперь сарказм звучал явно. — Ну, да. Пятнадцатилетний мальчуган, обладающий силой вызывать землетрясения, но не способный переместить бейсболку на пару футов. А ты можешь летать? Предсказывать будущее? Может, скажешь мне, когда же кончится все это дерьмо?

— Нет, — ответил Итан, и по его лицу в свете лампы пробежала тень. — Нет. И нет. Я этого не могу.

Дейв провел рукой по лбу, прислушиваясь к льющему снаружи дождю. Затем он пристально всмотрелся в глаза мальчика.

— Ты знал об источнике под бассейном?

— Нет.

— Тогда что ты там делал? Зачем ты там гулял?

— Я просто знал, что мне нужно туда прийти.

— Ты слышал чей-то голос, говорящий с тобой? Так?

Итан пожал плечами.

— Я не знаю...

— Как это — ты не знаешь? — Дейв почти кричал. Ему стоило невероятных усилий сдерживать себя. — Или лучше спрошу: что, черт возьми, ты вообще знаешь? Ни своего настоящего имени, ни откуда ты взялся, ни где твои предки! Ты просто «очнулся» на бегу, так ты нам сказал? И вдруг выясняется, что ты можешь устраивать землетрясения, а трещина в бассейне проходит четко по тому месту, где ты прошел, и оттуда начинает литься чистая вода! А все почему? Потому что ты «знал, что тебе нужно туда прийти!» — лицо Дейва скривилось от смеси разочарования и злобы. — Господи! — воскликнул он. — Ладно, ты нашел нам воду! А как насчет еды? Или боеприпасов? Вот что нам сейчас нужно, потому что иначе мы не выдержим очередной атаки. Так наколдуй нам еще патронов, Итан! Ты можешь это для нас сделать? Потому что, если не можешь... нам крышка. Понимаешь?

Итан нахмурился. Он видел, что Дейв говорил искренне, и понимал опасность ситуации, но что-то в его сознании продолжало заслонять собою все остальное, и мальчик ничего не мог поделать с этим.

— Белый Особняк, — пробормотал он. — Вы когда-нибудь слышали о нем?

— Что? Ты про Белый Дом, что ли? В Вашингтоне? Какое отношение это имеет к...

— Белый Особняк, — повторил Итан. — Не Белый Дом. Я думаю, это место существует, и я должен туда попасть.

— В самом деле? Ну, а я думаю, мне нужно попасть на чертову Луну! Ты с ума сошел, малыш? Да? Ты тронулся умом?

Итан уставился на горящую масляную лампу. Кто он на самом деле? Откуда он? Он не знал ответов на эти вопросы, но ему были доступны некоторые истины, и он мог их озвучить.

— Я считаю, мне нужно найти это место. Нечто хочет, чтобы я его нашел. Это важно, хоть я и не понимаю почему. А здесь... в этом жилом комплексе... тут нехорошо. Никто не должен оставаться здесь. В следующий раз, когда они атакуют... они покончат со всеми, кто останется. Я верю, что Белый Особняк — настоящий, и... я хочу убедиться в этом. Что-то велит мне отправиться туда, — мальчик пристально посмотрел в глаза Дейва. — Я видел это во сне, и не могу выбросить из головы. Вы можете выяснить для меня, реально ли это место и где оно находится?

— О, так теперь откровения приходят к тебе во сне? Что дальше? Превратишь воду в вино? Преврати ее лучше в виски, и купишь меня с потрохами.

— Я бы согласился на лимонад, — ответил Итан, но лицо его осталось серьезным. — Вы сами понимаете, каково положение в Пантер-Ридж, сэр, — сказал он, вежливости ради добавив последнее слово. — Может, сведения о Белом Особняке окажутся полезны для всех нас. Не могли бы вы все-таки разузнать, существует ли он? Поспрашивайте, вдруг кто-то слышал о нем, и знает, где он находится.

— Ну, конечно! Мы погуглим в интернете, как ты на это смотришь? — Дейв встал и нацепил бейсболку, все еще мокрую от дождя. Он понятия не имел, зачем пришел сюда к этому мальчику с вопросами, на которые все равно не мог получить ответы. Может, он хотел, чтобы Итан дал ему что-то вроде... совета? То, что поможет ему выстоять и продержаться. А вместо этого мальчик, лишь показал, что у него, похоже, не все дома.

Итан встал с кровати и вышел из комнаты вслед за Дейвом. Снаружи несколько человек сидели на стульях, ожидая медицинской помощи. Как и в квартире Дейва, кругом с покосившегося потолка свисали трубы и провода. Джей Ди накладывал деревянную шину на левую руку измученного болью мужчины средних лет, одетого в грязную белую футболку и джинсы. Две медсестры ухаживали за другими пациентами.

— Ты уже готов встать? — спросил Джей Ди Итана, не прекращая работы, и Итан кивнул в ответ. Дейв был уже у двери, которая — как и в квартире Оливии — теперь не закрывалась, покосившись после землетрясения.

— Будь осторожен, — напомнил Джей Ди мальчику. — Дождь льет, как из ведра, и...

— Эй! Минуточку! Эй, ты... сынок!

То был оклик мужчины со сломанной рукой. Он смотрел на Итана.

— Подожди. Я откуда-то тебя знаю. Верно?

Дейв обернулся, стоя в дверном проеме. На улице и правда лил дождь.

Итан не узнал этого мужчину с кудрявыми седыми волосами, карими глазами и повязкой на ушибленном лбу.

— Я... так не думаю, — но в его сердце вспыхнула крошечная искра надежды зажглась небольшая искра надежды. — А вам кажется, что вы знаете меня?

— Откуда-то знаю, по-моему. Мы с женой пришли сюда несколько дней назад. Кажется, я видел тебя раньше... ч-черт, больно же! — он с раздражением прикрикнул на доктора, затем снова обратился к мальчику. — Я видел тебя раньше, только не помню, где. Погоди минутку... погоди... ты был... в другой одежде. Рубашка. Темно-красная рубашка с оторванным рукавом.

— Так и было, — Дейв приблизился к пациенту Джона Дугласа. — Такая рубашка была на нем, когда мы подобрали его вчера. Так где вы его видели?

Мужчина хотел заговорить, но почему-то запнулся. На лице возникло выражение тревоги.

— Ну же, расскажите нам, — подтолкнул его Джей Ди, перестав обматывать бинтом сломанную руку.

— Я помню... — заговорил мужчина. — Мы были с другой группой в торговом центре. Может, в шести или семи милях отсюда. Наше укрытие разнесли в щепки, и мы искали новое. Они сражались прямо над нами, и мы хотели где-нибудь затаиться, пока бой не кончится. А потом... — он перевел взгляд с Итана на Дейва, затем снова посмотрел на мальчика, подбирая слова. — Пришельцы, наконец, ушли. Мы нашли укрытие, и обнаружили там тела. Погибшие пролежали там несколько часов... под завалами разрушенных кирпичных стен. И... ты... ты тоже лежал там! Вот, где я тебя видел. Только... ты был мертв. Как и другие. Шесть человек похоронило под этими кирпичами. И ты был среди них!

— Чушь собачья! — огрызнулся Дейв с нарастающим гневом. — Разве похоже, что перед вами мертвец?

— Я понимаю, как это звучит, но... он был мертв. Похоже, взрыв разметал людей по комнате, размазал по стенам. И... его лицо... он выглядел так, словно спит, и Кей велел мне проверить... Если была хоть малейшая надежда, мы бы постарались помочь ему. Поэтому... я проверил его пульс, но ничего не было, — мужчина опустил взгляд. — Я проверил. Тщательно. Ничего не...

— Вы ошиблись, — перебил Дейв. Его лицо покраснелось. — Ошиблись, черт вас подери! Может быть, его сердце билось так слабо, что пульс не прощупывался. Но... посмотрите на него! Он, что, похож на мертвеца?! — затем Дейв поймал на себе взгляд Джей Ди, и вспомнил, как вместе с доктором стоял в комнате безопасности, разглядывая уродливые кровоподтеки на груди и спине Итана. Тогда Джей Ди сказал, что мальчик, должно быть, вынес ужасное потрясение. Например, ударную волну от взрыва.

— Вы ошиблись, — повторил Дейв мужчине со сломанной рукой, после чего развернулся и вышел. Вопросы порождали лишь новые вопросы, а ни одного ответа не находилось. Даже в нынешнем свихнувшемся мире мертвый мальчик не мог восстать из могилы. Дейв продолжал идти, ускоряя шаг, сквозь стену проливного дождя. Капли, тяжелые, словно маленькие свинцовые гири, колотили его по голове, спине и плечам.

Белый Особняк, подумал он, шагая по холму. Это звучало бессмыслицей. Все нынче стало бессмысленным. *Задница моя — вот что такое этот Белый Особняк*, злобно подумал он.

Но еще он подумал о том, насколько решительным звучал голос мальчика, когда он произнес эти слова. *Мне нужно туда попасть*. Так сказал Итан.

Но другая фраза вызывала безотчетную тревогу: *Что-то велит мне отправиться туда*.

Дейв оглянулся и увидел почти неразличимую за плотной пеленой дождя стройную фигуру Итана. Он хотел остановиться и подождать мальчика, но передумал. Он не был уверен, в самом ли деле Итан тронутый, или...

...или все-таки нет? Или он является кем-то иным?

Никто не может вызывать землетрясение, подумал Дейв, шагая сквозь ливень. И эта странная история с источником под бассейном — должно быть, просто совпадение. Но верить ли рассказу того мужчины о мертвом мальчике в разрушенном здании? Ведь он верно описал его одежду: темно-красную рубашку с оторванным рукавом...

Мальчик сказал: *Что-то велит мне отправиться туда*.

Куда? И зачем? Да и откуда кому-то знать, что это за место и где оно находится?

Неплохо было бы, подумал Дейв, чтобы голос, который якобы слышит Итан, рассказал ему остальное. Всю историю, а не только отрывки.

Несмотря на всю его твердость, перенесенные испытания и сожаления о том, во что превратился мир и его жизнь — и жизни всех людей — подкосили Дейва МакКейна..

Он ощутил, словно внутри что-то надломилось, зашатался, колени подогнулись. Дождь яростно молотил по спине, буквально прибивая его к земле. Дейву казалось, что он разваливается на части и становится Серым человеком, еще одним детищем этой отравленной земли. Он словно пересек некую точку невозврата, переступил порог изменения, и никогда уже не станет прежним.

Дейв упал на колени посреди дороги и прижал руки ко рту, силясь сдержать отчаянный крик, мольбу о пощаде. Не только для себя, но и для всех, кто страдал, переживая потери, для всех, кто стал заложником неизбежной гибели. Он чувствовал, как слезы жгут ему щеки, как их смывает отравленный дождь. Дейв подумал, что если уж он позволил себе расплакаться, то последним остаткам его сил можно сказать: прощай, детка, прощай!⁹

Поэтому он просто стоял на коленях под проливным дождем и, как утопающий за соломинку, хватался за то немногое, что еще оставалось в его душе.

— Вам помочь?

Дейв поднял глаза. Над ним, протягивая руку, стоял Итан.

Дейв готов был поверить во что угодно, лишь бы это помогло ему дожить до завтра. Он спрашивал себя: правильно ли это — верить, что Итан Гейнс смог заставить землю содрогнуться, а источник забить под треснувшим бассейном? Правильно ли верить, что этот мальчик погиб, но вернулся к жизни, и теперь какая-то неизвестная сила направляет его на поиски некоего Белого Особняка?

Правильно ли верить в это сейчас?

Он не знал, правильно это или нет, но сейчас, когда вся планета страдала от инопланетных атак и воскресающих на поле этой битвы кошмаров, от энергетических вспышек и ядовитых дождей... Дейв МакКейн действительно верил. И этой веры было достаточно, чтобы дожить до завтра.

Но, несмотря на это, он отверг протянутую руку и поднялся на ноги сам.

Дейв, погруженный в свои мысли, медленно направился обратно в свою разваливающуюся квартиру. Загадочный мальчик же, дав Дейву МакКейну удалиться на некоторое расстояние, пошел следом.

---

⁹ *Gone, baby, gone* («Прощай, детка, прощай») — отсылка к фильму 2007 года, режиссера Бена Аффлека.

Глава седьмая

Около полуночи Дейв, наконец, произнес те слова, которые так долго, но безуспешно, пытался из себя выдавить.

— Что, если и правда есть такое место — Белый Особняк?

— Конечно, есть, — ответил Джон Дуглас. — Может, это такой городок... Ну... или место, где раньше был такой городок. Может, он даже не в этой стране, — он выложил плитки с буквами на доску «Скрэббл»,¹⁰ составил слово, затем, сделав большой глоток из своей кружки с родниковой водой, взял еще пять плиток. — Но нам не стоит придавать этому слишком большое значение, только потому, что Итан видел во сне, будто кто-то говорил с ним и звал его туда. Согласен? — он взглянул на Дейва через игровое поле.

Две масляные лампы и один фонарь освещали квартиру доктора под номером 108. По стенам разбегалась сеть угрожающих трещин, все до единого окна разбилось. Дверь покосилась и теперь, как и многие другие двери комплекса, не закрывалась до конца. В любой другой ситуации жителей такого дома немедленно эвакуировали бы, а территорию оградил предупредительной желтой лентой, но... здешним поселенцам не приходилось выбирать.

Оливия Куинтеро разглядывала игровую доску, лежащую на исцарапанном столе между ними. Ее винтовка стояла под рукой, прислоненная к стулу. Серые люди не явились сегодняшней ночью, под проливным дождем. Оставалась вероятность, что они придут перед самым рассветом, но пока они вели себя тихо и не показывались. Оливия очень хотела спать, но Дейв попросил ее составить компанию им с доктором, и она согласилась. Какой-никакой, но это тоже был отдых. Правда, единственным ее успехом в игре было добавление букв «е» и «л» к уже имеющимся на доске. Оливия взяла еще две плитки, и ей выпала буква «т» и пустая.

— Что ты думаешь об этой истории? — ее вопрос был адресован Джей Ди. — О том, что Итан якобы воскрес из мертвых.

— Я думаю, что тот, кто проверял пульс, сам был в шоке, и не различил сердцебиение.

— Может, и так. Но после того, что ты рассказал мне обо всех тех травмах... Ты ведь считал, что мальчика накрыло ударной волной, и он должен был умереть. Разве не так?

— Я не выражался именно так.

---

¹⁰ «Скрэббл» - популярная настольная игра, участники которой из отдельных букв, написанных на имеющихся у них квадратных плитках, должны составлять слова, зарабатывая тем самым очки.

— Неважно, — она посмотрела, как Дейв кладет букву «в» перед комбинацией «слово». — Ты имел это в виду. Насколько я помню, тебя удивило отсутствие у мальчика серьезных внутренних повреждений. А еще ты поражался, как он все еще может ходить, — она откинулась на спинку стула, чтобы изучить выражение лиц обоих собеседников. — А ты что думаешь, Дейв?

Дейв не торопился с ответом. Он смотрел, как Джей Ди выстраивает новое слово. Затем, не поднимая глаз на Оливию, он произнес:

— Я не уверен, что Итан — тот, кем кажется. Я не знаю, что он, черт возьми, такое. Но я бы сказал... если он и правда каким-то образом... используя какую-то силу... вызвал землетрясение... то нам не...

— Это невозможно! — усмехнулся доктор.

— Правда? — Дейв сделал глоток из своей кружки с водой. — Посмотри вокруг! Думаешь, мы многое знаем о том, что возможно? В чем угодно можем быть уверены? За последние два года все, на чем строилось человечество, было разрушено. И Серые люди... они мутировали так быстро. Разве кто-то мог такое предположить? Не появились в нашем мире пришельцы, без той заразы, что они принесли, это тоже считалось бы невозможным. Ладно. — он развернул свой стул, чтобы сидеть лицом к доктору. — Что, если Итан — это нечто *иное*, чем человек? Может быть, плод новых экспериментов Горгонов или Сайфиров?

— Его кровь не вскипела, — напомнил ему Джей Ди.

— Да, но все же... он другой. Может, более совершенное создание?

— Не человек? — спросила Оливия, задумавшись. — Он похож на обычного мальчика, но, думаешь, он все-таки... иной?

— Я не знаю, просто пытаюсь...

— Пытаешься сказать, что Итан Гейнс явился в Пантер-Ридж спасти нас? — седые брови Джей Ди поднялись. — Он вызвал мощное землетрясение, и помешал Серым людям сожрать нас живьем? Даже если это так, Итан должен понимать, что следующий такой толчок превратит Пантер-Ридж в груды щебня.

— Это и так уже груды щебня, — отозвался Дейв. Он сделал еще один глоток воды, воображая, что это его любимое виски «Джим Бим». На вкус родниковая вода была почти так же хороша. — Хуже того, это кладбище.

Джей Ди и Оливия промолчали. Доктор неуверенно поерзал на стуле, а Оливия уставилась на крошечную плитку с буквой так, словно решила полностью сосредоточиться на игре, а не просто пыталась отвлечься таким образом от тяжелых мыслей о надвигающемся будущем.

— Мы все умрем, если останемся здесь, — продолжил Дейв. — Мы не выстоим. Вот, что действительно невозможно, — он бросил быстрый колкий взгляд на Джей Ди. — Я спрашивал, не слышал ли кто о Белом Особняке. Пока ничего не выяснил. Спрашивал, не завалось ли у кого дорожное атласа, но снова глухо. Может, кто-то что-то вспомнит, а может, и нет. А еще, думается мне, в средней школе есть библиотека.

Львиная доля медикаментов в больнице Пантер-Ридж взялась из средней школы, как и консервы в столовой, но последний раз Дейв делал вылазку туда больше месяца назад.

— Утром я возьму лошадь и попробую что-нибудь отыскать... карты, может быть... Что угодно, что могло бы нам помочь.

Оливия вздохнула.

— Тебе нельзя идти одному. Как не следовало отправляться одному за Итаном, это было глупо. Ты ведь знаешь, вообще никому не следует выходить из-за стен, только ради того, чтобы раздобыть еду или боеприпасы. Лишний раз лучше не высовываться.

— Я все это понимаю, но все равно пойду. Я никого не прошу идти со мной, сам справлюсь.

Оливия вновь задумчиво уставилась на плитки с буквами. Она решила, что пустую плитку стоит приберечь до лучших времен и добавила свои буквы к уже имеющимся на доске словам. Затем взяла еще три плитки, и на одной из них попалась страшная буква «я».

— Ты в это веришь? — тихо спросила она, и ее голос словно смягчился в свете масляных ламп. — В то, что Итан ищет реальное место? Что он чувствует... как бы это сказать... призыв? И что этот Особняк находится не на другом краю света?

— Призыв? — переспросил Джей Ди с кривой улыбкой, которая быстро угасла. — От кого? От голоса во сне? Нам обязательно и дальше обсуждать эту чушь? — последний вопрос был адресован Дейву.

— Я собираюсь сделать то, о чем меня попросил этот мальчик, — твердо ответил МакКейн. — Потому что... это все, что у меня осталось. Я видел землетрясение, чувствовал его. А еще я верю, что Итан заранее знал про источник под бассейном. Мне кажется, он способен ощущать такие вещи. Не спрашивайте меня как, я не смогу этого объяснить, — он слегка наклонился вперед, пристально глядя на Джона Дугласа и Оливию. — Он попросил меня помочь ему в поисках места, куда, по его словам, его что-то тянет. Найдём ли мы его? — Дейв пожал плечами. — В пятидесяти милях отсюда? В сотне? В тысяче? Я не знаю. Но завтра я должен отправиться в библиотеку и поискать там карты. Это лучшее, что я мог сделать. И, Джон... ты видел синяки на

груди и спине Итана. Ты сам сказал: удивительно, как его легкие не лопнули, и как мальчик все еще может дышать.

— Да, я так говорил, — кивнул Джей Ди с ноткой сожаления в голосе. — Я удивлен, что он выжил. Но, Дейв... это еще не значит, что он умер и восстал из могилы.

Дейв некоторое время молчал. Дождь все сильнее барабанил по покосившимся крышам и треснувшим стенам квартир Пантер-Ридж, чье былое великолепие осталось далеко в прошлом.

Дейв смотрел прямо в глаза Джей Ди. Он заговорил низким, сдержанным голосом.

— А если это так?

Джей Ди обеими кулаками ударил по краю стола, опрокинув игровую доску и рассыпав плитки. Он резко встал. Лицо его было хмурым.

— Я не собираюсь это выслушивать. Спасибо вам за компанию. Но лучше я немного посплю. Спокойной ночи вам обоим, — он кивнул на дверь, поспешив добавить. — Толкайте сильнее, она застревает.

Дейв и Оливия попрощались с Джей Ди и, забрав свое оружие, направились к двери. Дейву пришлось и впрямь сильно налечь на нее, чтобы открыть. Выйдя в коридор, они вместе медленно пошли к лестнице.

— Мне кажется, — заговорила Оливия, нарушая гнетущее молчание, — что ты отчаянно хочешь верить во все это.

— Ага, может и так. Жалкое зрелище, да?

— Не совсем. Должна сказать, меня тоже очень занимает личность Итана. И Джона тоже, только он не хочет об этом говорить. Во многое бывает трудно поверить, очень трудно. Особенно в то, что в этом сумасшедшем мире у кого-то еще осталось предназначение. — Она остановилась, и Дейв замер вместе с ней. — Так ты веришь, что оно есть у Итана? Предназначение, которое каким-то образом поможет нам победить? Что это может быть?

— Без понятия. Но то, что он недавно сотворил, помогло нам. Я не знаю, что он такое и для чего он здесь. Но я так скажу: если он может нам помочь, то я собираюсь сделать то, о чем он просит. Если это значит следовать указаниям, полученным во сне, то... так тому и быть. И остальным следует поступить так же. Иначе только вопрос времени, когда это место превратится в настоящий могильник.

— Хм, — выдохнула Оливия. Она некоторое время задумчиво молчала, прежде чем снова заговорить. Тишину нарушал лишь стук дождя по крышам, а за окном по беспокойному небу пробежала молния. — Возможно... я просто боюсь поверить. Поверить — значит, открыть свою душу. А это сложно. Проще и спокойнее сидеть в ком-

нате, разглядывать фотографию покойного мужа и думать... что еще немного, и мы будем вместе.

— Не сдавайся, — покачал головой Дейв.

— Довериться мальчику, потерявшему память, и словам, что он услышал во сне? Это ты называешь «не сдаваться»? Мне кажется, ты хватаешься за соломинку.

— Так и есть. Но пока она держится.

Оливия кивнула и слабо улыбнулась. В этой улыбке было столько боли, что Дейв непроизвольно отвел взгляд.

— Завтра я пойду с тобой, — сказала она.

— Это необязательно. Нам обоим не следует выезжать за территорию комплекса.

— А может, мне тоже хочется ухватиться за соломинку? К тому же... это мои лошади, — табун пригнали сюда с фермы, которой владела Оливия со своим покойным мужем Винсентом. Поначалу ей было мучительно больно смотреть, как животных убивают и едят, но позже это стало лишь вопросом выживания.

— Хорошо, — Дейв положил ей руку на плечо. — Встретимся в загоне в восемь?

— Я приду.

Дейв в этом не сомневался. Они расстались у подножия лестницы, по возможности укрываясь от ядовитого дождя. Дейв вернулся в свою квартиру и залез в спальный мешок на диване. Оливия вошла к себе, зажгла лампу, чиркнув спичкой, села за стол и взяла в руки «Волшебную Восьмерку», что подарил ей Винсент. Она повертела шар в ладонях, вспоминая тот день, когда получила этот шуточный подарок, завернутый в красную бумагу и перевязанный серебряной лентой. Казалось, это было целую жизнь назад.

И теперь, вопреки логике и здравому смыслу, ей хотелось задать шару вопрос. Казалось, Винсент нашептывает ей на ухо совет поступить так.

— Должна ли я верить?

Она потрясла шар и повернула его.

Маленькая пластиковая пластина появилась перед нею из чернильного облака.

Возможно, это Винсент отвечал ей из рая, а возможно, сама Судьба говорила с ней... Или дело было лишь в случайности — в последнем варианте Оливия сомневалась меньше всего.

Ответ гласил: *Ты можешь положить на него.*

Она взяла лампу с собой в другую комнату, где разделась и скользнула в постель. Приятные сны ее почти не посещали, зато кошмары были частыми гостями. Для них у нее под подушкой всегда лежал пистолет.

Глава восьмая

Желтое небо пугающе низко висело над головой. В безветренном воздухе стоял запах гари, от которого нервничали лошади.

Для предстоящей вылазки тяжелые ворота Пантер-Ридж на время открылись, и Дейв с Оливией бок о бок проехали через них. Как только они покинули крепость, створки ворот тут же закрылись — таков был приказ. На вышках по углам спешно восстановленной и укрепленной стены Пантер-Ридж стояли пулеметчики, напряженно вглядываясь в мертвое небо и зловещую землю.

Два всадника направились к школе, располагавшейся в долине у подножия холма. Иногда на глаза им попадались оторванные во время последней атаки части тел кошмарных чудищ — руки, ноги или даже головы. Похоже, Серые люди не заявили в Пантер-Ридж прошедшей ночью, потому что не испытывали недостатка в пище. Дейв думал, что этим тварям совершенно безразлично, чье мясо поедать, потому что они считали себя высшим звеном в любой пищевой цепочке.

В дополнение к своему обычному «Узи», Дейв взял с собой револьвер «Магnum» калибра .357, который раньше принадлежал Митчу Вандерверу. В квартире Митча нашлось четыре коробки с патронами — по двадцать в каждой. Сам револьвер мог сделать пять выстрелов до перезарядки. Так теперь обстояли дела в мире: когда кто-то умирал, ему копали могилу, писали его имя на табличке, говорили последние слова в его честь, а после с драками и ссорами делили оставшиеся после покойника припасы. Чтобы избежать стычек и насилия, люди тянули жребий, и Дейв вытянул его, стоя над телом Митча. Так что теперь в его распоряжении был «Магnum» с запасными патронами, в дополнение к тридцати двум патронам в магазине «Узи».

Через плечо у Оливии висела винтовка. Также с собой у нее была черная кожаная сумка с тринадцатью запасными магазинами.

По дороге они почти не разговаривали. Не говорили они о своей миссии и перед уходом. Несколько человек предлагали отправиться с ними, но чувствовалось, что предложения эти делаются скрепя сердце, потому Оливия отказалась и заверила, что они с Дейвом справятся сами.

Всадники пересекли открытое пространство, усеянное трещинами и кратерами, края которых почернели от пламени инопланетного оружия. Поверхность дороги тоже потрескалась после землетрясения, посреди зиял кратер, и Оливия подумала, что Земля, пожалуй, пре-

вратилась в планету, более привычную Сайферам и Горгонам, чем ее коренным обитателям: в разрушенное поле битвы, где через пару лет вовсе не останется места человеку. Все в мире ныне было отравлено, сожжено или разрушено. На глазах Оливии выступили слезы, и ей пришлось отогнать печальные мысли, прежде чем они переполнили ее и разбудили печаль глубоко в сердце — ту самую тикающую бомбу замедленного действия, кричащую о том, что правильное и проще присоединиться к Винсенту. Огонек ее души был слишком близок к тому, чтобы окончательно потухнуть. От жизненных сил остались лишь жалкие осколки. Присутствие духа покидало ее день ото дня. Оливия предчувствовала, что за время их вылазки в Пангер-Ридж произойдет еще несколько самоубийств. Число людей, решивших покончить с собой, росло с каждым днем, и не было никакой возможности их остановить.

Белый Особняк, подумала она, приближаясь к старой школе с именем Итана Гейнса на вывеске. Само здание превратилось в руины. А на стоянке... что *это* было? Там лежало три невиданных доселе существа. Их жадно облепили стервятники, став дополнительной живой шкурой на трупах. Толстые отвратительные тела обгорели, из них сочилась черная жидкость, напоминающая моторное масло. Кое-где виднелись очертания более мелких тел, ныне превратившихся в серебристо-черные ошметки, похожие на клочки резины. Оливия видела такое раньше — это останки Сайферов, медленно превращающиеся в ничто. Но другие существа... эти монстры... Оливия попыталась переключить внимание на что-то другое... на что угодно.

— Дейв? — окликнула она напарника слабым голосом. — Что случилось с машинами? С теми, что были брошены здесь?

— Не спрашивай, — мрачно бросил он, потому что Ханна Граймс поделилась с ним тем, что видела в бинокль на парковке. Тогда он строго приказал ей, этой старой курице, никому, ради Христа, об этом не рассказывать. Пока что Ханна не распускала язык, но, возможно, это был лишь вопрос времени. Создание инопланетной плоти из земного металла — это что-то новенькое.

Лошади вздрогнули и заупрямились, не желая ступить на стоянку.

— Пошла! Пошла! — подгонял Дейв свою кобылу, но в глазах животного появился дикий страх, передавшийся второй лошади. Они протестующе заржали, словно говоря своим наездникам: вы, может, и дураки, собирающиеся сунуться туда, но мы — нет. Ни шагу дальше, дружок.

— Что они такое? — Оливия, наконец, заставила себя сфокусировать взгляд на монстрах. Ее лошадь пятилась задом, не желая приближаться к парковке. — Дейв?

— Чем бы они ни были, они уже мертвы, — он спешился и искал взглядом, где можно привязать лошадей. Несколько месяцев назад, когда он в последний раз бывал здесь, он использовал для этой цели бампер пикапа. Но этот пикап, похоже, недавно снялся со своего места и ушел. Теперь он стал пищей для стервятников. Дейв заметил вмятины на асфальте, которые могли быть оставлены этими тяжеловесными тварями. Плоть из металла. Жизнь из неживого. Отличный трюк, если задуматься. Он вспомнил, как читал нечто подобное в каком-то научно-фантастическом романе, еще когда учился в школе. Книга засела в его памяти, потому что по тем временам считалась крутой. Как же там говорилось? «Любая сверхсовременная технология кажется магией».¹¹ Так звучала цитата? Не совсем, но достаточно близко. Что ж, здесь суперсовременная технология показала себя во всей красе.

Будь они прокляты, думал Дейв. Их оружие становилось все более странным и смертоносным. Гонка вооружений, как сказал Итан.

— Да, и мы, черт возьми, угодили между молотом и наковальной, — сказал он вслух в ответ на свою же мысль. Это заставило Оливию встрепенуться.

— Что?

Он лишь пожал плечами и повел лошадь к знаку «СТОП», стоявшему у въезда на парковку. Столб был согнут почти пополам — возможно, из-за того же землетрясения, что почти разрушило жилой комплекс.

— Если хочешь, можешь подождать здесь, — предложил Дейв. — Я сам найду библиотеку.

Оливия уже спешила. Она подвела и привязала к знаку свою нервничающую лошадь. Даже глядя на Дейва, Оливия не забывала следить боковым зрением за мертвыми существами. И она ни за что на свете не собиралась оставаться тут одна.

Привычным плавным движением она сняла винтовку с плеча, и это придало ей немного уверенности. Раньше, сколько себя помнила, Оливия никогда не представляла себя в роли воительницы. Однако теперь она готовилась к бою даже не задумываясь.

— Пойдем, — сказала она. Они прошли по потрескавшейся бетонной дорожке до каменных ступеней, ведущих в здание. Одна входная дверь слетела с петель, другая висела криво и напоминала пьяницу субботним вечером. *Словно напившаяся школьница решила повеситься*, мрачно подумал Дейв. Свет внутри был мутно-желтым, как тот, что лился с уродливого неба снаружи. Под подошвами боти-

---

¹¹ Цитата А.Кларка: «Любая достаточно продвинутая технология неотличима от магии».

нок хрустело битое стекло, и в безмолвном пространстве этот шум казался ужасно громким.

И все же тишина не была мертвой. С потолка в сотнях мест капала вода, разбросанные по полу грязные обрывки бумаги издавали едва слышимое шуршание, а плитки пола немного потрескивали в такт шагам двух непрошенных гостей. Дейв и Оливия миновали шкафчик для трофеев, в котором стояли награды спортивной команды школы. Стекло дверцы были разбиты, а сами призы потускнели от ядовитой влаги воды. Одну из стен помещения занимала огромная фреска, которую, похоже, нарисовали школьники. На ней была изображена Земля, раскрашенная яркими цветами. По периметру тянулся орнамент из схематических человеческих фигурок, держащихся за руки. Фреска покрылась коричневыми струпами, часть ее слоями отошла от стены, однако все еще виднелась расплывчатая надпись: *Человечество — это одна семья.*

— Здесь был кабинет, — сказал Дейв, проходя мимо одной из открытых дверей. — Столовая этажом выше. В дальней комнате я нашел медикаменты. Библиотека должна быть после нее.

Оливия кивнула. Из труб капала вода. Вокруг разбросанных тетрадей и обломков школьных парт растекались лужи. Шкафчики школьников остались распахнуты, после того, как дети в панике кинулись по домам. Оливия пыталась представить, как директор и учителя силились прекратить панику, и ужаснулась, подумав о множестве родителей, чьи дети оставались в школе, в то время как во всех выпусках новостей трубили о кораблях Горгонов, уничтожающих нашу планету. *Теперь здесь остались только призраки*, подумала она. Призраки прежней жизни, призраки не только американской мечты, но и общечеловеческой семьи, о которой говорилось в той надписи на фреске.

— Ты в порядке? — спросил Дейв.

— Да, — ответила она, хотя это была ложь.

— Мы не станем здесь задерживаться надолго.

Оливия молча кивнула.

Они продолжали двигаться сквозь желтоватый полумрак. На полу валялась оплавленная труба. *Концерт окончен*, подумала Оливия. Она едва не рассмеялась, но вокруг было слишком много грусти, слишком много рухнувших надежд и несбывшихся ожиданий. Она старалась не думать о том, что впоследствии случилось со многими учениками, родителями и учителями. Возможно, некоторые из них пополнили ряды Серых людей... если не здесь, то где-то в другом месте.

— Вот, — нарушил тишину Дейв. — Вход должен быть здесь.

Он остановился в коридоре перед дверью. По обе стороны от входа в библиотеку стояли шкафчики с треснувшими стеклянными дверцами.

— Давай посмотрим, — голос Дейва сделался тихим и решительным. Перед тем, как открыть дверь, он достал револьвер из кобуры и щелкнул предохранителем.

Оливия последовала за ним, оставив дверь открытой.

Внутри царил беспорядок. Полный бардак: окна выбиты, книги сметены с полок ветром и насквозь промочены дождем, желто-зеленая плесень покрывала стены и пол, и оба посетителя понимали, что к ней лучше не прикасаться. В воздухе витал болезненно-сладкий запах гнили, мерзкий смрад разложения. Часть потолка провалилась, трубы опасно свисали вниз. Разбросанные по полу книги отсырели и тоже поросли плесенью.

Дейв и Оливия молча оглядели помещение. Библиотека выглядела так, словно кто-то перевернул здесь все вверх дном и несколько раз перетряс.

— Боже мой, — вымолвил, наконец, Дейв. Он нахмурился, жалея, что у него кончились сигареты. — Похоже, никто из серых ублюдков не любит читать, а?

На этот раз Оливия не выдержала. Она расхохоталась в голос — и Дейву понравился этот смех. На его лице тоже показалась сдержанная полуулыбка, и он пожал плечами. Света в помещении не хватало. Дейву совсем не нравилась идея опускаться на колени на поросший плесенью пол в поисках дорожных карт. Он подумал, что им не мешала бы лопата и резиновые перчатки, и обругал себя за то, что не предусмотрел этого до вылазки. Но... раз они уже пришли сюда, нужно было с чего-то начинать. С чего?

Хороший вопрос.

Он попытался разворошить кучу книг ногой, и поначалу вроде бы получалось. Но чем дальше, тем труднее становилось сдвигать прилипшие друг к другу и к полу книги. Некоторые из них так размокли, что превратились в однородную массу, и никто уже не смог бы сказать, что в них было написано. Но ничто в этом месиве даже близко не напоминало дорожный атлас.

— А это не пригодится? — спросила Оливия, пнув ногой разбитый глобус на полу.

— Не думаю, — Дейв различил в своем голосе нотки тихого отчаяния. — Даже если мы найдем карты... я понятия не имею, какие из них нам понадобятся. Боже... здесь такой хаос, все даже хуже, чем я ожидал, — он отбросил ногой в сторону несколько учебников. — Что за глупость привела нас сюда!

— Не глупость, — покачала головой Оливия. — Надежда.

— Да? Ну... в наши дни — это синонимы.

Оливия тоже начала раздвигать в стороны промокшие остатки книг мыском ботинка. Сколько ж знаний и возможностей изучить что-то новое пропало здесь впустую, подумала она. Заметив одну из книг про братьев Харди,¹² она едва не расплакалась. Оставайся сильной, приказала она себе. Легко сказать, но очень трудно сделать.

— Я достаточно давно тебя знаю, — начала Оливия, — чтобы утверждать — ты не из тех, кто верит в чудеса. Но... этот мальчик заставил тебя изменить точку зрения? Дейв, даже если это реальное место, оно может быть где угодно. И ты хочешь отправиться туда? Почему? Потому что Итан сказал, что так надо?

— Он странный ребенок, — только и сумел вымолвить Дейв, продолжая искать атлас в куче книг на полу.

— Да, я понимаю. Но иногда... знаешь, сны — это просто сны. У меня часто бывали кошмаров, и у тебя, конечно, тоже.

— Да, — ответил Дейв. Он посмотрел на Оливию. — Я знаю, что это выглядит безумием. Но я верю, что это место существует. Мне кажется, ты тоже веришь. И Джей Ди верит, что Итан прав. В любом случае, мы не можем долго ждать. Нам нужно найти другое укрытие, если мы хотим остаться в живых.

— И ты уверен, что этот... Белый Особняк — и есть то самое укрытие?

— Черт, я уверен только в том, что Пантер-Ридж пришел конец. — Дейв снял свою грязную бейсболку, смахнул со лба выступившую испарину и снова надел ее. — Итан другой, Оливия. Хорошо это, или плохо — я не знаю. Но я верю, что он уже существенно нам помог. Называй меня идиотом или чокнутым — как угодно! Но... я здесь. Вот, что важно. И это все, что я знаю.

Ей нечего было возразить. Оливия заметила кабинет библиотекаря и регистрационную стойку на другом конце помещения и направилась туда. Полки с DVD-фильмами были опрокинуты, пластиковые коробки трещали под ногами. Во всем этом хаосе на столе каким-то чудом устояла статуэтка футболиста, держащего в руке, словно любимого ребенка, бумажный американский флаг.

Оливия сделала еще один шаг вперед, и пол под ней внезапно провалился. Раздался мокрый треск сгнивших перекрытий. Оливия вскрикнула, ее правая нога буквально пробила пол насквозь. Ей показалось, что она сейчас рухнет вниз, в подвал здания. Винтовка едва не вылетела у нее из рук, но все же Оливия удержала и оружие и равновесие, хотя правая нога болталась над темнеющим в полумраке провалом.

---

¹² Серия детских детективов.

Дейв в одно мгновение оказался рядом и оттащил ее от дыры в полу.

— Осторожно, — предостерег он. — Вот так. Ты в порядке? Ногу не поранила?

— Только колено ушибла. Пустяки. Пол совсем отсырел, проваливается.

— Понял, — Дейв заглянул в провал, но не увидел там ничего, кроме темноты. В подвале тоже слышались звуки капающей из труб воды, а в библиотеку через образовавшуюся дыру проникал затхлый едкий запах, похожий на вонь ядовитых грибов. — Будь осторожна.

— Ты тоже. Эй! — вдруг воскликнула Оливия, заметив нечто интересное. — За стойкой есть картотечный шкаф. Стоит проверить там.

— Да, пойдём. Держись ближе ко мне.

Они обошли стойку регистрации, которая на удивление хорошо сохранилась в этом хаосе. Дейв открыл верхний ящик, но нашел лишь подшивку школьных газет двухлетней давности. Во втором ящике содержались коробки с канцелярскими принадлежностями: карандашами, ручками, клейкой лентой, зажимами и тому подобным. Третий ящик был почти пуст, там оставалось лишь несколько листов бумаги для принтера. В четвертом ящике лежали две мышеловки.

— Есть еще ящики за стойкой, — заметила Оливия. Направившись к ним, она отметила, что слегка прихрамывает. Похоже, удар по колену оказался сильнее, чем ей показалось. *Magnifico!*¹³ Только этого не хватало! Теперь придется еще несколько дней ковылять, как старая бабка!

Скрипнув зубами от досады, Оливия открыла верхний ящик и нашла еще один запас канцтоваров: ручки, блокноты, скрепки для бумаг и чью-то заначку жвачки «Орбит» с различными вкусами. Следующий ящик хранил толстый красно-золотой ежегодник «Альпинист», пару сотовых телефонов, которые, наверное, были конфискованы в тот день у нарушителей тишины в библиотеке... а из-под ежегодника выглядывала еще одна обложка. Оливия извлекла нижнюю книгу и увидела на обложке длинную дорогу, ведущую через сосновый бор. Это был дорожный атлас Соединенных Штатов Рэнда Мак-Нэлли, выпущенный всего три года назад. На обложке прилип отвратительный мертвый таракан.

— Сюда! — позвала Оливия, разглядывая атлас. На обложке, кроме таракана, имелась строгое предупреждение библиотекаря: *Из зала не выносить!*

---

¹³ *Magnifico* — «Превосходно!» (исп.)

— Вот то, что ты искал, — сказала Оливия Дейву, и в ее голосе прозвучали нотки усталого триумфа.

Дейв подошел и взглянул на обложку.

— Да! — воскликнул он, и звук собственного голоса удивил его; он знал, что подобная находка обрадует, но не думал, что настолько. Смутившись, Дейв сунул атлас за пояс джинсов. — Я не знаю, найдем ли мы там что-то, но...

Доски перекрытия треснули. Звук был негромкий, но... зловещий.

— Думаю, нам пора...

«Убираться отсюда», хотела договорить Оливия, но не успела.

Что-то вскарабкалось снизу, из дыры в полу библиотеки. Оно выпрямилось, качиваясь, словно кобра. Худое и серое... когда-то оно было женщиной, но сейчас... сейчас это была тварь цвета пепла, с обвисшей обнаженной грудью и белыми волосами. Глубоко запавшие глаза на лице, больше похожем на череп, обвели помещение, ища источники человеческих голосов и запаха свежего мяса. Когтистые руки напряглись, вытаскивая тело из дыры, но что-то словно удерживало нижнюю часть тела твари, и рот ее скривился от разочарования. Из высохшей глотки раздался дребезжащий звук.

Оливия хотела закричать, но сдержалась. Сейчас не время. Нельзя. Схватив винтовку, она уперла приклад в плечо и приготовилась стрелять.

Библиотечный пол начал вздыматься, как океанская волна. Мокрые плитки разверзлись под натиском снизу, показались когтистые конечности. Дейв сперва решил, что они наткнулись на логово спящих Серых людей, и отчасти это было верно. Но спустя несколько секунд, пока пол библиотеки продолжал проваливаться, а тусклая серая плоть являла себя миру, Дейв МакКейн понял, что в подвале средней школы Итана Гейнса таилось нечто поистине ужасное.

Подростком Дейв работал в строительной бригаде, разрушавшей старые дома и вывозящей с на свалку старые доски и кирпичи.

— Эй, ребята! — позвал их бригадир, однажды жарким летним днем, в далеком прошлом. — Посмотрите сюда!

Тогда Дейв и остальные увидели среди обломков стены около дюжины крыс, визжащих и пытавшихся выбраться. Но они были словно приклеены или привязаны друг к другу хвостами, не имея возможности двинуться в одном направлении. Некоторые из них уже умерли и начали гнить, другие продолжали копошиться и скалить зубы, хищно зыркая вокруг.

— Это Крысиный Король, — сообщил тогда бригадир. — Я видел такое только однажды за всю свою жизнь. Крысы застревают в тесной ловушке, держатся очень близко друг к другу, и их хвосты срастаются вместе.

Бригадир вооружился лопатой и принялся за дело. Первый же удар превратил Крысиного Короля в кровавую лепешку. Дейву в тот день выпала честь бросить останки в мусорный контейнер.

И вот теперь, много лет спустя, в этом кошмарном мире Дейв МакКейн снова видел «Крысиного Короля» из Серых людей, выполняющего из-под проломанного пола.

Их ноги срослись в нечто, похожее, скорее, на огромные щупальца, чем на крысиные хвосты. Некоторые тела были поглощены другими — их словно засосало внутрь более мощной особи. В этом «Крысином Короле» было десятка два тварей, может, больше. Угадывались очертания мужчин, женщин... и детей. Далеко не все существа сохранили человекоподобные черты; даже головы и руки не у каждого находились на привычных местах или насчитывались в привычном количестве. Темными пятнами на телах выделялись остатки одежды.

Огромный ком серой плоти вырвался из подвала. На слишком коротких или слишком длинных шеях поворачивались сплюснутые головы с уродливыми лицами. Зубы в некоторых оскаленных ртах были похожи на иглы, а у других напоминали акульки клыки.

У нас проблемы, подумал Дейв.

Этот ком «Крысиного Короля» перекрывал им с Оливией дорогу к выходу. А еще... похоже, у существа из сросшихся тварей имелось единое чувство направления, и этот жуткий монстр мог преследовать одну общую цель.

Лицо Оливии исказилось в ужасе. Она отступила назад, прижавшись к Дейву. Тем временем тварь изо всех сил старалась полностью вырваться из дыры в полу. К серой плоти тех, кто располагался в нижней части этой монструозной конструкции, прилипли размокшие книги.

Дейв невольно подумал, что не хотел бы впитывать знания таким образом.

«Крысиный Король» Серых людей не издавал громких звуков — он лишь шипел и елозил своими щупальцами по прогнившему полу. Казалось, он пытается нащупать точку опоры, чтобы приподняться. Дейв решил, что если они с Оливией хотят выбраться отсюда живыми, бежать нужно прямо сейчас.

Он открыл огонь из своего «Магнума», выстрелы которого показались оглушительно громкими и сопровождались яркими вспышками пламени. Два нажатия на спусковой крючок — два разлетевшихся на куски уродливых лица. Винтовка Оливии тоже начала своей смертельный монолог, пробив дыру в голове первого показавшегося из дыры существа, бывшего когда-то женщиной. Черная жидкость выплеснулась из раны. Дейв схватил Оливию за плечо и выкрикнул:

— Уходим!

Он изо всех сил потянул напарницу за стойку библиотекаря. Масса сросшихся Серых людей начала двигаться быстрее, простирая вперед свои змееподобные руки. Серая рука с семью пальцами, больше похожая на грабли, схватила Оливию за лодыжку, и она упала бы, не окажись рядом Дейв, который удержал ее невероятным усилием. Оливия выстрелила в серую конечность, когда-то бывшую человеческой рукой, и решительно высвободилась. Но она понимала, что следующая оплошность будет стоить ей жизни.

Дейв снова выстрелил в лицо одной из тварей. В стороны полетели куски серой плоти и брызги темной жидкости, которая оседала на стенах библиотеки. Низкий стон, напоминавший хор проклятых, вырвался из многочисленных глоток Серого «Крысиного Короля». Ком тел полз вперед, опираясь на локти и животы, мертвые головы волочились вслед за общей массой. Напоминающие щупальца придатки целеустремленно отталкивались от пола. Оскаленные острые зубы оставшихся голов, тянувшихся к Оливии и Дейву, яростно клацали, и лес серых рук протягивал свои ветви в поисках кровавого пропитания. Два человека, запертые в одной комнате с чудовищем, снова открыли огонь в упор. Револьвер Дейва опустел. Он вытащил из кобуры «Узи» и длинной очередью нащиповал многоликое тело девятимиллиметровыми пулями.

С высоким жутким криком множества ртов, мутировавший ужас начал отступать, отползая обратно в свою пещеру под полом библиотеки. Теперь места хватало, чтобы прорваться к выходу. Дейв подтолкнул Оливию к двери, помня о ее травмированном колене. Хотя сейчас было не время проявлять деликатность; если хочешь выжить — о боли придется забыть. Он выпустил остаток магазина в серый клубок тел, и увидел в его глубинах нечто, напоминающее перекошенное лицо ребенка, поглощенного другими существами. Глаза на лице ребенка были широко раскрыты, а рот с почти отсутствующей нижней челюстью разверзся, словно издавая немой крик нестерпимой муки и голода.

В следующий миг Дейв вслед за Оливией оказался за дверью. Они помчались вперед, к солнечному свету. Оливия, проклиная больное колено, старалась бежать так быстро, как только могла. Дейв держался рядом с ней, подставив плечо. Оглянуться в этот момент означало растерять последние остатки здравого смысла, который и без того слабо сочетался с предпринятой безумной вылазкой в библиотеку средней школы имени Итана Гейнса.

Никто из них не оглянулся, но Оливия на бегу жалобно всхлипывала. Она продолжала плакать и на улице, пока они с Дейвом отвязывали лошадей. У Дейва не было сил плакать, но желудок подвел его. Завтрак из пары крекеров с несколькими ломтиками копченой колба-

сы оказался на земле. Лошадь почувствовала неприятный запах, или уловила вонь серой плоти от своего наездника и попыталась взбрыкнуть, однако Дейву удалось успокоить ее и подняться в седло.

Никому не пришлось говорить «вперед», «поехали», «возвращаемся» или «убираемся отсюда».

Они возвращались в Пантер-Ридж в полном молчании. Пока лошади скакали к островку безопасности, позади них стервятники беспокойно кружили в небе, потревоженные стрельбой и шумом схватки. Они взлетели с обгоревших монструозных туш, которыми лакомились, но через несколько минут, не найдя лучшей пищи, вернулись к своей трапезе. Птицы укрыли тела чудовищ подобно черному оперенному савану, и принялись отталкивать друг друга в борьбе за лакомый кусочек.

Глава девятая

Почки, желудок...

Толстая кишка, тонкий кишечник, поджелудочная железа...

Печень, селезенка, легкие...

Мозг, сердце...

Итан сидел в кресле в своей квартире. Кресло, обитое потертой коричневой кожей, раньше могло раскладываться, превращаясь в небольшой диванчик, но механизм сломался. На маленьком столике перед ним горела свеча. Стол заметно накренился, потому что после землетрясения пол стал неровным. Первые лучи болезненного рассветного солнца начали пробиваться сквозь заклеенное окно. Итан был в пижамных штанах и серой футболке. Ночью он почти не спал. Сон овладел им всего на пару часов, но не принес покоя. В кошмарах его все еще преследовали тревожные звуки сирен, предупреждавшие о приближении Серых людей, хотя прошло уже четыре ночи с тех пор, как Итану пришлось вызвать землетрясение, чтобы отогнать монстров. Он ощущал себя комком оголенных нервов и напряженных мышц. Встав с постели и направившись в ванную со свечным фонарем, он поднял футболку и рассмотрел свою грудь в зеркале, затем повернулся и попытался осмотреть спину, насколько это было возможно.

Док был прав.

Он не должен был выжить.

Вчера Джон Дуглас просил Итана спуститься в больницу на очередной осмотр. Мальчик не хотел идти, но понимал, как это будет воспринято, поэтому повиновался. Ему снова ввели физраствор, пока у двери стоял человек с дробовиком.

— Это просто для страховки, — постарался объяснить Джей Ди.
— Не то, чтобы я тебе не доверяю, но...

Итану проверили артериальное давление: никаких отклонений от нормы. Затем, когда по просьбе доктора мальчик снял рубашку, из рта Джей Ди вырвался звук — нечто среднее между кашлем и судорожным вздохом. Он словно сдерживался, чтобы не заорать в голос. Совладав с собой, он спросил:

— Ты ведь... видел себя, я полагаю?

— Да, сэр.

— Повернись, пожалуйста.

— На спине то же самое, — предупредил Итан.

— Давай посмотрим.

Итан повиновался. Синяки выглядели хуже. Они почернели еще сильнее, приобретя цвет полночного неба, и слились в один огромный кровоподтек. На груди, животе и спине в области поясницы не было ни одного участка, не затронутого ушибом. Его бока были сплошь покрыты фиолетово-зелеными пятнами, и мелкие синяки тянулись друг к другу, чтобы слиться в один.

— Черт, — присвистнул человек с дробовиком, которого, насколько Итан помнил, звали Лестером.

Джей Ди осторожно коснулся плеча Итана.

— Я послушаю твое сердцебиение, — сказал он, словно спрашивая разрешения, и мальчик кивнул.

Некоторое время врач напряженно изучал пациента.

— Ну, хорошо, — вздохнул Джей Ди, не вынимая стетоскоп из ушей. — Теперь я хочу послушать твои легкие. Сделай глубокий вдох, а потом медленно выдохни, когда я скажу. Согласен?

— Вы тут доктор, — почти равнодушно ответил Итан. — Командуйте.

Джей Ди приступил к работе.

— Вдохни. Тебе больно?

— Немного.

Док перемещал стетоскоп по спине мальчика.

— Так, теперь еще раз. Больше не кашлял кровью?

— Нет, сэр.

— Хорошо. Теперь еще один глубокий вдох, пожалуйста.

Когда Джей Ди закончил, он снова попросил Итана повернуться и посмотрел ему в глаза. Затем снял стетоскоп и обратился к вооруженному мужчине у двери.

— Лес... ты не мог бы оставить нас на минуту?

— Уверен?

— Да, я уверен. Смелей, — он подождал, пока Лестер закрывает за собой дверь с другой стороны настолько плотно, насколько позволял

покосившийся проем. Стены были все в трещинах после землетрясения.

— Можешь надеть рубашку, — сказал Джей Ди. Итан оделся. — Присядь. — Джей Ди кивком указал на стул, но пациент покачал головой.

— Я постою.

— Хорошо. А я, с твоего позволения, присяду, — Джей Ди опустился на стул. Что-то тихо щелкнуло — то ли хлипкое, разохшееся дерево, то ли коленные суставы Джона Дугласа. Доктор вытянул перед собой ноги и устался на Итана, потирая свой чисто выбритый подбородок.

— Ты догадываешься, что я собираюсь сказать, не так ли? — спросил Джей Ди.

Итан пожал плечами, хотя догадывался.

— В такое время, как сейчас, неплохо бы выпить стаканчик хорошего ржаного виски, — мечтательно заметил Джей Ди. — Раньше это был мой любимый напиток. Я любил тихим вечером сесть перед камином, включить записи Фрэнка Синатры на музыкальном центре... Это было так давно, знаешь... когда с миром все было в порядке. Дебора... моя жена, благослови Господь ее душу, сидела со мной, слушала музыку или читала. Это все звучит для тебя, как белый шум, верно? — на этот раз его седые брови не приподнялись. Это был вопрос, не предполагавший ответа. — Раньше жизнь была такой. А потом... за два года вся планета превратилась в преисподнюю. Во всех своих значениях и видах, слишком ужасных, чтобы знать их наперечет.

Подобие улыбки исчезло с лица доктора, выражение глаз стало пытливым. Итан все еще молчал.

— Расскажи мне о Белом Особняке, — попросил доктор. — Да, Дейв уже рассказал мне. Но я хочу услышать от тебя. Хорошо? Подожди... прежде, чем ты начнешь, я скажу тебе кое-что. Пару дней назад Дейв и Оливия предприняли вылазку в школьную библиотеку. Они искали карты, чтобы выяснить, где находится этот Белый Особняк и существует ли он вообще. Дейв думает, что это может быть названием города. Где-то далеко отсюда, — в его голосе прозвучали саркастические нотки. — Они нашли дорожный атлас. Никто из них не горит желанием рассказать, что произошло во время этой вылазки, я знаю только то, что Оливия слегка повредила колено. Пока она сидела в приемной, она тряслась и плакала, не переставая, и я опасался, что она вот-вот рассыплется на части. Пришлось дать ей успокоительное — это единственное, что я мог сделать. Дейв тоже молчит. Итак, я хочу, чтобы ты знал, Итан... им пришлось столкнуться с чем-то ужасным, пока они, скажем так, действовали в твоих интересах.

Должно быть, они видели что-то поистине жуткое, это читалось на лице Дейва. Если ты встретишься с ним, то сам увидишь, что его глаза теперь — словно омуты жути.

Итан кивнул. Он не знал, что сказать. Лучшее, что пришло ему в голову:

— Я не просил их этого делать.

— Верно, не просил. Но... понимаешь... все эти разговоры о Белем Особняке... И землетрясение, которое, по твоим словам, вызвал ты... Дейв считает, ты каким-то образом знал, что источник находится под бассейном. Все эти вещи сложно понять человеку, привыкшему мыслить рационально, не так ли?

— Наверное.

— Но, — продолжал Джей Ди, нахмутив брови. — у Дейва свое мнение на этот счет. Что теперь может считаться рациональным? В чем еще есть смысл? Я лично видел, как человек перерождался в настоящее чудовище, покрытое черными шипами. Это случилось в той же комнате безопасности, куда мы приводили тебя в первый день. Я видел, как исказилось и поплыло лицо девочки-подростка, и как ее рот превратился в огромную пасть, полную острых зубов. Она попыталась откусить мне голову, и это ей удалось бы, если бы ее отец не спустил курок. Есть ли в этом смысл? Ну... может, и есть, если ты Горгон или Сайфер. Я думаю, они могут делать оружие из человеческой плоти. Могут проводить на нас эксперименты. Может, у них действительно гонка вооружений. Или они занимаются этими экспериментами просто потому что могут. Что ты об этом думаешь, Итан? Это ведь ты огласил идею о гонке вооружений между Горгонами и Сайферами. Ты ведь так сказал, верно?

— Да, — тихо ответил Итан.

— Почему ты это сказал? Какой информацией ты обладаешь? Ведь ни я, ни Дейв, ни Оливия этого не знали.

Итан какое-то время не отвечал. А затем он произнес, тоже очень тихо:

— Я просто знаю, что это правда. И знаю, почему они сражаются здесь. Это граница между их...

— Что ты такое? — внезапно спросил Джей Ди, подтянув ноги к себе, словно ему угрожала опасность от невидимых ядовитых черных шипов. — Мы с тобой оба знаем, что травмы, которыми покрыто твое тело... они несовместимы с жизнью. Ты неминуемо должен был умереть. А кровоподтеки стали выглядеть еще хуже, ведь так? Но у тебя нормальное давление, легкие в хорошей форме, а сердцебиение ровное. Позволь сказать, что с такими ушибами твои легкие должны быть так забиты кровью, что ты не смог бы дышать. Я до сих пор не понимаю, как ты дышишь! Боже, если бы только у меня был рентге-

новский аппарат и возможность запустить его без электричества... Итак, молодой человек, незнающий своего имени и ничего не помнящий о своей прошлой жизни до того, как очутился на поле... что ты такое? Я не уверен, что ты человек, потому и задаю этот вопрос.

Атмосфера в комнате вдруг стала напряженной. Итан почувствовал, как вспышка его гнева разрастается в пламя.

— Вы думаете, что я — нечто искусственное? Как... секретное оружие? Я что — должен взорваться или отрастить вторую голову... или что-то в таком роде? Так?

— Я бы сказал, что если ты можешь вызывать землетрясения, то этого достаточно, чтобы считать тебя секретным оружием. Мой вопрос в том, какие *еще* силы скрыты в тебе? Обо всех ли ты знаешь?

Итан уставился на Джей Ди. Воздух между ними почти искрился от гнева. Итан сказал:

— Почки, желудок. Толстая кишка, тонкий кишечник, поджелудочная железа. Печень, селезенка, легкие. Мозг, сердце. Вот, о чем я знаю. Я человек, сэр. И кое-что я вспоминаю. Детали становятся все ярче и четче. Я помню, как сидел за столом, и при свете зеленой настольной лампы собирал модель анатомической куклы. Вы знаете, что это такое?

— У меня была такая. Каждый подросток, мечтающий стать врачом, вероятно, возился с анатомической куклой.

— Хорошо. Я помню, как смотрел на свой стол, и вот, что я там видел. Органы. Почки, желудок, толстую кишку, тонкий кишечник, поджелудочную железу, печень, селезенку, легкие, мозг и сердце. Я установил их в нужном порядке, оставалось раскрасить. Рядом на столе стояли банки с краской торговой марки «Гесторс». В комнату вошла женщина с темными волосами... и начала говорить. Но я не могу вспомнить, что она говорила, — печаль пронзила Итана, как лезвие. Это была не просто грусть, но состояние глубокого отчаяния. Слезы обожгли ему глаза. — Я... я хотел бы вспомнить, но не могу. А больше всего мне хочется, чтобы она произнесла мое имя. Потому что, думаю, это была моя мама. Но... что, если она назовет меня по имени, а я не услышу? — он вытер глаза и уставился в пол. По его телу пробежала волна дрожи, но быстро унялась. — Я человек. Я знаю это, — затем он посмотрел в глаза Джона Дугласа и сказал то, о чем действительно думал. — Я хочу им быть.

Прошло несколько секунд, прежде чем Джей Ди заговорил.

— Ты понятия не имеешь, что такое Белый Особняк? Ты просто веришь, что это место, в которое тебе надо попасть?

Итан кивнул.

— Ясно, — вздохнул Джей Ди. Казалось, что у него в горле застрял ком песка, настолько хрипло прозвучал его голос. — Дейв тоже

в это верит. И, может быть, Оливия. В последнее время она не особенно разговорчива, но я представляю, через что они с Дейвом прошли, чтобы добыть тебе тот атлас. В Соединенных Штатах нет такого города... Я хочу сказать, на территории нашей бывшей страны, — поправился он, — не было города с таким названием. Дейв взял лупу — последнюю, что у меня осталась, кстати, и просмотрел этот атлас страницу за страницей. Он чуть не ослеп от чтения мелкого текста. Я слышал, что ему тоже плохо спится. Не знаю, может, ты хотел бы это знать.

— Ясно, — ответил Итан, рассудив, что должен хоть что-то сказать.

— Можешь идти, если хочешь. Я посижу здесь и немного подумаю... или постараюсь не думать.

***

Почки, желудок...

Толстая кишка, тонкий кишечник, поджелудочная железа...

Печень, селезенка, легкие...

Мозг, сердце...

Сидя в сломанном раскладном кресле в квартире умершего человека, при тусклом свете болезненно-желтого рассветного солнца, проникающего через заклеенные окна, Итан вспоминал пластиковые органы, разложенные перед ним на столе.

Темноволосая женщина входит в комнату. Она красивая и улыбается, но ее лицо размыто в памяти Итана. Он хочет попросить ее: *назови меня по имени!* Но он молчит, и она не произносит имя. А затем, его взгляд возвращается к анатомической кукле, которую он так хочет собрать.

Итан услышал стук в дверь, которая, как и многие другие, перекосилась и не закрывалась до конца.

— Кто там? — спросил мальчик.

— Это Дейв. — усталым и хриплым голосом пробормотал гость. — Я кое-что нашел.

Итан тотчас поднялся и открыл дверь. Дейв вошел. Он выглядел так, будто три дня не выходил из запоя. На нем были грязные джинсы и выцветшая коричневая футболка, усеянная таким количеством дырок, что в голову невольно приходила мысль о нападении хищного зверя. Волосы превратились в один взъерошенный колтун, глаза покраснели от чтения слишком мелкого текста, веки чуть опухли. В правой руке он держал дорожный атлас, а в левой — увеличительное стекло.

— *Возможно*, я кое-что нашел, — поправился он, открыв нужную страницу. — Хочу, чтобы ты взглянул.

Итан отошел, пропуская его к столу. Дейв положил раскрытый атлас, придвинул ближе свечу и вздохнул.

— Карта юго-восточной Юты, — сказал он. — Тебе, может, и не понадобится лупа, но я, черт возьми, без нее не разглядел бы.

Итан посмотрел, куда упирался палец Дейва.

— Вот. На полпути между Монтичелло и Блэдинггом. На восточном участке национального парка Манги-Ла-Сал. Видишь?

Итан видел. Надпись гласила: «*Гора Уайт Мэншин, 10 961 фт*».

— Это в трех сотнях миль отсюда по прямой, как летит орел.¹⁴ Но мы не орлы, напрямик нам туда не попасть, — Дейв потер глаза. — Вот, что я нашел.

Он с надеждой посмотрел на мальчика.

— Ну, что? Вспоминаешь что-нибудь?

— Нет. Ничего. Но, может, это то самое место?

Дейв издал короткий смешок.

— Может? Может? Ты хоть представляешь, каково было исследовать эту карту с лупой час за часом?!

Пока они с Оливией не вернулись, Дейв не знал, что несколько страниц атласа, в том числе и алфавитный указатель, были вырваны. Поэтому пришлось основательно поработать с лупой. Он надеялся, что Белый Особняк находился не в Канаде, потому что страниц с канадскими картами в атласе не было. Он просмотрел все, что там осталось... Все города, военные базы, озера, заливы, горы, каньоны, пока, наконец, не наткнулся на название горы Уайт Мэншин в штате Юта.

— Я ничего не знаю об этом районе, — сказал он. — Но попасть туда будет все равно что сотворить чудо. Нужно двигаться на юг через Денвер, пересечь Скалистые горы по I-70. А ведь там повсюду поджидают Серые люди и пришельцы. Поэтому, когда ты говоришь, что это *может быть* тем самым местом, это не слишком внушает мне уверенность.

— Откуда же мне знать наверняка? — совершенно справедливо спросил Итан.

Дейв опустил взгляд, пытаясь совладать с собственной злостью. Ему потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки. Он устал, проголодался и хотел пить. Ему казалось, что он сильно постарел за последние дни. Но, когда он снова посмотрел на Итана и заго-

---

¹⁴ Здесь Дейв перефразирует более распространенную идиому, подразумевающую расстояние по прямой - «as the crow flies» - «как летит ворон».

ворил, его лицо было спокойным, а голос мягким настолько, насколько он мог себе позволить при сложившихся обстоятельствах.

— Это единственный Белый Особняк, что я смог найти. Либо это то место, либо нет. Или, как ты говоришь, что-то хочет отвести тебя туда, или ты просто видел дурной сон, а я охотился ни за чем. Но я решил поверить в тебя, Итан. Я решил послушать тебя. Понял?

Итан посмотрел в глаза Дейва, и на его лице не отразилось никаких эмоций.

— Вы решили последовать за мной? — спросил он. — Если я отправлюсь туда, вы пойдете со мной? А Оливия? Доктор Дуглас? Кто-то еще?

— Тебе не добраться туда одному. Одному Богу известно, как хоть кто-то может выжить в таком путешествии.

— Это не ответ, сэр, — покачал головой мальчик.

Дейв забрал у Итана карту. Он чувствовал, что вот-вот сорвется, забьется в угол, вставит ствол «Магнума» себе в рот и наберется мужества, чтобы спустить курок. А этот мальчик... этот проклятый мальчик, который, по словам Джей Ди, должен был лежать мертвым в шести футах под землей... этот мальчик — возможно, плод экспериментов Горгонов или Сайферов — почему он пробуждает эту гребаную веру? И что теперь с этим делать?

— Ты задаешь слишком много вопросов, — сказал Дейв. — Я вернусь к себе и немного посплю. Мы поговорим об этом позже, когда я смогу рассуждать здраво.

С этими словами он покинул квартиру Итана. Казалось, он не идет, а волочит свое тело, сжимая в руках вдруг потяжелевший дорожный атлас и лупу.

Белый Особняк, подумал Итан, когда Дейв ушел.

Иди туда. Это важно. Это... очень важно.

Итан спрашивал себя: почему он уверен, что это важно, но не находил ответа. Если его разум или... нечто иное подсказывало ему, давая лишь кусочки головоломки, то пока что они не складывались воедино и не имели никакого смысла. Почему же ему никак не удается увидеть общую картину, которую он мог бы понять?

«В трех сотнях миль отсюда по прямой, как летит орел», сказал Дейв. Но мы не орлы.

Предстояла долгая дорога. Слишком долгая, чтобы решаться на нее из-за увиденного сна или внутреннего голоса, убеждающего пойти. В пути встретится множество препятствий: жаждущие живой плоти Серые люди, вечно воюющие между собой Горгоны и Сайферы, и жуткие порождения инопланетных технологий. И как же преодолеть этот путь? Пешком? На лошади? Это означало лишить людей последнего источника мяса. И где искать пропитание по дороге?

Итан сел, уставившись на огонек свечи в фонаре. Солнечный свет становился ярче, приобретая мутно-желтый оттенок. Итан решил, что такой день люди могли бы назвать «приятным», по сравнению с другими.

Я должен был умереть, подумал он. Но я живой человек, я знаю это. Я помню мать и дом... комнату и стол с настольной лампой, баночки с краской, анатомическую куклу и пластиковые органы. Я должен был умереть... а вместо этого я здесь — смотрю на свечу и думаю...

...кто пойдет со мной, когда я уйду?

Глава десятая

В следующие три дня жизнь в Пантер-Ридж шла своим чередом. Хотя теперь была возможность набирать воду из источника, наполнившего бассейн, пришлось убить еще одну лошадь ради пропитания. В тот день Оливия Куинтеро не выходила из своей квартиры. Джон Дуглас пытался отговорить рыдающего молодого человека от намерения убить свою жену и маленького сына, а затем себя, но пока доктор продолжал свои уговоры, женщина средних лет из квартиры 278, бывшая в прошлой жизни акварельной художницей в Лавленде, выстрелила себе в голову из дробовика.

Несмотря на мрачные события, продолжались работы по укреплению стены. Дозорные с пулеметных вышек доложили, что в опасной близости замечены молнии сражающихся инопланетных рас, и последний оплот человечества в этих краях перешел в состояние боевой готовности.

В ту же ночь Итан Гейнс в мрачной задумчивости обходил Пантер-Ридж по периметру. Тяга к Белому Особняку... или, возможно, к горе Уайт Мэншн — он не знал точно — возрастала с каждой минутой и мешала уснуть. Остальной комплекс в два часа ночи был погружен в тишину, кроме нескольких человек, которые так же, как и Итан, прогуливались по территории в одиночестве или сбивались в маленькие группы. Одна девочка-подросток лежала на земле, уставившись в ночное небо, будто пыталась разгадать его загадки. И это явно давалось ей непросто, учитывая, что левый глаз ее перекрывала черная повязка, украшенная разноцветными стразами. Она была примерно того же возраста, что Итан — по крайней мере, ему так казалось. Сложно определять возраст других, когда не знаешь свой собственный. У девушки были светлые волосы, милое овальное лицо с небольшой ямочкой на подбородке.

А может, ей шестнадцать... или семнадцать, размышлял Итан. Она не обратила на него внимания, когда он проходил мимо; исследование ночного неба захватило ее целиком, хотя звезды были почти не видны сквозь плывущие по небу густые облака.

Итан прошел дальше. По пути ему попалась дюжина людей, собравшихся в круг. Они стояли на коленях, сложив руки в молитве. Возможно, это успокаивало их, наполняло силами, чтобы жить дальше? Итан не знал. Похоже, они проводили в молитвах всю ночь.

Это заставило Итана задаться вопросом: где же место Бога во всем, что сейчас происходит? И возможно ли такое, что Бог, которому молились эти люди, был и Богом, создавшим Горгонов и Сайферов? Неужели Бог допустил, чтобы одни цивилизации уничтожали другие? Или это был выбор, продиктованный ему броском небесных костей?

Белый Особняк... Уайт Мэнин, снова подумал Итан. Мысль об этом месте — чем бы оно ни было — вертелась у него в голове днем и ночью, врываясь его разум, словно навязчивая реклама, прерывающая фильм. *Я должен туда добраться*, вновь и вновь думал он.

«Мы не орлы», сказал Дейв. Он не разговаривал с Итаном с момента их последней беседы и держался отстраненно. Никто не разрабатывал никакого плана, все просто ждали. И пока Итан прогуливался по территории последнего оплота человечества с грузом неизвестности и ответственности на плечах, он отчетливо видел, чего ждали все эти люди — смерти. Они уже устали надеяться, и им не во что было верить. У каждого был свой предел, последняя песчинка в песочных часах. Вскоре этот предел наступит у всех, живущих в Пангер-Ридж, и тогда... БАХ! — и вперед, на встречу с Создателем.

Это полное дерьмо, подумал Итан, глядя на покосившиеся после землетрясения здания жилого комплекса. Здесь нельзя оставаться. Если они хотят выжить, нужно двигаться, потому что движение — это жизнь. А здесь, за этими каменными стенами, над которыми они трудятся днем и ночью... они просто ждут, когда их надежды окончательно рухнут, и можно будет с чистой совестью пустить себе пулю в лоб. Это неправильно.

Итан понимал, что это тупик. Лучше рискнуть и попробовать найти новое убежище. Даже если часть людей умрет в пути... они будут знать, что хотя бы пытались.

— Hola,¹⁵ — сказал кто-то. — Не спится?

Итан остановился. Полностью погруженный в свои мысли, он чуть не врезался в Оливию. Похоже, лидер последнего оплота тоже

---

¹⁵ «Привет» (исп.)

совершала обход периметра. На Оливии были выцветшие джинсы, блуза с синими узорами и ярко-желтые кеды, слегка запачканные грязью. В руке она держала масляный фонарь. Итан взглянул в глаза Оливии; казалось, она едва справляется с тем, чтобы окончательно не пасть духом. Однако, она держалась прямо и не забыла взять с собой оружие.

— Ой... — пробормотал Итан. — Привет. Да. То есть... я хотел сказать: да, не спится.

— Мне тоже. Последнее время мучаюсь бессонницей, а снотворное закончилось. Уже подумывала о том, чтобы отключить себя ударом молотка по голове, но, думаю, это слишком уж... радикальные меры.

Итан слабо улыбнулся ей. Но улыбка быстро исчезла с его лица, когда он вспомнил, о чем хотел поговорить с Оливией.

— Дейв показывал мне карту. А вам?

— Мне тоже. Гора Уайт Мэншн в юго-восточной части штата Юта. Далековато отсюда, мягко говоря.

— Да, довольно далеко.

— Может быть, ты когда-то бывал в этом месте с родителями? Может, поэтому тебя так тянет туда?

— Я так не думаю. И... у меня не было отца, — сказал он.

— Что, прости?

— Я начинаю кое-что вспоминать. Помню, как сидел за столом и собирал анатомическую куклу. Джей Ди рассказывал вам об этом?

— Да.

— Я так и думал, что он расскажет. Ну... я помню темноволосую женщину, вероятно, она — моя мать. Но не думаю, что у меня был отец. Я не ощущаю... скажем так, его присутствия. То есть, у меня, конечно, когда-то был отец, но он ушел из семьи, когда я был совсем маленьким.

Оливия осветила лицо мальчика поднятым фонарем, и увидела его таким, как никогда не видела прежде. Выразительные голубые глаза Итана блестели, челюсти крепко сжались. Он словно ждал и готовился к чему-то, чего Оливия не понимала. Мальчик переминался с ноги на ногу, напоминая обеспокоенную лошадь, почуявшую змею в траве.

— Давай пройдемся, — предложила Оливия и сделала первый шаг. Она все еще прихрамывала, и ее травмированное колено было туго перевязано под джинсами. Кроме того, ночные кошмары не давали ей выспаться с того самого утра в библиотеке. Несколько раз за ночь она просыпалась в холодном поту, и ей казалось, что бесформенная масса серой плоти с множеством рук и с острыми зубами прорывается в ее квартиру сквозь несуществующую трещину в полу. Но

в этих кошмарах рядом с ней не было Дейва МакКейна, некому было прийти на помощь.

От Итана не укрылась хромота Оливии.

— Джей Ди сказал, вы повредили колено.

— О, пустяки. Нужно побольше ходить, чтобы восстановить кровообращение.

Они сделали еще несколько шагов, когда всполох синего цвета проскользнул в небе над Пантер-Ридж. Что-то перемещалось там, в четырехстах футах над землей — зримо, но почти беззвучно. Итан и Оливия молча наблюдали, как вспышка исчезает в облаках. Примерно через три секунды послышался слабый гул, становящийся все громче и громче, пока не переродился в сплошной визг, скорее всего, поднявшийся ото сна всех поселенцев. Внезапно из-за облаков появился красный пульсирующий шар, объятый огненным ореолом, и бросился в погоню за сияющим голубым объектом. Вскоре и тот и другой скрылись из виду.

— Они сегодня активны, — сухо сказала Оливия, наблюдая, как в окнах квартир загораются фонари. Похоже, этой ночью уже никто не уснет. Люди много раз видели в небе огни сражающихся инопланетян и слышали отдаленные взрывы, потусторонние звуки веземного оружия... Казалось, люди должны были привыкнуть, но разве можно привыкнуть к подобному?

— Не будем останавливаться, — Оливия постаралась дружелюбно улыбнуться и кивком предложила Итану следовать дальше. — Так о чем мы? — вновь заговорила она несколько минут спустя. — Ах да, о Белом Особняке...

— Я должен туда добраться, — в голосе мальчика не слышалось и толики сомнения, — как можно скорее.

— Ясно, — Оливия невольно задумалась, не является ли блеск в его глазах признаком лихорадки... или чего-то худшего. — И как ты рассчитываешь попасть туда? Пешком?

— Это займет слишком много времени, — то, что Итан сказал после этого, пришло к нему, как воспоминание. Или, может, чей-то чужой голос нашептал ему эти слова. — Я должен как можно скорее добраться туда, или шанс будет потерян.

— Шанс? — она нахмурилась. Это слово невольно взволновало ее. — О каком шансе ты говоришь?

Он раскрыл было рот для ответа, но понял, что ему нечего сказать. У Итана не было выбора, кроме как верить в то, что направляет его. Даже если оно толкает его на безумный поступок или отправляет в смертельное путешествие... разве у Итана Гейнса были другие варианты? Он хотел сказать об этом, но прежде чем хоть слово сорвалось с его губ, раскаленный огненный объект пронзил небо над Пантер-

Ридж. А затем еще один. Потом снова и снова. В небе появлялись десятки объектов, шипящих, как бекон на сковороде. От их свечения, охватившего весь небосвод, жгло глаза. В облаках сверкнула молния, сопровождаемая ударом грома, как во время обыкновенной грозы, с той лишь разницей, что сейчас молнии были красными и синими, а гром напоминал глубокий гул океанских волн, разбивающихся о зубчатый берег... И он становился все сильнее, громче...

— Господи, — прошептала Оливия, глядя в небо. Итан напрягся всем телом, сердце его бешено заколотилось. Он глубоко вздохнул, ощутив укол боли в груди. *Мои легкие все-таки болят*, подумал Итан. Нужно было сказать об этом доктору, но уже в следующую секунду он понял, что говорить об этом поздно... слишком поздно.

— Слишком поздно, — услышал он себя. Собственный голос показался ему чужим и далеким, словно звучал где-то вдалеке.

— Что? — переспросила Оливия, не сдержав истерических интонаций в голосе. Итан не ответил, и она нетерпеливо повторила, — Что ты сказал?

С облаков спускался монстр.

Как показалось Итану, он был вдвое крупнее горгонского корабля, уничтоженного у него на глазах ракетами Сайферов, когда он бежал через грязное поле. Объект имел такую же треугольную форму и ту же желто-коричневую окраску, напоминающую о доисторических рептилиях. Тонкий, как бритва, без дверей или иллюминаторов, он все же отличался от ранее погибшего корабля. Шесть из восьми электрических голубых шаров, окружавших его, были погашены. Десятки сфер атаковали гиганта со всех сторон, а тот пытался отстреливаться из оставшихся орудий. Но красные шары лишь с большим остервенением набрасывались на своего огромного врага. Повсюду в воздухе витал запах озона, смешанный с вонью горелой плоти — словно кто-то жарил на гриле давно протухший стейк. Так пахнет на болоте. Такую вонь источают гремучие змеи или жабы, умирающие под палящим августовским солнцем...

Воздух разорвал высокий писк, не менее отвратительный, чем скрежет гвоздя по стеклу. С этим визгом боли корабль Горгонов упал на Пантер-Ридж. Оливия поняла это на несколько секунд позже Итана; у нее ушло чуть больше времени, чтобы избавиться от оцепенения. На мгновение мир вокруг замер, а затем время ускорило, врываясь в смазанную реальность. Другие жители, наблюдавшие за сражением, тоже поняли, что должно произойти; по всей территории жилого комплекса Пантер-Ридж пронесли крики, поднялась паника.

Огромная масса горгонского корабля задрожала. Вокруг него теперь ройлась сотня, или даже больше, маленьких черных кораблей Сайферов, каждый из которых едва ли мог вместить пилота размером

с человека. Они больше напоминали насекомых с вибрирующими с огромной скоростью крыльями и заостренным жалом. Поверхность блестела, как мокрая чешуя, и они метались вокруг корабля Горгонов, пытаясь лишить его последних уцелевших орудий. Из-под крыльев вырывалось по шесть горящих снарядов за один залп. Корабли двигались быстро и бесшумно, останавливаясь, чтобы оценить ситуацию и снова броситься в атаку. Иногда кто-то из них попадал под огонь энергетического оружия противника, но Сайферы брали числом.

Продолжая «вопить», корабль Горгонов терял высоту. Он накренился влево, и несколько кораблей Сайферов, развив невероятную скорость, пронзили тело монстра. Маленькие убийцы продолжали выпускать снаряды, от сияния которых жгло глаза, и те проделывали еще больше дыр в брюхе сотканного из плоти корабля Горгонов. Из ран прямо на стервятников, обгладывающих плоть убитых Серых людей, полилась кровь.

Один из дозорных на вышке открыл огонь по падающему кораблю, однако это было не лучше метания бумажных шариков в бетонную стену. Мозг Итана лихорадочно пытался свести скорость и направление объекта в единую картину, и, хотя ему не хватало знаний, он предположил, что корабль врежется в стену, а не здания. Но, так или иначе, жилой комплекс был обречен. Пока он раздумывал, а горгонский корабль продолжал свое смертельное снижение, сквозь стену проникли солдаты Сайферов. Их было несколько десятков — тонких, как скелеты, семи футов ростом. Черные безликие шлемы повернулись в одну сторону, затем в другую. Черное мясистое оружие с двумя цилиндрами, соединенными с телами с помощью то ли вен, то ли шлангов, было наготове. Вероятно, эти солдаты всегда были наготове. Некоторые из них направились в сторону жилых зданий, другие шли вперед, двигаясь чуть медленнее и сохраняя видимые очертания.

Раздались выстрелы из пистолетов и винтовок, но даже если пули и находили свою цель, то без всякого эффекта.

Оливия пригнулась и с трудом сдержала крик, когда корабль Горгонов с визгом рухнул на землю, едва не задев первое здание жилого комплекса. После падения он продолжил скользить по склону холма, перепахивая теннисные корты и бассейн, но вскоре натолкнулся на центральное здание, развалив его, словно сделанное из дешевого картона, а не из бетона. Итан и Оливия поняли, что больница и квартира Джей Ди только что перестали существовать.

Умиравший корабль Горгонов прополз через руины центрального здания и врезался в третье, где находилась квартира Итана, а также жилье Дейва с Оливией. В воздух поднялся целый ураган пыли. Корабль Горгонов замедлился, оставив невредимыми лишь первое и

четвертое здание Пантер-Ридж. Ущерб был непоправимым. Солдаты Сайферов приближались, удостовериться, что никто из противников не выжил.

Что-то вспыхнуло в разбитом корпусе инопланетного корабля. Языки красного пламени взметнулись вверх. Со стороны разрушенных зданий доносились крики, звучали выстрелы. Корабль Горгонов лежал неподвижно, и его жизненные соки лились из многочисленных ран, вокруг которых поднимался пар.

Заскрежетали, распахиваясь, ворота. Люди, которые все еще могли двигаться, помчались прочь, чтобы как можно скорее уйти с поля битвы.

— Оох... — Итан услышал, как застонала Оливия. Она чуть не задохнулась от рыданий. Ей пришлось ухватить мальчика за плечи и держаться за них так, будто они оставались единственной опорой в этом обезумевшем мире. — О, нет... нет...

— Идемте! — воскликнул Итан и схватил ее за руку, увлекая за собой к воротам, ведущим за пределы Пантер-Ридж. Солдаты Сайферов все прибывали, легко проходя сквозь толстую стену и принимая видимую форму. Они не обращали никакого внимания на перепуганных людей, пытавшихся выбраться наружу. Кто-то выстрелил из пистолета почти в упор, целясь в голову Сайферу, но солдат расплылся в пространстве за мгновение до того, как пуля достигла его.

Оливия высвободила руку. Ее напряженное лицо было непроницаемым, как безликая маска. В глазах кипело безумие, а по щекам текли слезы.

— Нет, — произнесла она твердым низким голосом. — Я не... я не пойду.

— Нет, пойдите! — Итан снова схватил ее за руку, на этот раз она вырвалась быстрее.

— Я должна... найти кое-что, — ответила она и решительно зашагала в противоположном от ворот направлении — прямо к горящим разрушенным апартаментам. В ее мыслях Винсент все еще жил в квартире 227, и там осталось последнее воспоминание о нем. Лишь оно все это время помогало ей не сойти с ума. Оливия не собиралась бросать его. Шар «Волшебная Восьмерка» — шуточный подарок, который Винсент когда-то сделал ей на пятидесятый день рождения. Подарок, в котором застыли смех и любовь, связанные с Винсентом. Без него — Оливия знала — она не сможет жить. Без этого воспоминания ее сердце будет разбито.

— Оливия! — закричал Итан. — Не ходите туда!

Но если она и слышала его крик, то предпочла не отвечать. Сейчас Оливия Куинтеро напоминала такого же целеустремленного полупризрака, что и солдаты Сайферов. Не обращая внимания на окру-

жающие опасности, она уверенно пробиралась сквозь висящую в воздухе завесу из желтой пыли. Она шла дальше и дальше, шаг за шагом, веки ее опухли от отчаяния и ярости, которую она старалась загонять в самые глубокие уголки своей души. Но сильнее всего ее угнетало бессилие. Оливия знала, что ничего не может противопоставить этим существам. Все, что она могла, это идти сквозь дым, вдыхая вонь мертвой земли и обгоревшей плоти корабля Горгонов. Она была так поглощена своей целью, что даже не заметила Итана Гейнса, молча идущего рядом с ней. Его голубые глаза гневно блестели, как заточенные лезвия на ярком свете.

Мимо них мчались перепуганные выжившие. Многие из них получили травмы — от синяков и ушибов до переломов и кровоточащих ран, — но сейчас люди не обращали внимания на физическую боль, потому что страх и желание выжить влекли их за стену. Несколько человек остановились и попытались увести Оливию за собой, но она не поддалась. Она продолжала идти сквозь пыль и дым, а Итан держался рядом с ней. Вместе они миновали сбитый корабль Горгонов, усеянный смертельными ранами, внутри которых проглядывало сырое красное мясо. В этом мясе пролегли странные шестиугольные каналы, из стенок которых сочилась неизвестная блестящая жидкость. Дальнейший путь был заблокирован руинами. Оливия двинулась в обход, Итан не отставал. Перед ними оказался разрушенный балкон, охваченный огнем. Повсюду под ногами хрустело битое стекло. Впереди громоздилась куча обломков, увенчанная кухонной раковиной из нержавеющей стали. Здесь же находилась рухнувшая лестница, перила которой были перекручены и напоминали кусок расплавленной лакрицы. В дымном мраке двигались призрачные солдаты Сайферов, а пламя прожорливо заглатывало остатки мебели — сломанные стулья, диваны, кресла, журнальные столики и кухонные столы.

— Мы не сможем пройти! — крикнул Итан. — Пути нет!

Но Оливия знала, путь должен быть. Винсент ждал ее, и потому она найдет проход. Она миновала обломки несущей стены, на которой все еще висела металлическая табличка «*Рог Изобилия*». Итан оглядывался по сторонам, но не видел ничего, кроме щебня, дыма, обломков и пыли. Затем, из дыма вынырнула грань огромного мертвого горгонского корабля. Они прошли мимо дыры, из которой сочилась жидкость, уже образовавшая на земле целое инопланетное болотце.

Один из солдат Сайферов вдруг остановился напротив Оливии и Итана. Его оружие было готово к стрельбе, дуло смотрело на двух жалких человек, дерзнувших проникнуть в зону боевых действий.

— Пошел прочь, — сказал Итан. Голос его был тихим, и все же в нем было достаточно сил, чтобы пробиться сквозь треск пламени. Солдат постоял несколько секунд, а затем удалился в руины. Итан не думал, что инопланетянин понял его, но нечто, скрывающееся под безликой маской шлема, видимо, сочло бессмысленным расходовать энергию на ничтожных обитателей этой планеты.

— Нам нужно вернуться, — обратился Итан к своей спутнице, которая уже начала рыдать в голос и спотыкаться на каждом шагу. Решимость ее падала, рассыпаясь по кирпичикам, как здания Пантер-Ридж. Мальчик протянул руку, чтобы помочь ей сохранить равновесие. — Оливия, пожалуйста, мы должны вернуться... Мы должны убираться отсюда.

— Еще нет... — ответила она, всхлинув. — Еще нет... мне нужно... найти... Винсента. Винсент? — позвала она сквозь темную пелену отчаяния. И затем громче: — Винсент!

Когда прозвучало последнее слово, Итан заметил какое-то движение прямо за спиной Оливии.

Сквозь дым и пыль, сквозь кровавое болото, сквозь спутанный клубок из обломков мебели и кусков бетона продвигался кто-то...

... и это был явно не Винсент.

Сначала он полз, а затем начал подниматься на ноги. Стало ясно, что это не солдат Сайферов. Существо двигалось со змеиной грацией — со странной, пугающей и очаровательной красотой — но при его приближении в сердце рождался холодный ужас. Хотя Итан не мог разглядеть существо во всех подробностях, увиденного было достаточно, чтобы его лицо исказилось от отвращения. Создание выглядело настолько чуждым для человека, что от одного его вида страх сковывал внутренности, замораживал тело и вызывал лишь желание бежать без оглядки. Итан и сам хотел бы умчаться прочь, но он не мог оставить Оливию наедине с этим ужасом. Она еще не заметила существо, но видела выражение на лице мальчика, и уже собиралась обернуться. Увиденное могло запросто ослепить ее, так же верно, как если бы глаза выжгло огнем...

— Нет! — закричал мальчик.

И его свободная рука вытянулась раскрытой ладонью в том направлении, куда оборачивалась Оливия. Он хотел спасти последний оплот ее здравомыслия... хотел, чтобы пилот Горгонов исчез, был стерт с лица земли. В его лихорадочных мыслях стала яркой лишь одна мысль: пусть огонь пройдет сквозь руку и сорвется с нее. Его ладонь и впрямь взорвалась болью, как будто ее окатили из ведра с кипящим маслом. Пространство между ним и существом исказилось. Или Итану лишь показалось, что воздух изменил свою структуру и стал твердым, как таран? Сверкнул ли огонь, такой же, что иноплане-

тяне использовали, сражаясь друг с другом, и мощь которого превосходила любое земное оружие?

Видимо, так и произошло.

Потому что в следующую секунду существо взорвалось и разлетелось на кусочки, а Итана отбросило назад отдачей, словно он выпалил из ружья для охоты на слонов. Он догадался выпустить руку Оливии, иначе вывихнул бы ей плечо. Итана швырнуло на кучу обломков, и он ощутил, как длинный гвоздь, торчащий из доски, прошил ему джинсы и вошел сзади в правое бедро. Из его легких с хрипом вырвался воздух, в голове горячо пульсировала кровь. Казалось, он вот-вот взорвется от этой пульсации.

Рука Оливии ныла после рывка, но, по крайней мере, она не была вывихнута. Оборачиваясь, Оливия успела заметить лишь некое существо, тут же разлетевшееся на куски. Оливия моргнула, уставившись в темноту; слезы струились у нее по щекам, и уголков рта тянулись ниточки слюны.

— Что это? — спросила она, выйдя из оцепенения и разминая плечо. — Что это было? Что случилось?

Она боялась сделать хоть шаг к останкам существа, понимая, что это было нечто ужасное. Да, от него остались лишь ошметки, но Оливия не хотела их видеть.

Итан, скрипнув зубами от боли, выдернул гвоздь из ноги. Он заставил себя подняться, но снова упал на колени. В голове стучало, подкатывала тошнота, а во рту стоял горький вкус пепла. Огромным усилием воли он приказал себе встать. Оливия широко раскрытыми глазами уставилась на него. Ее ноги дрожали и могли вот-вот подкошиться. Позади нее Итан вновь заметил едва различимые скользящие фигуры. Он попытался заговорить, но голос не слушался. Пришлось приложить больше сил.

— Нужно уходить. Сейчас.

— Уходить, — тупо повторила Оливия. — Да. Нам нужно уходить.

Итан посмотрел на свою ладонь, которую жгло, как огнем. Вопреки его ожиданиям, кожа не покрылась множеством волдырей и ожогов. Виднелись лишь пара красных пятен с небольшой припухлостью. Он не мог сказать наверняка: появились ли они давно или только что. Постепенно жжение уходило из ладони и руки. Итан ужасно устал, голова раскалывалась. Он даже не посмотрел на останки взорванного существа. Все, что он хотел — просто взять Оливию за руку и вывести ее отсюда. Его одежда была усеяна пятнами инопланетной крови — крови горгонского корабля. Она пахла мертвой змеей, и от этого запаха его начинало тошнить, но на проявления слабости не было времени. Скорее всего, запах учуяли и солдаты Сайферов, и в

любой момент они могут появиться здесь. Возможно, они решат, что Итан — один из Горгонов, потому что пахнет как они.

Мальчик повел Оливию прочь тем же путем, которым они пришли. Время от времени рядом с ними возникали другие фигуры, но то были не пришельцы, а окровавленные выжившие, выбравшиеся из-под обломков. Итан никого не узнавал. Он видел мужчину с маленьким сыном на руках, а рядом с ними, шатаясь, шла женщина. На всех кровоподтеки и ссадины, одежда изорвана в клочья. Старик в заляпанной кровью рубашке внезапно остановился и сел посреди дороги в плетеное кресло, будто ожидая прихода автобуса.

Оливия смотрела прямо перед собой. Она больше не плакала, лицо ее было застывшим, как маска из воска.

— Все будет хорошо, — сказал ей Итан, но почувствовал дрожь в собственном голосе, а слова прозвучали, как самая глупая в мире шутка. Где Дейв? Что случилось с Джей Ди? А что насчет Роджера Пэлла, Кэти Мэттсон, Гэри Рузы, Джоэля Шустера и еще троих человек, с которыми Итану довелось разговаривать? Он сомневался, что после такой катастрофы осталось много выживших, но... он был жив, как и Оливия Куинтеро.

Итан подумал, что если бы Серые люди пришли сейчас, привлеченные шумом и запахом крови, все было бы кончено в считанные минуты. Впрочем, не все ли равно: с приходом Серых людей или уже сейчас? Пантер-Ридж превратился в руины. Выжившим придется уйти отсюда, хотя бы они того или нет.

Уайт Мэннин, подумал Итан.

Убежище или нет — сейчас это место тянуло его к себе сильнее, чем когда-либо раньше. Он должен добраться туда. Должен... но как? Кто мог помочь ему в этом путешествии, которое заведомо считалось невозможным? И ведь он даже не предполагал, что найдет там, но все же...

Я взорвал Горгона, подумал Итан. *Просто взорвал. Силой своей мысли. Потому что захотел.*

Он вспомнил, как Джон Дуглас, сидя напротив него в больнице, спросил: «Что ты такое? Я не уверен, что ты человек».

— Неправда, — прошептал мальчик, ни к кому не обращаясь.

Оливия слышала отдаленные крики и почти истерические просьбы о помощи, и поняла, что как лидер крепости она обязана вернуться за выжившими.

— Я человек, — снова прошептал Итан. — Я человек...

Но в то же время он осознавал, что...

...ни один человек не может вызвать землетрясение одним лишь желанием. Ни один человек не мог уничтожить жуткого монстра силой воли.

Итан начал плакать — тихо и неслышно. Ведя за собой Оливию, он чувствовал себя потерянным. Он потерялся... когда-то... где-то...
... и он должен был разгадать, кто или что он такое, или умереть, пытаясь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ МУРАВЬИНАЯ ФЕРМА

Глава одиннадцатая

Хотя они спали в разных кроватях, она ощутила, как он проснулся. И знала почему, даже не глядя на часы. Она слышала, как он глубоко и прерывисто вздохнул, и в этом звуке крылось очень многое. Она продолжала лежать с закрытыми глазами, потому что не хотела смотреть на него, не хотела показать ему, что тоже не спит. Она ненавидела его. Он был сам по себе.

Мужчина по имени Джефферсон Джерихо направился в ванную и запер дверь, прежде чем включить свет. Его жена Регина осталась на месте. Она даже крепче зажмурила глаза, вспоминая то апрельское утро два года назад, когда она решила, что с нее хватит, что она не может терпеть больше ни минуты. Он тогда сидел на лужайке под большим дубом, в своем синем кресле «Адирондак», с кружкой кофе, на которой был изображен Бог — вроде как, единственный и великий повелитель мира. Джефферсон пил кофе с половинкой ложки сахара. Он всегда сидел на том же месте — в прохладной тени возле пастбища в Теннесси. Прямо напротив него за оградой паслись лошади. Регина смотрела, как он с удовольствием вытягивает перед собой ноги и усмешается, глядя на солнце, и думала, что больше не выдержит этого ни минуты... ни секунды!

Поэтому она покинула крыльцо их дома, построенного в стиле английского особняка, направилась в кабинет Джефферсона и открыла ящик стола, где он держал свой «Смит-Вессон» 38-го калибра. Она не раз видела, как он практиковался в стрельбе, поэтому знала, как зарядить оружие и снять предохранитель. Регина родилась на ферме и проделала долгий путь к тем богатствам, которыми обладала сейчас, и которые теперь ее мучили. Но, слава Христу, она умела стрелять и могла спустить курок, если потребуется.

Сегодня Регина поняла, что потребуется.

В своей желтой шелковой ночной сорочке, кружащейся вокруг нее от дуновения приятного весеннего ветерка, с заряженным револьвером в руке, она сошла с крыльца и пошла по дорожке из широких каменных плит, которые тянулись мимо декоративного колодца и

беседки. Она смутно помнила, что это был третий день апреля, и ей еще надо было постирать и прибраться, но... к черту все это!

Сегодня был день, когда она собиралась убить пастыря.

Лжеца. Ублюдка. Любителя вешать лапшу на уши людям, выдавая себя за искателя истины. Она ненавидела то, как он усмехался, ненавидела то, как он во всем одерживал победу, ненавидела его удачу, красоту его движений, которая сопровождала каждое его рукопожатие, ненавидела то, что он мог совратить даже примерную христианку и превратить ее в последнюю шлюху. А если эта новоиспеченная шлюха была красива и доверчива, он даже мог показать ей «проблеск рая», но она должна была стать «Рисковым Игроком», как и он сам. Должна была стать Мечтателем, Искателем... и прочими высокопарными словами, которые он использовал, чтобы люди рядом с ним чувствовали себя более важными, и их было легче контролировать.

Пастырь, подумала Регина и поняла, что, возможно, она все еще немного пьяна после бурбона, выпитого вчера вечером. *Мой верный муж и любовник, спутник и демон ночи... пришло время стереть эту чертову ухмылку с твоего лица.*

Она была разочарована и раздавлена, у нее не осталось сил так жить, точнее, позволить ему прожить еще один день. Возможно, было бы правильнее уйти вместе? Последней каплей стала та шестнадцатилетняя девочка, подсевшая на метамфетамин и покончившая с собой. О, это грустное, залитое слезами письмо на листе, вырванном из школьной тетради, которое Регина нашла, готовя костюм мужа для химчистки! Неужели он хотел, чтобы она его нашла? Он положил письмо во внутренний карман, чтобы Регина наткнулась на это послание и поняла, как мало значила для него. Это была своего рода рекомендация держать рот на замке, а иначе все эти «Рисковые Игроки» обратят ее в дым и пепел. Хотел ли он, чтобы она узнала, как он грабил тех битых жизнью девушек и женщин, пришедших к нему в надежде на помощь? Всех тех девушек из программы по борьбе с наркотиками, матерей-одиночек, девочек, подвергшихся домашнему насилию? Всех тех девушек, девочек и женщин с разбитыми сердцами, которые так жаждали любви?

Регина знала, что девочки, у которых были проблемы с отцами, всегда искали любви. Искали везде, где только могли найти. Они жаждали ее, желали быть любимыми. Она знала, потому что была одной из них. И вот... теперь она получила то, что хотела. Ухмыляясь и расслабляясь, в своем любимом кресле «Адирондак» сидел такой-прекрасный-и-удивительный, такой-весь-из-себя-святой и непогрешимый-блядский-отец Джефферсон Джерихо, чьи стены вот-вот собирались рухнуть, потому что его фермерская-девочка-жена выросла

— ей было уже за тридцать — и, пережив достаточно насилия, внезапно обрела свою веру.

Эти стены были больны. Испорчены и уродливы, пронизаны трещинами и заражены чем-то гнусным и ползущим. Как раковая опухоль, распространяющаяся своими метастазами по телу...

Пуля сумеет все очистить. И тогда Регина вернется домой, сядет за стол и напишет записку о том, почему она это сделала. Она расскажет обо всех его грязных делишках — она разузнала о них благодаря обращению в частное детективное агентство. И в конце она напишет настоящее имя Джефферсона, так что мир узнает, какие именно прегрешения привели Леона Кушмана в его личный ящик в морге.

Она шла босиком по изумрудной траве, неслышно подбираясь к мужу со спины. Ей открылся вид, которым он любовался: под холмом раскинулся дом семьи Джерихо, пастбище, загон для лошадей и город. Город, который он воплотил и построил для себя. Этим утром его омывал солнечный свет, и крыши цвета меди пылали, как небесное золото. Город был назван — вероятно, специально для женщины, которая собиралась выбросить человека из рая — Новым Эдемом. По стилю постройки он напоминал обычный американский городок пятидесятых. Хотя сейчас уже трудно было вспомнить наверняка — теперь тот город остался лишь фантазией, не более. Дома нескольких различных планировок были выкрашены в спокойные пастельные тона. Они занимали небольшие и недорогие участки. Но на их фоне сильно выделялось здание церкви «Рисковых Игроков», к которой вели все основные улицы городка. Отсюда, с холма, Регине казалось, что церковь возведена не из молочно-белого камня, а из воска. Впрочем, вне зависимости от материала, эта сраная церковь стояла для нее не больше лужи соплей.

Новый Эдем расположился на холмах и лугах в тридцати шести милях к югу от Нэшвилля, штат Теннесси. Иногда какой-нибудь артист, за большие деньги принявший доктрину «Рисковых Игроков», приезжал, чтобы выступить на большой местной сцене. Это притягивало сюда множество его поклонников, то есть, привлекало в церковь новых людей. Иногда настолько много, что в Новом Эдеме даже пришлось завести лист ожидания, быстро разросшийся до размеров небольшой проселочной дороги. Лист ожидания включал даже людей, желающих занять в Новом Эдеме должность водителя автобуса или охранника. Похоже, все стремились пройти через золотые ворота.

Сегодня, подумала Регина, откроется вакансия на очень высоком посту.

Она хотела заговорить, бросить в спину мужу нечто, вроде «Ты — жадный ублюдок!» или «Я знаю о тебе все, подонок!», или «Я не

позволю тебе больше этого делать», но она решила, что пусть за нее говорит револьвер. Как только внизу услышат выстрел, охранники в своих золотых колесницах — сегвеях ¹⁶ — тут же примчатся сюда. Поэтому на прощальное письмо и самоубийство останется не так уж много времени.

Но это неважно. Важно то, что пришло время главного события.

Время, время, время... время пришло.

Она направила револьвер прямо в затылок Леона Кушмана, покрытый густыми темными волосами, и ее палец уже начал нажимать на спусковой крючок. Сердце ее билось очень быстро. У Регины мелькнула мысль, не прикрыть ли лицо второй рукой, ведь ей вовсе не хотелось, чтобы его мозги попали на нее. Нет, нет, решила она. Ей нужно держать револьвер обеими руками.

Сделай это, сказала она себе.

Да.

Сейчас.

Но как только Регина Джерихо, урожденная Регина Клэнтон, начала сильнее давить на спуск, небо взорвалось.

Этот шум не был похож на торжественный Глас Божий, звучащий во имя спасения Джефферсона Джерихо. Скорее, это был оглушительный хор тысячи демонических глоток, вопящих одновременно на грубых незнакомых языках. Этот звук был подобен взрыву Вавилонской башни в аду, переходящий в низкое неразборчивое бормотание сумасшедшего в подземелье.

Джефферсон упал со своего кресла, развалившегося на части. Шум заставил Регину нервно оглянуться по сторонам и узреть огромную красную огненную вспышку в небе на западе, на высоте не меньше двенадцати тысяч футов. Из центра этой вспышки появился треугольный объект, окрашенный в черно-желто-коричневые тона. Размеры его были невероятны! Вглядываясь в это монструозное существо, Регина застыла, ощутив ужас, какого никогда не испытывала прежде — даже когда ее отец-баптист в приступе животной ярости запирает ее в темном чулане, а после отправляется избивать ее мать ремнем с пряжкой. Регина почувствовала, как револьвер вываливается из ее ослабевшей руки и падает на изумрудно-зеленую траву.

Тут зазвучал голос Джефферсона — голос человека, на мудрость, опыт и богатство которого опирались тысячи людей. Однако теперь его голос не был голосом наставника и пастыря, нет. Теперь он больше напоминал детское хныканье. Он промямлил:

---

¹⁶ Сегвей — электрическое самобалансирующееся транспортное средство с двумя колёсами, расположенными по обе стороны от водителя, внешне напоминающее колесницу.

— Спаси нас, Боже! — а затем обернулся, взглянув в лицо Регины и переведя взгляд на лежавший в траве револьвер. Джефферсон потянулся к оружию дрожащей рукой, и секундой позже выражение лица священника невольно заставило его жену вспомнить о закрытой дверце чулана... и о щелчке замка, который был так похож на щелчок курка револьвера.

Теперь, лежа в своей кровати все в том же особняке с видом на чудовищно преобразившийся Новый Эдем, Регина Джерихо прижимала руку ко рту, стараясь подавить крик. Скоро настанет рассвет. Новые боги позволят своим рабам увидеть дневной свет, и свет этот будет напоминать тот, который Джефферсон только что включил в своей ванной. Не слишком яркий, но слишком синий... он не принесет никакого комфорта или тепла. Но жители Нового Эдема хотя бы сохранили жизнь, и о них хорошо заботились. Их приняли в мир, где царил новый порядок. И теперь Регина слышала шум воды, бежавшей в сток раковины, но знала, что вода была другой. Она была чистой и прозрачной, да, но оставляла на коже какую-то маслянистую пленку, которую невозможно было очистить или стереть полотенцем. Вода бежала, и Джефферсон плескал ею себе в лицо, прежде чем приступить к бритью электробритвой.

Во время одного из своих откровений он сказал Регине, что Ей понравилось видеть его гладко выбритым, когда он пришел к Ней впервые. Теперь Она вновь позвала его, и от этого у Джефферсона по коже побежали мурашки, в спине началось легкое покалывание, а волосы на затылке встали дыбом. Конечно же, ни у кого другого больше не было этих новомодных электрических бритв. Даже опасных бритв с прочным лезвием — не было. Оставались кухонные ножи, но когда Регина однажды в декабре попыталась перерезать себе горло, сталь в ее руках превратилась во что-то мягкое и податливое, как резина, и таким «оружием» она не смогла бы нарезать даже мороженое. Стоило вернуть нож в ящик, лезвие снова стало твердым.

— Они наблюдают за нами, — сказал ей тогда Джефферсон. — Постоянно наблюдают. Они не позволят нам причинить себе вред.

— Но почему? — спросила она, чувствуя, как паника все больше охватывает ее. — Почему?! Чего они от нас хотят?

— Мы им нравимся, — ответил Джефферсон. — Мы нравимся Ей.

И на его лице показалась ухмылка, бывшая лишь призрачной копией его прежнего самоуверенного выражения, потому что глаза его выглядели испуганными, и в них стояло истинное безумие. Однако... это все еще была улыбка «Рискового Игрока», который всегда оказывался на стороне победителя.

— Ей нравлюсь я, — тихо произнес Джефферсон. — А все остальное для Нее похоже на... муравьиную ферму. Мне так кажется. Она просто наблюдает за нами, смотрит, что мы делаем. Муравьи ходят кругами и думают, что движутся к какой-то цели. Думают, что они свободны — что бы это ни значило для муравья. Детка, я думаю, я схожу с ума.

— Нет, — ответила Регина с огнем ненависти и отвращения в глазах. — Не смей называть меня своей деткой.

Она закрыла глаза и замерла, словно мертвая. Это был единственный способ продолжать жить, если нынешнее существование вообще можно было назвать жизнью. У жителей Нового Эдема не было выбора. Все они были муравьями на инопланетной муравьиной ферме, жили в маленькой коробке где-то вдалеке от остального мира, от всего, что было известно и привычно раньше, и толком не понимали, где находятся.

Она услышала, как Джефферсон внезапно задохнулся, и его вырвало в унитаз. Через минуту или около того он спустил искусственную воду, которая утекла... куда? Регина боялась даже думать об этом. Смертельно боялась. Она знала, что, если потянется и коснется его постели, то почувствует сырость пота, выступившего на его теле, когда он услышал — почувствовал — зов. Но он обязан был откликнуться на него, потому что за слушание тело пронзила бы невыносимая боль, вплоть до потери сознания. Однажды он рассказал Регине, будто это могло пронять ее. Будто ей было не все равно.

Ну же, одевайся, мысленно сказала она. Одевайся и убирайся отсюда ко всем чертям, в руки своей непобедимой госпожи...

Она предполагала, что у этого существа есть руки. Регина никогда не спрашивала, а Джефферсон никогда не рассказывал ей. Но когда он возвращался — это могло случиться и несколько дней спустя, потому что, по его словам, время в том месте, где он оказывался, текло иначе, и понять этот феномен, выходящий за грань человеческого разума, было невозможно — ему всегда бывало плохо. Он плакал, как маленький ребенок, свернувшись в углу. Поистине, сопливый мальчишка в шкуре и одежде взрослого мужчины. В этот раз будет так же, и Регина, как и всегда, не испытает к нему никакого сострадания. Ни на йоту, потому что реальный Бог этой вселенной решил уничтожить рассадник зла — сам особняк «Рисковых Игроков» и весь Новый Эдем, за то, что на этот город давно легла тень Змея Искусителя.

Просто позволь мне уснуть, подумала она. Пожалуйста... Боже... позволь мне уснуть.

Но Регина знала, что не заснет, пока ее муж, выйдя из ванной, не оденется в свой темно-синий костюм с белой рубашкой и хорошим галстуком (который он так и не научился завязывать, как следует) и

не уберется из комнаты. Он тяжело ступал в своем одеянии, шел так, словно дорога вела на эшафот.

Отправляйся в ад, подумала она. *Ты этого заслуживаешь.*

Затем он ушел, и она снова уснула — через несколько долгих минут тихих рыданий, потому что Муравьиная Ферма была жестоким, очень жестоким местом.

***

Джефферсон Джерихо открыл стеклянные двери, ведущие на террасу. Он вышел, спустился по каменным ступеням на задний двор, кажущийся бесконечным. Вглядевшись в темноту над головой, он не различил ни одной звезды. Звезд больше не было. С тяжелым вздохом он продолжил идти дальше по лужайке, сердце его бешено колотилось, во рту пересохло, а зубы сжимались так плотно, что вот-вот могли треснуть от давления. Несколько раз такое уже случалось. Его передние зубы заметно трескались, однажды даже крошились... но через несколько дней все снова приходило в норму.

Он продолжал идти, в ожидании, что вот-вот это произойдет.

Он не знал, когда.

И вот, сделав следующий шаг, Джефферсон Джерихо оказался в другом мире. Еще секунду назад вокруг него сгущалась темнота его заднего двора, а теперь...

Сегодня это была спальня, похожая на опочивальню французских особняков позапрошлого столетия. По крайней мере, он так думал. Джефферсон не был знатоком истории, чтобы точно оценить интерьер, он просто решил, что этот «кадр» с инопланетной «съемочной площадки» выглядел как французский особняк конца девятнадцатого века. Кругом стояли белые свечи разных размеров, огромное окно закрывали тяжелые пурпурные шторы. Бросалась в глаза роскошная кровать, застеленная красным шелком, над которой на стене висел большой гобелен с изображением женщины, подающей яблоко единорогу. В восьми футах над головой висела огромная люстра с дюжиной свечей. Под начищенными до блеска ботинками Джефферсона простерся паркетный пол, устланный толстым красным ковром. Стены были отделаны полированным деревом. В этой странной комнате имела еще одна дверь.

В затылке все еще пульсировало неприятное ощущение призыва. Казалось, его тело то растягивалось, то сжималось. Все кости болели. Его одежда, как и кожа, впитала запах гари. В желудке снова зародилась тошнота, и тело покрылось липким потом. Джефферсон посмотрел на портьеры и подумал, что, если их отодвинуть? Что скрывается за ними? В последний раз комната выглядела футуристичной, с пуль-

сирующими лучами света, пересекающими потолок. Он подумал, что у пришельцев, возможно, имелась база старых фильмов, и они просматривали их, чтобы выбрать идеи для интерьерера. Или, может, они просто умели читать мысли...

Так или иначе, они умели создавать потрясающие иллюзии, и фантазии им было не занимать.

Джефферсон Джерихо молча ждал. Он попробовал сделать шагок назад, проверить — не получится ли у него вернуться назад, в свой мир. Шаг был сделан, но мир не изменился.

Похоже, Господь наказывает меня за грехи, подумал он. *За все то время, что я обманывал жителей Нового Эдема и выстраивал схему Понци.¹⁷ За то, что манипулировал желаниями людей.* Это была истинная правда: если Джефферсон видел что-то — или кого-то — то брал, повинувшись своим прихотям. Таков был его путь. И если Господь захотел наказать его за это...

Если Ты хотел наказать меня, то почему же дал мне язык и личность? Почему позволил мне говорить все, что я хочу? Почему наделил таким неумным сексуальным желанием? Почему дал мне привлекательную внешность, которая помогла инвесторам открывать свои кошельки, а девочкам прыгать ко мне в постель без сомнений. Я словно гипнотизировал их! Зачем же Ты наделил меня этим даром, если хотел наказать?

Дело в том, что Джефферсон был хорош собой. Хорош в каждом, черт возьми, деле, за которое брался. Умел строить планы, обращаться с деньгами, выступать на публике, убеждать, заниматься сексом. Во всем этом он был хорош — очень изобретателен и всегда готов на эксперименты. Если Господь наказывал его за это, так почему же поселил вокруг него так много разочарованных женщин, которые искали его любви? Любви, которую он только рад был отдавать. Почему Бог создал так много доверчивых людей, которые слушали, но не слышали? И почему именно Джефферсону Джерихо он дал тот голос, который хотели слышать люди и ради которого готовы были опустошить собственные карманы?

И ведь все было так легко! Минуло четырнадцать лет с того дождливого понедельника, когда на автомобильной стоянке в Литл-Роке, штат Арканзас, появилась мерцающая радуга, а тридцатилетний продавец Леон Кушман посмотрел на нее из окна своего небольшого офиса и услышал Откровение.

---

¹⁷ Схема Понци — инвестиционная (финансовая) пирамида, названная по имени Чарльза Понци, итальянского «пирамидостроителя».

К черту продажу автомобилей! Если человек хочет зарабатывать настоящие деньги, он должен приносить людям радость.

Он должен давать людям веру. Создать религию!

Джефферсон сделал высокую ставку и бросил кости. Он собирался убедить людей поверить тем словам, что станут литься из его рта, подобно сладкому потоку вина.

Я могу это сделать, решил тогда Леон Кушман. *Я, сын неудачливого продавца мебели, который разрушил нашу семью и ушел сначала в недельный запой, а потом и вовсе сгинул в каком-то дешевом мотеле! Клянусь Богом, я могу подняться выше. Я могу дать людям раду-гу... Я могу заставить их играть по-крупному, сделать их хозяевами собственных судеб! Ну... или могу заставить их думать так. Разве это не то, что делает хороший лидер?*

И он решился.

Да. Да! Регина примкнет к нему, и у нее могут быть неплохие идеи.

Да.

Дверь на противоположном конце комнаты медленно открылась, словно поддразнивая.

Джефферсон Джерихо почувствовал, как пот выступает у него на лбу. По спине пробежала холодная дрожь, и он никак не мог унять ее. Все его тело шести футов и двух дюймов ростом затряслось от страха.

Она пришла поиграть со своей игрушкой.

Глава двенадцатая

Она вошла в комнату элегантно и неспешно, одетая в черно-золотое изысканное платье. Сегодня она была брюнеткой с длинными черными волосами, уложенными прекрасными ровными локонами. Глаза ее сияли бледно-голубым льдистым цветом под яркими арками бровей, ее полные губы блестели, и на них играла многообещающая улыбка. В прошлый раз она была блондинкой с карими глазами миндалевидной формы и тяжелой грудью. А еще чуть раньше — загорелой латиноамериканкой с пышными каштановыми волосами, забранными в игривый хвостик.

Джефферсон понимал, что она примеряла на себя разные обли-чья, как люди примеряют разную одежду — в зависимости от настроения. Но, похоже, новые боги смотрели земные фильмы в каком-то странном небесном кинотеатре, и их вдохновение рождалось из са-мых темных уголков этого мира.

— Мой Джефферсон, — выдохнула она. Ему показалось, что она произнесла его имя с шипящим придыханием... а может и нет. Она приблизилась к нему скользящей, невесомой походкой. Один миг — и она уже стоит рядом с ним, словно в этом безумном фильме решили вырезать несколько кадров с ее перемещением. Сегодня она была почти такая же высокая, как он, но слишком худая. Посмотрев ей в глаза, Джефферсон обратил внимание на очень длинные и густые ресницы. Он невольно задумался: читали ли новые боги журналы мод семидесятых годов прошлого века? Может, они сохранили в своей картотеке изображения оттуда?

Так или иначе, она была красива в этом облике. Джефферсон знал, что иногда маскировка соскальзывала. Когда это случилось впервые, он почувствовал, как страх скрутил его внутренности тугим узлом, а в самой примитивной части его разума возникло непреодолимое отвращение. Вглядевшись ей в лицо, он подумал, что глаза в этот раз получились слишком бледными. Они были почти белыми, а зрачки походили скорее на кошачьи, чем на человеческие. Стоило мысли об этом мелькнуть в его голове, как цвет ее глаз изменился, стал голубым, а щели зрачков округлились.

— Так тебе нравится больше? — спросила она голосом, в котором хрипловатая усмешка смешивалась с высоким и мягким регистром юной девушки.

Иногда у нее не с первого раза получалось подобрать правильный голос.

Ему показалось, что он ответил «да». Он не был уверен, потому что в этой похожей на сновидение комнате он не всегда мог отличить свои мысли от слов, произнесенных вслух — иногда он говорил и слышал отдаленное эхо, словно кто-то в точности повторял его речь с непостижимого расстояния.

— Ты тоже выглядишь гораздо приятнее, — сказала она ему, проведя пальцем по узлу галстука. Ее пальцы, пожалуй, были слишком длинными, а ногти напоминали белый пластик. — Мне нравится смотреть на тебя, — лицо приблизилось, и голубые глаза пристально всмотрелись в него, словно выбирая точку, с которой должно было начаться вскрытие. — Мой Джефферсон пришел поиграть со своей девкой, — уголки губ подернулись вверх в игривой улыбке, — Я хотела сказать... деткой.

Да, подумал он. Деткой.

Ее руки — ему показалось, или ее пальцы скорректировали длину? — коснулись его лица, нежно пробегая пальцами по щекам. Улыбка не изменилась. Это была идеальная человеческая улыбка, в которой идеальные человеческие губы раскрывались, показывая идеальные человеческие зубы. Джефферсон смотрел на нее, и осознавал,

что его тревожит: она не моргала. Никогда. Возможно, она просто не могла, хотя он иногда молил ее мысленно: *моргни... ну, пожалуйста... и прости за эту паническую просьбу, но мне это нужно*. Она не моргала. И ни разу не упомянула об этом, хотя он догадывался, что она читает его мысли.

Он чувствовал ее в своем сознании. Исследовательница. Всегда любопытная. Поднимая камни его жизни и наблюдая, что всколыхнется из-под них, она знала о нем абсолютно все — вероятнее всего, с самой первой встречи. Когда она состоялась? Станный вопрос. Время было здесь понятием не столь целостным и неизменным. И все же, когда? Через два месяца после того дня с Региной и револьвером? Когда он, Алекс Смит, Даг Хаммерфилд и Энди Уоррен на грузовике-пикапе в поисках топлива выехали из Нового Эдема? Да, это было ночью, в конце июня, под небом, испещренным синими молниями. Через несколько миль дороги Даг нервно сказал с заднего сидения:

— Джефф... нам лучше повернуть. Мы заехали слишком далеко. Не думаешь?

Вокруг стояла непроглядная тьма, свет исходил только от вспышек на небе. У них в багажнике лежали канистры и шланги для перекачки топлива, но им пока так и не посчастливилось его отыскать. Проблема состояла еще и в том, что люди Нового Эдема использовали слишком много бензина в поисках нового бензина, так как вынуждены были все дальше отъезжать от своего убежища. В мире было темно, горели только фары, да и те временами тускнели.

— Давайте вернемся, — поддержал друга Алекс. — Здесь ничего нет.

— Попробуем завтра, — добавил Даг Хаммерфилд. — Когда сможем здесь хоть что-то раглядеть.

— Ладно, — согласился Джефф. — Ладно, согласен.

Он начал разворачивать грузовик на грязной грунтовой дороге, чтобы ехать обратно, и вдруг перед ними, в свете тусклых фар, появилась дюжина безликих фигур — призрачные солдаты Сайферов. Существа смотрели на измученное атаками небо, и оружие их тоже было поднято вверх.

— Вот дерьмо! — воскликнул Энди, и Дуг отчаянно закричал.

— Заткнитесь! Заткнитесь! — Джефферсон старался развернуть грузовик, но вдруг колеса пробуксовали, а двигатель взревел так громко, что запросто мог поднять мертвых из могил. Некоторые Сайферы повернули свои безликие шлемы к дребезжащему грузовику, нацеливая на него оружие.

— Они нас убьют! — закричал Алекс почти на ухо Джефферсону.

Джефферсон не видел другого выхода. Вся жизнь он руководствовался только одним принципом: паши, как проклятый, или посы-

лай все к черту. Он переключился на первую передачу и опустил ногу на педаль газа. Грузовик врезался в группу Сайферов. Некоторые из них будто переместились... в другую вселенную... или в другое измерение — что там у них было? Но несколько солдат погибли, и темная жидкость брызнула на ветровое стекло пикапа. Тусклые фары окончательно погасли.

— Гони, гони, гони! — кричал Алекс.

Они мчались по грунтовой дороге со скоростью более семидесяти миль в час, подсакивая на каждой кочке.

Оглянувшись и стараясь рассмотреть хоть что-то во взметнувшейся позади пыли, Даг внезапно сдавленно застонал.

Джефферсон увидел в боковом зеркале сгусток горячего пламени, преследовавший грузовик слишком быстро, чтобы от него оторваться. Это пламя не теряло скорости, не меняло направления... и вскоре задняя часть грузовика загорелась, шины оплавилась, и взорвался бензобак, после чего Джефферсон Джериho...

... обнаружил себя сидящим на террасе, выходящей в тенистый сад. В центре сада виднелся серебристый пруд. Желтые и красные плоды, похожие на яблоки странной формы, свисали с деревьев. В воздухе пахло свежестью, как после дождя. Джефферсон увидел, что облачен в белую одежду из какого-то приятного наощупь материала, похожего на шелк, а на ногах у него белые сандалии — вроде, резиновые. Он посмотрел на свои нетронутые огнем руки, провел рукой по волосам и громко ахнул, подумав, что, несмотря на все свои грехи, все же попал в рай. Он был близок к тому, чтобы расплакаться от счастья.

И тогда она — в платье, усеянном миллионом цветов — выскользнула на террасу под искусственным солнцем, и улыбнулась ему. Ее рот тогда нуждался в некоторой коррекции, а голос, которым она заговорила, звучал в нескольких регистрах сразу.

— Я читала. Было написано так: «Враг моего врага — мой друг». Это правильное утверждение, Леон Человек-Куш? Или ты предпочитаешь имя Джеффер-Сын-Иерихона?¹⁸

Джефферсон попытался встать, но потерял равновесие и упал на сверкающие камни, устилавшие террасу. Она встала над ним, глядя

---

¹⁸ Леон-Человек-Куш — в оригинале Leon Kush Man. Игра слов. Персонаж не понимает смысла фамилий, поэтому интерпретирует их буквально, как они звучат.

Джеффер-Сын-Иерихона — в оригинале Jeffer Son Jericho. То же самое. Jericho — букв. «Иерихон».

абсолютно белыми глазами, и протянула к нему неимоверно длинные руки.

— Нет страха передо мной. — произнесла она. — Я спасала тебя. Я хорошо говорю?

— Да... да, ты... вы... ты хорошо говоришь, да.

— Я научилась. Учусь, — она тут же поправила себя. — Очень много... — она помедлила в поисках правильного слова. — Надо впитать, — нашлась она, наконец. — Я... — и снова пауза и новый поиск слов, —... прилежный ученик.

Тембр множества ее голосов поднимался и падал, пока Джефферсон Джериho размышлял о том, что попал отнюдь не в рай, а был затянут в ад.

— Ах! — воскликнула она с легкой улыбкой под немигающими белыми глазами. — Ты объяснять мне эту концепцию!

Где-то в том неизвестном месте и времени он уснул. А когда проснулся, то сидел в своем любимом синем кресле «Адирондак», оглядывая Новый Эдем в свете утреннего солнца, одетый в ту же самую одежду, что надел прошлой ночью, выезжая с тремя товарищами на пикапе. На затылке чувствовалось небольшое воспаление — как от укуса москита. Его одолевала слабость и легкая тошнота. Что случилось с солнечным светом? Куда подевалось солнце? Свет был голубоватым, а небо — белым и безоблачным. И одежда на нем... та же самая, но... другая. Цвет рубашки вроде бы тот же — серый с в белую полоску, но... ткань наощупь какая-то маслянистая, словно из синтетики.

— Регина! — позвал он, вставая и спотыкаясь по пути к дому. — Регина... детка!

Выяснилось, что он отсутствовал два дня. Даг Хаммерфилд, Алекс Смит и Энди Уоррен вовсе не вернулись. И что-то изменилось в Новом Эдеме. Вскоре он понял, что что любая попытка выехать из Нового Эдема приводила обратно в Новый Эдем. Выхода не было. Здесь образовался вечный нескончаемый круг — первый, если верить Данте.¹⁹ Все возвращались. Черт побери, что-то замкнуло всех людей в Новом Эдеме, в царстве «Рисковых Игроков».

В шесть часов утра, полдень и шесть вечера на обеденных столах появлялись белые квадраты некоей субстанции, напоминавшей тофу, а также гладкие металлические сосуды с жидкостью, похожей на молоко. Никто не замечал, как и откуда они появляются — все происхо-

---

¹⁹ «Первый круг, если верить Данте» — имеется в виду Лимб, первый круг Ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери. Наказанием на этом кругу Ада была вечная безболезненная скорбь.

дило в неуловимых паузах между вздохами и взглядами. Никто не мог понять и как сосуды исчезают. Люди пробовали убирать их в ящики, запирать в шкафах, но инопланетные дары все равно исчезали. Их нельзя было помять или раздавить. Еда и питье на вкус были слегка горьковатыми, но насыщали желудок и вскоре стали привычными. Некоторые говорили, что эта пища дарит им самые прекрасные сны, и они начали жить ради снов.

Больше не было дождей, бурь, да и вообще перемен погоды. Только нескончаемые солнечные дни под бело-голубым небом без единого облачка. Свет словно зажигался утром и мерк вечером. Трава перестала расти, но оставалась вечно зеленой, как искусственный газон. Листья на деревьях больше никогда не опали, будь на дворе День Независимости, Хэллоуин, День Святого Валентина, День Благодарения или Рождество. В Новом Эдеме были вода и электричество. Лампочки никогда не перегорали, туалеты никогда не засорялись и не переполнялись. Ничто не нуждалось в ремонте, если только человек сам не хотел заняться ремонтом. Поломок не было нигде — ни в посудомоечных машинах, ни в гаражных дверях, ни в часах, ни в DVD-проигрывателях, ни в холодильниках. Когда приходило время забирать мусор, он просто перемещался куда-то невидимыми бригадами технического обслуживания.

Так Новый Эдем стал самым прекрасным местом нынешней Земли — к этому заключению Джефферсон Джерихо и другие пришли на одном из ночных совещаний. Их городок мечты теперь существовал в какой-то иной реальности, в неизмеримом отрезке времени и пространства — и находился под защитой Горгонов от войны, что испепелила реальный мир.

Здесь не представляли опасности даже Сайферы, не говоря уже о других заботах и тяготах. Продукты питания и напитки поставлялись исправно, все необходимое для жизни человека — от крыши над головой до моющего средства — никуда не пропадало. Даже туалетная бумага никогда не кончалась. Ее рулоны пополнялись, как по волшебству, когда приходило время. Некоторым казалось, что бумага была слишком тонкой, и от нее шел запах, как от дезинфицирующего средства в больничной палате.

Ни одна женщина после того, как Новый Эдем перенесся в это другое изменение — или куда бы то ни было — не могла забеременеть. Никто не умирал — ни люди, ни домашние животные. Рак шейки матки Марианны Доусон попросту исчез, как и эмфизема Глена О'Хары. Восьмидесятичетырехлетний Уилл Доннеридж, правда, продолжал ходить с тростью из-за протеза тазобедренного сустава, но при этом он чувствовал себя хорошо и выбирался на прогулки почти каждый день.

Многие прогуливались почти каждый день.

А некоторые, потеряв сон, гуляли даже ночью. Иногда собаки начинали выть, запрокидывая глаза к искусственному небу, но к этому звуку все давно привыкли.

Это наша Муравьиная Ферма, подумал Джефферсон, глядя на существо, облаченное в элегантное черно-золотое платье, с длинными черными волосами и бледно-голубыми глазами, которые смотрели, не мигая, и видели все. Джефферсон знал: это — их хозяйка.

Были ли Горгоны одной единой сущностью или многими во плоти — он не знал. Была ли его хозяйка на самом деле женщиной — он тоже не знал, и не осмеливался спрашивать. А мысль о том, на что она похожа без этой своей маскировки, повергала его в ужас, и он старался гнать ее от себя, как только мог.

Потому что она была здесь — его межзвездная любовница, и она поглаживала его щеки и подбородок с мужественной ямочкой. Из ее разума в его сознание проникали некие образы, которые она умела передавать в ответ, кормясь его памятью. Она знала все его прошлые проступки и дела, знала о каждой заблудшей душе, будь то девочка-наркоманка или мать-одиночка, что разделяла с ним постель. Она знала о каждом номере мотеля, в котором он расплачивался своей картой «Виза». Она воскрешала все эти события в его памяти — весь этот калейдоскоп плотских утех, которые стали его главной одержимостью — и с радостью просматривала вместе с ним картины его былой пылкости и страсти. И Джефферсон Джерихо — независимо от того, была перед ним инопланетянка или нет — отвечал на эти сигналы страсти. Он понимал, что в этом и была его истинная сила, и он не считал это своим грехом. Он мнил это своей победой.

Ты знаешь, я внушаю тебе раздеться.

Произнесла ли она эти слова на самом деле, или лишь послала мысленный сигнал? Ее губы не двигались, а ее понимание структуры английского языка все еще было далеко от совершенства, однако в умении играть в человеческие игрушки она не знала равных.

Ее пальцы работали над узлом его галстука. Она наслаждалась, раздевая его, и он это знал. Для нее это был почти экстатический ритуал, и когда его галстук «Бен Сильвер» был, наконец, развязан, пиджак сброшен, а рубашка от «Брукс Бразерс» расстегнута, ее глаза горели, как метеоры в ночи. Когда она расстегнула ремень и сняла с него брюки, ее лицо в экстазе внезапно стало похоже на мягкий воск, а кожа начала неестественно смещаться, поэтому Джефферсону пришлось слешно зажмуриться, чтобы не потерять настрой. Но она сразу же почувствовала его страх и вновь наполнила его разум картинами прошлых сексуальных побед, вызывая в его памяти сладострастный

стон целого легиона женщин, попавших под его чары. И он не мог удержаться и не отозваться на эти воспоминания.

Мой Джефферсон. Возьми мою руку.

Одной рукой он поддерживал свои брюки, а другой коснулся ее ладони. Как всегда, ее плоть казалась почти человеческой наощупь... но не совсем. Она повлекла его к кровати и усадила. Джефферсон позволил ей снять с него ботинки и носки. Она делала это медленно, явно испытывая от этого возбуждение. Затем она так же медленно стянула с него брюки, мысленно приказала ему откинуться на кровать и скользнула к нему в объятия. Оказавшись рядом, она принялась играть с отчетливо выдающейся возбуждение частью его тела, и в этот момент она казалась такой же очаровательной, как и любая женщина, которая никогда не летала меж звезд.

Когда разум начинал предавать Джефферсона, его горгонская любовница подливала ему свежую порцию воспоминаний. Она оживляла картины двадцатилетней давности и делала их столь же реальными, как и настоящий момент. И единственное, что ему оставалось — плыть по течению в океане горячих сексуальных видений, пока она играла с его плотью, будто проверяя на прочность материю, из которой он сделан. В какой-то момент прикосновения прекратились, и она разделась. Ее не-совсем-человеческая плоть прижалась к нему. Он осмелился посмотреть ей в лицо, и заметил неестественные тени, пробегающие по коже. Джефферсон поморщился, но она вновь отправила ему порцию воспоминаний из его похотливого парада постельных сцен, что происходили в стенах бесчисленных мотелей, съемных апартаментов или частных комнат в стрип-клубах. Она возвращала его в мир, который он сам для себя сотворил, и он гордился своими достижениями, гордился своей способностью завладеть вниманием любой женщины, гордился своими размерами, гордился талантами, доставшимися ему от Бога, гордился своим серебряным языком²⁰ и золотой гордыней, гордился так сильно, что эти чувства буквально разрывали его на части.

Она пыталась поцеловать его, но у нее не очень получалось. Она просто открывала рот, принадлежавший пустой маске, и не понимала, что делать дальше. А он не мог проникнуть туда — ему мешало понимание, что это существо, ласкавшее его, не было человеком. Едва он задумался об этом, как... ох! Сознание перенеслось в мотель «Шесть», где он провел незабываемую ночь с немецкой студенткой по обмену по имени Яна, которая мечтала подороже продать свой

---

²⁰ Silver tongue (букв. «серебряный язык») – в переводе с английского – «красноречие».

подержанный джип. Возбуждение и влажность окутали его и заставили отрешиться от реальности.

Теперь он был внутри нее, он входил в нее сильно и глубоко, как делал бы это с любой человеческой женщиной, перемещаясь вместе с ней в диком ритме неслышимой музыки в ожидании взрывной кульминации. Внутри она была влажной, и где-то в лихорадочных размышлениях Джефферсона проскользнула мысль, что это тоже маскировка, какая-то искусственная смазка, разработанная в инопланетной лаборатории... а затем его вновь захватило воспоминание, как он рассматривал родимое пятно в виде игривой кошачьей лапки на девой груди блондинки по имени Джорджия Мэй, сотруднице банка из Лигл-Рока.

Неизвестно, сам ли он перевернул ее на кровати, или это она заставила его поменять позу. Джефферсон с трудом осознавал происходящее; воспоминания уводили его слишком далеко. В какой-то момент он погрузился в нее со всей силой и услышал, как она издала тихий шипящий звук. Он продолжал яростно входить в нее, воспоминания заставляли двигаться все быстрее. Он был вынослив в постели и мог продолжать достаточно долго — как и его любовница. На деле, секс никогда не имел для него ничего общего с любовью. Он просто стремился вызвать в ком-то восхищение, услышать слова похвалы, заслужить внимание, которое подтолкнуло бы его к новым свершениям. И его инопланетная блудница оказывала ему такое внимание.

А затем — иногда такое случалось — когда он погрузился в свою горгонскую любовницу слишком глубоко, что-то горячее и упругое ухватило его внутри и крепко сжало. Это длилось всего секунду, но Джефферсон успел ощутить дрожь паники и животный ужас, который тут же смыло из его сознания, бросив его в объятия азиатской стриптизерши по имени Китти, от которой всегда пахло благовониями. А затем — такое тоже иногда случалось в разгар их встреч — маленькие щупальца вдруг заскользили по его бедрам, чтобы крепче удержать его. Тогда он зажмурился, полностью отдаваясь воспоминаниям, которые она посылала ему, но даже в омуте страсти Джефферсон Джерихо ощущал, как тело ее распадается, сбрасывает с себя оковы иллюзии и становится одним из тех созданий, что погрузили весь мир в пучину хаоса.

И какими бы яркими ни были воспоминания, которые она каждый раз дарила ему, они просто не могли скрасить эту часть. Однако, надо отдать ей должное, она старалась, вкачивая в его разум некий аналог производимых ей психических опиатов. В этот момент щупальце обмоталось вокруг его пениса, в то время как другое щупальце щелкнуло по бедрам. Что-то подвижное в глубине ее фальшивочеловеческого тела снова раскрылось и сжалось... и еще раз... и...

...он оказался рядом с молодой блондинкой, гитаристкой Мэригольд, которая самозабвенно наигрывала «Greensleeves»²¹ на своей акустической гитаре.

Тем временем нечто внутри его инопланетной любовницы продолжало сжимать его, с силой не меньшей, чем у человеческой руки. Щупальца извивались в экстазе и щелкали по его телу, словно плети. Он никогда не видел их, но мог представить. Она была достаточно любезна, чтобы прятать их, когда все заканчивалось. Решив, что на сегодня достаточно наслаждений, она раскрыла зажим из плоти внутри, и отпустила Джефферсона. На грани потери сознания, он подумал: используют ли Горгоны человеческое семя, или... что? Однако мысль быстро покинула его голову. Теперь ему было все равно, потому что — хотя он боялся этого существа, и она управляла им с помощью какого-то устройства на затылке — эти чувства отступили перед призывом тела. Ему хотелось броситься в ванную, чтобы его вырвало. Но все это время его не покидал страх, что она прочтет его мысли и увидит в них отвращение.

Да, в прошлой жизни ему приходилось спать и с теми женщинами, которым стоило бы одевать мешок на голову. По крайней мере, эта женщина — эта искусственная женщина — была красива. Она меняла цвет кожи, волос и глаз и всегда заставляла его чувствовать себя чемпионом. Он нравился ей. Так что в этом плохого?

Джефферсон заставлял себя думать так, пока она не освободит его, не отправит обратно. А после — реальность обрушится на него. Он снова вернется в свой муравейник, поднимет крышку своего муравьиного туалета, вывернется наизнанку, сбросит с себя одежду, в которую ввелся неприятный запах, и забьется в угол. Он будет оставаться там, опасливо обводя глазами комнату и дрожа, как после самого страшного кошмара, пока Регина не скажет ему: «Вставай, свинья». Или она придумает нечто похуже...

— Мой Джефферсон?

Он лежал обнаженным на спине на смятой простыне, с закрытыми глазами. Услышав голос, он открыл глаза и увидел ее при тусклом свете свечей возле кровати, вновь одетую в элегантное черно-золотое платье. Ее лицо портили тени, а глаза сверкали. Может, это было лишь воображением Джефферсона, но ему показалось, что ее зрачки кроваво-красные. *Маскировка начинает таять*, подумал он.

— Для тебя есть задание, — произнесла она.

Он лежал неподвижно — слишком ослабевший, чтобы двигаться.

---

²¹ «Greensleeves» — композиция в жанре фолк-музыки, исполненная Оливией Ньютон-Джон в 1976 году и вошедшая в сборник «Come On Over».

— Произошел... — она сделала паузу, наскоро подбирая слова из того запаса, которым успела овладеть, — ...инцидент. Четыре часа назад, если использовать ваше измерение времени.

Она, что, стала чуть выше ростом? Больше? Что-то в ее внешности навевало мысли о самой глубокой тьме во вселенной. И ее голос — несколько голосов, слитых в один — звучащий с призрачным эхом... был очень грозен.

— Мы требуем от тебя, — продолжила она, — помочь нам.

Когда он не нашелся, что ответить, хор голосов резко спросил:

— Услышал нас?

— Да, — ответил он, не на шутку встревожившись. И повторил, не давая ей повода усомниться в его внимании. — Да, услышал.

— Один мальчик... беспокоит нас. Он помог нашему врагу. Мы хотим знать о нем больше. Ты найдешь его и приведешь к нам.

— Что? — Джефферсон сел на кровати, все еще слабый, но способный мыслить достаточно ясно, чтобы осознать услышанное. Ее глаза с красными зрачками — теперь вертикальными — как будто висели в темноте над странным деформированным телом в платье. Он почувствовал, как в его внутренностях снова загорается животный страх, начал потеть, и ему снова пришлось отвести взгляд. — Мальчик? Какой мальчик?

— На наши вопросы нужно отвечать, — отозвался хор голосов. — Он вместе с другими особями вашего вида. Они защищают его. А ты... — и снова она старалась подобрать нужное слово, — ...переговорщик. — закончила она. — Ты можешь получить доверие.

Добиться их доверия, мысленно поправил он.

— Да, — сказала она. — Именно так.

— Я... я не знаю... что ты...

— Ты знаешь. Пробрерись через их защиту. Приблизься к этому мальчику. Возложи на него руки и приведи к нам.

— Я не могу... Послушай... послушай, почему вы сами не можете этого сделать, раз он так важен?

— Так нужно, — ответила она. — Человеческое касание. А мы были бы... как тебе сказать... выставлены вон. Мой Джефферсон, ты очень хорош в том, что делаешь. Очень... — и снова пауза для поиска нужного слова. — ...умелый. Возложи на него свои руки — плоть на плоть — и тогда приведешь его к нам.

— Привести к вам? Но как мне это сделать?

— Мы займемся твоим перемещением. Мой Джефферсон, как ты дрожишь! Не бойся, мы позаботимся о тебе.

— Как? — он помотал головой, словно бросая вызов чужеродному устройству, вшитому в затылок. — Я не могу этого сделать! Ты хочешь сказать... ты отправишь меня туда? На поле битвы?

Вздохнула ли она совсем, как человек, или ему лишь показалось? Холодными как лед голосами она ответила:

— Мы требуем мальчика. Мы требуем, чтобы ты привел его к нам. У тебя будет защита. С нашей стороны и с вашей. Этот самец был... — она снова попыталась подобрать слова. — ...изменен. Он будет реагировать на любую угрозу. Но тебе не нужно беспокоиться об этом. Я хорошо говорю?

— Да, — сказал он. Так он всегда отвечал ей на этот вопрос. Он не мог на нее смотреть. Сейчас ему было слишком страшно видеть даже часть того, чем она была на самом деле.

— Мальчик, — продолжила она. — Находится в месте под названием Кол-О-Райдо. Ты знаешь, где это?

— Колорадо, — поправил он. — Послушай... нет... пожалуйста! Я не могу...

— Ты можешь. И ты это сделаешь. Мы многое дали тебе, мой Джефферсон. Многое. И многое из этого можем отнять. Ты будешь удален с этого места и отправлен в мир, чтобы найти мальчика. Тебе придется исполнить наше повеление... — она замолчала, а затем множество ее голосов уточнили, — Наше задание. Когда все будет сделано, ты сможешь вернуться домой, и все будет хорошо.

Джефферсон хотел рассмеяться, но из его горла вырвался лишь душливый хрип.

— Все будет хорошо, — повторил он.

— Мы намереваемся победить в этом конфликте, — лицо Горгоны подернулось тенью, ее голоса то поднимались в верхние регистры, то скатывались в угрожающий бас. — Мы будем благодетельными правителями. Но сейчас... нам нужен мальчик, а тебе нужно немного поспать.

Джефферсон почувствовал, как в шее началась слабая пульсация. Это было похоже на прикосновение теплых рук. Ощущение стало двигаться вниз по его спине, разливаясь по рукам, позвоночнику, бедрам и ногам.

— Спи, — сказала Горгона. Джефферсон бросил взгляд туда, где полагалось быть ее лицу, но увидел лишь черную дыру над черным мерцающим платьем. — Спи, — подсказала тысяча голосов. Утешительное тепло, разливающееся от устройства, вживленного в шею, успокаивало его, убаюкивало, наполняло мысли воспоминаниями о красоте, которой недавно обладала эта женщина. Он не хотел сопротивляться. Он снова лег на кровать этой поддельной французской спальни, выпрямился и закрыл глаза. Дыхание стало глубоким и ровным. Последнее, что он услышал — или она транслировала эти слова прямо в мозг — было:

Ты узнаешь мальчика, как только найдешь его, мой Джефферсон. А теперь спи спокойно. Ты это заслужил.

Глава тринадцатая

— Ох... — выдохнула Оливия, и в этом тихом кротком звуке было столько боли, что в нем почти слышался шум мира, рассыпавшегося на куски.

Слабый свет восхода озарил все вокруг сквозь дымку, представив взору картину жуткой катастрофы. Кругом царили лишь огонь, пыль и смерть. Посреди руин разрушенных апартаментов покоилась огромная рептилия — упавший горгонский корабль, который уже никто не сможет вынести на помойку. Раненые, изувеченные люди, спотыкаясь и отступаясь, продолжали прибывать со всех сторон. Они едва держались на нетвердых ногах, пытаясь при этом вытаскивать из-под завалов тела погибших. Оливия обессиленно села на растрескавшийся бетон автомобильной стоянки в тени сбитого корабля, приложила руки к лицу и хотела заплакать, однако слезы не шли. Возможно, потому что она все еще чувствовала себя лидером этой разрухи, и ей необходимо было сохранять присутствие духа. Итан не отходил от нее; он стоял рядом, наблюдая, как из пыльного и дымного облака появляется все больше выживших.

Итан заметил нескольких солдат Сайферов, все еще перемещавшихся по округе. Где-то в комплексе спрятался еще один Горгон, и Сайферы не уйдут, пока не уничтожат это существо.

Мальчик чувствовал себя прескверно: он устал, кости ныли, одежда запачкалась в пыли, а от тела пахло Горгоном. Корабль постепенно терял цвет, будто тлея и становясь серым, как огромная гора праха. Надо думать, через несколько дней запах инопланетной гнили станет совершенно невыносимым. А сегодня Серые люди смогут найти здесь столько мяса, что запросто насытятся всей толпой. Для них этот мертвый корабль станет настоящим пиршеством. Итан содрогнулся от одной мысли об этом. Перед его глазами то и дело воскресал образ той мерзости, что на самом деле представляли из себя Горгоны.

А ведь он взорвал это существо. Полностью уничтожил его одной лишь силой желания. Его рука уже пришла в норму... да и не только рука — его мозг, его сознание и все остальное. Итан, можно сказать, снова стал обычным мальчиком. Однако воспоминания были неискоренимы: Итан знал, что пережил эту катастрофу иначе, чем другие. Он до мельчайших деталей помнил, как выглядели «огненные осьи» или горящие сгустки, атаковавшие горгонский корабль со всех сторон

и разрывавшие его в клочья. А еще он помнил отдачу, отбросившую его самого, когда он выставил ладонь навстречу приближавшемуся Горгону и сразил его чем-то, сравнимым с выстрелом из крупнокалиберной винтовки. Итан снова осмотрел ладонь правой руки, как делал уже несколько раз после уничтожения Горгона. Но... на руке не было ничего, кроме линий судьбы.

Пересиливая страх, Итан позволил себе задуматься над этим. Позволил мысли, которую он так усиленно загонял вглубь разума, прорваться наружу. Он попытался принять ее, как бы это ни было тяжело.

Я не просто мальчик. Джей Ди прав, я — нечто иное.

Нечто... не совсем человеческое.

Тем временем из руин все еще выбирались выжившие. Некоторые из них, окровавленные и раненые, собрались вокруг Оливии, словно ожидая, что она возьмет все под контроль и снова превратит Пантер-Ридж в безопасную крепость. Однако она не могла этого сделать, не могла даже вымолвить хоть слово. Люди, не дождавшись от нее приказов, начали постепенно расходиться. Деревянные ворота, окованные металлическими пластинами, стояли нараспашку, и люди спешили покинуть территорию Пантер-Ридж. Однако уходили не все; некоторые отказывались от бегства, несмотря на уговоры своих друзей и близких. Ошеломленные и утратившие всякую надежду, эти люди просто садились на землю и замирали, не в силах двигаться. В одной из уцелевших квартир вдруг раздался грохот выстрела, но неизвестно, стрелял ли человек по солдату Сайферов, по скользящему Горгону или себе в голову.

— О, Боже! Оливия! — человек, облаченный в забрызганную кровью белую футболку и штаны цвета хаки, поспешил к Оливии и Итану. Джон Дуглас нашел где-то длинный и почти насквозь проржавевший арматурный прут и использовал его вместо трости, помогая себе при ходьбе. Он повредил лодыжку, получил несколько ушибов, но, похоже, ему удалось отделаться сравнительно легкими травмами, и в остальном Джей Ди был в порядке. Кровь на его одежде, судя по всему, принадлежала другим раненым, которым он пытался помочь в развалинах. Он избежал смерти благодаря тому, что взобрался на дозорную вышку, посмотреть на ход инопланетного боя. На его глазах корабль начал стремительно падать, и Джей Ди опрометью бросился в больницу, надеясь спасти хотя бы те медикаменты, что подвернутся под руку. Попутно он предупреждал об опасности каждого встречного и тем самым многих спас от гибели. Он хотел успеть и в столовую, забрать оставшиеся припасы, однако дверь в это время была по обыкновению закрыта и перетянута цепями, и не оставалось ни одной лишней минуты на поиски ключа. Пришлось спасаться бегством. По

пути док налетел на Пола Эдсона и подвернул лодыжку при падении, но Пол помог ему выбраться из здания до страшного столкновения.

— О, Боже, — повторил Джей Ди, глядя на Оливию. Его голос был хриплым и надтреснутым. — Я думал, ты погибла! — взгляд его опухших глаз переместился на Итана. — Ты. — произнес он. Возможно, то было лишь непроизвольной нервной дрожью в ослабшем голосе, но в интонации проскользнула тень обвинения. Затем Джей Ди сделал глубокий вдох, вернул самообладание и спросил уже спокойнее. — Ты в порядке?

— Да, сэр, — ответил Итан. Ранка от гвоздя на бедре была пустяком по сравнению с теми травмами, что получили другие люди. Мальчик насчитал неподалеку от себя одиннадцать мертвых тел, прикрытых простынями и одеялами.

— Джон! — воскликнула Оливия так, словно лишь теперь узнала врача. — Я пыталась найти Винсента. Он звал меня. Я слышала, как он звал... но не смогла его найти. Ты слышал его?

Джей Ди бросил быстрый взгляд на Итана, а затем вновь повернулся к женщине.

— Нет, Оливия. Я ничего не слышал.

— Итан был со мной, — объяснила она. Ее голос звучал твердо и серьезно, однако запавшие глаза казались дикими. — Он позаботился обо мне. Мне кажется, там... было что-то плохое. Что-то... — она попыталась подобрать слово, но не смогла, поэтому лишь повторила. — ...*плохое*. И, я думаю, Итан... сумел отогнать это от меня.

— Горгонский пилот корабля, — пояснил мальчик, глядя на доктора. — Я заметил его там, в руинах.

— И ты сумел его отогнать? Как?

Пришло время говорить правду, как бы невероятно она ни звучала. Когда Итан заговорил, он смотрел прямо в глаза доктора и произносил каждое слово с готовностью отвечать за него — не как мальчик, но как мужчина.

— Я убил его. Разнес на куски, — он вздохнул и продолжил. — Я хотел его уничтожить, и это произошло. Но где-то там есть еще один. Сайферы ищут его. И мне не хотелось бы снова встретить одного из них.

Джей Ди не ответил. Его лицо побледнело, если не считать фиолетового синяка на подбородке — след от удара чье-то локтя во время паники и бегства.

— Ну... — с трудом выдал он. — Я никогда не видел ни одного из них и видеть не хочу. И ты не собираешься делиться со мной подробностями этой встречи, я правильно понимаю?

Итан кивнул, и тема была закрыта.

Кто-то прошел мимо Итана и присел рядом с Оливией, обняв ее и всхлипывая. Это была девушка со светлыми волосами и повязкой на глазу, которую Итан видел ночью, лежавшей на земле и разглядывающей звезды. Он снова обратил внимание на небольшие стразы в виде звездочек, украшающие повязку, и подумал, что это отчаянная попытка с ее стороны приукрасить свое увечье, найти что-то хорошее даже в плохом. Сделать повязку более... *модной*? Или показать, что потеря глаза не заставила ее потерять надежду? Трудно сказать. Ее длинные светлые волосы потемнели и стали грязными от пыли и дыма. На ней были джинсы, темно-красная рубашка и синие кроссовки «Найк», выглядевшие поношенными, но все же чистыми, по сравнению с обносками, что Итану доводилось видеть на некоторых местных поселенцах.

Девушка плакала, обнимая Оливию, и лидер Пантер-Ридж тоже позволила себе пролить слезу-другую, прежде чем взяла себя в руки. Она обняла девушку и спросила едва окрепшим голосом:

— Ники, ты не ранена?

Девушка покачала головой и уткнулась лицом в плечо Оливии.

— Хорошо, — прошептала Оливия, успокаивая ее. — Это хорошо, что не ранена, — она мягко гладила девочку по волосам, а ее собственные глаза покраснелись от слез. — Мы все это преодолеем. — сказала она. — Пока мы живы — с нами не покончено.

Итан осматривал то, что осталось от жилого комплекса. Джей Ди в это время, хромая, направился к семье латиноамериканцев, оказать им любую посильную помощь. Маленький мальчик лет семи или восьми держался за руку матери. У его отца лицо рассекал сильный порез, а волосы побелели от пыли. Итан вздохнул и тихо прошептал:

— Нам нужно уходить отсюда. Надо выбраться до темноты.

— И куда же мы пойдем?

Вопрос прозвучал от девушки с повязкой на глазу. Она смотрела на Итана, словно на сумасшедшего.

— Кто ты? — резко спросила она, не дождавшись от него комментариев. А затем вспомнила. — Погоди... погоди, ты тот мальчик, которого привезли несколько дней назад! Тебя зовут... как же там... Итан?

— Да. Итан Гейнс. — он пожал плечами, — Это не настоящее имя. Своего настоящего имени я не помню, — он попытался выдавить из себя хотя бы подобие улыбки, но не сумел.

— Два года назад я училась в той школе, — сказала она. — Почему ты выбрал это имя?

— Просто... выбрал и все. Увидел его на указателе, кажется. Оно ничем не хуже любого другого. А ты Никки, верно?

— Стэнвик, — ее здоровый глаз, пусть он и покраснелся от пыли и дыма, был карим.

— А где твои родители?

— Погибли, — ответила она без каких-либо эмоций. Итан решил, что девочка потеряла семью в первые дни катастрофы. — Моя старшая сестра тоже.

— Мне жаль.

— Мне тоже. А как насчет твоих? — вопрос прозвучал так буднично, словно они обсуждали модную одежду. *Мир стал жестоким, подумал Итан, и те, кто выжил в нем, ожесточились. Те, кому это не удалось — давно погибли.*

— Этого я тоже не помню, — Итан заметил шрам чуть выше ее глазной повязки, а еще несколько небольших шрамов, усеивающих щеки. Самый глубокий перерезал подбородок и тянулся к ее нижней губе.

— Никки уже давно с нами, — сказала Оливия. — Она пришла в первое лето. Мне нужно встать. Поможете мне?

Итан и Никки помогли Оливии подняться на ноги. Она немного покачнулась, и Итан приготовился подхватить ее, но Оливии удалось сохранить равновесие.

— Спасибо, — сказала Оливия. Она заметила шестерых человек, идущих по дороге в им одним известном направлении. Двое из них почти тащили на себе третьего. Она узнала Джоэля Шустера, Ханну Граймс, Гэри Рузу и...

— О, Боже, — сказала она, едва не задохнувшись от переполнивших ее чувств. — Там Дейв!

Сердце Итана забилося в груди чуть сильнее. Дейв МакКейн был одним из тех, кто поддерживал пожилого мужчину с седыми волосами, забранными в хвост, и бородой. Дейв был весь в пыли, но в целом выглядел так, словно ему удалось выйти из этой катастрофы без серьезных последствий. Его джинсы и черная футболка превратились в лохмотья, но он сохранил свою неизменную темно-синюю бейсболку. Борода, припорошенная сединой, теперь еще сильнее посерела от пыли. «Узи» в наплечной кобуре и «Магнум» калибра .357 также пребывали с ним. Мрачное лицо Дейва пересекал кровотокающий порез на носу. Он заметил Оливию, Итана и остальных, однако в выражении его глаз ничего не изменилось. Он лишь кивнул в знак приветствия и заговорил хриплым голосом.

— Джей Ди, мы можем оставить тебе Билли? Кажется, у него сломана правая нога. А с тобой что?

— Подвернул лодыжку. Ничего серьезного, — Джей Ди пожал плечами, хотя его нога зверски болела. — Билли, как ты себя чувствуешь?

— Как дерьмо на крекере, — буркнул старик сквозь стиснутые зубы. — Люди со сломанными ногами редко чувствуют себя хорошо. Не нужно быть доктором, чтобы это понимать. Ох, господи... поосторожнее с моей старой задницей!

Оливия подошла и так крепко обняла Дейва, что он едва не ахнул от боли. От этого объятия вокруг них всколыхнулось поднятое с одежды облако пыли.

— Боже, я думала, ты погиб!

— Я был близок к тому, — отозвался он, также заключая ее в объятия, но не столь крепкие из уважения к ее хрупким костям. — Я сидел на балконе и размышлял. Потом увидел те сферы и услышал взрывы, они гремели все громче и громче. Я едва успел схватить оружие, а потом... пришлось прыгать. После этого все смешалось. Я помню, как мчался, будто ошпаренный заяц.. — глаза его нашли Итана. Он не стал уточнять, что прыгал не с балкона своей квартиры, а с балкона квартиры мальчика, потому что перед катастрофой ворвался туда, в надежде вытащить Итана и спасти ему жизнь. Дейв мрачно оглядел накрытые простынями трупы. — Уже известно, сколько погибших?

— Пока нет, — вздохнула Оливия. — Но знаю, что много.

— Черт! Черт! Черт! — зашипел Билли Бенкрофт, когда его опустили на траву, а доктор начал ощупывать сломанную ногу. — Семьдесят шесть лет, и ни одного перелома за всю гребаную жизнь! И вот, на тебе! — его глаза — яркие, голубые и очень живые — посмотрели на накрытые простынями и одеялами тела, и он осекся. Затем произнес отстраненно. — Джейк Келлер там? Джоэль, поищи для меня, хорошо?

— Я сам поищу, — отозвался Дейв. Он постарался управиться побыстрее. Третье тело было в ужасном состоянии, а в пятом и вовсе нельзя было узнать человека. Девятым был... — Джейк здесь.

— Проклятье, — голос Билли звучал напряженно. — Маленький ублюдок задолжал мне пятьдесят баксов после нашей последней игры в покер. Что ж... — прохрипел он, маскируя боль потери. — Покойся с миром, жулик...

— Мы не можем оставаться здесь, — сказал Итан, удивившись тому, с какой твердостью прозвучал его голос. Он снова говорил, как мужчина, а не как мальчик. Его взгляд нашел Дейва. — Вы это знаете. У нас даже нет времени вынести все тела и...

— И куда мы пойдём? — голос Никки дрожал на грани паники. — Куда? Это же наш дом... наша защита... Мы не можем... не можем, — затем она посмотрела на огромный горгонский корабль, лежащий в центре разрухи, и ее здоровый глаз заблестел от слез. Колени Никки подогнулись. Итан потянулся к ней, чтобы не дать упасть, то же сде-

лал и Джоэль Шустер. Вдвоем они помогли девушке осторожно опуститься на землю, в то время как она мучительно стонала, прижав руки к лицу. Никки снова начала плакать, и Оливия присела рядом с ней, поглаживая по волосам и нежно успокаивая.

— Она жила в нескольких милях отсюда, в соседнем районе, — объяснила Оливия, обращаясь в основном к Итану. — Вествью Авеню, насколько я помню. Никки рассказывала, что весь район выгорел за одну ночь. Дома были разрушены. Она пришла к нам тяжело раненная, в шоке, вся одежда превратилась в лохмотья. Так что... тут действительно был ее дом. По крайней мере — убежище, каким бы оно ни было.

— Итан прав.

Дейв, услышав эти слова Джей Ди, не стал возражать, хотя и собирался.

Джон Дуглас, хромая и опираясь на свой самодельный костыль, подошел ближе.

— Он прав. Это... эта штука пахнет тухлым мясом. Сегодня ночью она привлечет сюда Серых людей, и нам нужно уносить отсюда ноги, пока еще есть возможность. Мы найдем другое место. У нас нет времени хоронить умерших или разыскивать пожитки среди обломков, — он нахмурился. — И мы не можем оставить здесь раненых. Черт, если б я знал, как их перенести.... Я бы сделал все, — он посмотрел на вершину холма, где паслись семь лошадей. Они остались там после катастрофы, не успев ускакать прочь. Семь лошадей... и все же великолепной семеркой их не назовешь.

Все молчали. И во время этой затянувшейся тишины Итан озвучил мысль, родившуюся в его голове.

— Нам нужно найти транспорт. Что-то большое, на чем можно увезти... не знаю, наверное, пятьдесят или шестьдесят человек.

— Ты говоришь о грузовике? — спросил Дейв. — С вместительным прицепом? Ну да, правильно! Может, нам удастся отыскать... — он замер на полуслове. *А ведь на погрузочной платформе возле склада все еще могли остаться припаркованные тягачи*, подумал он. *Промышленная зона всего в трех милях отсюда. А что касается топлива...*

— Дизель, — выдохнул он. — Держу пари, на некоторых заправках еще сохранилось дизельное топливо. Или в баках других грузовиков. Если мы найдем какой-нибудь насос, можно будет выкачать топливо из бака. Придется еще найти десяти- или двенадцатифутовый шланг. Возможно, в одном из ближайших магазинов. Но нужно быть начеку; в округе могут оставаться другие люди, скрывающиеся в своих норах. Некоторые из них вооружены и напуганы. До безумия напуганы, я бы сказал. Ты помнишь? — он адресовал вопрос Оливии,

напоминая ей прошлый август, когда он отправился за стену на поиски пищи и воды с Кэлом Норрисом. Кэла тогда убили выстрелом в шею из окна одного из домов, и он скончался на Западном Скайвее.

— Нам не обязательно искать грузовик, — сказала Оливия. Ее лицо снова приобрело прежнее уверенное и твердое выражение, а в глазах зажглась жизнь. — Мы можем использовать школьный или обыкновенный автобус. Даже если он не на ходу, мы наверняка сможем найти топливо и работающий аккумулятор.

— Верно.

Работающий аккумулятор, подумал Дейв. *Это будет просто чудом.*

Затея не вызывала особого воодушевления, и все же Дейв не готов был с ходу отказаться от нее. Не сейчас.

— погоди. Ты сказала, «мы»? Нет уж, ты куда не пойдешь. Джоэль, ты сможешь держаться в седле?

— Я не ездил верхом с самого детства, но я в деле.

— Я умею ездить верхом, — сказала Никки. Она вытерла слезы и уже не нуждалась в утешении Оливии. — До того, как все это случилось, у нас была лошадь.

— Нужен кто-то с пушкой, — Дейв уже заметил револьвер 45-го калибра в кобуре на поясе Джоэля. — В идеале, нам не помешает третий. Гэри, может, ты?

— Хорошо, но учти: я ненавижу лошадей, а они ненавидят меня.

— Я тоже пойду, — заявила пожилая женщина по имени Ханна Граймс. Волосы у нее были белыми и спутавшимися, словно ее только что накрыла снежная буря. Ханна сжала в руке, на которой отчетливо проступали крупные синие вены, огромный длинноствольный пистолет. — Я победила на этих выборах, мистер президент? — она саркастически усмехнулась.

— Сокрушительно, — ответил ей Дейв.

Сокрушительно, как землетрясение, невольно подумал он. Он посмотрел на Итана и почти разглядел мысли, мелькнувшие у того в голове: *Белый Особняк. Гора Уайт Мэннин. Нужно как-то добраться туда.*

— Найти ручной насос будет непросто. После этого нужно отыскать грузовик. Аккумулятор, скорее всего, окажетсядохлым; придется заменить на новый, — сказал Дейв и тут же осознал, что почти всегда обращается только к Итану. — Если нам попадется грузовик, в баке которого осталось достаточно топлива, чтобы добраться до заправки, нам очень повезет. Но все равно задача не из простых.

Совсем не из простых, подумал он.

Неудивительно, что они не пытались повернуть нечто подобное раньше. Затея была почти невыполнимой, и лишь рухнувший на комплекс горгонский корабль вынудил их на это пойти.

— Потом, — продолжил Дейв, — мы поищем медикаменты в больнице, аптеке или наборах первой помощи в других машинах. А затем нам нужно будет отправиться на юг. Понятно?

— Понятно, — кивнул Итан.

— Нам придется поспешить, если хотим успеть до темноты, — следующие слова были обращены к Оливии. — Лучше собрать все припасы, оружие и воду, которые получится найти. И вообще все, что может пригодиться, — он бросил недоверчивый взгляд на дымящиеся руины и на огромную гниющую тушу горгонского корабля, над которой уже начали кружить стервятники. — Но старайтесь не рисковать, — он дождался, пока Оливия кивнет в ответ, и добавил. — Для одного дня уже достаточно смертей. Больше не должно быть.

По крайней мере, он на это надеялся.

Глава четырнадцатая

Джефферсон Джериho, бывший хозяин Нового Эдема, проснулся на скамейке в парке в неизвестном городе, под болезненно-желтым солнцем на сером, словно больном проказой, небом. Он резко сел, уловив слишком хорошо знакомый запах. Однако, как оказалось, запах этот характерен не только для эфемерных владений Горгонов, в которых ему не раз довелось побывать. Теперь этим запахом пропитался весь мир. Вокруг Джефферсон видел обгоревшие каркасы зданий, черные искривленные скелеты деревьев и ржавые остовы машин. Вероятно, этот апокалиптический пейзаж когда-то был обычным жилым районом.

Стоило подняться, как желудок упорно запротестовал, и Джефферсона стошнило. Хотя, казалось бы, из пустого желудка он мог исторгнуть лишь желчь. Стирая слюну с губ, он ощутил, что у него отросла борода. Не большая, но заметная... возможно, двухнедельная. Неужели он настолько выпал из реальности, что теперь ему кажется, словно борода выросла в одночасье? А его одежда...

— Боже! — воскликнул он в изумлении. На нем была коричневая футболка, пропитавшаяся потом, и пара грязных джинсов. На босых ногах сидели дырявые кроссовки. Джефферсон посмотрел на свои руки; под ногтями засела грязь. Казалось, грязь плотно впиталась в каждую пору его кожи. Линии на ладонях напоминали коричневые борозды дорог, ведущих через равнины. Джефферсон не помнил, чтобы хоть когда-то в жизни был таким грязным. Отчасти он даже обра-

довался, что поблизости не было зеркала, и он не мог увидеть во всей красе маскировку, которой наделили его Горгоны. Вероятнее всего, даже с этой бородой и под слоем грязи он остался похож на себя самого, но Горгоны превратили его в типичного бродягу, чудом выжившего на поле боя этой космической войны. Ткань одежды наощупь казалась скользкой и какой-то... *неправильной*. У Джефферсона возникло ощущение, что его облачили в змеиную кожу, и эта мысль вызвала приступ паники. Всхлипывая, он задрал футболку, готовясь стянуть ее через голову и избавиться от этой неприятной маскировки.

Вдруг послышался шум, и Джефферсон замер. Он не знал, кто или что издает этот звук, но в его бешено колотящемся сердце зарождалось недоброе предчувствие.

Трудно сказать, что это был за шум. Возможно, просто свист ветра неподалеку? Или какой-то механизм с легким дребезжанием пришел в движение? Что бы это ни было — оно близко. Очень близко. Джефферсон опустил задранную до самых глаз футболку, чтобы взглянуть своему будущему в лицо.

Возле сгоревшего дерева стоял мужчина. Довольно крупный и широкоплечий, хотя его осунувшееся лицо и наводило на мысль о долгой голодовке; скулы слишком резко выдавались вперед, а глаза казались потухшими и запавшими. Дополняли облик плоский нос, как у бывшего боксера, длинные спутанные черные волосы до плеч и борода, не бритая явно больше месяца. Его синяя футболка, серые брюки и черные кроссовки выглядели такими же грязными, как одежда Джефферсона, если не грязнее. Глаза были маленькими и темными, как два уголька. Незнакомец носил за спиной рюкзак оливково-зеленого цвета — вероятно, купленный или украденный в армейском магазине.

Человек стоял и совершенно бесстрастно смотрел на Джефферсона. За все время их зрительного контакта он ни разу не моргнул.

— Кто вы? — голос бывшего хозяина Нового Эдема из звучного баритона, которым он вещал на собраниях прихожан церкви «Рисковых Игроков», превратился в срывающийся подростковый лепет. Боже, церковь «Рисковых Игроков»! Как же давно это было... Он стоял перед множеством людей, его даже снимали телекамеры. Вдохновенная улыбка была лучом света для прихожан, а руки простерты к небу... О, да, он добился в жизни куда большего, чем мог ожидать обычный торговец автомобилями! Тогда ему казалось, что секрет настоящего богатства, способный взорвать любой фондовый рынок — это верное толкование кода, зашифрованного в Библии.

— Воуп, — ответил незнакомец.

— Воуп? Что это за имя такое?

— Такое, — был ответ, — что ты можешь произносить.

— Ты — Горгон? Посланный, чтобы защищать меня?

— Я — творение, — ответил Воуп. — Что я есть, не должно беспокоить тебя. Но... да, я должен вести и защищать тебя, — маленькие глаза-угольки оглядели небо. — В этом секторе сейчас нет врагов. Мы можем двигаться свободно.

— Но куда? Куда мы идем?

— Следуй за мной, — сказал Воуп, тут же быстро и решительно зашагал через разоренный парк, мимо сломанных качелей, превратившихся в чернеющие угли. Следуя за своим проводником, Джефферсон пересек улицу и миновал несколько сожженных и разрушенных домов, после чего они вышли на другую улицу, в не менее плачевном состоянии. Джефферсон понял, что они направляются к центру города, где еще виднелись уцелевшие высотные здания. Некоторые из них были словно подрезаны чем-то острым.

— Где мы? В каком городе?

— Форт-Кол-Линс, — ответил Воуп, делая паузы там, где их делать не следовало. — Это Кол-О-Райдо.

— Что ты знаешь об этом мальчике, которого я должен найти? — Джефферсону приходилось то и дело ускорять шаг, чтобы поспевать за своим спутником и — вне зависимости от того, были враги поблизости или нет — он продолжал боязливо осматриваться. — Я продавец, — сказал он, не дождавшись от Воупа ответа. — Мне здесь не место! Я не солдат! — голос его звучал требовательно, но ответа не последовало. — Я просто продаю... разные вещи, — продолжал он, бормоча себе под нос. — Ты хоть знаешь, что это значит?

Воуп хранил молчание. *Его ни черта не волнует*, подумал Джефферсон. Теперь они двигались через новый район, меньше других пострадавший от войны; только несколько домов были основательно разрушены. У некоторых строений окна были заклеены скотчем или заколочены досками, кровли и ступени перед входом повреждены. Джефферсону большинство здешних домов казались гробами. Это был мертвый город, как и многие другие.

— Стой, — внезапно сказал Воуп, и Джефферсон подчинился.

Они стояли перед деревянным домом с номером 1439, с шестью ступенями, ведущими к крыльцу, на котором стояло одинокое кресло-качалка. Окна были разбиты, глубоко за ними таилась темнота.

— Это случится здесь, — объявил Воуп.

— Что — случится?

Горгон в человеческом облике не дал себе труда ответить.

Лениво проползла минута, за ней другая. Издалека до Джефферсона донесся лай и вой собак, и он подумал, что сейчас дикие собаки столь же смертоносны, что и инопланетный луч смерти.

Кресло-качалка со скрипом сдвинулось — совсем немного. Джефферсон увидел, как на нем что-то материализуется. Это началось, как едва заметное движение пыли в воздухе, а затем сам воздух словно сгустился и стал твердым. Прозвучало тихое шипение... шепот... какой-то металлический звук. *Похоже на какое-то дерьмо из «Звездного Пути»*,²² подумал Джефферсон, когда через три секунды на кресле появились очертания тела. Сначала оно казалось призрачным, форма лишь намечалась и мерцала, подсвеченная вспышками синей энергии, а затем стало полностью реальным. Кресло-качалка скрипнуло, качнулось назад и вперед, и сидящий в нем мужчина с блестящей от пота лысиной устался на Джефферсона и Воупа.

— Оставьте меня в покое! — прохрипел он. — Пожалуйста... Боже... оставьте меня!

Как только он понял, где находится, его волосатые руки резко отдернулись от ручек кресла и обхватили тело.

— Идем с нами, — скомандовал Воуп.

— Слушайте... слушайте... Я даже не знаю, где я! Ясно? Я не знаю, кто вы такие! Я... я с места не сдвинусь, понятно?

— Сдвинешься, — сказал Воуп.

— Нет, — протестовал вновь прибывший. Однако в следующий миг он вздрогнул, лицо исказилось от боли, и он схватился за затылок. — Пожалуйста... пожалуйста... оставьте меня, — в голосе его зазвучала мольба, в глазах блеснули слезы. — Пожалуйста, не делайте мне больно...

— Ты сдвинешься, — повторил Воуп ничего не выражающим тоном.

Мужчина стиснул зубы. Он отчаянно держался за затылок и мотал головой, словно это могло избавить от боли, которую доставляло ему вживленное устройство. Но Джефферсон знал, что это не поможет. Через два удара сердца мужчина вскочил и снова мучительно ахнул.

— Хорошо! Согласен... Только прекратите это! — он спустился по ступеням, тяжело дыша и всхлипывая. — Господи, что это за мир? — воскликнул он. Его карие глаза испуганно бегали. Мужчина был невысоким, около пяти футов и семи дюймов, при этом грузного телосложения, с одутловатым лицом. Тяжелые челюсти заметно подрагивали во время разговора. Под грязной белой рубашкой угадывался запрятанный в черные брюки рыхлый живот. Кожа казалась дряблой и словно отставала от мышц, что могло быть следствием голодовки. Или, как подумал Джефферсон, Горгоны просто захотели, чтобы он

---

²² «Звездный путь» (Star Trek) популярный во второй половине 20-го века научно-фантастический сериал.

производил такое впечатление. У мужчины тоже была борода, поседевшая с возрастом — на вид ему уже далеко за сорок. В его речи слышался бруклинский акцент... так, по крайней мере, казалось Джефферсону. На ногах у мужчины были мягкие кожаные туфли черного цвета, в таком состоянии, словно они побывали в аду и вернулись обратно. Раньше-то они, наверное, стоили уйму денег.

— Хорошие ботинки, — заметил Джефферсон. — Были когда-то, я имею в виду. Тебе бы найти кроссовки, в них удобнее.

— Ну да, — мужчина прищурился, фокусируя взгляд на Джефферсоне. — Кто ты? Ты человек?

— Джефф, — был ответ. — Из Нэшвилля, Теннесси, — решил добавить он. — И да, я человек.

Хотя Регину лучше об этом не спрашивать, подумал Джефферсон. И Эми Виксон тоже. Хотя Эми мертва, она покончила с собой «от неразделенной любви», как она написала в предсмертной записке. Счастливая маленькая сучка, не дожидая до нынешнего дня.

— Берт Рэткофф, — представился мужчина. — Квинс, Нью-Йорк, — Берт взглянул на Воупа. — А ты, похоже, один из них. Откуда вы взялись? С гребаного Марса?

— Тебе это не нужно знать, — отозвался Горгон. — Ты будешь звать меня Воуп. С этого момента вы оба делаете то, что я говорю, — его ничего не выражающие глаза, так ни разу и не моргнувшие, обожгли взглядом своих подчиненных. — Неповиновение приведет к боли. Идите за мной, — он повернулся и снова направился к центру города. Джефферсон и Рэткофф последовали за ним.

— Как они тебя заполучили? — спросил Рэткофф.

— Долгая история.

— Меня забрали, когда наш дом попал под адский обстрел. Меня вытащили, когда стены уже начали складываться, как карточный домик. Я очнулся... — он замолчал и покачал головой. — Они со мной кое-что делали. Ты же наверняка слышал истории об этих инопланетных похищениях. Что зеленые человечки вставляют всякие зонды и иголки в своих подопытных? Ну вот... я помню стол. Холод, даже мороз. Кажется, стол был из металла, но какого-то странного. И казалось, что он живой, из плоти... потому что он двигался подо мной. Как будто... смешался. И вот, лежу я на этом столе; вроде бы, меня ничто не держит, но двигаться не могу. А вокруг... какие-то фигуры. Больше похожие на тени, потому что они толком не передвигались, а... я даже не знаю, как это назвать. Знаешь, такое чувство, словно находишься в одной комнате со змеями, которые стоят... или ползут стоя, или... неважно. К черту! Важно то, что они делали со мной *всякое*, Джефф... я же могу называть тебя Джефф?

— Да.

— Они кое-что делали. Они вскрывали меня. Я думаю... мне кажется, я видел, как мои внутренности выгацили наружу... кишки размотали, как веревку. Все было в крови. Мне кажется, они выпотрошили меня... а потом засунули в меня что-то *другое*.

— У меня тоже какая-то железка в шее.

— Нет, нет, я не только об этом, — решительно заявил Рэткофф, и добавил значительно тише. — Я говорю о вещах, которые могут свести человека с ума. Ты понимаешь?

— Понимаю, — ответил Джефферсон.

— Тишина, — скомандовал Воуп. — Ваша болтовня делает меня злым.

— Тебе бы научиться говорить нормально, — осмелился вставить Джефферсон. — Если хочешь сойти за человека, тебе понадобится взять несколько уроков.

А еще надо что-то делать с этими немигающими глазами и с этой... походкой мертвеца. На деле выходило, что технологии Горгонов не так уж совершенны, как казалось. По крайней мере, в том, что касалось имитации людей.

В ответ на замечание, шею Джефферсона кольнула искорка боли, но боль продолжалась недолго, и служила лишь напоминанием: кто в этой ситуации хозяин, а кто раб.

Они прошли больше половины следующей улицы, когда вдруг с грохотом распахнулась дверь одного из домов, и из ветхой лачуги показались двое обросших и грязных мужчин с винтовками.

— Тормози! — воскликнул тот, что был выше ростом. — Больше ни шагу, мистер!

Воуп достаточно хорошо понимал английский. Он остановился, и Джефферсон с Рэткоффом последовали его примеру.

— Внутрь, — скомандовал мужчина, качнув стволом винтовки. — Давайте, пошевеливайтесь!

— Сэр, — начал Джефферсон. — Мы не...

— Заткнись! Ну-ка, быстро тащите свои задницы в дом! Бегом!

— Вы вмешиваетесь, — полумеханическим голосом произнес Воуп. — Это не разрешено.

— Мать твою, я вас всех сейчас свинцом нашпигую! Ну, кто первый? — винтовка повернулась к Рэткоффу. Джефферсон понял, что Берг вот-вот запаникует и кинется наутек, поэтому призвал на помощь свой самый убедительный тон истинного продавца.

— Не думаю, что это хорошая идея, Берг. Воуп, лично я не испытываю ни малейшего желания, чтобы меня подстрелили прямо на улице. Нам следует поступить, как нам говорят. И помни, мы нужны тебе.

Воуп смотрел на него, казалось, целую вечность. Джефферсон ожидал, что в любую, черт бы ее побрал, секунду раздадутся выстрелы. Но Воуп, наконец, открыл рот и сказал:

— Правильно.

Они направились к дому, Воуп шел первым. В грязной маленькой прихожей на полу валялись пустые жестяные банки и прочий мусор. Здесь их ждал третий мужчина, угрожающе помахивая револьвером. Левую сторону его лица уродовал след от ожога, взгляд впалых глаз был диким, почти сумасшедшим. Чуть дальше, в темной комнате с выцветшими и пыльными обоями, сидела тощая женщина. Трудно было определить ее возраст, и вообще что-либо сказать о ней, потому что длинные темно-русые волосы скрывали ее лицо. Она сидела, обнимая себя руками, и дрожала, как от зимнего холода.

— Откуда вы пришли? — спросил лидер с винтовкой, приставив ствол к подбородку Воупа.

— Издалека.

— Откуда, идиот?

— Да на хер нам это знать! — выкрикнул человек с револьвером и тоже прицелился в голову Воупа. — У вас еда есть?! Ты! Снимай рюкзак и покажи, что в нем.

— Эй, я жил в Квинсе, Нью-Йорк, — сказал Рэткофф, поднимая руки вверх. На его лбу заметно блестели бусинки пота. — Я не хочу...

— Заткнись! — шикнул на него второй человек с винтовкой. Он был седой, с вытянутым лицом и в очках, склеенных скотчем. Правая линза треснула. — Слышал, что Джимми сказал? Снимай рюкзак!

— Там есть еда, — сказал Воуп. — Но не для вас.

— Да что ты говоришь! А мы тут с голоду умираем и очень злимся из-за этого. Так что снимай рюкзак или мы тебя убьем. Ясно?

— Нет, — ответил Воуп.

— Почему он не моргает? — вдруг высоким и испуганным — возможно, даже на грани безумия — голосом спросила женщина. — Его глаза! Он не моргает.

Лидер опустил винтовку, ухватился за рюкзак и попытался сорвать его. Воуп стоял неподвижно, не мигая, пока Джимми продолжал целиться ему в голову.

— Я бы не стал этого делать, — мягко предупредил Джефферсон, но он прекрасно понимал, что они не прислушаются к его голосу разума. Они слишком отчаялись, к тому же словами сыт не будешь.

Лицо Воупа начало неумовимо меняться, словно с него соскользнула резиновая маска, из-под которой пробивалось истинное лицо. Джефферсон ощутил, как в помещении зарождается и крепнет некая сила, что-то готовилось нанести удар, и он невольно напряг плечи и подался назад.

Вдруг в коридоре показался подросток, мальчик лет четырнадцати, со светлыми волосами, спускавшимися до плеч. Нижнюю часть лица закрывала грязная повязка, а левая рука болталась на перевязи. Под глазами мальчика пролегли темные круги. Он подошел к женщине и обнял ее за плечи здоровой рукой.

Джефферсон вздрогнул.

— Это и есть мальчик? — спросил он.

Воуп не ответил. Его рюкзак соскользнул в руки к грабителю, а лицо Горгона застыло. Глаза ничего не выражали и будто смотрели в пустоту.

— Это и есть мальчик? — чуть громче спросил Джефферсон.

Правая рука Воупа вдруг покрылась пятнами, а кожа обратилась в чешуйчатую плоть черно-коричневого оттенка. Ладонь походила на желтый отросток, покрытый небольшими черными шипами, и эти маленькие зазубренные шипы извивались, словно каждый из них был самостоятельным живым оружием. Рука — которая уже не была рукой — со свирепой силой метнулась вперед, и ее острый отросток врезался в живот Джимми, прошив его тело насквозь и вылетев со спины. Кровь и куски внутренних органов расплескались по пыльным обоям. Позвоночник переломился с жутким треском, но, когда Джимми уже падал, его палец дернулся на спусковом крючке. Винтовка выстрелила прямо в лицо Воупа. Что-то похожее на человеческую кровь заструилось из раны, но Горгон не выказал ни единого признака боли, даже не моргнул.

Щупальце, раньше служившее Воупу рукой, подняло Джимми на ноги, а затем швырнуло переломанное тело молодого человека об стену с такой силой, что оно превратилось в сплошное кровавое месиво. Лидер и остальные обитатели дома в ужасе попятились.

Мужчина с винтовкой отступил к противоположной стене и вскинул оружие, готовясь открыть огонь. Левая рука Воупа, также преобразившаяся в смертельно опасное черно-коричневое оружие, вылетела вперед, как змея, и удлинилась почти на четыре фута. Ладонь этой руки походила на черную голову рептилии с множеством красных глаз и клыками, блестящими, как металл. Зубы вонзились в винтовку, вырвали ее из рук лидера, а следующим мощным ударом Воуп просто снес человеку лицо. Усеянная шипами правая рука в это время метнулась в сторону, пробила грудь третьего стрелка и вырвалась из его спины наружу, вращаясь, словно миксер. И снова Воуп отбросил мертвое тело в сторону, как ненужный мусор.

Пока Джефферсон и Рэткофф в немом ужасе наблюдали за происходящим, змееподобная рука Воупа устремилась вслед за женщиной, которая бросилась прочь вместе с мальчиком. Зубастые челюсти сомкнулись на черепе женщины и перемяли кости с почти непри-

стойной легкостью. Когда она упала, мозги брызнули на пол, а лицо превратилось в небольшой бесформенный комок окровавленной плоти.

Мальчик попытался выскочить в коридор, хныкая на бегу. Джефферсону этот звук показался худшим, из всех, что ему доводилось слышать. В голове его словно кто-то повернул выключатель и погасил свет, чтобы не дать ему вобрать в себя весь увиденный ужас.

Воуп еще не закончил.

Покрытая шипами рука удлинилась, выскользнув, как чешуйчатый пятнистый питон из плеча Воупа. Догнав мальчика, рука неуловимо быстрым движением пронзила его спину, вылетев наружу через грудь. Его ноги дергались, а тело билось в судорогах, когда Горгон поднял его, а затем — почти изящно, демонстрируя полный контроль над ситуацией — швырнул тело подростка к той стене, что еще не была запятнана кровью или внутренностями убитых. Зато — Джефферсону прямо-таки бросилось это в глаза — именно на этой стене висело выпцветшее изображение Иисуса, сложившего руки в молитве. От удара икона свалилась, и пыльное стекло, защищавшее ее, разлетелось вдребезги.

Человек с изувеченным лицом лежал на спине и исторгал жуткие стоны из окровавленного рта, в котором больше не было ни зубов, ни губ. Левая рука Воупа снова втянулась в плечо и начала обретать человеческую форму. Черная голова рептилии с металлическими зубами превратилась в кулак, и Воуп несколько раз сжал и разжал его, словно проверяя работу. Правая рука тоже втянулась обратно. Орудие убийства изменилось, став похожим на пинцет, все еще сохранивший горгонскую окраску. Пинцет проник в огнестрельную рану на голове Воупа и принялся что-то искать. Лицо Горгона при этом не изменилось, на нем не отражалось ни единой эмоции. Вскоре пинцет извлек пулю. Воуп со сдержанным интересом осмотрел ее, затем подошел к бывшему лидеру, лежавшему на полу. Маленькие немигающие глаза уставились на искалеченного человека, как на таракана, которого следовало прихлопнуть ботинком.

С невероятной скоростью и мощью рука, кончавшаяся пинцетом, вылетела вперед и всадила пулю в лоб мужчины, протолкнув ее внутрь так же легко, как это произошло бы после выстрела из ружья. Раненый лишь вздрогнул и затих. Правая рука и ладонь Воупа в считанные секунды вернулись к обычному человеческому виду. Затем Горгон сложил ладонь лодочкой, обильно плюнул в нее и принялся втирать жидкость в пулевое отверстие. Ему потребовалось повторить это действие несколько раз — возможно, сделать две дюжины втирааний, но, когда он закончил, раны не осталось, лишь брызги горгонской крови пачкали ему футболку.

— Теперь мы уходим, — сказал Воуп Джефферсону из Теннесси и Рэткоффу из Нью-Йорка, которые прижались к дальней стене, словно пытались протолкнуть свои тела через обои и штукатурку. — И... нет, — добавил он для Джефферсона, подняв свой рюкзак столь буднично, словно он был обычным путником, не встретившим на своем пути ничего необычного. — Это был не тот мальчик.

Глава пятнадцатая

А мальчик, о котором шел разговор, стоял на дозорной вышке рядом с Гэри Рузой и наблюдал за дорогой, ведущей от города к развалинам Пантер-Ридж. Дейв, Джоэль и Ханна ушли почти восемь часов назад. Желтый свет солнца стал жарче, и в воздухе витала липкая инопланетная сырость. Где-то далеко в низком сером небе раздался раскат грома, и Итан обратил свой взгляд в ту сторону. *Просто гром*, подумал он. *В настоящий момент в этом секторе врагов нет.*

Он поймал себя на этой мысли.

Что?!

Мне это не нравится, подумал он. *Я никогда не размышлял... так. Откуда мне знать, что это просто гром, а не шум битвы?*

Но он просто знал.

В нем вдруг стало воскресать воспоминание... или мечта о воспоминании, и мальчик ухватился за него с такой жадностью, что едва мог дышать.

Он находился в школьном классе. Солнце — очень яркое солнце на голубом безоблачном небе — светило в окна. Итан сидел за своей партой. У сидящей перед ним девочки были рыжие волосы, и ее звали... нет, имя вспомнить не получалось. Напротив рядов парт располагался учительский стол, и за ним сидел человек в белой рубашке с темно-синим в золотистую полоску галстуком-бабочкой. А его звали... как же его звали?

Думай.

Этот мужчина был худым, с острым подбородком, и носил очки в роговой оправе. На темных волосах у самого лба белела седая прядь, словно он коснулся волос пальцами, перепачканными в пыли или муке. Как же его звали... Нов-что-то-там? Новак?

Учитель естествознания.

Да, подумал Итан. Это точно был учитель естествознания в... как же называлась школа? И где она была? Нет, забыто... все забыто. Но на парте прямо перед Итаном лежала его анатомическая кукла, готовая к демонстрации. Все органы раскрашены, все вены обозначены, все готово. Через несколько минут Итан встанет и покажет эту анато-

мическую куклу всему классу, будет вынимать отдельные органы, рассказывать об их функциях, а после ставить их на место, потому что он верно собрал свою анатомическую куклу... и так и было? Ведь было? Или это лишь сон, а на самом деле ничего подобного никогда не происходило?

Перед классом уже стоял мальчик, и солнце играло в пятнашки на его черной футболке с чем-то серебристым... какой-то серебристой надписью. Мальчик походил на латиноамериканца, с длинными черными волосами и густыми бровями. А надпись на футболке гласила...

Вспомни... вспомни... ну, пожалуйста, вспомни!

И тогда это пришло к нему, словно вырвалось из темноты: *Ягуары*.

Мальчик рассказывал о чем-то, указывая на модель... вселенной? Нет, не вселенной, как она есть... Кажется, это был мир в представлении древних римлян. Земля выступала центром вселенной. Мальчик прикрепил к модели электромотор и, нажав на кнопку выключателя, показал, как раскрашенные шарики из пенопласта вращаются вокруг Земли на своих проволочных орбитах. Эта работа называлась «Геоцентрическая вселенная» — воспоминание легко пришло к Итану. А еще он помнил, что первым создателем такой модели был некто по имени Клавдий.²³ Итан тогда решил, что этот похожий на латиноамериканца мальчик — ни имени, ни фамилии его он так и не вспомнил — проделал отличную работу. Выступить после него и получить хотя бы оценку «В»²⁴ будет непростой задачей. Мысленный взор Итана старался следить за цепью событий, и ему вспомнился день, отмеченный на календаре: 3-е апреля. Приближалась его очередь — рассказ о геоцентрической вселенной подходил к концу.

Он понимал, что «Итан» — это не его имя, его звали как-то иначе, но пока он не знал, как. А в воспоминании он смотрел на часы, на них было четыре минуты одиннадцатого. Итану предстояло выступать вторым... ученики показывали свои работы в алфавитном порядке.

Алфавитный порядок, подумал он. *И тогда у нас был первый день презентации проектов по естествознанию.*

Значит, фамилия первого мальчика должна была начинаться на «А»? Как же его звали?

И оно пришло к нему, как удар в живот. Альендес. Это фамилия, а имя? Как же его звали? Но нет, имя было потеряно. Тем не менее,

---

²³ Речь идет о Геоцентрической системе Клавдия Птолемея.

²⁴ Оценка «В» — американский аналог русской оценки «4» или «хорошо».

Итан понял, что его собственная фамилия должна начинаться на «А» или «Б», потому что в классе еще двадцать шесть других учеников, и...

— Можно мне к вам?

Гэри и Итан резко повернулись на голос. Никки Стэнвик, поднявшаяся по железной лестнице, замерла на последних ступеньках. Ей оставалось всего пара шагов.

— Заходи, раз пришла, — разрешил Гэри и помог девушке подняться на платформу.

Она осторожно взобралась наверх и отряхнула пыль с коленей джинсов. Затем подошла к Итану, и он заметил, как переливаются в солнечном свете стразы на ее повязке.

— Их уже долго нет, — сказала она.

Итан кивнул. За ранеными был организован лучший уход, какой только возможен, но люди, получившие тяжелые травмы, вроде Билли Бэнкрофта, не могли ходить. Несколько человек стояли на пороге смерти, а число погибших, чьи тела нашли при разборе руин, существенно увеличилось. Пережить катастрофу удалось примерно шести десяткам человек, и половина из них были ранены, а около десяти находились в очень тяжелом состоянии. Семнадцать человек, включая Роджера Пэлла, его жену и сына, решили отделиться от общей группы и уйти, забрав свою долю оружия, боеприпасов, несколько пластиковых бутылок с водой и часть оставшихся консервов. А еще они взяли лошадей. Никто не пытался их остановить. Они собирались двигаться напрямик по бездорожью на восток... Они сами не знали, куда именно, но в успех поисковой команды, которая отправилась за грузовиком, не очень верили.

— Я слышала, что если найдут грузовик, мы отправимся в Денвер, — сказала Никки Итану.

— Кто тебе это сказал?

— Оливия.

— Хм, — вздохнул Итан. Он вспомнил, что говорил ему Дейв после того, как обнаружил гору Уайт Мэншн в дорожном атласе: нужно двигаться на юг через Денвер, пересечь Скалистые горы по I-70. И там повсюду поджидают Серые люди и пришельцы. Значит, Оливия и Дейв все же собирались отправиться туда вместе с Итаном? Значило ли это, что они — как и он сам — верили в необходимость найти то место?

— Денвера больше нет. Битва за Денвер была проиграна примерно через три месяца после начала войны. Ты разве не знал?

— Я вообще мало что знаю.

— Ну, так рассказывали нам люди, прибывшие из Денвера. Не так уж много их выжило и добралось сюда. Можешь спросить у мис-

сис Ньюга. Она видела, как рушились денверские небоскребы. И я спрашиваю себя: там ведь не осталось ничего, кроме руин, так почему мы так стремимся туда?

Чтобы продолжить путь дальше по I-70, подумал Итан, однако вслух сказал:

— А ты куда хотела бы отправиться?

— Прочь от этой кошмарной ночи. Снова домой. Туда, где все как раньше. Где мама, папа и сестра живы, — голос Никки задрожал, лицо покраснело. — Где мой глаз... на месте. Видимо, я хочу отправиться туда, куда никто не в силах попасть.

Итан ждал, не говоря ни слова.

— Но прошлое, — вздохнула она, — оно ведь на то и прошлое. Оно прошло, не так ли?

— Да, — согласился Итан. — Прошло.

— Эй, что-то приближается, — сказал Гэри. — Смотрите туда!

Он передал Итану бинокль.

***

Прошло почти восемь часов с того, как в двух милях от Пантер-Ридж пуля из винтовки попала в левый бок лошади Ханны Граймс, а следующая выбила кусок бетона из мостовой Уиндом-Стрит. Ханна успела соскочить с упавшей лошади. Стрелок скрывался в заколоченном доме среди таких же заколоченных или брошенных домов, и невозможно было сказать, откуда именно стреляли. Ханна избавила свою лошадь от мучений выстрелом в голову, после чего Дейв протянул ей руку, помог подтянуться, и они продолжили путь на одной лошади. Никто не тратил времени на скорбь и досаду — так теперь приходилось себя вести, если вы хотели выжить в этом мире.

Двадцать минут спустя они наткнулись на четыре больших фуры с грузовыми полуприцепами, стоящие на парковке лесозаготовительной компании, на пересечении Южной Колледж-Авеню и Карпентер-Роуд. Но ни в одном замке зажигания не было ключа, а главный офис компании был заперт. С помощью брошенного в окно кирпича, поисковая группа сумела проникнуть в здание, однако обыск ничего не дал; ключей не нашли. Слишком многие ящики письменного стола оказались заперты на замок, так что от идеи с грузовиком пришлось отказаться.

— Слушайте, — сказала Ханна. — Я пошла с вами, потому что Оливия предложила воспользоваться школьным автобусом. Несколько лет назад я подрабатывала водителем. Я знаю, где депо и цистерна с дизельным топливом. Там и мастерская есть, так что, возможно, мы найдем насос. Думаю, это лучший вариант.

— Да, черт возьми! — ответил Дейв, и они отправились на север, где, по словам Ханны, на ЛаПорт-Авеню была стоянка школьных автобусов. Они пересекали районы, полностью уничтоженные инопланетным оружием. Целые кварталы сгорели дотла, автомобили превратились в оплавленные остовы, торговые центры и магазины были разграблены, а все, что не представляло для мародеров ценности — разбросано и растоптано по полу или асфальту автостоянок. Несколько больших зданий выглядели так, будто их рассекли надвое исполинским самурайским клинком или лазерным лучом. Обломки бетонных глыб завалили улицы. Поисковая группа миновала три брошенных городских автобуса: первый лежал на боку, у второго три шины спущены и разбито лобовое стекло, а третий был придавлен верхними этажами обрушившегося Первого Национального Банка. Торговый центр «Эйс-Хардуэйр-Стор» на Южной Колледж-Авеню казался растоптанным гигантским ботинком, что окончательно разрушило надежды Дейва отыскать там насос для дизеля раньше, чем поисковая группа достигнет депо.

— Осталось около мили, — объявила Ханна. Больше ничего говорить и не требовалось.

Как ни странно, среди всего этого хаоса сгоревших зданий и обугленных деревьев, встречались районы, почти не пострадавшие от пламени инопланетной войны. На одной стоянке попались двенадцать автобусов, проржавевших от дождя, а также несколько автомобилей, брошенных водителями. Впрочем, у четырех машин отсутствовали колеса, так что на них надежды не было. Ворота стоянки были не закрыты; либо кто-то уже спилил замок, либо их просто оставили нараспашку, когда наступил последний день прежнего мира.

Итак, главной проблемой вновь стал поиск ключей. Может, хоть один остался в замке зажигания? Нет, ни одного. Дверь, ведущая в офис, была выломана — вероятно, внутри искали огнестрельное оружие. Ханна подошла к металлическому шкафчику на стене и попыталась открыть его, но замок держал крепко.

— Ключи висят на крючках с номерами, соответствующими номерам автобусов, — сказала она, вытащив свой револьвер. — Я много раз видела, как это делается в кино, но в реальности можно запросто размозжить себе голову, если не побережешься. Вам обоим лучше отойти.

Это был разумный совет. Ханне пришлось потратить две пули, чтобы добраться до ключей. Впрочем, и после второго выстрела замок держал дверцу, но мужчинам удалось доломать шкафчик вручную. Итак, у них были ключи, одна проблема разрешилась. Но когда спустя несколько минут члены поисковой группы стали открывать капоты автобусов, чтобы проверить аккумуляторы, возникло новое

затруднение — обе большие сверхпрочные батареи в каждом автобусе оказались покрыты желто-серыми отложениями и казались хладными трупами.

— Проклятье! — в сердцах воскликнул Дейв, когда реальность вновь разбила его мечты. — Да мы ни на одной из этих колыхаг не уедем!

— Остынь, сынок, — хмыкнула Ханна с легким налетом сарказма. — Думаешь, в этой компании и раньше не было проблем с ремонтом? Думаешь, никто из водителей никогда не забывал вынуть аккумулятор из школьного автобуса на время Рождественских или весенних каникул? Или на все лето? Всякое случалось. Запасные аккумуляторы должны быть в мастерской, — Ханна указала на длинные ряды построек из красного кирпича, без окон и с закрытыми гаражными дверями. Дейв решил, что вломиться туда будет чертовски трудно. Рядом с мастерскими виднелись два топливных насоса, и в пропитанном маслом бетоне маячила желтая крышка, говорящая о том, что там находится подземный топливный резервуар.

— Ну, что? Может, не будем тратить время, пойдем и посмотрим, что к чему? — предложила Ханна.

— Ага. У тебя есть взрывчатка? — Дейв посмотрел на Джоэля. — Или какие-то здравые идеи?

— Попробуем сначала через дверь, — пожал плечами Джоэль. — Если она заперта, будем думать, как взорвать ее по методу Ханны Граймс.

— Или, — пожал плечами Ханна, — можем прогуляться и обойти здание кругом. В офисе менеджера есть окно, раньше через него наблюдали за цветником.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил Дейв.

Ханна улыбнулась, и морщинки вокруг ее глаз сделались заметно глубже. Улыбка появилась в ответ на воспоминания — явно хорошие воспоминания — и Дейв подумал, что с этой улыбкой Хана Граймс почти красива. Почти.

— Мы когда-то встречались с Кенни Рэем, — ответила она. — Я посадила там цветы, чтобы он помнил обо мне, даже когда меня нет рядом.

— С этого и началась твое знакомство с работой водителя автобуса, как я понимаю? — спросил Джоэль.

— Может быть. Никогда не знаешь, кого можешь встретить в баре в знакомом районе, верно? — она заговорщицки подмигнула. — Ну, что, друзья? Время не ждет.

Разбитое окно располагалось чуть выше головы Дейва. Цветник давно погиб под едким кислотным дождем. Дейв подумал: неужели те, кто вломился в мастерскую через окно, вышли через дверь и за-

перли ее за собой? Мародеры с обостренным чувством порядка в безумном мире хаоса?

— Давайте попробуем дверь, — предложил Дейв.

Поднявшись по ступеням, он с удивлением поймал себя на мысли, что просит Бога о благоволении. Раньше он не был особо религиозным. Религия оставалась непознанной и чуждой областью для Дейва МакКейна, он не погружался в нее до смерти своей семьи. А после того жуткого дня, у него и вовсе не возникало желания обрести веру, потому что, если рай и существовал когда-то, с пришествием Горгонов и Сайферов он был уничтожен. Зато теперь Дейв точно знал, что ад — реален. Никаких сомнений на этот счет у него не было. И вот теперь, достигнув последней ступени, Дейв МакКейн вдруг непроизвольно подумал: *Послушай, если Ты там... и если от Тебя хоть что-то осталось, как насчет дать нам передышку? Как насчет хоть немного нам помочь?*

Им было жизненно необходимо привести в движение хоть один из этих автобусов. Для этого требовалось чертовски многое: восемь футов шланга, ручной насос, два аккумулятора. Зонд, чтобы проверить — осталось ли топливо в баке автобуса, и какой-нибудь резервуар, желательно без дырок. А еще — удача, в которой они нуждались не меньше, чем во всем прочем. От их удачи зависели жизни множества людей.

Но сначала... требовалось открыть эту дверь.

Дейв потянулся к ручке.

Он стиснул челюсти, заранее приготовившись к разочарованию. *Даже если эта проклятая дверь заперта*, подумал он, *у нас есть разбитое окно. Окно старого Кенни Рэя, через которое он смотрел на посаженные с любовью цветы.*

Помоги нам, подумал он, и слезы обожгли ему глаза. *Пожалуйста... помоги.*

Он взялся за ручку двери и потянул.

***

Через линзы бинокля Итан разглядел, что приближается к Пантер-Ридж.

Когда-то это был обычный желтый школьный автобус, но после долгих дней, проведенных под дождем, крыша стала коричневой от ржавчины. Ржавые полосы проходили и по бокам автобуса, на котором еще виднелась выцветшая надпись: *«Паудр Скул Дистрикт 712»*. Автобус шел медленно, но лишь такую скорость позволяли развить две лошади, поводья которых были привязаны к заднему бамперу.

— Они нашли школьный автобус! — закричал Гэри людям, ждущим внизу. В толпе началось оживление, и даже некоторые тяжело-раненные стали подниматься на ноги. Джей Ди, Оливия и другие попытались успокоить их, насколько это возможно без медикаментов. Гэри взял бинокль у Итана и принялся нетерпеливо наблюдать за приближением автобуса. — Господи, я-то думал, что они ни черта не найдут!

— Я верил в Дейва, — сказал Итан.

Вскоре автобус проехал по потрескавшейся дороге через открытые ворота, и остановился у бассейна, в тени мертвого горгонского корабля, где собрались выжившие.

Двери открылись. Первым вышел Джоэль, вслед за ним показались Дейв и Ханна. Они выглядели еще грязнее, чем раньше, хотя даже вообразить такое было трудно. На лицах членов поисковой группы застыла почти смертельная усталость. Дейв пошатнулся и вынужден был ухватиться за плечо Джоэля, чтобы не упасть. Он обвел взглядом собравшихся, словно искал кого-то, затем поднял голову и увидел Итана на сторожевой вышке. Мальчик пристально смотрел на Дейва, и тот едва заметно кивнул, словно говоря: *я не забыл*.

— Итак, пора принимать людей на борт, — сказал он Оливии, подошедшей к нему с пластиковой бутылкой воды. Он сделал глоток и передал воду Ханне. — Простите, но одну из лошадей мы потеряли.

— А мы потеряли остальных; их забрали те, кто решил отделиться и идти своей дорогой. Мы не смогли... да и не стали их удерживать, — под глазами Оливии пролегли темные круги, но голос ее звучал ровно. — Ладно, я пойду отвяжу этих двух.

Дейв кивнул. Теперь настало время главной задачи — забрать и вывезти всех отсюда. В баке автобуса 712 оставалось чуть больше четверти, и Дейв с помощью лома, резинового шланга и найденных металлических канистр, накачал дизельного топлива из подземного резервуара. В мастерской нашлось четыре тяжелых аккумулятора, в заводской упаковке. Теперь два из них заняли свои места под капотом автобуса, а еще два были припасены на всякий случай. Они даже поменяли масло, и, хотя двигатель все еще работал с перебоями после того, как его пробудили от долгого сна, он все же работал, колеса поворачивались, а лобовое стекло — пусть по нему и проходила длинная трещина — оставалось на месте. Дейв искренне благодарил Бога и компанию «Блю Берд Бас» за этот автобус. А еще он благодарил Бога за Ханну, которая привезла их обратно, миновав опасные участки и не проколов шину.

— До Северной Паудр-Вэлли добраться не смогли. Все дороги заблокированы, — сказал Дейв Джей Ди, пока тот помогал раненым забираться в автобус. — Мы попытались доехать до Южной Паудр-

Вэлли, но все лекарства оттуда уже кто-то выгреб, кладовки были пусты. Попытали счастье в «Си-Ви-Эс» и в «Уолгринс» — и там, и там пусто. Возможно, по пути нам больше повезет?

Дейв отвлекся на Билли Бэнкрофта. Тот ругался и ворчал, пока его несли к автобусу, старательно изображая типичного недовольного старого хрыча, но Дейв прекрасно видел, что таким образом Билли пытается храбриться и хоть как-то отвлечься от страшной боли в сломанной ноге. Выжившим удалось собрать немного консервов, а также выудить из руин несколько пистолетов и винтовок с патронами. Уцелели четыре масляные лампы и две бутылки с керосином. На борт погрузили больше дюжины пластиковых канистр с водой. Для тяжелых пулеметов в автобусе места не оставалось, да и патроны к ним почти кончились, поэтому Дейв и Оливия, посоветовавшись, приняли решение оставить их.

Итан, Никки и Гэри стояли на вышке, пока загружался автобус. Наконец, Гэри вздохнул и сказал:

— Что ж... не скажу, что буду скучать по этому месту, но все-таки оно служило нам укрытием, — он протянул руку и погладил ствол пулемета. — Была б возможность, я бы взял эту крошку с собой. Но лучше бы пулеметы нам больше не понадобились, куда бы мы ни отправились, — он еще раз окинул печальным взглядом унылые развалины Пантер-Ридж, а затем направился к лестнице.

Итан остался наедине с Никки.

Она смотрела на него, не произнося ни слова, и ее молчание действовало ему на нервы.

— Нам пора идти, — сказал он и сделал несколько шагов к лестнице.

— Я слышала о тебе кое-что, — произнесла Никки. Снова ей удалось заговорить лишь после недолгой паузы. — Я слышала, кто-то говорил, что ты вызвал землетрясение в ту ночь.

Он пожал плечами, не осмелившись на нее посмотреть.

— Кто тебе это сказал?

— Кто-то услышал от кого-то. А тот услышал от кого-то другого. Ну, знаешь, слухи ходят. Люди думают, что ты... как бы сказать... чудик.

— Хорошее слово, — хмыкнул он. — Возможно, оно мне подходит.

Он прекрасно помнил, как заявил о своей причастности к землетрясению в присутствии нескольких человек. Так что слухи, по-видимому, поползли от него самого.

— Люди считают тебя жутковатым, — продолжала Никки, и ее единственный глаз пристально глядел на него.

— Ага, еще одно хорошее слово, — он повернулся к ней и с улыбкой пожал плечами. — Наверное, я жутковатый чудик. Но раз я такой жутковатый чудик, почему же ты залезла сюда и разговариваешь со мной?

Она какое-то время молчала. Затем моргнула, и настала ее очередь пожимать плечами.

— Может, потому что мне нравятся жутковатые чудики. Может, я тоже жутковатый чудик, — она поводила носком кроссовки по полу. — Так говорили мои предки. После того, как сделала свою третью татуировку. Я набила себе на спине череп, обвитый виноградный лозой. Выглядит немного страшновато... во всяком случае, мои предки так считали. Мой друг учился на тату-мастера, и набил мне рисунок бесплатно. Но не на пояснице! — она добавила это с особым напором, затем продолжила чуть тише. — Я где-то читала, что это метка шлюхи. Это было бы уж слишком.

— Наверное, — согласился Итан.

— А у тебя есть?

— Что? Татуировки? Нет.

Она подошла к нему.

— У тебя страшный синяк... вот тут, — она заметила темно-фиолетовый кровоподтек, выглядывающий из-под ворота его футболки, и невольно коснулась собственной шеи. — Я хочу сказать... выглядит и правда жутко. Что с тобой случилось?

— Я не уверен... не помню.

Или не хочу вспоминать, добавил он про себя.

— Болит? — возможно, поддавшись импульсу, Никки потянулась и указательным пальцем правой руки коснулась синяка. А затем отшатнулась, испуганно ахнув и прикрыв рот рукой. — Ой... ого! — выдохнула она. — То есть... ты только посмотри!

Итан попытался скосить глаза на собственную шею, но ничего не смог разглядеть. Ему не понравилась дрожь в голосе Никки.

— Что там? Что такое? — его собственный голос тоже задрожал от волнения.

— Там, где я прикоснулась пальцем... это место стало серебристым. Сейчас уже нет. Ого, — повторила она, ее глаз широко распахнулся. — Слушай, а подними свою футболку.

Итан выполнил ее просьбу. Под одеждой почти вся его грудь была черной, как обугленное дерево.

— Можно я снова до тебя дотронусь? — спросила Никки.

— Можно. Мне не больно, — ответил он, стараясь скрыть волнение. Сердце его бешено колотилось.

Никки медленно протянула руку и коснулась его груди растопыренными пальцами. Итан не почувствовал ничего, кроме ее прикос-

новения, хотя казалось, что кожа под подушечками ее пальцев начала мерцать. Когда она убрала руку, серебристые отпечатки пальцев остались на его груди, однако они стали быстро таять. Итан заметил страх на лице Никки. Она отступила от него, будто собиралась спрыгнуть со сторожевой вышки.

Он покачал головой и поспешно заговорил:

— Послушай, я человек! Я... просто... во мне есть что-то, чего я не понимаю. Поверь, все в порядке, я не собираюсь причинять тебе вред, — он приложил руку к своей груди и заметил, как серебристая метка появилась и снова растаяла в темноте синяка. — Поверь мне, — повторил он. — Я не пришелец. И не... не какой-нибудь их эксперимент, ясно?

Голос Никки был тихим и дрожащим, когда она заговорила.

— Если ты даже не знаешь, кто ты и откуда... как ты можешь знать, *что* ты такое?

На этот вопрос у Итана ответа не было. Он опустил футболку.

— Пожалуйста, не говори об этом никому. Во всяком случае, пока. Ладно?

Никки не ответила. Она снова попятилась от него, остановившись на самом краю площадки.

— Пожалуйста, — умоляющим тоном повторил Итан. — Есть одно место, куда я просто обязан попасть и что-то там сделать. Это чувство во мне такое сильное, что я с трудом могу заснуть. Место называется Уайт Мэншн — гора в штате Юта. Дейв нашел ее для меня на дорожной карте. Мне нужно туда попасть. Никки... я думаю... что-то хочет отправить меня туда, потому что я могу положить всему этому конец.

— Конец? Чему «всему этому»?

— Этой войне. Я хочу сказать... если я доберусь до горы и выясню, зачем меня туда влечет некий зов... тогда смогу закончить этот кошмар. Ты понимаешь?

— Нет, — отрезала она.

— Итан! — Дейв позвал его снизу. — Мы загружаемся! Спускайтесь оттуда!

— Ладно, я тоже еще не до конца разобрался, — сказал Итан Никки. — Но... пожалуйста... пока не говори никому об этом.

— Может, ты превращается в Серого человека, — ответила она. — Может, именно это с тобой происходит, и тогда я обязана рассказать остальным. Они разберутся с тобой до того, как ты обратишься в монстра.

— Разберутся со мной? То есть, застрелят меня? Послушай, Дейв доверяет мне. И Оливия тоже... и, думаю, доктор Дуглас скорее верит, чем нет. Я хочу сказать... мне нужно попасть на эту гору, и если мне

удастся... *когда* мне удастся, то мне откроется что-то важное. Нечто, что нужно сделать или хотя бы узнать.

— Ты что, считаешь себя кем-то вроде Иисуса? Думаешь, ты должен привести своих последователей к какому-то... очередному религиозному дерьму?

— Я не Иисус, — ответил Итан. *Я даже не Итан*, подумал он. — Просто... дай мне шанс, ладно? Если расскажешь людям, это их напугает. А я этого не хочу. И никто не хочет.

— А может, нам следует тебя бояться?

С него хватит, решил Итан. Он не собирався больше спорить, поэтому махнул рукой и мрачно сказал:

— Делай, что хочешь. Говори им или нет. Но, когда я рассказывал тебе, что у меня есть цель... некая причина добраться туда, я говорил серьезно. Может, у нас у всех та же цель, просто мы этого не знаем. Я тебе так скажу: единственные, кому я собираюсь навредить, это Сайферы и Горгоны. Я хочу, чтобы они свалили отсюда ко всем чертям раз и навсегда.

— Мы все этого хотим.

— Да, я знаю, — Итан отвернулся от ее перепуганного лица с единственным глазом, что так обличительно смотрел на него. — Я сажусь в автобус, — спокойно сказал он ей. — Что бы ты ни решила... просто сделай это.

Она не стала дожидаться его, быстро спустилась по лестнице и растворилась в толпе, как Сайфер. *Кажется, я напугал эту чудачку до чертиков*, подумал Итан. Он стал спускаться вниз, ожидая... он и сам не знал, чего ожидать. В автобус грузилась последняя группа людей, и Ники Стэнвик была среди них. Она не смотрела на Итана и не заговорила с Дейвом, проходя мимо него и Оливии.

— Заходи, — велел Дейв Итану, когда тот подошел ближе. — Прижмись куда-нибудь там, сзади.

Сидения убрали, начиная с середины салона, чтобы разместить припасы, инструменты и оружие — все, что Дарнеллу Макомбу удалось спасти из руин. В конце концов, автобус был загружен. Тяжелораненые лежали вдоль прохода, их поддерживали другие люди. Труднее всего было смириться с тем, что, по словам Джей Ди, некоторые раненые не переживут это путешествие — их травмы смертельны.

— Я сделал все, что мог, — сокрушенно произнес Джей Ди, опираясь на костыль, но стараясь не показывать собственной боли. — Эти люди проживут еще час... может, два, три или шесть. Но они уже не придут в себя. Это суровая реальность. Я ничего не могу для них сделать, поэтому предлагаю... проявить милосердие.

— И кому ты предлагаешь его проявить, док? — спросил Дейв. — Кому предстоит трижды спустить курок, а после жить с этим?

— Но мы не можем оставить их здесь едва живыми, — покачал головой Джей Ди. — Нельзя бросать их так... одних... в темноте.

— Дерьмо! — сплюнул Дейв. — Ты уверен, что сделать ничего нельзя?

— Я даже не могу дать им болеутоляющее. Единственное, что у меня осталось, это бутылка перекиси водорода. Я не могу подлатать пробитые легкие Нила... не могу зафиксировать сломанный позвоночник Дины или ее раскрошенные в труху ноги! Не могу дать Азе новый мозг взамен того, что почти превратился в кашу внутри проломленного черепа! Здесь, в автобусе много людей, которым я хотя бы могу помочь... но... если ответить на твой вопрос, Дейв, думаю, это должен сделать я. Раз я не могу оказать медицинскую помощь, то должен проявить милосердие и избавить их от страданий. Потому что мы просто не можем оставить наших умирающих друзей здесь живыми, ведь ночью придут Серые люди. Так что я возьму пистолет, пойду туда, где они лежат, и сделаю то, что врачи иногда называют игрой в Бога. Несовершенного, измученного и слабого Бога... но кому-то придется это сделать. Так что, извини, Дейв... мне пора завершить обход.

Внутри тесного автобуса, сидя рядом с последними выжившими обитателями Пантер-Ридж, Итан услышал три выстрела. Никто ничего не сказал, никто не задавал Джей Ди вопросов, когда Дейв помог ему забраться в салон. Последней вошла Оливия, чьи глаза налились кровью, и она выглядела так, будто десятилетия страданий и отчаяния легли на ее плечи за одну ночь. Впрочем, Итан подумал, что это недалеко от истины. Он встал, уступив место другим людям, и мельком увидел Никки, стоящую в задней части салона. Ее взгляд мог пробуровать в нем дыру, поэтому он быстро отвел глаза.

Самым страшным было понимание того, что с ним происходят изменения. Он становился чем-то неизвестным... каким-то кошмарным существом. Если он и был человеком, то внутри и близко не походил на свою анатомическую куклу, потому что знал: в этом случае он не пережил бы взрыв в торговом центре. Происхождение его синяков скрывалось в тумане, но, по крайней мере, мальчик, назвавший себя Итаном Гейнсом, не был мертв — в привычном и понятном большинству людей смысле. Теперь же его раны начали говорить с ним на ином языке... на серебряном языке.

— Эй, вы там, держитесь за что-нибудь, — сказала Ханна, усевшись за руль. Она легким движением, словно делала это тысячу раз, потянула рычаг, закрывающий двери. Ханна завела двигатель, услышала его недовольный перестук и ворчание, но затем колеса начали поворачиваться. Автобус тронулся с места, миновал через ворота границу стены и покинул Пантер-Ридж. Теперь он направлялся в жестокий и опасный мир, по дороге, ведущей на юг, в Денвер. Все надея-

лись найти по пути не до конца разграбленные аптеки или больницы. Люди готовы были спрятаться где угодно — хоть в бывшем сумасшедшем доме, лишь бы новое убежище обеспечивало хоть какую-то безопасность. Джей Ди сидел, вытянув свою поврежденную ногу, и смотрел в пустоту. Итан заметил, что его голубые глаза блестят от слез, а взгляд — обычно такой чистый и ясный — сейчас казался мутным и затуманенным.

Бывшие обитатели Пантер-Ридж смотрели из окон на сгоревшие дочерна окрестности, по которым словно прошла огненная буря. Никки вертела головой, что-то высматривая, и Итан подумал, что где-то здесь стоял ее дом, теперь превратившийся в обугленный остов и кучку пепла, как и весь остальной мир.

— Смотрите-ка! — воскликнула Ханна, обращаясь к Оливии и Дейву, которые сидели ближе всего к ней. Автобус под ее умелым управлением продолжал, громяхая, двигаться вперед. — Три парня идут по дороге. Один из них машет нам. Остановиться и подобрать их?

Дейв и Оливия увидели троицу на дороге и переглянулись. Тот из незнакомцев, что стоял в центре, махал руками. Слева от него стоял крупный коренастый мужчина с длинными черными волосами и бородой, а с другой стороны — невысокий пожилой человек в белой рубашке, облик которого наводил на мысль, что раньше он принадлежал к высшему классу общества, может, был банкиром. Все трое были в пыли и грязи, и слегка пошатывались.

— Подберем их? — снова спросила Ханна. — Или не будем рисковать?

Ее нога пока что оставалась на педали газа.

Дейв и Оливия помнили, что троих людей казнили перед выездом из Пантер-Ридж. Это можно называть милосердием, но факт остается фактом: трое их друзей, слишком тяжело раненых, распрощались с жизнью... Отчасти они были обречены еще и потому, что места для трех лежачих раненых в автобусе не хватило бы!

Люди, стоящие на дороге перед автобусом, могли оказаться ненастоящими. Но они не собирались уходить с пути. Ханна не сбрасывала скорость, и что-то решать нужно было за считанные секунды.

Оливия глубоко вздохнула и приняла решение.

Они не чудовища, и не станут обречь на смерть людей, которым еще можно помочь. У них дюжина заряженных пушек на случай, если придется защищаться. Раньше они принимали в Пантер-Ридж множество странников. Какая теперь разница?

— Останови автобус, — велела Оливия. — Давай послушаем, что они скажут. Но, — добавила она, — оружие держите наготове.

Ханна отпустила газ и нажала педаль тормоза. Автобус подъехал к трем незнакомцам и начал замедляться. Итан стоял в самом конце салона, зажатый плотным кольцом других людей, и ничего не мог разглядеть, но кто-то сказал, что на дороге три человека. Когда автобус с протестующим визгом тормозов остановился, Ханна открыла дверь и направила пистолет в дверной проем, заявив:

— Предупреждаю: чуть что не так — и я наспирую их свинцом!

Трое мужчин, тихо переговариваясь, продолжали стоять на дороге, и не пытались войти в автобус. Оливия обратилась к Дейву:

— Выясним, кто они и что им нужно, — после чего они вместе вышли наружу. Дейв держал наготове свой «Узи», а Оливия вооружилась «Кольтом» 45-го калибра, и ее палец напряженно замер на спусковом крючке. Она подумала, что если эти трое хотят побыстрому выторговать себе места в автобусе, среди них должен оказаться хороший делец.

Глава шестнадцатая

— Меня... как бы это сказать... здорово подправили, — сказал Берг Рэткофф, пока они с Джефферсоном Джериho следовали за Воупом по длинной дороге через разрушенные предместья. Здесь уже никогда не зарычит ни одна газонокосилка, и никогда не будет продаваться лимонад. — Моя жена бросила меня шесть лет назад, но я научился жить с этим. Общался с нашим сыном. Он жил в Глендейле, Калифорния. Работал страховым агентом, в той компании, у которой символ — говорящий геккон, — Рэткофф убежденно закивал головой. — Готов поспорить, у него все в порядке. У него, Дженни и девочек. Уверен, у них все хорошо. Они нашли, где укрыться, они точно нашли. Эй, космонавт! У меня из-за тебя просто ноги отваливаются, я не могу поспеть за тобой! Может, пойдём помедленнее... ах, черт! — он вдруг вскрикнул, схватившись за затылок.

— Я бы на твоём месте не сердил его, — посоветовал Джефферсон, хотя ему самому едва хватало дыхания, а ноги предательски подкашивались. Казалось, они уже пропахали пешком весь этот чертов город. Но в последние полчаса Воуп прибавил шагу, словно боялся куда-то опоздать.

Джефферсон с трудом перевел дух.

— Воуп! — позвал он. — Нам нужно немного отдохнуть.

Ответа не последовало, и темп ходьбы не снизился. Джефферсон продолжил:

— Воуп, мы всего лишь люди. Мы не так сильны, как ты. Наши тела быстро устают, потому что мы слабые, понимаешь? Прояви милость, позволь нам отдохнуть хоть несколько минут!

Воуп внезапно остановился и повернулся к ним. Выражение, мелькнувшее на фальшивом человеческом лице, являло собой смесь высокомерия и презрения.

— Да, вы слабые, — ответил он. — Поэтому вы не заслуживаете мира, который не можете удержать. Даже... — он замолчал, подбирая слово из своего не очень богатого запаса, — ...рабы сильнее вас.

— Я склоняюсь перед тобой, и признаю, что слабее раба, — отозвался Джефферсон, сохраняя непринужденный тон в голосе. — Поэтому я и прошу тебя о милости. Позволь нам отдохнуть. Мы будем бесполезны для тебя, если наши хрупкие тела подведут нас.

Маленькие темные глаза Воупа обратились к Рэткоффу.

— Я тоже так думаю, — отозвался бывший житель Нью-Йорка.

— Тогда отдыхайте, — решил Воуп. — Ешьте.

Он стряхнул с плеч свой рюкзак, открыл его и извлек оттуда два небольших кубика хорошо знакомой Джефферсону белой субстанции, напоминавшей тофу. Пришелец протянул еду своим пленникам.

— Опять это дерьмо? — простонал Рэткофф. — Это, что, ваш аналог собачьей еды?

— Бери и ешь, — посоветовал Джефферсон. — Я не знаю, что это такое, но оно придает сил, — он взял свою порцию, и Рэткофф, вняв совету, принял свою. Они жадно накинулись на инопланетную еду, стоя под низким желтым небом на мертвой земле. Солнце, испускавшее слабое желтое свечение, клонилось к закату. Приближалась ночь, и Джефферсону вовсе не хотелось оставаться здесь в компании Горгона, пусть он хоть тысячу раз скажет, что будет его защищать. И то, что подчас Воуп играл, скорее, роль рабовладельца, чем защитника, не прибавляло желания провести ночь в его обществе.

— Воуп, — обратился он, доедая инопланетный корм, — так что это за мальчик, которого ты преследуешь? Почему он так важен?

— Какой мальчик? — оживился Рэткофф. Очевидно, его не посвятили в подробности этой миссии.

— Они, — с нажимом сказал Джефферсон, — хотят, чтобы я привел к ним какого-то мальчика отсюда, — он обвел взглядом простирившуюся вокруг пустошь. — Так кто он, Воуп? И если ты можешь делать то, что... сделал в том доме, так почему не можешь отыскать и забрать мальчика сам?

— Мне даны приказы, — ответил Горгон.

— Не все ли равно, сколько человек его защищает, — продолжил Джефферсон. — Ты можешь уничтожить всех их, если захочешь. За чем тебе нужен я?

Воуп не ответил, и Джефферсон решил, что пришелец так и собирается держать все в тайне, но через несколько секунд тот все же нарушил молчание:

— Он будет сопротивляться.

— И что? Может, будет, но... — мысль поразила Джефферсона Джерихо, как молния. — О, Боже... — прошептал он. — Ты... и она... Я понятия не имею, кто вы и откуда взялись, но... вы же боитесь его, не так ли?

Воуп отвернулся, взгляд его устремился вдаль.

— Вы боитесь, — упрямо продолжал Джефферсон. — И это должно означать... что он — замаскированный Сайфер?

— Это не тот смысл, — отозвался пришелец, возможно, не вполне точно передавая свою мысль.

— Ну, он ваш враг, как бы вы это ни называли. Он — ваш замаскированный враг? Наверное, он сделал что-то поистине... — Джефферсон чуть не добавил «изумительное», — ...плохое, раз так вас достал. Или достал ее, это ведь она велела возложить на него руки. Мои руки, я имею в виду. Так что же он сделал? Убил дюжину...

— Воздержись от своего любопытства, — прервал его Горгон. — или я причиню тебе боль. Теперь мы должны двигаться, — он сорвался с места и вновь устремился вперед. Джефферсон и Рэткофф почувствовали небольшое острое покалывание в затылках и поняли, что им тоже надо поспешить.

Джефферсон засомневался, удастся ли ему завершить эту миссию и остаться в живых. Если мальчик замаскированный Сайфер, то это само по себе означает, что он вроде солдата спецназа. А раз Горгоны его боятся... и при этом не говорят, а может и не знают, что за силой этот мальчик обладает — ничего хорошего это не сулит. Он, конечно, может попробовать возложить руки на командос Сайферов и отправить его в Горгонлэнд в камеру пыток... но самый вероятный исход, который представлялся бывшему продавцу по имени Леон Кушман — это моментальное вычеркивание его из числа живых этого мира. И еще повезет, если это будет быстрая смерть, сравнимая с выстрелом в затылок.

— Они держали меня в месте, похожем на пригород с маленькими домишками, будто из пятидесятих, — сказал Рэткофф, пытаясь поспевать за Джефферсоном. Голова его взмокла от пота, рубашка тоже. Джефферсон понимал, что этот бедолага испуган, и ему необходимо с кем-то поговорить, чтобы его выслушали, как священник выслушивает исповедь смертника перед исполнением приговора. — Там жило семьдесят восемь человек, с разных концов Штатов. Мы называли это...

— Муравьиной Фермой? — предположил Джефферсон.

— А? Нет, мы называли то место Микроскопические Луга. Знаешь, почему?

— Потому что вам постоянно казалось, что за вами наблюдают сверху? Как через микроскоп?

— Ага, точно. Но у нас было все необходимое для жизни. Электричество, вода, автомобили, которые не нуждались в топливе, а еще это белое дерьмо, которым нас кормили... и еще какая-то странная жижа для питья. И погода никогда не менялась. Как будто у нас всегда начало лета. Но знаешь, что по-настоящему странно?

То, что вы не могли покинуть это место, подумал Джефферсон.

— Оттуда нельзя выбраться, — сказал Рэткофф. — Можешь ехать, ехать и ехать вперед, и кажется, что движешься куда-то... но внезапно ты поворачиваешь за угол, и оказываешься там, откуда начал. Странно, да?

— Да, — согласился Джефферсон.

Муравьиная Ферма, Микроскопические Луга... он заинтересовался, как русские, японцы или норвежцы называют свои тюрьмы подобного типа. Горгоны изучали людей так же, как некоторые ученые изучают насекомых. Джефферсон мог только догадываться, что они сделали с Рэткоффом, когда распотрошили его на столе, и что они добавили ему, чтобы сделать его полезным для этой миссии? Он надеялся, что ему не доведется этого узнать.

— Я скучаю по звездам, — продолжал Рэткофф тихим и жалобным голосом. — Мы с отцом давным-давно ездили в палаточный лагерь в Джерси. Ставили там палатку... я тогда был бойскаутом, знаешь ли. И вот, после того, как мы готовили хот-доги и разливали «Индийскую кровь» — так папа называл «Пепси», смешанную с пивом и виноградным соком — мы ужинали и ложились спать под открытым небом. Отец и сын... У тебя было такое?

— Конечно, — ответил Джефферсон, чьи воспоминания об отце включали в себя зловонное дыхание, от которого за милю тянуло дешевым виски, кривую усмешку на вечно недовольном лице и пустые обещания продавца, мол, завтра будет лучше, чем вчера.

— Но далеко за полночь, — сказал Рэткофф, — я всегда выбирался из палатки и ложился на спину прямо на земле, чтобы разглядывать и считать звезды. Их было великое множество. Такие яркие и сияющие... они напоминали реку, сотканную из света. Мне казалось, что я самый счастливый ребенок в мире. А теперь... когда я в темноте выхожу на задний двор и ложусь на траву, я не вижу ни одной звезды. Ни одной, понимаешь! Во всей этой крошечной тьме наверху. Папа умер несколько лет назад, а мама... она жила в многоквартирном доме в Сарасоте. Я позвонил ей сразу же, как все это началось, убедиться, что с ней все в порядке. Хотел даже полететь туда, но, сам знаешь,

все рейсы отменили, самолеты не летали. Я посоветовал ей найти убежище — одно из тех, что создавала Национальная гвардия. Больше я о ней ничего не слышал. Надеюсь, ей удалось выжить. Как считаешь, ей удалось, Джефф?

Джефферсон Джерихо слышал в его голосе мучительную мольбу. Он в своей жизни примерил на себя множество ролей: манипулятора, мошенника, ставящего свои желания выше всего остального, презирающего власти других и играющего на этих слабостях, роль жаждущего власти, роль ненасытного любовника, если верить Регине... но сейчас, в этом страшном мире, возможно, шагая навстречу смертельной опасности в компании Горгона и несчастного человека с глубокой раной на сердце и в душе — Джефферсон вдруг открыл в себе что-то новое. Новую роль, которую он пока не мог назвать.

Он сказал:

— Конечно же, ей удалось, Берт, без сомнений. Национальная гвардия... эти ребята знали, что делали. Они спасали жизнь людям. Многим людям! И твоя мама в безопасности, я уверен.

— Ага, — кивнул Рэткофф, слабо улыбнувшись. — Я тоже так думаю.

Джефферсон Джерихо всегда удивлялся тому, насколько легко люди позволяли управлять собой. Если они хотели во что-то верить, работа, можно сказать, уже наполовину сделана. А еще проще, когда они нуждались в вере. Иногда встречались и крепкие орешки, но большинство были такими, как Берт — особенно, когда Джефферсон предстал перед ними в облачении священника. Благодаря своей прозорливости он обнаружил в стихах Библии секретный код, который мог поведать инвестору, какие акции покупать, какие продавать... Это было удобно, особенно, учитывая природный талант самого Джефферсона. Когда случались неудачи, и кто-то из «Рисковых Игроков» терял деньги, всегда можно было проникновенно объявить, что на то воля Божья, призвать всех к смирению и напомнить о том, что Господь преподает им урок. Но чаще всего дела шли по плану, и «Рисковые Игроки» исправно платили в фонд Джерихо добровольный ежегодный пятнадцатипроцентный взнос от своей прибыли. Причем, они отдавали эти деньги от чистого сердца, они сами стремились вкладываться в библию заработков, а бывший Леон Кушман через витраж своей церкви, в разноцветных стеклах которого плясала радуга, наблюдал, как растет его личное благосостояние.

О лагерях, организованных Национальной гвардией, он слышал лишь то, что они превратились в целые районы, охваченные паникой и насилием. Вероятнее всего, большинство этих убежищ пали случайными жертвами боев между Горгонами и Сайферами. Мать Берта Рэткоффа наверняка погибла одной из первых, как сотни тысяч или

даже миллионы людей по всему миру, чьи останки уже давно превратились в пепел и пыль. Немногочисленные выжившие спрячутся по норам и вряд ли выберутся наружу. Да и зачем? Стать рабами победителей? Ресурсами для их экспериментов? Новым оружием для новых войн в других мирах?

Мои братья и сестры, подумал Джефферсон, *в этом окне нет радуги. Мы оказались между двух огней, между двумя безумными силами и будем смяты ими вне зависимости от того, кто победит.*

— Да, — сказал проповедник вслух. — Я уверен, твоя мама в порядке.

А затем он увидел, что-то, приближающееся к ним по дороге.

Поначалу ему показалось, что это лишь иллюзия. Мираж. Но... желтый школьный автобус?

Воуп остановился. Его голова вдруг завибрировала так быстро, что черты лица размазались.

— Мы остановим это транспортное средство, — произнес он.

— Мальчик внутри? — спросил Джефферсон.

— Да, — был ответ. И он снова повторил, — Мы остановим это транспортное средство.

Джефферсон пока не мог понять, собирается ли водитель автобуса остановиться. Воуп зашагал вперед, Джефферсон шел рядом с ним, а Рэткофф, вздрогнув и пошатнувшись на уставших ногах, плелся чуть позади. Когда автобус приблизился, проповедник поднял руки и помахал из стороны в сторону.

— Они не останавливаются, — взволнованно сказал Рэткофф. — Нам лучше уйти с дороги..

Но Джефферсон продолжал махать, и вдруг автобус начал замедляться. Послышался скрип старых тормозов.

Воуп сказал:

— Слушай меня. Делай, как тебе приказано. Если возникнет какое-либо... — он сделал паузу, подыскивая слово, — ...затруднение, я убью каждого, кто находится в этом транспортном средстве.

— Это может быть не так просто, — предупредил Джефферсон.

— Мы заберем мальчика, — голос Воупа был лишен каких-либо интонаций. — Если возникнет затруднение, я убью...

— Нет, не убьешь, — возразил проповедник. Горгон повернулся к нему с яростью в глазах, однако Джефферсон знал, что угрожающего взгляда можно не бояться. Сейчас Воуп не посмеет причинить ему боль, потому что тогда люди из автобуса могут что-то заподозрить. — Я ведь должен возложить на него руки, так? — автобус уже остановился в десяти ярдах перед ними. — И тогда нас телепортируют обратно... то есть... туда, куда надо? Я должен пройти мимо тех, кто его

защищает, и тебе лучше предоставить это мне. Ты ведь хочешь доставить мальчика живым? Верно?

— Верно.

— Тогда не беги впереди паровоза. Знаешь, что это значит? Это означает, что тебе следует позволить мне делать то, что я обычно делаю, и не вмешиваться.

Воуп, похоже, всерьез задумался над его словами. Джефферсон почти слышал, как скрипят инопланетные шестеренки в его мозгу.

Дверь автобуса открылась. Изнутри послышался грубый женский голос:

— Предупреждаю: чуть что не так — и я нашьигую их свинцом!

— У них есть оружие, — заметил Джефферсон. — Примитивное, с твоей точки зрения, но смертельное для меня или Берта. Тебе-то можно не беспокоиться, что тебе проделают еще одну дырку в голове, а вот нам — другое дело. Ты готов нести ответственность за неудачу миссии, если твои методы тут не сработают? Слышишь меня?

Воуп ничего не ответил, но его руки не превратились в змееподобные щупальца, а головы Джефферсона или Берта не пронзила боль.

— Ты понимаешь, что нормальный человек должен моргать глазами хотя бы раз в несколько секунд? — спросил Джефферсон. Он заметил, как из автобуса появились двое, мужчина и женщина. У мужчины был «Узи», а женщина вооружена «Кольтом» 45-го калибра. — Ты не моргаешь, и они очень быстро поймут, что ты не человек. Так что лучше веди себя тихо, не привлекай внимание и позволь мне поговорить с ними.

Затем он обратил все свое обаяние к людям, вышедшим из автобуса, и воскликнул с радостью:

— Слава Богу! Мы нашли кого-то, кто еще не совсем спятил! Мы весь день блуждали здесь, пытаюсь...

— Что вы здесь делаете? — резко оборвал его Дейв, крепко сжимаемая рукоять «Узи». Он с угрожающим видом встал между Оливией и тремя незнакомцами.

— Ну, — протянул Джефферсон, — уж точно не прогуливаемся для укрепления здоровья, сэр. Мы пытались найти безопасное убежище до наступления темноты.

— Правда? И откуда вы пришли?

Джефферсон подумал, что этот грубоватый мужчина в разорванной черной футболке, выцветших джинсах и грязной темно-синей бейсболке предпочел бы расстрелять их всех прямо на месте, а не разминать челюсти разговором. На небольшом порезе у него на переносище запеклась кровь. Со своим крутым нравом этот человек мог оказаться той самой скалой, которую не сдвинуть...

— Мы пришли из ада, — ответил Джефферсон мрачным, почти замогильным голосом. Он не сводил глаз с мужчины в темно-синей бейсболке. — Несколько дней назад нас было десять. Сами видите, что осталось от нашей группы после того... — он выпятил подбородок, словно бросал вызов направленному на него «Узи», да и всему этому миру, — ...как на нас напали по дороге из Денвера. Думаю, вы знаете, что там обитают банды сумасшедших головорезов. Они свалились на нас, как снег на голову, расстреляли большую часть наших друзей... — он заставил свой голос дрогнуть. — Помимо всего прочего, мы лишились почти всех припасов, одежды и всего остального. Сбежать удалось только нам троим... — Джефферсон задержал взгляд на «Узи» и «Кольте». — Жаль, что у нас больше нет оружия, чтобы дать отпор.

— У вас нет оружия? Почему?

— У меня была пушка, — качнул головой Джефферсон. — «Смит-Вессон» 38-го калибра. Отличная пушка, — он позволил себе перевести взгляд на высокую стройную латиноамериканку с коротко стриженными седеющими волосами, которой на вид было около пятидесяти. Джефферсон подумал, что в прошлой жизни ее, пожалуй, можно было назвать привлекательной. — Но, когда патроны кончились, а раздобыть новые стало негде, я обменял оружие на несколько банок консервов, чтобы сохранить жизнь жене и дочери. Это было в Канзасе, четыре месяца назад.

Джефферсон гордился своим актерским талантом. Ложь приходит на ум легко, когда в голове уже есть готовая сюжетная линия. Он адресовал латиноамериканке грустную улыбку.

— Хотел бы я сказать, что моей семье тоже удалось выбраться из Канзаса, но...

— Что с ними случилось? Подробно! — прорычал мужчина, который все еще глядел на незнакомцев так, словно готов был сначала стрелять, а потом задавать вопросы.

Чтобы быстрее отделаться от этого подозрительного типа, Джефферсон снова включил «Рискового Игрока».

— Регину изнасиловали и убили в подвале. Когда на нее напал какой-то псих, я пытался помешать ему, но получил по голове лопатой. Позже меня чуть не похоронили заживо, — сказал он, бесстрашно выдерживая тяжелый взгляд человека в бейсболке. — Я выбрался из могилы, нашел свой револьвер и разрядил в того ублюдка. Но Эми я тоже потерял. Я думал, что сумел спасти хотя бы ее, но... после смерти матери она потеряла волю к жизни. Вам нужно больше подробностей, сэр? — он вложил всю свою душу в последнюю реплику, наблюдая за женщиной, которая, судя по всему, больше прониклась

историей, чем этот сухарь. — Меня зовут Джефф Кушман. Это Берт Рэткофф, а это...

Не смей делать паузу! приказал он сам себе.

— ...Джек Воуп.

Джефферсон понимал, что если будет медленно соображать и не сможет управлять ситуацией, то все пойдет прахом. Сейчас, когда на него уставились два ствола, мозг работал в ускоренном режиме и словно пролетал сто миль в секунду. Джефферсон хотел оставаться в живых как можно дольше, поэтому, посмотрев на Воупа, он отправил ему громкую, осознанную, почти осязаемую мысль: *моргай, идиот!*

Воуп пялился на него в ответ. Затем внутри у него словно что-то щелкнуло, и он начал моргать так, будто ему в глаза влетела целая туча москитов. Продолжай он в том же духе, мог бы поставить новый мировой рекорд.

Притормози! — мысленно скомандовал ему Джефферсон. — *Моргай не чаще, чем раз в семь-восемь секунд.*

— Что с ним не так? — спросил Дейв. Он заметил, как Воуп, все с тем же непроницаемым выражением лица, лихорадочно моргает, как будто ему жгло глаза.

— Джек все еще в шоке, — примирительно произнес Джефферсон. — Он тоже потерял семью.

Воуп все еще пытался справиться с моргающими глазами. Дейв подумал, что это похоже на начало припадка.

— Он может говорить?

— Ему нужно время. С ним будет все в порядке. Успокойся, Джек, ты среди друзей.

— Друзей? — переспросил Дейв. — С чего ты это взял?

Джефферсон изобразил на лице смесь обиды и недоумения и обратился к женщине.

— Но... вы же нам поможете, правда? Пожалуйста, скажите, что не оставите нас!

— Да! — подал голос Рэткофф, найдя, наконец, силы подхватить нить повествования Джеффа. Он надеялся, что если попадет в автобус и поможет выполнить задание Горгонов, то заслужит скорейшее возвращение в Микроскопические Луга. — Не бросайте нас, пожалуйста!

Оливия переводила взгляд с одного незнакомца на другого. Джек Воуп прекратил мигать без остановки и, казалось, взял себя в руки. Но лицо его все еще оставалось невыразительным и больше напоминало резиновую маску. Оливия вздохнула.

— Дейв, давай поговорим, — и она жестом указала ему на автобус.

Дейв не хотел поворачиваться к этой троице спиной, поэтому он попытался, оставаясь начеку и продолжая наблюдать за ними.

Оливия тихо сказала:

— Послушай, мы не можем их оставить. Мы должны...

— Взять их с собой? — перебил Дейв. — Зачем? Мы не знаем их, с чего бы нам о них беспокоиться?

— Потому что они люди. Живые человеческие существа, и им нужна помощь, вот почему. Мы никогда никого не выгоняли из Пантер-Ридж.

— Выгоняли, конечно! Мы убивали тех, кто оказывался поддельными людьми. Откуда мы знаем, что эти трое — настоящие? Как насчет этого парня, Джека Воупа? Меня от него в дрожь бросает. Он выглядит так, словно может съехать с катушек в любой момент, — Дейв покачал головой. — Оливия, мы не можем проверить их соляным раствором. Никто не дает нам гарантий, что они настоящие люди.

Джефферсон видел, как мужчина качает головой. Похоже, скала не желала сдвигаться.

— Могу я спросить, куда вы направляетесь? — спросил он.

— В Денвер, — ответила Оливия. — У нас много раненых людей на борту, и мы хотим найти медикаменты.

— Может быть, я смогу помочь, — сказал бывший продавец, решивший поднять ставку, как только услышал волшебное слово. — Я врач, — он подумал, что детали хорошо приукрасят ложь. — Работал кардиологом в Литл-Роке.

— Я жил в Арканзасе, — сказал Дейв, тоже ступивший на дорожку лжи. — Как звали президента, который раньше был там губернатором?

— Уильям Джефферсон Клинтон, — без запинки ответил Леон Кушман, который позаимствовал имя «Джефферсон» у этого самого политика, после того, как получил его автограф на фотографии. Там был запечатлен сам Леон — семнадцатилетний ухмыляющийся волонтер, стоявший между Биллом и Хиллари. Он навсегда запомнил слова Клинтона, сказанные ему тогда: «Ты — комета с огненным хвостом, верно?» Те выходные закончились вечеринкой, где Леон курил косяки и обсуждал порнофильмы со студентом юридического факультета по имени Джейсон Биль, который позже стал сенатором от штата Миссури, а сейчас формально являлся — или уже нет — президентом того, что раньше называлось Соединенными Штатами. — Также известный, как «Скользкий Билл», — продолжил Джефферсон, нахмурившись. — Это проверка?

Этот хохмач — наверняка человек, подумал Дейв. Скорее всего. Но все же...

У него было плохое предчувствие. Станный парень еще несколько раз моргнул — слишком быстро и нервно. Невысокий лысый

мужчина переминался с ноги на ногу, словно стоял на горячей сковородке.

— Черт, — буркнул Дейв себе под нос. Им нужно было поторопиться. Близился закат.

— Нам пора ехать, — сказала Оливия, словно прочитав его мысли. — Хорошо, давайте на борт, — последняя реплика была адресована троим путникам.

— Но вы будете стоять впереди, — добавил Дейв. — Так, чтобы я мог за вами наблюдать.

— Спасибо, — сказал Джефферсон, воспрянув духом. — На самом деле, я не горю желанием возвращаться в Денвер... но выбирать же не приходится, верно?

— Просто заткнись и залезай в автобус. И присматривай за своим приятелем. Не хочу, чтобы он слетел с катушек и навредил кому-нибудь. Запомни: любая неприятность — и мы вас высадим.

— Как скажете, — согласился Джефферсон, в мыслях посылая Дейва с его предупреждениями далеко и надолго.

— Меня зовут Оливия Куинтеро, а это Дейв МакКейн, — представилась Оливия, когда незнакомцы вошли в автобус. — Мы прятались в жилом комплексе Пантер-Ридж, но сегодня утром в него врезался корабль Горгонов, — она содрогнулась, вспомнив нечто, взорванное Итаном. — У вас в рюкзаке есть еда и вода?

— Еда есть, — ответил Джефферсон. — Воды нет.

— Я дам вам немного. Думаю, вы хотите пить.

— О, это точно! — выдохнул Рэткофф. — Умираю от жажды!

Они протиснулись вглубь салона под испепеляющим взглядом Ханны, но, когда Оливия кивнула ей, та убрала пистолет и закрыла дверь автобуса.

— Трогаемся! — крикнула Ханна остальным пассажирам, и направила автобус вперед по длинной дороге, ведущей к шоссе I-25, а затем в сторону Денвера.

Оливия попросила пассажиров сзади передать одну канистру с водой. Дейв не переставал следить за тремя вновь прибывшими, на всякий случай держа свой «Узи» наготове.

— Где вы провели прошлую ночь? — спросил он, адресовав свой вопрос Рэткоффу.

— На ферме, — ответил Джефферсон. — Но...

— Я его спрашиваю, — огрызнулся Дейв. — А ты заткнись, пока я не разрешу тебе говорить.

— Послушайте, — Джефферсон повернулся к Дейву. Их лица разделяло всего несколько дюймов. Проводник бросил быстрый взгляд на «Узи», нацеленный чуть южнее его пупа, на его Божий дар. — Что вы докапываетесь, Дейв? Я ведь могу называть вас Дейв?

— Ты можешь называть меня Мистер Осторожность. Нам встречались твари, которые пытались сойти за людей, а на деле оказывались... кое-чем другим. Это существа, созданные либо Горгонами, либо Сайферами в своих гребаных лабораториях Франкенштейна. Вот почему я готов не задумываясь перестрелять вас троих при первом же признаке угрозы. И пока вы не заставили меня изменить мнение.

— Надеюсь, ваш автомат хотя бы на предохранителе. Иначе, стоит нам наехать на кочку, вы можете устроить тут полный бардак, Дейв.

— Рэткофф, так где вы провели прошлую ночь? — упорствовал Дейв.

Надо отдать ему должное, Рэткофф колебался всего несколько секунд.

— Как и сказал Джефф... это был фермерский дом. Не знаю, как далеко отсюда, но мы шли долго. У меня ноги отваливаются.

— Почему вы не остались там?

Рэткофф пожал плечами, все еще сохраняя спокойствие.

— Тот дом наполовину сгорел и даже от дождя не защищал. К тому же мы искали людей... не сумасшедших. И... ну, вы понимаете... нас всего трое. Долго бы нам удалось продержаться втроем?

Хороший ученик, подумал Джефферсон. *Все схватывает на лету.*

Воуп стоял неподвижно рядом с ним. Что ж, сойдет и так, решил Джефферсон. Пусть все думают, что этот идиот в шоке и не может говорить. Горгоны не понимали многих тонкостей словесного общения, поэтому что бы Воуп ни сказал, это прозвучит, словно малограмотный школьник цитирует Шекспира. По крайней мере, теперь он моргал вовремя... по большей части. А вот рот на замке пусть держит и дальше.

Когда с задних рядов прибыла канистра с водой, Джефферсон сделал глоток, воспользовавшись возможностью оглядеться. Автобус был набит битком, так что трудно было разглядеть кого-то позади МакКейна и женщины. На глаза попался светловолосый молодой человек, не старше девятнадцати лет, с окровавленной тряпкой, обмотанной вокруг головы и измученными глазами, но он явно не тот, кого они искали. Он вспомнил свою суровую девку-детку, которая сказала: «Ты узнаешь мальчика, когда найдешь его, мой Джефферсон», после чего он погрузился в наркотический сон без сновидений, который не был настоящим сном, в комнате, которая не была настоящей комнатой. Скорее всего, во время этого сна Горгоны встроили в него какой-то сенсор вдобавок к стимулятору боли на шее, потому что Джефферсон был совершенно уверен, что светловолосый юноша — не предмет их поисков. Поблизости больше никто не подходил на роль искомого мальчика, поэтому Джефферсон решил, что таин-

ственный субъект находится где-то в конце салона. Мальчик точно должен быть здесь, иначе Воуп не настаивал бы на том, чтобы остановить автобус. О, да, он был здесь. И когда придет шанс забрать его, Джефферсон об этом узнает. Он надеялся только, что Горгоны телепортируют их отсюда до того, как заголосит «Узи» Дейва МакКейна.

— Еще один глоток, и передавай, — скомандовал Дейв.

— Конечно, — Джефферсон послушно передал канистру Рэткоффу, который принялся шумно пить. Затем Рэткофф закрыл крышку пластиковой баклаги и сунул ее Воупу, но Горгон продолжал стоять на месте, уставившись на протянутую ему посудину так, словно ему предложили выпить полгаллона мочи Сайфера.

— Ты не хочешь попить, Джек? — спросил Джефферсон, голосом, полным братской заботы и снисходительности к человеку, который потерял рассудок после выпавших на их долю испытаний. — Давай, я тебе открою.

Он знал, что не только МакКейн и женщина наблюдают за ними — остальные тоже не сводили глаз. Джефферсон открутил красную крышку и обратился к Воупу, как к умственно-отсталому.

— Открой рот, Джек.

Руки Воупа пришли в движение. Он взял канистру, и в его темных глазах мелькнул озлобленный блеск.

— Я знаю, что делать, — огрызнулся Воуп. — Идиот.

Горгон приложился к горлышку баклаги, следуя примеру своих спутников. Только Джефферсон заметил, как эта тварь вздрогнула — всего на секунду — как будто жидкость была протухшей или испорченной. Воуп сделал небольшой глоток, а потом позволил остаткам воды стекать по его черной бороде. Затем он передал канистру Джефферсону, который закрыл ее и вернул Оливии.

— Благодарю вас, — сказал он, одаривая ее своей очаровательной улыбкой южанина, но не такой броской, чтобы вызвать чье-то раздражение. Автобус продолжал двигаться в горку по I-25. Джефферсон заметил, что МакКейн чуть ослабил хватку на своем «Узи».

— Я представляю, как много вам пришлось пережить, — вновь обратился он к Оливии. — Нам всем пришлось. Каждому.

Она кивнула.

— Хорошо, что мы вас встретили. Вы сможете помочь Джей Ди с ранеными, когда мы найдем медикаменты. Он наш доктор.

— О, — Джефферсон моргнул и испугался, что его реакция была слишком заметной. — Конечно.

Пока автобус ехал по I-25, Итан стоял примерно в пятнадцати футах от Джефферсона Джериho, в окружении других выживших, державшихся за все, что попадалось под руку. Итан не видел вновь прибывших — люди закрывали ему обзор, но его сердцебиение вдруг

участилось, а в груди и спине началось неприятное покалывание. *Должно быть, это болят ушибы*, решил Итан.

И вдруг ощущение стало четким и ясным.

Тревога!

Словно сработала внутренняя сигнализация.

Но почему? подумал он.

Итану так и не удалось разглядеть трех незнакомцев, но он вдруг понял, что они не те, за кого себя выдают. Его первым желанием было пробиться вперед и поговорить с Дейвом, или позвать его сюда, но в следующую секунду он передумал. Дейв, скорее всего, не захочет оставить Оливию с теми «людьми», которых они взяли на борт. И не исключено, что у этих незнакомцев сработала похожая тревога. Для чего же они пришли сюда? Что они собирались сделать? Разнести автобус на части и убить всех?

Нет, подумал Итан. *Они здесь не для того.*

Он не мог знать, зачем эти «люди» оказались здесь, и нападение на автобус представлялось наиболее вероятной целью. И все же... он чувствовал, что ими движут иные мотивы.

Лучше подождать, сказал Итан сам себе. Выгадать время, присмотреться к этим троиц и понять, что они собой представляют.

Его сердцебиение начало замедляться. Покалывание в теле, едва не заставившее его начать чесаться, несмотря на плотное кольцо окружающих его людей, к счастью прошло. Итан с иронией подумал — вот они удивятся, если он задерет футболку и поиграет сам с собой в крестики-нолики серебрястыми чернилами на темной поверхности своей груди.

Никки все еще поглядывала на него со своего места. Итан чувствовал ее взгляд, буквально сверлящий его в поисках ответов. Он немного побаивался, что Никки может сломаться и начать кричать, что среди них опасный урод, непонятное существо, которое нужно выбросить из автобуса и застрелить на обочине дороги...

...среди них пришелец.

Итан заставил себя успокоиться. Они миновали несколько разбитых машин и грузовик, перевернутый набок. Что-то хрустнуло под шинами; возможно, Ханна только что переехала чей-то труп. Лучше бы труп Серого человека, которого загрызли собственные собратья.

Впереди ждал Денвер. И гора Уайт Мэншн. Мальчик, воскресший из мертвых, больше не чувствовал себя обычным человеком, он ощущал в себе примесь чего-то потустороннего, чужого — оно укуреносилось внутри него и не желало покидать своего места. С каждым часом его голос не затихал, а становился все настойчивей. Найти бы хоть один ответ...

Ответы есть, подумал Итан. *Но мне они не понравятся.*

Он не знал, почему считал именно так. А еще он подозревал, что прибытие к горе Уайт-Мэншн принесет с собой больше вопросов, нежели ответов.

Но сначала нужно добраться до Денвера. Скоро опустится темнота, и Серые люди вылезут на охоту — алчущие плоти странников, которые ищут себе новое убежище.

Ханна включила фары, но зажглась лишь одна.

— Зараза, — пробормотала она.

Автобус продолжал двигаться в надвигавшейся темноте, иногда перемалывая под своими колесами кости, что лежали на треснувшем бетоне, словно древние руны, указывающие путь в самое сердце тайны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Глава семнадцатая

Вести одноглазый автобус через обломки, разбросанные по I-25, было непростой задачей. Даже для водителя, которой однажды прямо на ходу детишки засунули в волосы липкий комок из целой пачки разжеванной жевательной резинки. Или имевшей дело со школьником, которого в дождливое утро понедельника вырвало овсянкой ей на колени. Вне досягаемости света единственной фары мир заволакивала непроглядная тьма. Время от времени слабый пучок света выхватывал из мрака очертания сгоревших автомобилей. А еще на дороге валялось множество скелетов... или только частей скелетов, но Ханна Граймс не позволяла своим нервам разыграться, и вела автобус не быстрее десяти миль в час. Небольшая скорость была безопаснее, ведь во время быстрой езды можно не заметить скрытое в темноте препятствие или рытвину на шоссе.

Ханна вдруг воскликнула:

— Дерьмо! — в следующий миг она круто повернула руль влево и пересекла сплошную полосу, спасая своих пассажиров от опасности. Автобус миновал глубокий кратер, и Ханна, переведя дыхание, включила внутреннее освещение, бросившее на лица выживших жалкие лучики тусклого желтого света.

Дейв МакКейн все еще наблюдал за тремя новичками. Ему не нравилось, как от них пахло. Ему не нравился тип, назвавшийся кардиологом, который разговаривал, как заправский продавец поддержанных автомобилей. Не нравилось то, что у него был уклончивый и осторожный ответ на любой вопрос. Ему не нравился лысый Рэт-

кофф, который потел и нервничал, словно на допросе с пристрастием. А особенно ему не нравился этот Джек Доуп... или как его там? Воуп? Странное имя. Дейву не нравилось, как этот чудик стоял, словно статуя, и вглядывался в темноту, сосредоточенно моргая с одинаковым интервалом. Это выглядело странно. Вид этого парня наводил Дейва на мысли о том, что он запросто может впасть в ярость и начать крушить все вокруг, включая людей, которым не посчастливится оказаться поблизости. Дейву оставалось лишь надеяться, что этого урода удастся вовремя урезонить. Но он не был уверен в своих силах, потому что совершенно вымотался и находился на грани обморока от усталости.

— Мы могли бы уже увидеть Денвер, — сказала Ханна. — Я хочу сказать, мы увидели бы его, сохранись там хоть какие-то городские огни.

Но впереди лежала только ночь; тусклому свету фары открывался лишь скудный участок протянувшегося вперед шоссе, на котором валялось множество высохших человеческих останков. Иногда Ханна не могла их объехать, и колеса прокатывались прямо по костям. От переднего колеса отскочил и запрыгал по дороге череп.

Джефферсон Джерихо не был готов к такому. Все эти человеческие останки, буквально засорившие шоссе... и ведь большинство из них еще не превратились в скелеты, но казались обглоданными. Кем? Животными, выбравшимися из своего логова на пирушку? Да, должно быть, так. Пока Джефферсон смотрел в темноту, туда, где должен был находиться город Денвер, он в полной мере осознал, от чего Горгоны оградили его и остальных жителей Нового Эдема. Эта жуткая реальность была куда более отвратительной, чем мог выдержать человеческий дух — от ее безнадежности и жестокости подкашивались колени. Джефферсон отчаянно хотел вернуться в Новый Эдем к проточной воде, электричеству и ложному солнцу... Да и ко всему прочему ложному. То место, по крайней мере, было лучшим утешением. Он даже скучал Регине, потому что надеялся — когда-нибудь, после того, как эта война закончится, она поймет, что он лишь пользовался теми дарами, которыми наградила его Господь, и перестанет ненавидеть его.

Он вспомнил, что говорила его девка-детка в той ложной французской спальне. *Мы многое дали тебе, мой Джефферсон. Много. И многое из этого можем отнять.*

Он содрогнулся. *Иисус милосердный*, подумал Джефферсон, пока автобус двигался через нескончаемую ночь, *я ни за что не сумел бы выжить в таком жутком мире.*

Поэтому мальчика необходимо забрать. Кем бы он ни являлся, и какой бы ни был наделен силой, его необходимо забрать — чем скорее, тем лучше.

Джефферсон заметил, что Воуп слегка повернул голову. Возможно, он собирался прочесть его мысли, расколотые на части страхом. Показался ли Джефферсону намек на самодовольную, высокомерную улыбку в уголках губ Горгона? Мог ли Воуп вообще знать, как улыбаться? Воуп отвернулся, и теперь об этом можно было только гадать.

Стоя в переполненном автобусе позади Дейва и Оливии, Итан пришел к выводу, что медлить больше нельзя. Он так и не дождался нападения со стороны трех новичков, но ощущение внутри подсказывало ему, что эти трое — как ядовитая змея, которая может в любую секунду броситься в атаку из своего укрытия. А еще Итан знал, что среди вновь прибывших скрывается Горгон в человеческом обличье.

Все люди в автобусе были в опасности. Он должен был что-то предпринять, прямо сейчас. Поэтому Итан начал продвигаться вперед.

— Извините, — тихо проговорил он. — Извините... можно мне пройти, пожалуйста? Извините, простите...

Пробравшись мимо выживших из Пантер-Ридж, Итан, наконец, добрался до Дейва и Оливии. Здесь же он увидел и троих мужчин, стоявших в передней части салона, лицом к мертвому городу. Один из незнакомцев медленно повернул голову, и маленькие черные глаза, напоминавшие бусинки кремния, обратились к мальчику. Эти глаза словно поймали и удержали взгляд Итана, завладели его вниманием, и он понял, что оказался в поле зрения врага.

— Дейв? — произнес Итан.

— Что такое? — спросил МакКейн, с ноткой беспокойства в голосе.

Горгон все еще смотрел на Итана. Внезапно, другой новичок тоже повернулся и уставился на него. Это был мужчина с растрепанными темными волосами и небольшой бородой. Хотя он выглядел, как грязный бродяга, его лицо показалось Итану слишком мягким, слишком красивым и изнеженным, не похожим на лицо человека, пережившему все тяготы войны. Его внешний облик походил на умелую маскировку, но, тем не менее, это был человек. И всегда был человеком... как и третий, тот, лысый. Но все же...

— Что случилось? — спросила Оливия, видя, что Итан медлит с ответом на вопрос Дейва.

У темноволосого человека блеснули глаза. Казалось, он узнал мальчика. Лицо его на несколько секунд застыло, затем губы растянулись в улыбке, как облака расступаются перед солнечным светом.

— Привет, — сказал он. — Как тебя зовут?

— Берегитесь, впереди большая яма, — предупредила Ханна, — Придется круто поворачивать. Всем держаться!

Автобус вильнул вправо. Свет фары выхватил из темноты фуру, съехавшую в кювет с правой полосы. Ханна, стиснув зубы, успела отреагировать, но автобус все же чиркнул по прицепу фуры, послышался стон измученного металла. Некоторые пассажиры вскрикнули от испуга, но не слишком громко; сил на крики уже ни у кого не осталось. Тем не менее, Ханна попыталась успокоить их:

— Все нормально, не верещите, как дети малые!

— Хочешь подойти сюда? — спросил Джефферсон Итана.

Вот он, тот мальчик, понял он. Но ведь в этом ребенке нет ничего особенного... или есть?

— Ну, давай, смелей, — он поманил мальчика рукой, которая немного дрожала, а голос звенел от волнительного ожидания.

— Не разговаривай с ним, — приказал Дейв. — Он не знает тебя, а ты его. Так что нечего!

— Я просто подумал, что мальчик решил пройти вперед, немного продышаться. Там же сзади, похоже, яблоку некуда упасть.

— Все у него нормально с дыханием. Итан, что ты хотел?

Итан, повторил про себя Джефферсон. Его глаза прищурились. *Давай, Итан, подойти. Позволь мне положить на тебя руки.*

Горгон, не мигая, смотрел на мальчика. Затем, вспомнив, существо быстро моргнуло... раз-два-три... и снова раз-два-три. Итан был шокирован. Казалось, холодные пальцы прикоснулись прямо к его мозгу и попытались нащупать слабое место. Пальцы словно скребли по кирпичам в поисках бреши, и все же Горгон не мог нащупать то, что хотел.

Итан осознал, что кирпичная стена его сознания остается достаточно прочной, и он может собраться с мыслями и уделить внимание Дейву. Пальцы, скребущие по стене, становились все настойчивее, сильнее и яростнее, но пробиться сквозь преграду они не могли.

Итан уже собирался сказать, что мужчина с черной бородой — один из Горгонов, но решил проверить себя. Он вообразил, как его рука сверкает серебром, а пальцы становятся длиннее и тоньше. Он представил, как его серебряная рука тянется мимо Дейва и Оливии, и длинные пальцы касаются головы существа с черной бородой, а затем пронзают искусственно созданный из какого-то неизвестного материала череп. И тогда Итан увидел...

...Он увидел болотистый пейзаж с коричневыми древовидными отростками, пробивавшимися сквозь суп из мокрого тумана. Их формы наводили на мысль о страшных муках, они напоминали ободранные кактусы, шипы которых торчали прямо из кровотокащей плоти. Хищные птицы с серой плотью и длинными клювами, усеянными

многочисленными зубами, парили под облаками. Время от времени, они нападали на существ, напоминающих крабов или угрей, скользящих сквозь блестящую красноватую жидкость, больше похожую на ртуть, чем на воду. Затем сцена сменилась... кадры мелькали, как при плохом монтаже, или словно фильм включили на ускоренную перемотку... Теперь, под небом с двумя лунами, показался большой город с тысячами невысоких зданий, похожих на глинобитные хижины, задуманные взвешанным разумом и построенные чуждыми инструментами. Голубые ступки света перемещались по городу, освещая фигуры наполовину идущих, наполовину скользящих по узким улочкам существ. Снова мелькание кадров и смена сцены... В некоей пещере машины создавали странной формы объекты, вид которых заставил бы содрогнуться любого земного жителя. Итан подумал, что это место, наверное, находится глубоко под землей. Что-то вроде лаборатории. Убежище теней и блуждающего синего света. Возможно, здесь проводились исследования и создавались все более и более мощные орудия для убийства врагов. Место силы, которую человеческий разум неспособен постичь. Здесь стены дышали своей искусственной жизнью и пестрили цветами горгонских военных кораблей.

В окружении пульсирующих машин, в мерцающем свете синих энергетических шаров, стояла фигура, которая словно манила Итана своей чешуйчатой пятипалой лапой. Тело существа скрывала черная кожистая мантия, над которой возвышалась едва различимая голова. Лицо твари заставило Итана покрыться липким потом, хотя он знал, что все это нереально, а лишь воспоминания Горгона, таившегося под искусственной личиной и смотревшего на мальчика гипнотическим взглядом прищуренных немигающих глаз. Пугающее существо манило Итана, пока он не оказался так близко, что разглядел змеиную усмешку и обнажившиеся острые влажные клыки. Мальчик ощутил леденящий ужас, который вполне мог обратить человека в камень.

Он больше не мог это терпеть. Итан выскользнул из сознания пришельца, и это далось ему нелегко; как если бы ему пришлось вытянуть руку из стремительно утягивающей ее трясины.

Он ощутил огромную силу, заключенную в Горгоне, что стоял всего в нескольких футах от него. Дейв и Оливия находились между ними. Итан чувствовал угрозу, нависшую над всеми пассажирами автобуса. Этот пришелец запросто мог убить здесь всех и вся, для него это стало бы лишь детской забавой. Но когда Итан и Горгон встретились взглядами, в голове мальчика мелькнула мысль, рассеившая его страх. Она прозвучала в сознании так ясно, словно Итан произнес эти слова вслух:

Я могу уничтожить тебя.

Горгон моргнул: раз-два-три.

— Эй! — внезапно воскликнула Ханна. — По-моему, я вижу свет! Там какое-то сияние в небе над...

Вдруг что-то с силой врезалось в правый бок автобуса.

— Какого черта?! — вскрикнула Ханна, так и не закончив предыдущую фразу. Она чуть прибавила скорость. — Во что мы врезались?

Маленькая безобразная фигура забралась по корпусу автобуса и прильнула к одному из окон примерно в середине салона. Пассажиры потрясенно молчали. Тварь напоминала девяти- или десятилетнего мальчика, в оборванных лохмотьях одежды. На пальцах существа росли присоски, как у осьминога. Глаза на совершенно лысой молотообразной голове так глубоко погрузились в подобие лица, что их почти невозможно было рассмотреть. Кожа имела пепельно-серый оттенок, как прах после всепожирающего огня. Глядя в окно автобуса, Серый ребенок вдруг ухмыльнулся, словно обрадовался такому количеству живого мяса, а затем его голова рванулась вперед и разнесла стекло на куски.

Люди заорали.

— Святой Боже! — воскликнул Рэткофф, тут же обмочив штаны. Серый ребенок упорно пробирався через окно в салон автобуса, на его уродливом лице блестела злая улыбка-оскал.

— Кто-нибудь, стреляйте в него! — закричал Дейв. Он выхватил свой «Узи», но медлил — слишком много пассажиров оказались на линии огня. — Стреляйте! — крикнул он снова, когда тварь потянулась и ухватила Кармен Ньегу за волосы.

Раздалось два грохочущих выстрела из пистолета 45-го калибра, и Серый ребенок вздрогнул, получив две пули в грудь, однако все же привлек кричащую Кармен к себе и широко раскрыл рот. Но тут кусок ржавой арматуры врезался существу в лицо, и вдобавок Джей Ди выстрелил прямо в молотообразную голову твари. Серый ребенок с недовольным шипением вывалился за окно, забрав с собой прядь волос Кармен.

Что-то ударило автобус сзади с такой силой, что прогнулась задняя дверь. Стекло на ней пошло трещинами. По звуку удар напоминал выстрел. Ханна воскликнула:

— Черт! — ее нога с силой вжала в пол педаль газа, и сейчас ей было плевать на любые препятствия, поджидавшие на пути.

Сильные руки Серого человека ухватились за раму окна, разбитого ребенком, и подтянули тело. Из груди и плеч этой коренастой твари росли искривленные красные шипы. Серый издал низкий грудной рык и забросил себя в автобус, несмотря на то, что в него стреляли Джоэль Шустер и Пол Эдсон. Зажатым в тесноте салона людям некуда было деться; существо бросилось к Гэри Рузе и пронзило его своими грудными шипами. Страшные клыки разорвали горло Гэри и

глубоко вгрызлись в шею, но латиноамериканец с белоснежной бородкой приставил дробовик к самой голове твари и выстрелил из обоих стволов.

Еще одно существо — худое и жилистое, с гротескным уродливым лицом, черты которого почти полностью стянулись к центру лба, и с наростом в виде жуткой морды на правой щеке — начало карабкаться в окно. На спине у него сидела женщина с головой, похожей на топорик, и со второй женской головой, растущей из плеча. Бежать было некуда. Те, у кого не было оружия, сбились в кучу на другом конце салона. Оглушающие выстрелы пистолетов и винтовок сопровождались дикими воплями. Двое пассажиров стали жертвами монстров, прежде чем их уничтожили: одному мужчине оторвали руку выше локтя, а лицо молодой женщины превратилось в обглоданные ошметки — ее атаковала седовласая серая тварь с вросшей в нее сестрой.

Автобус под управлением Ханны резко вильнул из стороны в сторону. Дейв попытался прорваться к разбитому окну, и Итан убрался с его пути. Оливия стояла рядом с мальчиком, спиной к трем новичкам. Внезапно красивый мужчина с темными волосами и бородой стиснул зубы и двинулся вперед. Его руки вытянулись, будто он собирался схватить Итана за плечи, и в этот момент мальчик взглянул ему в глаза и увидел в них то, что мог описать лишь одним словосочетанием: водоворот ужаса.

— Господи Иисусе! — завопила Ханна и выжала тормоз.

Джефферсон Джерихо споткнулся и пролетел мимо Итана, который успел схватиться за спинку ближайшего кресла. Одна из рук проповедника задела предплечье мальчика, но другая поймала лишь воздух. Джефферсон врезался в Оливию и упал на колени в проходе. Свет единственной фары выхватил из темноты перед Ханной десятки Серых людей. Поток этих чудовищ наводнил шоссе, они бросились к автобусу, и Ханна поняла, что их здесь не десятки, а сотни! Они бежали, ползли и ковыляли. У одних кожа отвисла, как у древних стариков, у других была упругой и обтягивала горы смертоносных мышц.

В считанные секунды Серые облепили переднюю часть автобуса и принялись карабкаться вверх через ветровое стекло. Рэткофф упал и захныкал, а Воуп бесстрастно смотрел на надвигающуюся массу людей, уже не являющихся людьми.

— Газуй! — закричала Оливия Ханне, когда увидела, что желтый капот автобуса полностью покрыли серые тела.

Ханна сумела выполнить команду. Автобус 712 выпустил из выхлопной трубы облако черного дыма и рванул вперед, как ретивая лошадь. Серые люди повалились с капота, и колеса подпрыгнули,

словно автобус собирался взлететь. В передний бампер врезалось все больше и больше тел, и шины скользили по ним, нещадно давя их массой автобуса, переполненного людьми. Два самых крупных чудовища сумели удержаться, и один из них ударил кулаком по лобовому стеклу. Кулак прошел сквозь стекло, словно через лист бумаги, и Берг Рэткофф завизжал, как женщина.

— Пошел вон с моего автобуса! — зарычала Ханна. В дополнение к этому требованию она дважды выстрелила из своего шестизарядного пистолета, пробив лобовое стекло, но сумев сбросить мутанта на землю. Затем она выстрелила в голову второму Серому, прежде чем тот успел пустить в ход кулаки, и пуля проделала еще одну дырку в стекле.

И Оливия и Итан понимали, что тварей слишком много. Серые люди лезли в автобус со всех сторон и, казалось, еще сотни поджидали впереди.

— Гони, гони! — орал Дейв, пробиваясь вперед. Джефферсон Джерихо свернулся калачиком в проходе на полу, стараясь найти хоть какую-то защиту среди других тел, но это не помешало Дейву пройти по его попавшейся на пути руке и вдавить ее в пол тяжелым ботинком. Послышался хруст костей под жесткой подошвой, в руке вспыхнула дикая боль, и успешный продавец и пылкий любовник вдруг осознал, что ему только что переломали все пальцы.

Ханна пыталась сохранять скорость, но автобус тормозили застревающие под колесами Серые люди. Двигатель взревел, когда шины потеряли сцепление с дорогой. Все больше тварей карабкалось по капоту, и один — с парой рук, напоминающих по форме дубинки, и еще одной парой дополнительных коротких конечностей — подобрался к стеклу, чтобы закончить работу своего убитого товарища.

В этом хаосе Итан оглянулся, ища взглядом одного-единственного человека.

Он увидел Никки, зажатую другими пассажирами, стремящимися оказаться как можно дальше от разбитого окна. В окно все еще пытались пролезть Серые люди. Пока с Никки все было в порядке, но эта битва еще не закончилась.

Ослепительный белый свет залил автобус. За ним немедленно последовали смертоносные очереди из двух спаренных пулеметов. Красные трассеры мелькали в воздухе прямо перед лобовым стеклом, и Ханна ударила по педали тормоза, чтобы не напороться на пули. Но неизвестный стрелок знал свое дело. Трупы Серых людей градом сыпались с капота автобуса; тому, чьи руки подошли к дубинке, попросту оторвало голову. Однако ни одна пуля не пробила лобовое стекло и не повредила капот. Пулеметы продолжали стрелять, сметая серых тварей. Те, кто не погиб сразу, развернулись и бросились

прочь, карабкаясь друг по другу, но пули настигали их и рвали на куски.

Прищурившись от ярких вспышек выстрелов, Итан все же разглядел автомобиль, идущий справа от автобуса. Огромные шины были усилены шипами.

— Боже правый! — воскликнул Дейв. — Броневик!

Ослепительный луч прожектора броневика преследовал толпу из десятков Серых людей, мчавшихся прочь от помятого желтого автобуса. Пулеметные очереди скосили часть из них, но остальные скрылись в ночной темноте. Затем раздался глухой звук. И через три секунды, выхваченное прожектором из тьмы желтое такси, за которым прятались существа, взлетело на воздух. Горящие остатки пепельных туш взметнулись вверх.

— У них гранатомет! — хрипло выкрикнул Дейв.

Бронированная машина была окрашена серо-стальной цвет, ее массивный передний бампер защищали металлические шипы. Пулеметы все еще стреляли, прожектор неустанно находил во мраке мутантов, бегущих по трассе. Вторая граната взорвалась примерно в пятидесяти ярдах. Затем грохот выстрелов затих, и броневик обогнал автобус и повернул, преграждая путь. Его мощные шины захрустели по костям, превращая то, что когда-то было людьми, в однородную серую массу. Свет прожектора залил салон автобуса.

Послышался треск громкоговорителя.

— Неплохая ночка для перестрелки! — прозвучал саркастичский женский голос. — Кто-нибудь, выходите и поговорите с нами. Только не заляпайте дерьмом ботинки.

Дейв повернулся к Оливии.

— Я пойду, — заявил он, бросив быстрый хмурый взгляд на Итана, а затем на других пассажиров. Некоторые рыдали от пережитого ужаса, другие были ранены, но большинство отделались лишь испугом. Он увидел Джей Ди, которого поддерживали Джозель Шустер и Диего Карвазос. Кто-то пытался помочь Гэри Рузе, хотя было очевидно, что Гэри уже покинул этот безумный мир. Такой смерти врагу не пожелаешь, но теперь он хотя бы отмучился. Ремень Гэри использовали в качестве жгута, завязав вокруг превращенной в кровавое месиво руки Аарона Рэмси. Две женщины пытались ухаживать за Лилой Конти, но раны ее были слишком серьезными.

Итан отметил, что Горгон все это время стоял неподвижно. Дейву придется миновать его на пути к двери автобуса.

Посмотри на меня, мысленно приказал он, и Горгон повиновался.

Только тронь этого человека, и ты умрешь, вновь беззвучно проговорил Итан. Он не понимал, как у него это получается, но был уве-

рен, что мог взорвать это существо силой мысли, так же, как взорвал пилота горгонского корабля на развалинах Пантер-Ридж. Чтобы доказать серьезных своих намерений, он воскресил в памяти образ взорванного пилота и мысленно отправил его пришельцу, с помощью воображаемых серебряных пальцев.

Инопланетянин стоял неподвижно, по его непроницаемому лицу невозможно было ничего прочесть.

Дейв прошел мимо Джека Воупа и вышел из автобуса, через открытую Ханной дверь.

Шоссе усеивали беспорядочно разбросанные серые тела, некоторые из которых все еще шевелились и делали попытки уползти.

— Положите оружие на капот и оставайтесь на свету, — скомандовала женщина в громкоговоритель. Дейв послушался команды и шагнул вперед, переступая через серые руки, ноги, торсы и головы.

В крыше броневика откинулся люк. Из него показалась и прыгнула на дорогу стройная фигура в камуфляжной форме. На женщине был также оливково-зеленый шлем с гарнитурой. Луч прожектора чуть приподнялся, чтобы не светить Дейву в глаза, но женщина в форме включила маленький фонарик и изучила незнакомца.

— Хорошая стрельба, — сказал Дейв. Он все еще чувствовал страх после нападения Серых, который едва не заставил его броситься к ногам, обутым в высокие солдатские ботинки, чтобы обнять их. Но Дейв взял себя в руки и даже постарался сдержать дрожь в голосе. Руки, правда, все равно дрожали.

— Стреляла не я, — сказала женщина. Это был тот же голос, что раньше доносился из громкоговорителя. — Но я передам Джаги ваш комплимент. Жертвы есть?

— Один мертв. Другому мужчине почти оторвало руку, а у одной женщины серьезные раны на лице. На борту у нас много раненых, некоторые в крайне тяжелом состоянии. Вы... сможете нам помочь?

— Принято, — слово было обращено не к Дейву, а к кому-то, кто слышал ее через гарнитуру. — Хорошо. Как тебя зовут?

— Дейв МакКейн.

— Веди своих людей за нами, Дейв. Мы будем двигаться медленно, в полной боевой готовности. В этом городе тысячи подобных тварей. Точнее... в том, что раньше было городом. Возвращайся в автобус, — велела она, и повернулась к своей бронированной машине.

С неба вдруг донесся резкий визг. Нечто, пульсирующее ярко-голубым светом, пронеслось в миле отсюда, а за ним последовали три красных пламенных шара, вращающиеся вокруг друг друга, как атомы в молекуле. Женщина-солдат даже не подняла глаз.

Добро пожаловать в Денвер, подумал Дейв. Он был так рад видеть вооруженных американских солдат, что хотелось рыдать от об-

лечения. Но он не мог показывать своих чувств, ведь должен быть сильным ради остальных. Поэтому, забираясь в автобус, Дейв отер промокшие от слез глаза тыльной стороной ладони, не забыв перед этим забрать свой «Узи» с капота. Усталость ноющей болью растекалась по его костям, но он заставил себя двигаться дальше.

Глава восемнадцатая

В небе разливалось сияние, а на земле под ним раскинулся огромный торговый центр, ныне превратившийся в крепость, укрепленную во много крат основательнее, чем комплекс Пантер-Ридж.

На подступах к центру, помимо колючей проволоки, установили дополнительное ограждение из металлической сетки, за ней высилась стена из кирпичей и камня, в соединения которой были вмурованы осколки разбитых бутылок, куски металла... все, что было в той или иной мере опасным и могло поранить. Среди этой смертельной полосы препятствий виднелись тлеющие трупы примерно дюжины Серых людей. Остатки некоторых изувеченных тел были раскатаны по дороге и уже превратились в серое желе.

По периметру стены вокруг торгового центра возвышались сторожевые вышки с плоскими крышами, оснащенные пулеметами. Два прожектора, работающих от генераторов, направляли свет на броневик и следовавший за ним школьный автобус. Стоило им приблизиться, как огромные ворота, усеянные металлическими шипами, поползли вверх, подобно воротам средневекового замка. Как только броневик и автобус въехали на территорию, заскрипели цепи, опуская ворота.

Часть торгового центра была хорошо освещена. На парковке стояло немало автомобилей и несколько армейских грузовиков. Дейв заметил еще один броневик. Когда Ханна вела автобус за первым бронеевтомобилем по главной подъездной дорожке к торговому центру, она — одновременно с Оливией, Дейвом и Итаном — заметила комитет по встрече, насчитывающий десяток вооруженных автоматами солдат. Эти люди явно ожидали их. Некоторые из пассажиров автобуса застонали и даже заплакали от облегчения, но Итан продолжал оставаться настороже и следил за Горгоном и двумя другими. Человек, который пытался схватить Итана, сидел на одном из свободных сидений и баюкал искалеченную правую руку левой, в то время как Горгон почти не шевелился на протяжении всей поездки от шоссе до этого убежища. Лысый мужчина, предпочитавший оставаться рядом с Ханной, несомненно, был человеком — Итан знал это наверняка, хотя и чувствовал исходящую от него странную вибрацию. Заглянув в его

сознание, он увидел пугающую смесь воспоминаний, в которых скользили едва различимые фигуры.

Человек с раненой рукой продолжал смотреть на Итана. Он попытался ощупать правую руку, и его покрытое потом лицо исказилось гримасой боли.

Сломанные пальцы? подумал Итан. Он попытался вновь использовать невидимую серебряную руку, чтобы исследовать сознание этого человека, но наткнулся на непроницаемую сферу, защищающую его мысли и воспоминания: прошлое, настоящее, будущее... Сияние ярко-синей сферы обжигало глаза, и Итану пришлось отозвать серебряную руку. Он убедился только в одном: по какой-то причине этот мужчина помогал Горгонам, и именно они защищали его разум, тратя на это много сил, но... почему?

Потому что, решил Итан, быстро взглянув на самого пришельца и снова вернув взгляд к пешке Горгонов, *им не хотелось, чтобы кто-то вроде меня знал, зачем этот человек оказался здесь на самом деле. А он здесь из-за меня. Он пытался схватить меня обеими руками. Что, если бы ему удалось?*

Итан колебался, стоит ли рассказывать обо всем Дейву. Конечно, можно было выбросить этих троих из автобуса, прежде чем они могли бы навредить пассажирам или местным поселенцам. Но мальчик опасался, что в этом случае Горгон может разъяриться... Сейчас-то Итан контролировал пришельца, но надолго ли? Он понимал: для Горгонов имело особое значение попасть сюда, раз уж один из них рискнул нацепить на себя искусственную личину.

И все это ради того, чтобы забрать меня, подумал Итан. И тут же удивился: *меня?* Внутренний голос с уверенностью подтвердил догадку.

Автобус остановился. Ханна открыла дверь. Двое солдат с автоматами сразу же забрались в салон, внимательно осматриваясь. За ними последовал латиноамериканец с черной козлиной бородкой и грубой щетиной на лице. Он был в гражданском, одну руку держал в кармане своей желто-коричневой куртки.

— Кто у вас главный? — спросил он.

— Ну... похоже, все еще я, — вздохнула Оливия. — Меня зовут Оливия Куинтеро.

— Хорошо. Я доктор Эрнандес. Среди вас медики есть?

— Еще как есть. Меня зовут Джон Дуглас, — отозвался Джей Ди, заковыляв его сторону. — Только лодыжку повредил, а так я в норме.

Джефферсону Джерихо ничего не оставалось, кроме как поднять раненую руку.

— Я тоже врач. Джефф Кушман... Но, похоже, у меня сломано несколько пальцев, так что некоторое время от меня не будет проку,

— он бросил взгляд на Дейва МакКейна и даже ощутил радость, что эта неприятная травма руки на некоторое время помешает уличить его во лжи. Но и его задаче она могла сильно помешать.

— Сначала нужно позаботиться о тяжелораненых, — сказал Эрнандес. — Расчистите проход, насколько возможно, и приступим к делу, — его взгляд упал на трупы Серых людей, доктор ухмыльнулся и покачал головой. — Нет, сначала давайте-ка уберем отсюда это дерьмо.

Процесс пошел. Один за другим солдаты включались в работу, помогали раненым, выносили тела. Следом за телом Гэри Рузы из автобуса вытащили раненых Лилу Контти и Аарона Рэмси. Билли Бэнкрофт сыпал проклятиями, как пьяный матрос, когда его забирали, но успокоился, узнав, что в торговом центре его ждет больница с большим запасом лекарств. После этого женщина-солдат из броневика, что пришел на помощь во время схватки с Серыми людьми, вошла в автобус. Она сняла шлем, и по плечам рассыпалась копна непослушных волос, напоминавших цветом осенние листья. Ей было около тридцати пяти, голубые глаза казались уставшими, а лицо изможденным, но чувствовалось, что ее боевой дух на высоте. На нашивке униформы значилось: «*Капитан Уолш*».

Итан заметил, что она стоит в двух шагах от Горгона, но тот лишь дружелюбно посмотрел на нее и несколько раз моргнул. Итан чувствовал силу существа, но понял, что сейчас он не представляет угрозы. Сказать все-таки Дейву или нет? Горгон слегка повернул голову, встретился взглядом с Итаном, и мальчик, который недавно понял, что он — нечто большее, чем обычный человек, решил пока промолчать. Пусть все идет своим чередом. Он знал, что сможет защитить своих друзей, если потребуется, этого было достаточно.

— Я капитан Эллен Уолш, — представилась женщина. — Заместитель главнокомандующего. Прекрасное место, чтобы осесть здесь на год или два, если вам нравятся торговые центры, — на ее лице не появилось и тени улыбки. — Или если вам нравится безопасность. Относительная безопасность, — поправилась она, бросив быстрый взгляд на Дейва. — У нас здесь около трехсот мирных жителей и сорок два солдата. Теперь, первое: все в этом автобусе должны сложить оружие, как только покинут салон. Оружие будет пронумеровано, помечено и помещено на хранение. Вы сможете забрать его, когда мы разрешим. Второе: все должны пройти осмотр. Мы тут не замораживаемся с личными секретами. По пути ко входу вас будут сопровождать вооруженные солдаты, и, поверьте, они знают, как пользоваться своим оружием. Теперь... откуда вы пришли? — вопрос был адресован Дейву.

— Форт-Коллинз. — ответил он.

— Из огня да в полымя. Хорошо, что у нас на вышках установленны три инфракрасные камеры с тепловыми датчиками. Вы в курсе, что мы подобрали вас примерно в миле отсюда? Вашим людям очень повезло, Дейв. Иногда мы не успеваем прибыть на место достаточно быстро, — по ее лицу пробежала тень. — Так, ладно, давайте двигаться.

Рэткофф и Воуп стояли в первых рядах, готовясь к выходу из автобуса.

— Вы! — обратилась капитан, выйдя из салона первой. Она уперлась рукой в грудь Воупа, не позволяя ему пройти. — Откройте рюкзак и покажите, что внутри.

Рэткофф тоже остановился. Он хотел было ответить за Воупа: «ничего особенного», но сообразил, что это лишь насторожит женщину. Воуп мешкал всего несколько секунд, затем все же снял рюкзак и показал капитану Уолш три грязные рубашки и две пары старых джинсов. Она помяла рюкзак, ища в нем скрытое оружие, и прямо-таки кожей ощутила, как этот Молчаливый Сэм²⁵ жаждет проскользнуть мимо нее. Но ничего подозрительного в рюкзаке капитан не обнаружила.

— Хорошо, — неохотно кивнула она. — Проходите.

Неосознанно она отерла руки о штаны.

Итан шел следом за Ханной и размышлял о том, что случится, если Горгона вычислят. Он держался подальше от Джеффа Кушмана, указательный и средний пальцы на правой руке которого посинели и сильно распухли. Итан не хотел, чтобы этот человек к нему прикасался — от него исходила опасность, но какая именно, мальчик не понимал. Синяя сфера укрывала мысли мужчины. Ее мощную энергетику Итан не мог проломить... или не мог, пока не набрался достаточно сил.

— Итан? — позвал Дейв, когда они оба вышли из автобуса, а «Узи» Дейва упокоился в контейнере с порядковым номером. — Задержись на минуту. Капитан, могу я поговорить с вами?

— Говорите.

— Желательно, наедине. Разговор личный.

— Я же сказала, что здесь секреты не одобряются.

Дейв положил руку Итану на плечо, принял от солдата квитанцию, и доверительно посмотрел в глаза Эллен Уолш:

---

²⁵ «Молчаливый Сэм» (Silent Sam) — статуя солдата Конфедерации, работа скульптора Джона Уилсона, расположенная в кампусе университета Северной Каролины в Чапел-Хилл.

— Это важно. Уверен, вам нужно это узнать, прежде чем мы попадем внутрь.

Она медленно перевела взгляд с Дейва на мальчика и обратно. Ее лицо было строгим, а в глазах проглядывались следы какого-то события, оставившего грубые шрамы в ее душе. Помешкав пару секунд, Эллен Уолш решила послушать, что ей расскажут.

— Сюда, — сказала она, отойдя на несколько шагов от автобуса.

— Когда вы проверите мальчика, — начал Дейв, — вы обнаружите кое-что необычное, — он поймал взгляд Джей Ди, прихрамывавшего на своем самодельном костыле, и окликнул его. — Джон! Подойди сюда, пожалуйста! Оливия, ты тоже.

— Вам здесь что, вечеринка? — раздраженно осведомилась Уолш.

— Доктор Дуглас сможет объяснить лучше, чем я, — Дейв подождал, пока Джей Ди и Оливия присоединятся к ним, а затем обратился к мальчику. — Ты можешь поднять рубашку и показать ей, что у тебя там, Итан?

— Ну... наверное, — неуверенно ответил Итан, понимая, что любое прикосновение к нему вызовет серебристое свечение, однако просьбу Дейва выполнил.

— Это еще что, черт возьми, такое? — фонарик капитана осветил грудь мальчика, и Итан невольно скосил глаза на то, что привлекло ее внимание. Луч фонаря осветил участок в области сердца.

— Боже! — глаза Дейва округлились. — Я хотел, чтобы вы взглянули на его ушибы, но... это что-то новенькое!

— Что там? — Итан встревоженно присмотрелся к собственной груди, освещенной лучом фонаря.

Над самым сердцем появилось подобие серебристой татуировки. Рисунок, или, вернее, надпись была небольшой, но четко выделялась на фоне черного кровоподтека. Она состояла из четырех символов... из четырех букв:

Джей Ди осмелился посмотреть ближе.

— Итан, могу я прикоснуться?

— Да, сэр, — ответил он. Тот же вопрос задавала ему Никки. — Можете.

Доктор провел пальцем по символам. От его прикосновения буквы засияли немного ярче, под темным синяком словно бы засеребрилось что-то еще, но слишком неясно. Возможно, пятый символ? Как знать.

— Мы многое можем рассказать вам об этом мальчике, — сказала Оливия. Она одарила Итана несмелой улыбкой, которую тут же адресовала и капитану. — Он наш герой.

Итан опустил рубашку. Он считал себя скорее уродом, чем героем. Теперь он мог похвастаться Никки своими татуировками... хотя понятия не имел, откуда они взялись.

— Ладно, — задумчиво протянула капитан, явно потрясенная увиденным. И еще раз, — Ладно. Давайте переговорим с доком. Я позову майора Флемминга, и мы послушаем ваш рассказ. Я видела много странностей там, снаружи, но это... — она перевела луч фонаря на лицо Итана, прямо ему в глаза, задержала на нем взгляд, затем погасила свет. — Нужно соблюдать осторожность, — решительно заявила капитан. — Джагги! — позвала она кого-то из солдат. — Живо сюда, и винтовку не забудь! Бегом!

Дейв кивнул, понимая, что на ее месте поступил бы так же. Он сочувственно похлопал Итана по спине.

Итан со своими спутниками под охраной прошел через парковку. *Мои защитники*, подумал он. Или все же это он защищал их? Внезапно заморосил легкий, немного маслянистый дождь. В небе мелькнула красная вспышка, превратившаяся в полоску света, исчезнувшую вдаль. В сопровождении друзей, капитана Уолш и охранников Итан вошел в освещенную часть торгового центра, встретившись с целой толпой любопытных местных — все они были измучены постоянной инопланетной войной. Мальчик понимал, что вступил на тропу неизведанного, и пугать по ней, так или иначе, придется завершить.

***

— Понятно, — произнес майор, изучая лежащую на столе дорожную карту из атласа, и время от времени обводя взглядом собравшихся: Итана, Дейва, Джей Ди, Оливию и капитана Уолш. Порез на переносице Дейва промыли и обработали антисептиком, наложили повязку. Вывихнутая лодыжка Джей Ди была плотно стянута повязкой, а от боли он получил две таблетки тайленола. На столе в кабинете майора Флемминга горела лампа, питаемая от генератора либо от солнечных батарей, как и другие источники света в этом торговом центре. Эти генераторы смогли пережить даже атаку Сайферов, когда повсюду пропало электричество. Как оказалось, большая часть военных собралась здесь больше года назад, приняв к себе уцелевших людей, после того, как Сайферы и Горгоны почти полностью уничтожили город.

Майор встал из-за стола. Это был высокий широкоплечий мужчина, который, казалось, был рожден для службы в армии США. В прошлом году он сильно потерял в весе, но худоба сделала его лишь жестче. Чувствовалось, что все прочие живущие здесь, мужчины и женщины, подчиняются ему беспрекословно. Майор был лыс и начи-

сто выбрит; серые, словно стальные, глаза за стеклами очков выглядели суровыми и сосредоточенными. Ему было всего сорок два года, но сеть морщин от страшных переживаний избороздила его лицо и прибавляла лет десять.

— То есть, ты не знаешь, что там? — обратился он с вопросом к Итану. — Ты даже не знаешь, есть ли там что-то вообще?

— Нет, сэр, — спокойно ответил мальчик.

— Что? — Рэй Флемминг не любил, когда ему отвечали тихо. Ему нравилось слышать и быть услышанным.

— Нет, сэр, не знаю, — ответил Итан. — Но я верю, что должен туда попасть. Это все, что я могу сказать.

— Вы взяли образец крови? — майор повернулся к доктору Эрнандесу, стоящему в углу.

— Да, сэр. Кровь в норме, группа вторая, резус положительный. Легкие в порядке, сердце в хорошей форме, кровяное давление в норме. По всем признакам это нормальный четырнадцатилетний подросток.

— Кто-нибудь из прибывших провалил тест?

— Никто.

Итан тихо хмыкнул, но никто не обратил внимания. Похоже, Горгоны усовершенствовали свою маскировку. Они создали искусственную кровь и органы, полностью имитирующие анатомию человека. Похоже, поддельность их анатомической куклы мог определить только Итан. Он заинтересовался, скольких людей распотрошили Горгоны до того, как сумели качественно имитировать человека?

— Будь у меня лаборатория получше, я мог бы и работать лучше, — заметил доктор, видимо, намекая на постоянные разногласия между ним и майором. — А мне приходится обходиться...

— Малым, да, — закончил за него Флемминг. Тяжелый внимательный взгляд вновь вернулся к Итану. — Итак, ты говорил, что сумел убить Горгона без оружия? Как ты это сделал?

— Я просто пожелал, чтобы он исчез. И он взорвался.

— Этого недостаточно. Я хочу услышать объяснение, которое имеет смысл.

Дейв внезапно подался вперед и поднял рубашку мальчика, продемонстрировав четыре буквы, с недавних пор выступившие поверх кровоподтека. Флемминг уже видел их, но Дейв хотел довести дело до конца.

— А это — имеет смысл? Хоть какой-то? Я уже говорил, он вызвал землетрясение. Поэтому я верю, что он мог уничтожить Горгона без оружия. Верю, да, — он снова опустил рубашку Итана, заслужив молчаливую благодарность мальчика. Итана все еще пугали измене-

ния, происходящие с его телом. Хотя внешне он был спокоен, часть его души сжималась в шар от ужаса.

— А вы? Вы в это верите? — майор поднял бровь, ожидая ответа от Оливии.

— Да, — ответила она. — Я верю в то, что видела.

Джей Ди мягко улыбнулся майору.

— Я считаю, — сказал он, — что Итан — не Горгон, не Сайфер и не создание кого-то из них. Видимо, раньше он был обычным мальчиком, но потом... что-то его изменило. И теперь, он становится... чем-то иным.

— Объясните.

— Хотел бы я это сделать, сэр. Когда мы нашли Итана, его состояние противоречило всему, что известно медицине о ранах и травмах. А теперь... с его груди на меня смотрят эти символы... словно скандинавские руны, и я вообще ничего не могу объяснить.

— Успокойтесь, — велел майор.

— Я верю, — продолжил Джей Ди, повысив голос, — что Итана призывают к этой горе. И я верю, сэр, что мы должны довериться его зову, чем бы он ни был.

И снова пристальный взгляд майора переместился на Итана.

— У тебя есть мысли по поводу того, почему ты... — он сделал паузу, подбирая слова, — призван в то место?

— У меня есть идея, — ответил Итан. — Я думаю, это связано с прекращением войны.

— О... так ты можешь остановить войну? — Флемминг быстро взглянул на капитана Уолш. — Слышали? Ребенок может остановить войну между пришельцами, сражающимися за...

— Границу, — закончил Итан. — Они сражаются за границу между своими владениями. И я не знаю, смогу ли остановить войну, но... — продолжить мысль, мучившую его с тех пор, как он покинул Пантер-Ридж и узнал, что за ним охотился замаскированный Горгон и человек по фамилии Кушман, было трудно, но мальчик выдавил, — Может, я... превращаюсь в нечто такое, что сможет это сделать.

Флемминг некоторое время молчал, делая вид, что изучает карту, и время от времени посматривая на мальчика.

— Это долгий путь. После того, как выберетесь на I-70, предстоит опасная дорога в горах, — он постучал пальцем по горе на карте, словно пытался пробиться в секретную дверь, которую мог открыть только Итан Гейнс. — Значит, ты хочешь продолжить свое путешествие в школьном автобусе, верно?

— Да, — ответила за Итана Оливия.

— Кто еще поедет?

— Все мы, — кивнул Дейв. — Мы все обсудили и согласились.

— Вы тоже, док? — Флемминга повернулся к Джей Ди. — С поврежденной лодыжкой?

— Да, я тоже, — ответил Джон Дуглас. — Черт с ней, с лодыжкой.

— Хорошо, — отозвался майор. Он снял очки и протер линзы белой тряпицей, прежде чем снова нацепить их на нос и заговорить. — Я не могу выделить вам ни одного солдата. У нас здесь свои обязанности. Да... ваш автобус ведь поврежден?

— Немного, — признал Дейв.

— Мы можем подлатать его для вас... и слегка усовершенствовать. Как с топливом? У нас самих с ним напряженка, так что не уверен, что мы сможем поделиться.

— Справимся как-нибудь. Поищем баки с дизелем на заправочных станциях.

— Вам нужны какие-нибудь инструменты? Контейнеры?

— Не помешает длинный шланг. Скажем, футов двенадцать.

Майор кивнул.

— Найдем. Ваш автобус потребляет довольно много топлива. Но вы это и так знаете, да?

— Знаем, — кивнул Дейв. — Послушайте, майор, мне бы сейчас немного поспать. Мы все устали, как собаки. Можем мы где-нибудь прилечь? — они уже все прошли через обыск и осмотр, и теперь Дейва непреодолимо клонило в сон. — Если можно, разместите нас всех вместе?

— У нас есть несколько запасных спальных мешков, но прежде, чем ложиться спать, вам бы немного поесть.

— Нет, сначала сон, — возразил Дейв, и остальные кивнули, соглашаясь с ним. Кроме Итана, у которого еще оставались дела.

— Хорошо. Капитан Уолш, позаботьтесь о размещении этих людей. Мистер МакКейн, вы не возражаете, если на ночь я приставлю к этому молодому человеку охранника? — это был вопрос, явно не предполагающий отрицательного ответа.

— Нет проблем.

Итан ничего не сказал. Его не удивляли подобные меры предосторожности.

— Хорошо. Но вы хоть воды попейте. В буфетах дают хлеб и суп, если вы передумаете, — майор сверился с наручными часами. — Там будет открыто еще около часа. Капитан, теперь вы за них отвечаете. Найдите кого-нибудь, кто встанет на страже. Итак, все свободны, кроме вас, Карлос. Задержитесь ненадолго.

Когда капитан Уолш увела группу, майор сжал кулаки и посмотрел на Карлоса Эрнандеса в свете настольной лампы.

— Ответьте мне честно, я сошел с ума, или нет?

— Сэр?

— Я хочу верить, — сказал Флемминг. — Господи боже, я так хочу верить, — он вздохнул со звуком, напоминающем завывание ветра на кладбище, однако в этом ветре разносились семена надежды, способные пустить корни в плодородной земле. «Граница», сказал этот мальчик. Вот, за что они воюют. Это казалось... правильным. Это звучало правдоподобно. Флемминг верил. Но только нечто, чуждое этому миру, могло знать наверняка.

— Позаботьтесь о пациентах, — качнул головой майор. — Вам предстоит долгая ночь.

— Да, сэр, — ответил доктор и покинул кабинет.

Флемминг некоторое время сидел, уставившись в точку на карте Юты. Несколько минут спустя он подрагивающей рукой выключил настольную лампу. Через два часа отключают электричество по всему торговому центру, кроме больницы, разместившейся в бывшем бутике «Гэйп». После этого территорию будут патрулировать солдаты с фонариками.

Майор сидел в темноте, размышляя о том, что стало с его родным Сизтлом. Город, скорее всего, превратился в обугленные руины, как и сама душа Флемминга. Надежды на обратное было мало, и без связи с внешним миром проверить нельзя. Все атомные станции отключены, стоят пустые, большинство из них осталось без персонала, контролирующего охлаждающие элементы. А как насчет сотен тысяч... странностей, как говорила капитан Уолш? Сколько этих причуд теперь бродит по опустошенным городам? Даже если война каким-то чудом прекратится... как быть со всем остальным?

Могла ли зависеть судьба мира от мальчика, который здесь только что побывал?

Если так... если такое вообще возможно, майор Флемминг не собирался вставать у него на пути. Снаружи и без того полно тварей — нетерпеливых и голодных — которые попытаются помешать.

Глава девятнадцатая

Как оказалось, даже в уборную Итана не отпускали без конвоира. Водопровод не работал, поэтому в отделанной зеленым кафелем уборной, расположенной между бывшими магазинами «Аберкромби» и «Америкэн Игл», в писсуарах стояли пустые консервные банки, а унитазы были застелены мусорными мешками. Запах стоял жуткий, но здесь хоть была туалетная бумага. Конвоир отвернулся, пока Итан делал свои дела, но после того, как он закончил, молодой солдат

вновь не спускал с него глаз, словно курица-наседка со своего единственного яйца.

В этой части торгового центра работали генераторы, поэтому свет все еще горел. Множество людей спали здесь в палатках, спальнях мешках, даже детских кроватках. Некоторые еще бодрствовали, играли в карты или домино, другие читали, разговаривали или молились, третьи просто лежали и безучастно смотрели на стены или в потолок. Дети играли с игрушками, взятыми из обучающего центра или магазина «Дисней». Как и в Пангер-Ридж, здесь можно было увидеть людей всех возрастов и наций; это было государство в миниатюре, на последнем клочке Земли Обетованной. Торговый центр разграбили в первые же дни войны, некоторые окна были разбиты, а большинство магазинов одежды пустовали — даже с манекенов сняли все подчистую.

Итан замедлил шаг. Солдат держался прямо у него за спиной.

— Минуточку, — попросил мальчик, увидев тех, кого искал. Он прошел мимо высохшего фонтана и остановился перед Горгоном в обличье человека, Джеффом Кушманом и их низкорослым лысым спутником. Сломанные пальцы Кушмана были примотаны к шине изолентой. Он уже выбрал себе подходящее место для сна и влезал в спальный мешок. Горгон стоял, держа в руках свернутый спальник, и даже не думал готовиться ко сну. Казалось, он собирался простоять так всю ночь. Лысый мужчина сидел на полу, сняв ботинки. Он с мучительной гримасой растирал ноги и едва не стонал.

Солдат следовал за Итаном по пятам, но мальчик надеялся, что он не станет вмешиваться. Кушман тяжелым взглядом смерил Итана, высунувшись из своего спального мешка. Голова Горгона повернулась, и черные кремниевые глаза уставились на мальчика. Только лысый мужчина не обратил на Итана никакого внимания — его волновали исключительно собственные проблемы.

— С вами все в порядке? — спросил Итан. Прежде чем кто-либо ответил, он обратился к Горгону. — А вы разве не знаете, как пользоваться спальным мешком?

— Да все он знает, — ответил Кушман. — Джек, положи ты его уже. Да, прямо сюда. Тут будет удобно.

Горгон подчинился, двигаясь медленно и скованно, словно его суставы нуждались в смазке.

— Джек? — переспросил Итан. — Забавно. Он не похож на «Джека».

— А тебе самому не нужно поспать, Итан? — Джефферсон Джек подарил ему улыбку, в которой не было и намек на дружелюбие. — Кстати, это твое настоящее имя?

— В некотором роде. Дейв сказал, что вы трое приехали из Денвера, верно?

— Верно, сынок.

— И как же вам удалось миновать Серых людей?

— Нам повезло, — Джефферсон уже успел узнать у Джоэля Шустера о том, как называются эти жуткие твари. В Новом Эдеме не было таких чудищ. Они и исходящая от них опасность заставляли Джефферсона еще больше нервничать. Он чувствовал, что нервы уже на пределе. — Раньше они нам не попадались.

— Капитан Уолш говорила, что их здесь тысячи. Вам действительно очень повезло.

— Да, — Джефферсон смотрел, как Воуп расстилал мешок. Интересно, нуждается ли Горгон во сне? Впрочем, пришельцы быстро учились человеческим привычкам и умело их имитировали.

— Выходит, вы все прошли тест с анализом крови, — продолжил Итан. Он попытался снова прощупать сознание Кушмана невидимой серебряной рукой, но яркая синяя сфера не позволила ему проникнуть туда. — Это отличная новость. Не хотелось бы оказаться рядом с пришельцем в человеческой шкуре.

— Я бы тоже не хотел. Это было бы... обременительно, не находишь? Послушай, Итан, я очень устал. Давай поговорим об этом завтра? А сейчас я хотел бы немного поспать, — Джефферсон отметил, что ни Воуп, ни Рэткофф на слова мальчика никак не отреагировали, но профессиональный продавец чувствовал: Итан знает. Это вызывало только один вопрос: если мальчик знает, почему он ничего не предпринял? Что ж, пока ответа не находилось. Джефферсон, как мог, застегнул свой спальный мешок одной рукой.

— Доброй ночи, — улегшись, сказал он и с благодарностью закрыл уставшие от света глаза. Скоро у него появится еще один шанс схватить мальчика, но перед этим придется раздобыть еще одну дозу обезболивающего.

— Спокойной ночи, мистер Кушман, — произнес Итан, и солдат сопроводил его к тому месту, где разместили Оливию, Дейва и Джей Ди. Дейв уже спал, когда Итан выходил в уборную. Оливия пребывала в полудреме.

Мальчик подошел к ним, но тут кто-то тронул его за руку. Обернувшись, Итан оказался лицом к лицу с Никки. Конвоир, будучи понимающим человеком, отступил на несколько шагов назад, давая им побольше личного пространства.

— Привет, — неловко поздоровался Итан.

— Привет, — на глазной повязке Никки блестели стразы. — Ты нашел, где приткнуться?

— Да. Я сплю вон там. А ты?

— Недалеко отсюда. В этом же коридоре.

Он кивнул.

— Хорошо, что мы все наконец-то в безопасности.

— Ага. Тебе дали поесть?

— Пару кусков хлеба и банку «Спрайта». Пока мне больше ничего не нужно, — Итан сначала вовсе отказывался от еды, но капитан Уолш настояла.

Какое-то время Никки молчала. Она и Итан застенчиво смотрели по сторонам, на то, как люди готовятся ко сну и укладывают своих детей. Затем Никки все же произнесла:

— Как ужасно то, что случилось с мистером Рузой. Я стояла рядом с ним. Он был очень хорошим человеком. То, что случилось, просто жуть, да?

— Да, — кивнул Итан. — Это и вправду жуть.

— Как думаешь, этой ночью они придут сюда?

Он слышал в ее голосе страх. Никки побледнела, дрожала и, казалось, едва удерживалась на грани нервного срыва.

— Я так не думаю, — ответил Итан, пытаясь ее успокоить. — Нет. Похоже, не придут.

— Я очень надеюсь, — она немного расслабилась, ощутив уверенность в голосе Итана. — Если б они собирались прийти, ты бы, наверное, знал об этом.

Итан проигнорировал намек в реплике Никки на его — пусть и частичную — инопланетную природу. Однако в сознании вспыхнула одна мысль, нуждающаяся в проверке. Он сказал:

— Послушай, а ты не отойдешь со мной на минуту? Мне нужно остаться с тобой наедине, без всех этих людей.

— Зачем? — насторожилась Никки.

— Я хочу кое-что тебе показать и задать пару вопросов. Это займет всего минуту. Пожалуйста.

Девушка колебалась. Она перевела взгляд с Итана на солдата и обратно.

— Ну... я не знаю. Куда мы пойдем, Итан?

— В одну из уборных. Мне нужна всего минутка твоего времени.

— Ни в коем случае, — возразил солдат. — Ты уже сходил в туалет.

Итан решил, что с него хватит. Он бросил на молодого солдата взгляд, способный расплавить металл.

— Послушай, я знаю, ты просто делаешь свою работу, но мне нужно кое-что спросить у моей подруги наедине, где никто не будет на нас пялиться. Ты можешь пойти с нами и подождать снаружи, если хочешь. Но мы все равно пойдем. Если возражаешь — застрели меня, — его голос зазвенел от вскипающего гнева. — Мне наплевать, —

заверил он. Затем взял девушку под руку и направился в сторону ближайшего туалета. Никки не стала вырываться и позволила увести ее. Солдат попытался еще что-то сказать, но осекся и с угрюмым видом пошел следом.

Оказавшись в туалете, где конвоир не мог его видеть, по крайней мере полностью, Итан вновь обратился к Никки.

— Приготовься, ладно?

— К чему?

— К этому, — Итан приподнял рубашку и показал ей четыре серебристых символа на коже груди. Она тихонько ахнула и отступила на пару шагов. Некоторое время молча смотрела на отметины, а затем произнесла со смесью восхищения и испуга:

— Круто...

— Они появились ни с того, ни с сего, — объяснил он. — В автобусе у меня чесались ушибы, а потом возникли эти символы. Но я вот о чем хотел тебя спросить... ты упомянула, что твой друг учился на тату-мастера, так?

— Ну да.

— Может, ты видела его альбомы с эскизами и все такое? Ты когда-нибудь видела там что-то подобное?

— Ну-у... может быть. Я помню, он как-то показывал мне один старинный шрифт. Как будто древний. Но я не припоминаю эскизов, выглядящих в точности так же. Вот это... это похоже на букву «R».

Солдат придвинулся ближе, стараясь подсмотреть, чем они занимаются, и Итан послешно опустил рубашку.

— Они не болят, — сказал Итан. — Но выглядят так, словно их кто-то выжег на мне расплавленным серебром.

Он был близок к тому, чтобы сорваться. Смуцало только присутствие свидетелей; Итану не хотелось истерить у них на глазах, поэтому он опустил взгляд в пол и попытался взять себя в руки.

— Похоже, теперь я еще больший чудик, да? — не без горечи спросил он.

— Я так понимаю, Оливия и остальные об этом знают? Поэтому к тебе приставили охранника?

— Ага.

— Мне жаль, — вздохнула она. — Хотела бы я как-то тебе помочь.

— Все в порядке, — Итан пожал плечами. — Я хочу сказать... это просто случилось, ничего не попишешь, ведь так? Имеем то, что имеем. Так говорила мама, когда я из-за чего-то грустил, — он замолк, осознав, что это воспоминание пришло к нему внезапно. Он вдруг вспомнил голос своей матери, произносящий эти слова. *Имеем то, что имеем.* А называла ли она его по имени, когда утешала? Да,

наверняка. Имя было так близко... так близко... но, нет, все еще слишком далеко. — Никки, — прошептал Итан, едва не задохнувшись, — я не знаю, во что превращаюсь, но клянусь тебе, слышишь, клянусь, что когда-то был обычным парнем. Я человек. Я был человеком. А теперь... что я такое?

Ему не удалось сдержать душевную боль, и Никки чувствовала ее, словно настроенный на нужную волну радиоприемник. Она сделала шаг вперед и приложила палец к его губам.

— Ты все поймешь, рано или поздно. Не позволяй тому, что происходит, сломить себя, Итан. Я верю, что ты на нашей стороне, кем бы ты ни был.

Он кивнул. Когда Никки убрала палец от его губ, ему показалось, что место ее прикосновения все еще горит.

— Свидание окончено? — раздраженно спросил солдат.

— Да, — кивнул Итан, хотя он был не против поговорить с Никки еще немного, узнать ее лучше... Но он подумал, что серебристые татуировки на темных кровоподтеках — не лучшая тема для разговора, а ничего другого в голову не лезло.

— Тогда выметайтесь отсюда, — последовала команда.

Они повиновались. Итан проводил Никки к тому месту, где в коридоре торгового центра лежал ее спальный мешок. Пожелав ей спокойной ночи, он вернулся к себе. Дейв и Оливия уже крепко спали. Джей Ди лежал на спине, с закрытыми глазами. Итан забрался в свой спальный мешок, бросив последний взгляд в ту сторону, где расположились Горгон, Кушман и лысый коротышка. Охранник занял пост у стены, прислонив к ней свою винтовку. Время от времени он снимал с пояса фонарик и включал его, проверяя заряд.

По крыше начали барабанить капли дождя, гул разыгравшейся непогоды проник в торговый центр. Создавалось впечатление, будто их всех заточили в гигантском сабвуфере. Несмотря на шум, глаза Итана уже слипались, но прежде чем он позволил себе провалиться в сон, в его теле словно включился некий защитный механизм. Он должен был сработать в случае угрозы, если та окажется слишком близко.

Итан начал засыпать, но успел снова подумать: рассказать ли Дейву, Оливии или Джей Ди о голубой сфере, блокирующей разум Кушмана? Разве они ему не поверят? Поверят. Так... почему бы и нет?

Но Итан знал. Раз пришельцы охотятся за ним, значит, хотя бы знать — что он такое, или чем должен стать. И если он разоблачит их, раскроет кому-то их секрет, шанс понять свою природу может быть потерян навсегда.

Кроме того, пока реальная личина Горгона не раскрыта, вряд ли он решится напасть на кого-нибудь. Нет, Итан не хотел никому рас-

сказывать о том, что знал. Ради безопасности людей. И, похоже, Джек Горгон догадывался, что мальчик будет держать рот на замке.

Нужно выждать. Дождаться завтрашнего дня и посмотреть, что он принесет. Итан закрыл глаза. По громкоговорителю прозвучало объявление о том, что скоро во всем здании будет погашен свет. Лучи фонарей патрульных солдат заплясали по темным коридорам торгового центра, скользя по спящим людям, успевшим привыкнуть к этому за годы войны. Но к кошмарам привыкнуть сложнее; некоторые кричали, стонали и плакали в своих беспокойных снах, пока вращение планеты приближало новый рассвет.

***

На рассвете очередного дождливого дня Итан вдруг почувствовал, как сработала его внутренняя сигнализация. Тело начало покалывать, а мозг послал сигнал проснуться и защищаться. Итан очнулся почти мгновенно. За миг до этого он вспоминал, как любил свернуться калачиком в своей постели и спать до позднего утра в субботу, пока мама не звала его завтракать — обычно на завтрак была яичница с беконом.

Воспоминание рассеялось, как дым.

Дождь все еще стучал по крыше. Прозвучал громовой раскат; настоящий гром, а не выстрел инопланетного оружия. Итан ощущал близкую опасность, и чувство тревоги вызывал не только чернобородый Горгон, но и Джефф Кушман и их низкорослый спутник. Другие люди тоже проснулись от грома, но они не испытывали той же тревоги, что Итан. Охранник сидел у стены, скрестив ноги и прижав к себе винтовку. Солдат не спал. Судя по его сонному виду, он провел всю ночь, присматривая за Итаном при свете фонарика.

До Итана донесся треск рации, а затем несколько солдат промчались мимо, направляясь в сторону главного входа в торговый центр. Эта суэта взбудоражила тех, кто уже проснулся, и они в свою очередь принялись будить друзей и близких. Еще один солдат побежал в коридор, в котором вообще не было спальных мешков и палаток, что-то докладывая по рации встревоженным голосом. Охранник Итана вскочил. Казалось, он разрывается между выполнением ранее отданного ему приказа и желанием выяснить, что происходит. Солдат снял рацию с пояса и нажал на кнопку передачи.

— Крис, ты где? Что там у вас?

Дейв проснулся. Он расстегнул молнию на спальном мешке и потянулся так сильно, что захрустели суставы. Затем ему передалось всеобщее волнение, и он ошеломленно огляделся по сторонам. Дейв выглядел невыспавшимся, и, казалось, с трудом осознает, где нахо-

дится и что происходит. Оливия тоже зашевелилась в своем спальнике

— Что случилось? — тряся головой, спросил Дейв.

Солдат выслушал ответ своего друга по радиации, затем повернулся к Итану.

— Я больше тебя не охраняю. Я нужен на улице.

— Что там? — спросил Дейв, потянувшись за своей бейсболкой. Его волосы выглядели спутанными ветвями терновника.

— Пока не знаю. Но вам лучше остаться здесь, — с этими словами солдат покинул пост.

— Черта с два я останусь! — Дейв, надев ботинки и свою неизменную бейсболку, поднялся на ноги. Другие люди в растерянности тоже потянулись в сторону выхода. Когда Оливия вылезла из своего спального мешка, Джей Ди спросил ее все еще хриплым спросонья голосом:

— Что случилось? Что происходит?

— Я сама хотела бы знать.

Итан увидел Кушмана, Джека Горгона и лысого коротышку в толпе проходивших мимо людей. Кушман бросил на мальчика быстрый взгляд, словно пытаясь угадать его намерения, но не остановился. Итан молча наблюдал за процессией. Он видел матерей с детьми на руках, подростков, что казались не по годам взрослыми, мужчин, потерявших свои семьи, женщин с печатью горя и страдания на лицах, стариков, старавшихся держаться до конца... Пожилой женщине на ходулях помогал мужчина одного возраста с нею, а юноша лет шестнадцати поддерживал их обоих. Мужчина средних лет ковылял на костылях — его левая нога была ампутирована до колена. За ним шел человек с длинными седыми волосами и бородкой, внешне напоминающий библейского мученика. Худошавая женщина, на вид чуть старше тридцати, держала за руку маленькую девочку, а к груди прижимала младенца. Чернокожий мужчина, половину лица которого скрывала окровавленная повязка, шатаясь, плелся в толпе, держась за руку белого юноши, который терпеливо уговаривал своего товарища двигаться вперед.

Выжившие, подумал Итан. И ведь что-то заставляло их прожить день за днем, час за часом, минуту за минутой. Что давало им силы жить? Почему они не покинули эту землю, собственноручно проложив себе путь в лучший мир, как поступили многие в Пантер-Ридж? Во что они верили, что заставляло их бороться со страхом и болью? Многие сдались, столкнувшись с тем, что считали безнадежным, но другие... другие остались и хватались за любую надежду, какой бы призрачной она ни была.

Итан уважал этих людей; они продолжали борьбу в это тяжелое время. Они хотели жить и сражались за любой клочок жизни, что удалось вырывать из рук инопланетных захватчиков. Эти люди заслуживали жить вне тени Сайферов и Горгонов, Итан был в этом уверен. Они прошли через многое, выстрадали свое, как и все человечество в остальном мире, и теперь они заслуживали свободы.

Он встал.

— Я с тобой, — заявил Джей Ди, взявшись за свой самодельный костыль. Итан с Дейвом помогли ему подняться и сохранить равновесие. Оливия все еще была слегка растерянной после беспокойного сна, под ее глазами пролегли темные круги. Итан приблизился к ней, убедиться, что она не упадет. Она казалась такой хрупкой и изможденной

— Я в порядке, — улыбнулась Оливия. — Просто держи меня за руку, хорошо?

— Хорошо, — пообещал он.

Они пробрались сквозь растущую толпу ко входу в торговый центр, где солдаты тщетно пытались поддерживать хоть видимость порядка. Люди на что-то смотрели, некоторые указывали сквозь стекло. Итан отпустил руку Оливии и проложил себе путь в первые ряды, стараясь держаться подальше от Кушмана и двух других, которые тоже всматривались через стеклянные двери. Капитан Уолш общалась с кем-то из солдат по рации. Итан собирался выяснить у нее, что происходит, но внезапно увидел все сам.

Над парковкой висел красный пламенный шар диаметром около пяти футов. Итан заметил красноватые молнии протяженностью десять-двенадцать футов, расходящиеся от шара во всех направлениях. И хотя дождь все еще лил, огненная сфера от этого никак не страдала.

— Ты представляешь, что это такое? — спросила капитан у Итана, отрываясь от переговоров по рации.

— Я думаю, это устройство Сайферов.

— Откуда ты знаешь?

— Красный и синий цвета. Оружие Сайферов всегда светится красным, а Горгонов — синим. Похоже, они используют разные виды энергии.

— Эта штука висит здесь последние пятнадцать минут, — капитан посмотрела на мальчика. — Есть идеи? Майор отправился туда с группой разведчиков. Ему было бы интересно услышать твои предположения.

У Итана были мысли по этому поводу, но он не понимал и не мог объяснить, как до них дошел. Он просто знал, что прав.

— Разведка, — проговорил он, наблюдая за сферой. — Думаю, в этом и дело. Вот, для чего это устройство здесь. Оно что-то обнаружило и передает информацию в их командный центр.

— Но что оно обнаружило? Нас? — Уолш повернулась к ближайшей паре солдат и прокричала им, — Уберите людей подальше! Прочь от стекла!

— Вы слышали приказ капитана?! Давайте, возвращайтесь, откуда пришли, отходите! Живо!

— Не нас, — покачал головой Итан, заметив поблизости Дейва.

— А что тогда?

— Мы их не интересуем. Они нашли...

Горгона, едва не сказал он. Итан ведь знал, что дело именно в нем. Сайферы послали разведчиков на поиски врагов в развалинах Денвера, и в этом торговом центре они обнаружили одного из них — поддельного человека, который называл себя Джеком Воупом.

— Что? — с нажимом спросила капитан. Внезапно из-за стены дождя появились темные фигуры, и через пару секунд майор Флемминг вошел в торговый центр в сопровождении четырех солдат. Все они были в дождевиках, вода струями стекала с плащей на пол.

— Отведите гражданских обратно в их комнаты! — бледное лицо Флемминга напряглось от волнения. Он повернулся к капитану Уолш и почти проорал, — Всем отойти от стекла!

— Назад! Убирайтесь отсюда! — закричал другой солдат. Он оттолкнул прикладом винтовки от дверей нескольких слишком настойчивых, но толпа была слишком плотной.

Дейв взял Итана под локоть.

— Скорей, — сказал он. — Надо уходить...

Что-то приближалось сквозь дождь. Внутренности Итана сжались узлом, потому что он понял, что это, несмотря на огромную скорость, с которой двигался объект.

— Они здесь, — услышал он собственный голос. Майор Флемминг обернулся, глядя на парковку. Его глаза прищурились от яркого света сферы.

Тонкая черная ракета длиной около двадцати футов обрушилась на парковку. Куски бетона разлетелись во все стороны. Вторая ракета угодила рядом со сферой, оставив после себя небольшой кратер с рваными краями. Третья и четвертая ракеты не заставили себя ждать, врезавшись в стоянку так близко к дверям, что осколки ударили в стекло, и оно пошло трещинами. Только это заставило толпу отшатнуться назад. Раздались крики.

— Черт! — воскликнул майор. — Что за...?!

Ему не удалось закончить предложение, потому что в следующее мгновение сквозь стену дождя показались четыре тонконогие фигуры,

напоминавшие блестящих пауков. Каждый был размером с пикап. Они ринулись вперед, не обращая внимания на пулеметные очереди со сторожевых вышек, и врзались в стеклянные двери центра, разбив их вдребезги. Толпа в панике бросилась бежать. Дейв тянул Итана за собой, чуть ли не волоком. Майор и капитан взялись за оружие. Другие солдаты, отступая, тоже открыли огонь длинными очередями, но паукам Сайферов было плевать на человеческое оружие. Когти на концах их лап оставляли глубокие борозды в плитках, ряды острых зубов в малиново-красных впадинах ртов щелкали в предвкушении свежего мяса — если и не Горгонского, то человеческого. Все в этом центре теперь было во власти Сайферов.

Пощады ждать не стоит, подумал Итан, пока Дейв тащил его прочь. Никакой пощады не будет.

— Отпустите меня! — крикнул он, вырвавшись из хватки Дейва. Итан остановился перед устремившимися вперед пауками.

— Беги! Не будь дураком! — заорал Дейв, вновь попытавшись утянуть мальчика за собой, но Итан увернулся. Солдаты все еще стреляли, расходуя обойму за обоймой, но прежде чем пули достигали цели, небольшие красные искры вспыхивали близ тел существ и, похоже, пули испарялись. Пауки Сайферов были окружены неким силовым полем, против которого обычное оружие было бессильно.

Две твари почти достигли Итана. Солдаты и толпа гражданских продолжали отступать. Дейву тоже пришлось бежать, когда он понял, что его попытки забрать Итана с собой провалились, и, оставшись на месте, он неминуемо погибнет. Итан помнил, как эти существа поедали корабль Горгонов, он помнил, что их когти и клыки могут прогрызть бетон и металл. Он услышал, как Оливия выкрикивает его имя. Внезапно, рядом с Итаном оказался майор Флемминг, а с другой стороны капитан Уолш. Офицеры открыли огонь из пистолетов, но красные искры защитили инопланетных тварей от пуль 45-го калибра. Казалось, этих монстров ничем нельзя остановить.

Итан подался вперед, выставив правую руку прямо перед собой, направив открытую ладонь на ближайшего паука. У него не было оружия — но он сам был оружием. Он обладал сокрушительной силой, способной уничтожить этих тварей. Итан ощутил прилив силы, почувствовал, как она струится из какого-то секретного уголка внутри него. Эта сила могла бы за считанные секунды превратить его самого в кучу горящих кровавых ошметков.

Воздух между Итаном и первым монстром пошел рябью, как от чудовищного жара. Рой из тысяч горящих шершней появился между ним и пауком, на которого он направил руку. Никто не мог этого видеть, но Итан прекрасно ощущал, как он излучает смертельную энергию.

Но все шершни сгорели в силовом поле, прежде чем достигли цели, и Итан вдруг понял, что он недостаточно силен и не справится с этими существами.

Пауки были прямо перед ним. Майор, не переставая вместе с капитаном Уолш выпускать в монстров пулю за пулей, дернул мальчика за рубашку и оттащил прочь.

Позади них в толпе Берт Рэткофф ощутил невыносимую боль, зародившуюся в животе и распространившуюся по рукам и ногам. Он закричал, из глаз брызнули слезы. Он внезапно вспомнил, как в прошлой жизни прогуливался по Пятой Авеню. Та жизнь была счастливой — ведь с ним его жена и сын. Оба живы и здоровы, сын учился на страховщика...

Воспоминания испарились, и человек, знавший себя как Берта Рэткоффа, исчез. На его месте пробудилось смертельное оружие, созданное Горгонами.

Тело вспыхнуло синим пламенем, вытянулось в длину. Ключья сгоревшей одежды разлетелись прочь. Люди вокруг него закричали и шарахнулись в стороны, стремясь оказаться как можно дальше от тонкой высокой фигуры, быстро достигнувшей семи... восьми... девяти... десяти футов в высоту.

Безликий огненный гигант шагнул вперед, оказавшись рядом с Итаном, майором Флеммингом и капитаном Уолш. Из его удлинившихся рук одна за другой вылетали синие сферы, взрывающиеся при соприкосновении с силовыми полями пауков Сайферов. Всюду запылали красные и синие вспышки. Одного из пауков охватило синее пламя, и он принялся биться в агонии и панике, мечась по кругу. Трое других оставались невредимы и продолжили атаку.

Итан стряхнул с плеча руку майора. Он попробовал еще раз, призывая смертоносную силу из внутреннего источника, который, как он знал, был полон настолько, что его невообразимая глубина внушала ужас. Эта сила приходила, когда Итан в ней нуждался, а сейчас он нуждался в ней, как никогда прежде. На лице мальчика выступили капли пота. Он почувствовал волну боли, пронзившую тело. С пальцев и ладони сорвалось множество едва различимых снарядов, напоминавших что-то среднее между пулями и серебристыми молниями. Силовое поле вокруг паука, которого Итан обстрелял, ярко заискрилось и, наконец, прорвалось. Существо распласталось на стене между магазинами «Брукстоун» и «Фут Локер», и через секунду разлетелось на множество мелких кусочков, оставив на плитках стены густые потеки черной маслянистой жижи.

Горящий голубой гигант вырос до двенадцати футов, оставаясь худым, как тень. Он продолжал метать в противника синие энергетические сферы, пролетавшие над Итаном. От них не чувствовалось

тепла, но, когда сферы, беззвучно искрясь, проносились мимо, Итан ощущал словно плоть вот-вот сползет с его костей. Одна сфера отклонилась от цели и пробила дыру с оплавленными краями в бетонной стене рядом с мастерской «Бильд-эн-Бэр». Три других сферы врезались в силовое поле паука, но лишь пятая сумела пробить его защиту. В следующий миг создание Сайферов охватило синие пламя. Паук задергался в луже черной крови, издавая тикающий звук, похожий на звук заглушаемого двигателя.

Четвертый паук метнулся к Итану. В тот же момент солдаты Сайферов начали материализоваться и проникать в торговый центр сквозь стены.

— Назад! Все назад! — кричал майор Флемминг своим людям. Ему не пришлось повторять дважды. Капитан Уолш, опустившись на одно колено, опустошила всю обойму, но пули снова сгорели в силовом поле. Итан высвободил новый поток сосредоточенной в нем энергии, исходящей откуда-то из центра его тела, и тотчас через руку направил его к цели. Его сердце бешено стучало, воздух между мальчиком и пауком накалился. Больше тысячи едва заметных горящих пуль и серебристых молний впивались в силовое поле существа. Одновременно с этим одна из сфер голубого гиганта ударила в поле, и снаряды Итана прорвались. Едва красная зубастая пасть разверзлась, готовясь откусить мальчику голову, монстр обратился в синий факел и разлетелся на кусочки.

Восемь призрачных солдат Сайферов прошли сквозь стены и открыли огонь из своих черных органических орудий, целясь в голубого гиганта. Четырнадцать шаров раскаленного добела огня полетели в тонкую двенадцатифутовую фигуру, два из них отклонились от цели и закружились над головами людей, прежде чем врезаться в потолок торгового центра и оставить там две дыры.

У Итана не было времени обдумать свои действия. Рой маленьких огненных пуль и серебряных молний вырвался из его ладони, превратив первых четырех солдат Сайферов в дымящиеся ошметки плоти, пахнущие соком кузнечика. Два раскаленных шара устремились к Итану, но он бросился на пол и вновь направил свое мощное энергетическое оружие в цель. Еще три инопланетных солдата распались на горящие фрагменты. Последний развернулся кругом, проник сквозь стену и скрылся.

Голубой гигант пошатнулся. Его пламя вырвалось наружу, и Итан увидел, как последний из синих огоньков замерцал и потух. Осталась лишь огромная фигура из серого пепла. Со звуком, похожим на тихий вздох, она потеряла форму и рассыпалась грудой праха. Так лысый Берг Рэткофф встретил свою смерть.

Позади, среди тех, кто съезжился на полу в надежде спастись, Джефферсон Джериho не сводил глаз с Воупа. Тот оставался на ногах на протяжении всего сражения. Только Джефферсон видел, как на коже Воупа показываются и исчезают маленькие черные шипы, а кожа ладоней становится ярко-желтой. Однако затем шипы окончательно исчезли, и фальшивая человеческая личина Горгона полностью восстановилась. Воуп взглянул сверху вниз на Джефферсона Джериho, с презрительной усмешкой отметив, как жалка и труслива эта человеческая особь.

Итана захлестнула волна усталости. Колени подогнулись, и он опустился на пол, слыша, как позади кричат люди. Чья-то рука схватила за плечо и помогла ему подняться, но ноги едва держали его, и Итан шатался, как пьяный.

Ему на помощь поспешила Оливия. За ней Дейв, а еще чуть дальше Никки. Джей Ди ковылял следом на своем костыле, рядом с ним Ханна Граймс. Обугленный паук Сайферов был неподвижен, тело его издавало треск, словно горящий хвост. В торговом центре невыносимо воняло жженым пластиком и соком кузнечика. Майор Флемминг, капитан Уолш и еще трое солдат стояли над кучей пепла, и молча разглядывали то, что некогда было человеком.

Когда Оливия взглянула в лицо Итана, в ее глазах мелькнул страх, но, к ее чести, она не убрала руку с его плеча.

— В чем дело? — спросил Итан, чувствуя, что в нем что-то изменилось и это испугало Оливию.

Она сказала, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче:

— Твой левый глаз стал серебряным.

Глава двадцатая

В битве между космическими расами, которая, казалось, началась еще с незапамятных времен и могла продлиться целую вечность, город Чикаго был почти разрушен, став частью царства опустошения, в которое превратился весь мир. Но линия фронта постоянно менялась, и противоборствующие цивилизации бились не за руины, оставшиеся от прежнего поля брани, но за территорию. Они сожгли Чикаго и большую часть его пригородов, превратив их в пепел, обугленные обломки и голые каркасы домов. Небоскребы рухнули, улицы, изрытые черными кратерами, были завалены огромными кусками бетона и битым стеклом — материалами, созданными людьми, которые давно покинули этот мир, став жертвами непрекращающейся войны. Так происходило во всем мире, каждый город постепенно становился новой линией противостояния. Это могло длиться вечно, поглощая пла-

нету за планетой — некоторые из них населяли высшие, разумные формы жизни, на других жизнь существовала лишь в причудливых примитивных формах, а на третьих и вовсе не было живых организмов.

Руины Чикаго мокли под проливным дождем, падающим с низко-го уродливого желтого неба. В это мрачное утро корабли Горгонов и Сайферов сражались в воздухе, а наземные отряды бились среди рухнувших зданий, раздавленных машин, человеческих скелетов и многих выживших мутантов, которые прятались в своих норах. В этом городе, познавшем трагедию огня, уже давно стгорело все, что могло гореть. Но теперь по обломкам плясал не привычный людям желто-оранжевый огонь, а красное и синее пламя, порождение инопланетных умов, посвятивших себя идеологии разрушения. Сотни солдат Сайферов двигались сквозь унылый пейзаж, стреляя из своих органических бластеров по смутным фигурам, а затем сотни синих сфер, пронзительно визжа, вылетали неизвестно откуда и, словно пылающими кнутами, разрывали Сайферов на куски, из которых струилась темная жидкость, переливаясь желтыми и красными цветами. В облаках над полем боя вспыхивали разрывы. Сгоревшие корабли Сайферов падали и взрывались, превращаясь в искрящиеся обломки, которые шипели, извиваясь от жара, и изливались жизненными соками в зловонную безжизненную воду озера Мичиган.

После того, как одна из визжащих сфер пролетела по своей траектории, пятеро солдат Сайферов выбрались из кратера недалеко от места, где когда-то стоял Уиллис-Тауэр,²⁶ разрушенный лучом Горгонов в первый день их прибытия. Сайферы перемещались сквозь залитые дождем руины, и их черные безликие головы поворачивались из стороны в сторону, в поисках неуловимых врагов, похожих на рептилий. Человеку не дано было распознать сигналы, что использовали эти солдаты для связи. Как и понять, что это были за существа и откуда они взялись. Это было выше человеческого понимания; технологии Сайферов казались людям скорее магией, чем плодом расчетов, воплощенных в технике.

Знаками идентификации для пятерых солдат служили маленькие красные символы в правом нижнем углу их лицевых панелей. Они свидетельствовали о великой чести и столь же великой доблести, проявленной в битвах. И, хотя ни один человек не сумел бы осознать их смысл в оригинале, в приблизительном переводе на какой-либо из человеческих языков эти символы могли бы означать что-то вроде: *«Первороденная Благословенная Машина»*. У солдата, который воз-

---

²⁶ Уиллис-Тауэр (или башня Уиллиса) — 108-этажный небоскреб в центре города Чикаго, США.

главлял отряд, к этим символам имелось небольшое дополнение: второй полумесяц чуть ниже первого. Наиболее близкое из понятных человеку значений: «*Несущий Постыдную Смерть*».

Не мужчины, не женщины... даже не рожденные, а целиком сконструированные и объединенные со своими доспехами, Перворожденные продвигались сквозь обломки мокрого бетона с помощью своих стелс-технологий. За их лицевыми панелями производились расчеты — беззвучно и быстро — которые невозможно было воспроизвести самыми сложными математическими алгоритмами из существовавших на Земле. Датчики дальнего прицела подсвечивали цель на плавающих сетках, отмечая также близко расположенные свои войска и силы презренного врага. Врага всего правильного и верного.

Сверху из облаков вырвался огромный вражеский корабль и обстрелял разрушительными лучами цель на земле. Взрывы взметнули пыль, дым и мусор в грязный воздух в нескольких лигах от отряда. Перворожденные направлялись дальше, выискивая врагов, прославившихся, как мастера маскировки — они в совершенстве постигли искусство единения с любой поверхностью, что могла служить укрытием. Перворожденные знали также, что их враг способен обманывать пространственные датчики, проецируя множество ложных изображений.

Солдаты пробирались через щебень и руины, молча производя свои расчеты на языке вземной математики, построенной по геометрическим параметрам десятков измерений. Перворожденные проникли в темную громаду упавшего здания, где пол усеивали осколки битого стекла и некие золотистые предметы. На этих округлых предметах виднелись символы и надписи, а кое-где следы зубов. Перворожденные опознали предметы, как относящиеся к этому миру, до большего им не было дела. Они не знали, что находятся в помещении, бывшем когда-то международным банком, а под ногами у них разбросаны купюры и монеты со всех уголков погибшего мира. Бумаги, которые раньше представляли немалую ценность, сейчас бесцельно мокли под отравленным дождем.

Несущий-Постыдную-Смерть внезапно остановился. Существо получило сообщение от высшего командования. Другой Перворожденный последовал его примеру, неподвижно замерев на полу с разбитой плиткой.

Их язык тоже строился на математике. За лицевой панелью на экране-мозаике появилось изображение горящего синего гиганта, метавшего огненные шары в соратников Перворожденных... А затем, запись показала, как один из обитателей этого мира атакует и уничтожает Сайферов, с легкостью, казавшейся невероятной.

Пришли новые приказы. В приблизительном переводе на человеческий язык они звучали бы так:

Захватить этот образец.

Использовать высотную систему слежения.

Начать немедленное развертывание.

Несомненно, эта задача являлась высшей честью для Первороденных Благословенных Машин.

Сетка лицевой панели Несущего-Постыдную-Смерть показала высокую концентрацию врагов на расстоянии двести ярдов в человеческой системе измерений. Солдаты противника могли иметь разное происхождение и форму, но так или иначе их насчитывалось двадцать.

Когда монстры вырвались из потрескавшихся серых стен вокруг Первороденных — до этого они маскировались под поверхность бетона — они не застали Несущего-Постыдную-Смерть врасплох, поскольку он привык различать пульсирующий влажный красный овал маскирующего органа в предыдущих полевых операциях. Но врагов еще предстояло победить.

Они не знали страха — ни Первороденные, ни рептилии с их чешуйчатой плотью, испещренной черно-желто-коричневыми полосами и усеянной черными шипами. Для жителя Земли это могло выглядеть гипнотически красивым, поскольку, прежде чем проклясть Змия, Господь должен был сотворить его. И сотворить его прекрасным. Бог не сразу приговорил Змия и его потомков всю жизнь ползать на животе, а лишь после грехопадения человека. И все же... их быстрые скользкие движения и обличье, заставляющее вспомнить королевскую кобру из этого мира, вызывали безотчетный ужас. Попасть под взор их узких глаз с вертикальными красными зрачками, которые никогда не моргали, было достаточно, чтобы лишиться самообладания и впасть в ступор.

Оружие этих солдат было простым, как у любых существ, рожденных для войны. У них были когти, клыки и скорость, благодаря чему они могли быстро сблизиться с противником и разорвать его в клочья. Некоторые из них обладали способностью плевать кислотой или выпускать из себя отравленные пики, пробивающие любой материал, кроме обогащенной вольфрамом стали. Шестеро из двадцати были выведены как Творения, и могли удлинять свои верхние придатки на семь футов, если измерять человеческими мерками, а их когти, как и череп, представляли собой смертоносное оружие.

Первороденные быстро выстроились спина к спине. Они открыли огонь, переменяясь и меняясь местами с такой небывалой скоростью, что превратились в размытые, едва различимые контуры, лишённые твердого тела и раскаленные от жара энергии, пульсировав-

шей в них. То, что раньше было изящным вестибюлем международного банка, теперь превратилось в поле битвы, на котором рептилии сражались с призраками, превращающимися змееподобных тварей в куски горячей плоти.

И все же враги наступали, несмотря на то, что их количество сократилось вдвое. Отравленные пики и кислотные плевки рассекали воздух, но не попадали в Перворожденных. Они словно стали бесплотными духами. И все же — пусть не с первого выброса — кислота ударила в лицевую панель одного из солдат, прежде чем вращающийся призрачный круг сумел протиснуться сквозь стены и покинуть здание. Тот, в кого попали, был вынужден принять твердую форму и появиться в поле зрения противника. Его лицевая пластина расплавилась, и под ней обнажились искрящиеся красные схемы. Удлиненная желто-черная рука с вращающимися желтыми наконечниками пронзила грудь Перворожденного, а черно-коричневый отросток, оканчивавшийся дюжиной малиновых шипов, пробил нижнюю часть тела и вырвал солдату его скользкие черные кишки. Умиравшее существо осело на колени, и командир отряда рептилий с колючими шипами на каждом плече сорвал Сайферу его сожженную кислотой голову с шеи. Оставшиеся Перворожденные рассредоточились. Их оружие успело уничтожить еще шесть ненавистных рептилий. Осталось четыре вражеских солдата, в том числе и командир. Об отступлении не могло быть и речи; все понимали, что это битва не на жизнь, а на смерть.

Мимо одного из Перворожденных пролетел ядовитый плевков, угодил в бетонную стену, и поверхность тут же начала плавиться под вязкой слизью. Четыре рептилии с невероятной скоростью преследовали троих Перворожденных. Энергетические заряды из бластеров не могли угнаться за стремительно скользящими целями и лишь выбивали куски бетона из дальней стены. Удлиненная рука, окончание которой походило на молот, увенчанный шипами, пронеслась в опасной близости от лицевой панели Несущего-Постыдную-Смерть. Командир Перворожденных выстрелил в ответ и уничтожил презренного врага. Четвертый Перворожденный попал в еще одну рептилию, испепелив ее. Командир отряда рептилий выбросил ядовитое копые, целясь в Несущего-Постыдную-Смерть. Тот присел на одно колено, и копые прошло его левое плечо. Несущий-Постыдную-Смерть выстрелил, но промахнулся, потому что командир рептилий метнулся в сторону. Когда энергетические бластеры Перворожденных взорвали третью рептилию, их командир замаскировался среди обломков и исчез, не оставив и следа для поисковой системы на лицевых панелях противника.

Теперь можно было приступить к выполнению основных приказов. Захватить этот образец. Использовать высотную систему слежения. Начать немедленное развертывание.

Сменившаяся картинка на поисковой сетке Несущего-Постыдную-Смерть показала пункт назначения. Это было довольно далеко от нынешнего местоположения четырех Перворожденных Благословенных Машин, но что значит расстояние для межзвездного путешественника, который мог по собственному желанию проникать в четвертое измерение? Можно было воссоздать математическую модель образца, однако эта информация уже содержалась в числовом коде Несущего-Постыдную-Смерть и в кодах других солдат. Система слежения могла бы установить контакт с образцом, но основная станция передачи сигнала была уничтожена обстрелом вражеского корабля, когда боевые линкоры сражались на краю атмосферы этого мира.

Несущий-Постыдную-Смерть передал координаты цели и траекторию движения своим подчиненным. Они не обратили внимания на лежащее под их ногами обезглавленное тело погибшего солдата, он больше не являлся боевой единицей. Солдаты один за другим начали расплываться в воздухе. Но не успело тело Несущего-Постыдную-Смерть до конца расплыться, как в его левую лодыжку вцепилась когтистая лапа командира отряда рептилий. Враг показался из своего укрытия среди руин. Его лицевой капюшон широко раскрылся, являя врагу жуткие глаза с красными продольными зрачками, рот распахнулся, готовясь извергнуть кислоту на лицевую панель.

Несущему-Постыдную-Смерть были знакомы лишь две вещи, которые он мог назвать эмоциями: преданность Благословенной Машине и ненависть к врагу. В его сложном математическом разуме не было места ни для чего другого. За исключением, может, жестокости. Несущий-Постыдную-Смерть выстрелил в упор, разорвав себе левую руку до плеча энергетической сферой и отбросив рептилию на несколько футов. Вязкий комок кислоты взлетел в воздух. Правая рука ненавистного противника сгорела при втором выстреле. Затем, пришла очередь нижних конечностей. Тело под обстрелом извивалось и меняло форму. Рептилия в агонии пыталась вновь замаскироваться под серый камень, покрытый щебнем, но его камуфлирующее полурганическое устройство было повреждено.

Черная лицевая панель с небольшим красным символом славы склонилась над измученным противником, и в ней отразилась кровавая сцена. Довольный своей работой, Несущий-Постыдную-Смерть не принес смерть, но сам обратился в призрак.

Образец должен быть захвачен во имя триумфа Перворожденных Благословенных Машин.

Глава двадцать первая

— Давайте послушаем правду, — сказал майор Флемминг, и его челюсти сжались так плотно, что могли запросто раскрошить кусок гранита.

В служебном помещении торгового центра, солдаты с посеребрившими лицами целились из пистолетов, винтовок и пулеметов в две фигуры, расположившиеся на металлических складных стульях: в Джефферсона Джерихо и Джека Воупа. Веревки стягивали пленников спина к спине. Яркие лампы светили им в лица. В комнате также находились, стараясь держаться вне линии огня, Оливия, Дейв и Итан, один глаз которого оставался голубым, а второй стал серебристым и словно бы лишился зрачка. Джей Ди занял место позади Оливии, медленно ковыляя на своем самодельном костыле.

Как только прекратился хаос, Итан прошел в туалет, осмотреть в зеркале серебряный глаз. Он думал, что испугается, но страха не было. Вместо этого он чувствовал себя... очарованным. Чувство силы, охватившее его во время недавней схватки, было невероятным... невозможным для той части его существа, что еще оставалась человеком. Но для другой части — чем бы она ни была — это чувство было ясным, как Божий день, и оно приносило исключительное, ни с чем несравнимое удовольствие. В уборной, со специально отряженным конвоем за спиной, Итан поднял рубашку и увидел, что на его «татуировке» выше сердца появился еще один символ. Теперь можно было прочесть слово — «Страж». Однако на этом «татуировка» не кончалась — под чернотой кровоподтека проглядывались очертания следующего символа.

У него не было выбора, кроме как пойти к майору и сказать ему:

— Сайферы прислали сюда разведывательный отряд и боевые единицы, потому что здесь под видом человека скрывался Горгон. Я ничего не стал говорить вам раньше, потому что могу справиться с ним. Вы верите мне?

И майор — тертый калач, который уже повидал все на этой кошмарной войне — кивнул и сказал:

— Да. Я верю.

— Мне жаль, что пришлось скрыть это от вас. Но я хотел понаблюдать за ним. Этот человек с ним... Кушман... он настоящий человек, но Горгоны его защищают. Я не знаю почему, но должен это выяснить. Когда вы возьмете этих двоих, я должен присутствовать. Горгон боится меня, и тот человек тоже.

— Проклятье, — хмыкнул тогда майор. — Я тоже тебя боюсь.

— Не стоит. Моя миссия ведет меня в другое место, но пока Горгон здесь, все люди в опасности. Причем, не только из-за него, но и из-за Сайферов. Я должен был предвидеть, но... по крайней мере, никто не пострадал, и это уже хорошая новость.

— Кроме того... мужчины, который загорелся, — мрачно добавил майор. — Что это вообще такое было?

— Оружие, спроектированное Горгонами. Нам повезло, что оно оказалось здесь, потому что, по правде говоря, те пауки были мне не по зубам.

— Ну, хорошо. Тогда... погоди, сколько, ты говорил, тебе лет?

Это был хороший вопрос. Итану казалось, нечто, живущее в нем, намного старше его самого. С каждым днем оно все крепло и начинало захватывать контроль. Сила, сосредоточенная внутри его тела, была настолько древней, что ее реальный возраст не поддавался воображению. А руны на груди... пожалуй, это сообщение для жителей этого мира. Чем бы ни была эта сила, ей знакома космическая пыль и темная материя, плывущая меж звезд и засеивающая безжизненные сферы необитаемых планет новой жизнью. Итан знал, насколько холоден дальний космос, насколько огромны расстояния, которые не в силах охватить разум обычного человека. Он понимал, насколько безжалостны два инопланетных врага, ведущие войну на Земле. Как бы ни хотели военные Земли остановить войну, они бессильны. Только чуждая сущность, что жила внутри мальчика, могла положить конец этому кошмару.

— Мне пятнадцать или около того, если судить по привычным для вас меркам, — ответил Итан, и майор предпочел не задавать больше вопросов.

— Что ж, надеюсь услышать от вас что-то осмысленное, — сказал Флемминг двум пленникам, связанным по его приказу спина к спине, и сидящим на раскладных металлических стульях в служебном помещении. — Кушман! Не хочешь что-нибудь сказать?

— Сэр? — обратился к майору один из солдат. Он был молодым и худощавым, говорил с южным акцентом. — Прощу прощения, сэр... но, кажется, я видел этого человека прежде. Не здесь, а где-то в другом месте.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не могу точно сказать, сэр. Просто он кажется мне очень знакомым. Как будто... какая-то знаменитость, из тех, кого показывают по телевизору. Моя мама, кажется, смотрела передачи с ним в Бирмингеме... или с кем-то похожим на него.

— Сомневаюсь, что этот ублюдок — телезвезда, — фыркнул Флемминг и вернулся к допросу, передернув затвор своего автомата и направив ствол в грудь пленника. — Я ведь могу убить тебя, прия-

тель. А если твой друг-Горгон пошевелится, я предоставлю Итану с ним разобраться. Так что давай-ка послушаем, что ты скажешь.

— Майор, — пролепетал Джефферсон Джерихо, чьи глаза смотрели на майора с недоумением и мольбой, — это большая ошибка! Я едва знаю всех этих людей. Эй, я тоже южанин, — обратился он к молодому солдату с южным акцентом. — Я раньше жил...

— Заткнись, — перебил его Флемминг. — Итан знает, что Горгоны защищают тебя. Зачем тебе их защита?

— Защищают меня? — Джефферсон криво улыбнулся. — Если это так, они не очень хорошо справились, согласны?

Дейв посмотрел на Воупа. Тот моргнул... затем еще и еще раз.

— Майор, — нахмурился Дейв, — думаю, вам стоит замочить этого сукиного сына как можно скорее. Если хотите, это сделаю я. Буду рад.

— Нет, — сказал Итан. — Кроме того, вы не знаете, как это сделать.

— А ты?

— Я знаю, — с непоколебимой уверенностью ответил Итан. Дейв встретился с ним взглядом, и серебряный глаз мальчика отбил у него охоту задавать вопросы.

— Я позволил тебе сдерживать меня, — вдруг произнес Джек Горгон. — Я стерпел это унижение, но могу легко вырваться из этих оков. Мальчик может уничтожить меня, но не раньше, чем я доберусь до вас, майор.

— Этот парень сумасшедший, — поспешно вставил Джефферсон. — У него не все дома. Но это не значит, что он Горгон; он просто умом тронулся...

— Скажи ему то же, что рассказал мне, — обратился Флемминг к мальчику с серебряным глазом.

Итан некоторое время молча смотрел на Джеффа Кушмана. Заглянув в лицо этого человека, он увидел удивительную мягкость, свидетельствующую лишь о том, что Кушман не познал всех ужасов этой войны, Итан вновь ощутил, что с ним что-то не так... словно даже его имя было не настоящим. Прозвищем или псевдонимом. Этот человек был ходячим олицетворением лжи, и он преуспел в своем искусстве. Возможно, он смог бы убедить в своей невиновности тех, кто не способен увидеть синюю сферу, ограждающую его сознание от вмешательства. Итан сказал:

— Я могу читать мысли Горгонов. Я способен видеть их воспоминания, — он решил попытать удачу и проверить на прочность собственный дар убеждения. — Ваши мысли я тоже могу читать, мистер Кушман... Хотя, это ведь не то имя, которое вы используете обычно, не так ли?

Лицо Кушмана вспыхнуло. Он огляделся по сторонам, но увидел, что на него направлены одни лишь осуждающие и обличительные взгляды. Ни одного сочувствующего.

— Послушайте, — обратился Джефферсон ко всем присутствующим. — Я человек, я один из вас! Но посмотрите на этого мальчика и скажите, человек ли он?! Неужели вы доверяете ему? Он явно не один из нас! Он уже не выглядит человеком, он пришелец!

— Я знаю, кто вы и что вы такое, — спокойно сказал Итан. — И ваше упорство ничего не изменит.

— Да прозрейте же! Это не мальчик! — Джефферсон почти сорвался на крик. Его глаза заблестели от страха. — Я не знаю, кто он, но он не один из нас! Послушайте... послушайте, пожалуйста! — он смотрел на майора Флемминга, сжимающего автомат. — Я не хотел влезать во все это. Раньше я находился в другом месте! Мне это не нужно! — он почувствовал, как напряглись веревки, когда Горгон пошевелился на стуле. Джефферсон взглянул на Дейва и Оливию. — Клянусь Богом, у меня нет никакого желания причинять ему боль! Мне все равно, я просто хочу вернуться назад, туда, где я был! Назад к моим людям! Понимаете? — с окончанием этой тирады он ощутил, что его дамба прорвана, и теперь наводнение не сдержат. Однако он пытался тянуть время, хотя лишь усугублял этим свое положение. Джефферсон понимал, что сейчас у него целых три возможности погибнуть: от рук мальчика, от рук Горгона или же от пули майора. — Меня втянули в это против моей воли! — отчаянно закричал он. — Я вынужден был это сделать, но я не хотел!

— Вынужден был сделать *что*? — с нажимом спросил Флемминг глядя на пленника так, будто лишь укрепился в своем намерении пустишь в ход оружие.

— Меня заставили...

— Я буду говорить, — вдруг произнес Горгон.

Все замолчали. Джефферсон Джерихо устался в пол, сердце его бешено колотилось, мысли путались.

Воуп не мог повернуть голову, чтобы посмотреть на допрашивающих, поэтому он бесстрастно устался в стену.

— Мальчик вызвал у нас любопытство. То, как он убивает без оружия. Он — нечто невозможное, но существующее. Мы хотим знать его внутреннее устройство. Вы бы сделали то же самое, майор, если б сражались с врагом, таким, как наш.

— Мы и так сражаемся с вашим врагом, — с неприязнью ответил майор. — И с вами тоже.

— Вы давно проиграли обе войны. Ваш единственный шанс выжить — вступить в союз с нами. Освободи нас, майор. Мы заберем мальчика в качестве вашего подношения нам.

— Черта с два! — прорычал Дейв. — Никто не заберет Итана!

Воуп не ответил. Затем его голова слегка склонилась набок, и он сказал:

— Ваш отказ был принят к сведению. Тем самым, вы напрашиваетесь на атаку, которая сожжет вас дотла. В конце концов, мы получим то, что хотим.

— Тогда, может, мне снести твою чертову башку прямо сейчас? — пригрозил Флемминг, сделав шаг вперед и приставив ствол к виску Воупа.

— Удачи, — с горечью усмехнулся Джефферсон. Он напрягся в ожидании выстрела и того, что за этим последует, пот ручьями заструился по его телу.

— Да, — сказал Горгон, как будто соглашался с последней репликой майора. Джефферсон Джерихо не видел, что произошло дальше, но видели остальные. Тело Горгона замерцало и начало изменять форму. Послышался звук, похожий на гул заведенного двигателя. Когда Воуп изменился, связывающие его веревки ослабли, и он повернул к собравшимся свое чернобородое темноглазое лицо. Нечто, пробывавшее себе путь наружу под этой маской, до неузнаваемости исказило человеческие черты. Майор Флемминг испытал настоящий ужас, глядя, как уродливая оползающая маска, уставившаяся на него, тает, словно воск. Угрожающий гул стал громче, порождая эхо, после чего Горгон произнес свое последнее слово, — Глупец!

Его тело исчезло, хотя на секунду или две оставалось подобие смутной тени, там, где оно находилось. Затем, пропала и она. Ствол майора Флемминга теперь смотрел в пустое пространство над стулом.

— Господи! — воскликнул Джефферсон Джерихо, чувствуя, как веревки спадают с него, когда Воуп телепортировался из комнаты. — О, Боже, не оставляй меня здесь! — Джефферсон поднялся со стула, и все оружие в руках окруживших его солдат обратилось в его сторону. — Не бросай меня! — заорал он с нескрываемым отчаянием перепуганного ребенка. На его мольбу не последовало никакого ответа. Даже боли в затылке. — Боже, нет! Я не выживу здесь! Я не выдержу! — воскликнул он, обращаясь к майору. В глазах его заблестели слезы ужаса. — Это неправильно! Я должен вернуться туда, откуда пришел! — с мучительной гримасой он повернулся к Дейву, Оливию, Итану и Джей Ди. — Пожалуйста... прошу, помогите мне вернуться!

— Я помогу тебе улечься в гребаную могилу, если это тебя устроит, — грубо отозвался Дейв.

Итан снова отправил на разведку невидимую серебряную руку. Теперь это действие казалось ему таким легким и привычным, словно он занимался этим всю жизнь. Он решил исследовать сознание человека, назвавшегося Джеффом Кушманом, однако синяя сфера все еще

закрывала его разум. Кем бы он ни был для Горгонов, они по-прежнему защищали его. И защита эта была непреодолимой. Серебряная рука Итана не могла противиться этой силе слишком долго — сопротивление будто высасывало из него энергию. Он не без труда вырвался и отозвал серебряную руку, чтобы отдохнуть. Весь процесс занял не более трех секунд, но Итан все равно почувствовал себя измотанным.

— О чем ты говоришь? — спросила Оливия безутешного Кушмана. — Куда ты хочешь вернуться и чем мы могли бы тебе помочь?

Джефферсон Джерихо решил, что время пришло. Даже если его изрешетят из множества стволов, даже если он умрет через полминуты — все было неважно. Он должен вернуться под Ее защиту. Плевать на сломанные пальцы!

Плоть к плоти, так она сказала. Он решил, что это должно активировать процесс телепортации или что-то в этом роде. Плевать, как это правильно называется — оно должно вытащить его отсюда и вернуть обратно в Новый Эдем.

Джефферсон окончательно освободился от пут и отчаянно бросился мимо майора Флемминга, прежде чем тот успел его остановить.

Джефферсон схватил Итана за предплечья — плоть к плоти — если не считать шин на его сломанных пальцах. Вот сейчас! Он так надеялся на это, вглядываясь в жуткий серебряный глаз мальчика. Мысленно Джефферсон воззвал к Ней, Королеве Горгонов, своей Королеве: *Вытащи меня отсюда! Сейчас! Давай!*

Итан явственно услышал этот призыв, как будто человек говорил вслух. Стены комнаты начали таять. Итан заметил, что Дейв тянется к нему, но было уже слишком поздно. Свет померк, стены растворились, но Итан понимал, что это происходит не с окружающим миром, а с его собственным телом, как и с телом Кушмана, который тоже перемещался вместе с ним в неизвестное место.

Итану показалось, что за спиной Джеффа Кушмана возникла некая фигура — крупная, чешуйчатая, с едва различимыми чертами лица, и внушающая животный ужас. Гипнотический взгляд Горгоны приказал мальчику подчиниться, но это было последнее, что он собирался сделать. Итан ощутил, как иная реальность начинает приближаться к нему, и твердо решил: *Нет, меня не заберут. Не заберут, я этого не допущу. Я вернусь обратно.* Он не знал, как это сделать, но понимал, что должен сопротивляться. Итан не собирался позволять кому бы то ни было вывести его из игры, забрать от друзей и помешать выполнять задание, которое не под силу никому, кроме него. Жуткое давление утягивало мальчика, словно в водоворот или в водопад, прежде чем размозжить о подводные камни. Он снова сказал: *Нет! Нет, вы меня не заберете...* И сила его воли — сила воли ми-

ров, что стояли за тем, кто когда-то был обычным мальчиком — оказалась достаточной, чтобы противостоять той силе, что пыталась захватить его. Портал был заблокирован; фигура за спиной Кушмана стала исчезать, как и другая реальность, в которой Итан едва не оказался. Итан и Кушман вновь вернулись в ярко освещенное служебное помещение торгового центра, под прицел оружия в руках столпившихся вокруг них солдат.

Все произошло так быстро, что Дейв даже не успел завершить свой рывок. Для него и остальных все выглядело так, будто тела Итана и Кушмана на секунду растворились в пространстве почти до состояния теней, а затем снова появились. Все это заняло не больше пары ударов сердца. Затем Дейв вырвал Итана из рук мужчины, оттолкнул мальчика прочь, и со всех сил врезал Джефферсону Джериho в челюсть. В этом сокрушительном ударе поучаствовал каждый напряженный мускул человека, побывавшего в тысячах драк и поработавшего каменщиком.

Жеребец из Теннесси рухнул на пол, словно мешок; многие из присутствующих решили, что удар Дейва отправил его на тот свет. Но через несколько секунд «мертвец» восстал. Сплюнув кровью, он издал стон, исходящий, казалось, из самых глубин замученной человеческой души. Дейв МакКейн встал над ним, сжимая кулаки.

— Лежать, сукин ты сын! Лежать, я сказал! — вопреки своим словам, он мечтал, чтобы этот ублюдок попытался подняться хотя бы на колени.

— Убраться отсюда эту мразь, — приказал майор. — Ты в порядке? — обратился он к мальчику. Итан кивнул в ответ. Флеммингу стоило немалых усилий удержаться от расспросов: где побывал или почти побывал мальчик? Хотя глубине души он осознавал, что не так уж хочет это знать.

Оливия пригнянула Итана к себе и обняла. В ту же секунду ее собственная плотина стойкости окончательно рухнула. Все ее горе выплеснулось наружу: потеря Винсента, потеря ее мира, трагичность и бессмысленность этой войны, вечные лишения и вечная борьба, смерть множества близких людей, которых она знала и которыми дорожила. И хотя она понимала, что обнимает мальчика, в котором обитает устрашающая потусторонняя сила, ей было все равно. Она нуждалась хоть в ком-то, кого могла полюбить и защитить, иначе она окончательно потеряет волю к жизни. Оливия заплакала. Она оплакивала мертвых и живых; тех, кто давно потерял надежду и все, чем дорожил. Она оплакивала погибшие семьи и тех, кто благодаря удаче остался цел. Если только не считать подобную удачу проклятием. Она оплакивала тех, кто, как и она сама, продолжал бороться день за днем, сражаясь за благословенные картины из глубин своей памяти,

поддерживающей волю к жизни даже самой ужасной ночью, как это делал ее шар «Волшебная Восьмерка». В тот момент Оливии казалось, что она успела оплакать всех погибших учеников школы Итана Гейнса, оплакала каждого человека, который до последнего верил, что все это лишь кошмарный сон — даже когда сгорал в инопланетном синем и красном пламени.

А еще... Оливия оплакивала мальчика, который не знал своего настоящего имени, поэтому звал себя Итаном Гейнсом. Мальчика, жившего когда-то обычной жизнью, у которого была мать, любившая его, и который теперь сделался вместилищем для страшной чужеродной силы, что подняла его из мертвых ради выполнения задания, известного и понятного лишь этой силе. Он никогда не сможет вернуться к тому, кем он был раньше. Никогда. И никто из выживших не сможет, потому что, даже если война завтра закончится, мир — не компьютер, и его нельзя просто перезапустить.

Джей Ди положил руки ей на плечи и уткнулся лбом в ее голову. Он хотел бы найти нужные слова, но разве они существовали? Если бы только слезы помогли избавиться от боли, которую он испытывал при каждом воспоминании о последних трех выстрелах, сделанных им в Пантер-Ридж. Джон Дуглас посмотрел на Дейва, растиравшего костяшки кулака, едва не отправившего Джефферсона Джериho в могилу.

— Нам нужно доставить Итана на гору Уайт Мэншн, — сказал Джей Ди. — И чем раньше, тем лучше.

— Да, — согласился Дейв. — Что скажете, майор? Когда мы сможем отправиться?

— Я ведь говорил, нам нужно немного доработать ваш автобус. Поверьте, вам это понадобится.

— Спасибо, — сказал Итан. Он жутко устал и был обескуражен. Суставы ныли. Он знал, что таким образом расплачивается за ту силу, что мог использовать. Итан невольно задумался, что произойдет, когда его человеческая половина полностью исчезнет, а чужеродная сила обретет полный контроль над его телом? По его прикидкам, он был уже на полпути к этому состоянию. Будет ли он хотя бы понимать, что происходит? На что это будет похоже? На сон или на смерть? Сможет ли Итан увидеть свое преобразование со стороны?

Мальчик не хотел слишком об этом задумываться, потому что изменения пугали его.

— Мне нужно что-нибудь съесть, и немного отдохнуть, — сказал он, проведя дрожащей рукой по лбу. — Где-нибудь в тишине.

— А что будет со мной? — спросил мужчина на полу. Все еще ошеломленный ударом, он старался отползти в сторону, подальше от

страшных кулаков Дейва МакКейна. Язык нащупал два шатавшихся зуба, и Джефферсон снова сплюнул кровью. — Как насчет меня?

— Мы найдем для тебя надежное место, посидишь под замком, — сказал Флемминг. — Насколько я понял, ты помогал врагу. Горгоны хотели забрать мальчика и убедили тебя участвовать в этом. Нет-нет, не надо оправданий. Я не хочу их слышать, — сказал он, жестом остановив Джефферсона, едва тот открыл рот. — В моей армии подобное карается смертью.

— Вы убьете меня? Вот так... запросто?

— Казним тебя, — кивнул майор. — Вот так, запросто.

— Итан, послушай меня! — Джефферсон Джерихо попытался подняться на ноги, но заметил, как сжались кулаки МакКейна, и замер на месте. — Меня заставили! Я не хотел! Кто же захочет помогать Горгонам и Сайферам добровольно? — он снова провел языком по зубам: один, похоже, выбит, второй сильно шатался. — Я не могу... не могу объяснить тебе все, но они оберегают меня и моих людей. Они держали нас в каком-то месте, изолированном от войны. Поэтому... я должен был доставить тебя к ним. Это был единственный способ сохранить защиту Горгонов. Ты понимаешь?

— Почему они выбрали тебя? — спросил Дейв.

— Потому что думали, что настоящий человек сможет легче войти в доверие. Как сказал Воуп, они хотели изучить Итана. Но еще они боятся его, — Джефферсон напрягся, в любую секунду готовясь к боли, причиняемой устройством в шее, но боли не было. Он понял, что его покинули. Королева Горгонов повернулась к нему спиной. Вполне возможно, все люди в Новом Эдеме уже уничтожены, как муравьи под сокрушительным сапогом хозяина Муравьиной Фермы, которому опостылело проводить свои опыты. — Я думал... что Итан — оружие Сайферов или что-то в этом роде, но ведь он убил их солдат! Он не может быть одним из них.

— Итан — это нечто иное, — сказала Оливия, вернув себе самообладание. — Он становится чем-то иным, — поправилась она.

— Третий тип пришельцев, — предположил Джей Ди и сам себе удивился, озвучив эту мысль. — Он верит, что может остановить эту войну. И я предлагаю дать ему шанс попытаться.

— Верно, — энергично закивал Джефферсон. — Шанс. Да. Правильно. Но... послушайте, здесь нельзя оставаться. Воуп говорил, что они вьются и спялят это место дотла. Они могут это сделать. И сделают.

— Я буду знать, когда они придут, — сказал Итан.

— Как ты узнаешь? Получишь сигналы с МКС,²⁷ или что?

---

²⁷ МКС — Международная Космическая Станция.

— Можно и так сказать. Я просто чувствую, когда они приближаются, — Итан повернулся к майору. — Если я уйду, им не понадобится нападать на вашу базу. Впрочем, они могут сделать это... просто ради демонстрации силы. Но, как сказал Джей Ди, чем скорее мы отправимся в путь, тем лучше.

— Ладно. Дай нам время до вечера, и мы завершим работу. В любом случае, я не советую вам выдвигаться перед наступлением темноты. Слишком рискованно.

— Оставаться здесь тоже рискованно, — сказал Итан, прекрасно понимая, что озвучивает не собственное желание, а волю инопланетной силы внутри него, что так рьяно подталкивает его отправиться в путь. Разумеется, никому из его спутников не хотелось столкнуться с толпами Серых людей по дороге.

— Я не останусь здесь! — воскликнул Джефферсон Джерихо. Он поднялся на ноги, пошатнулся, но сумел сохранить равновесие. — Черта с два! Я ничего такого не просил! Вы хотите держать меня взаперти, пока Горгоны не явятся и не устроят тут бойню? Хотите казнить меня за то, что я пытался спасти своих людей? Откуда мне было знать, что мальчик — не очередное оружие Сайферов? Я понятия не имел, человек ли он! — Джефферсон взглянул на Итана, и серебряный глаз мальчика заставил дрожь волной прокатиться по его позвоночнику. — Я, честно говоря, и сейчас в этом не уверен...

— Перед уходом, — сказал Дейв майору Флеммингу, — я хотел бы пустить пулю в лоб этого отморозка.

— О каких таких «своих людях» ты говорил? — поинтересовалась Оливия, не обращая внимания на замечание Дейва. — Что за люди? И где они?

— В Теннесси. Я владел агентством недвижимости недалеко от Нэшвиля, — Джефферсон решил не слишком распространяться о своем прошлом, на случай, если мать солдата-южанина, насмотревшись тренингов по DVD, потеряла деньги на акциях церкви «Рисковых Игроков». Тот диск назывался «Божественные системы рискованной игры, приносящие богатство и счастье», и стоил девять долларов и девяносто девять центов. Его за сутки доставляли FedEx.²⁸ — И весь наш городок был перенесен Горгонами в какое-то место, где они... могли изучать нас. Меня заметила одна из них... Она выглядела, как обычная женщина, но могла менять облик. И она сказала мне, что если я не доставлю ей мальчика, они больше не станут защищать нас. Вот почему я согласился. Ради своих людей, как я и говорил. Клянусь Бо-

---

²⁸ FedEx Express — известная американская компания, предоставляющая почтовые, курьерские и другие услуги логистики по всему миру.

гом, я думал, мальчик — оружие Сайферов. Я считал, что именно поэтому Горгоны охотились за ним.

Он повернулся и посмотрел на Итана взглядом мученика, думая о том, что ему понадобится целая тонна обаяния, чтобы продать себя этим людям на выгодных условиях.

— Я знаю, ты обладаешь фантастической силой. Ничего подобного никогда не видел. Ты сделал невозможное... ты всех спас, — на лице Джефферсона отразилась отчаянная мольба, и она была искренней. — Ты действительно можешь остановить эту войну?

Итан вновь попытался прощупать разум этого мужчины и, к своему удивлению, обнаружил, что синяя сфера исчезла. Покровители бросили его на произвол судьбы в наказание за неудачу. С помощью серебряной руки, Итана с любопытством проник в воспоминания человека, хотя некоторые места этого пейзажа было трудно рассмотреть. Итан видел лишь кусочки и обрывки, из которых узнал, что настоящее имя этого человека — Леон Кушман. Однако позже он провозгласил себя Джефферсоном Джерихо. После этого в цепочке его воспоминаний мелькали сцены с толпами людей, благоговееющих перед ним, и эпизоды, связанные с деньгами и обогащением. А еще у него были женщины... безумно много женщин.

Прежде чем Кушман договорил свою последнюю реплику насчет того, что Итан мог бы остановить войну, у Итана уже сложилась полная картина. Он увидел в сознании Джефферсона Королеву Горгонов во множестве обличий и узнал все, что происходило между ними. Он видел радугу в окне и чувствовал истинную радость продавца автомобилей, когда тому пришла в голову великая идея, как разбогатеть. Он видел жену Джерихо и слышал ее имя — Рамона? Нет, Регина. Она стояла за спиной мужа с револьвером в руке, готовясь пустить ему пулю в голову в расплату за многочисленные грехи... Но тот был спасен кораблем Горгонов, появившимся в небе над Теннесси.

— Вам повезло в тот день, когда жена собиралась застрелить вас, — холодно сказал Итан, заметив струйку крови, стекающую по разбитому лицу мужчины. — Или не повезло, учитывая, что теперь вы здесь, с нами.

Джефферсон прикоснулся к своему правому виску, словно чувствуя, как серебряная рука Итана перемещается в его сознании.

— Ты ведь знаешь, что я говорю правду, да? — он услышал мольбу в своем голосе, но не осуждал себя за нее. Мальчика, скорее всего, это проймет.

— В какой-то мере. Не все, сказанное вами, было правдой. Я узнаю наверняка, когда мы доберемся до горы Уайт Мэншн в штате Юта.

— Ты закончил вешать нам лапшу на уши? — спросил Дейв у Джефферсона. — Пора посадить тебя под замок или пристрелить, — он снова взглянул на майора. — Я сделаю это сам, если желающих больше нет.

— Этот человек натворил немало плохого, — согласился Итан. — Но не заслуживает смерти. Его имя Джефферсон Джерихо, и он...

— Боже мой! — воскликнул солдат-южанин. — Я вспомнил, откуда знаю его! Моя мама слушала его передачи. Смотрела по телеку каждый воскресный вечер! И книгу его купила! Я должен был узнать его по голосу.

— Он был кем-то вроде проповедника, — продолжил Итан. — Он продавал мечты. Некоторые многое приобрели от его советов, другие многое потеряли. Но... сажать его под замок нет смысла. Горгоны его больше не защищают. Ему некуда идти.

— Это, к сожалению, правда, — вздохнул Джефферсон. Он подерживал зрительный контакт с мальчиком, хотя это и давалось ему с трудом. — Сейчас мои люди и мой город, скорее всего, уничтожены, — он, наконец, приспособился нормально говорить с выбитым зубом, и сплюнул на пол кровавую слюну. — Ты знаешь, как мы называли свой город?

— Новый Эдем, — ответил Итан.

— И зачем я спросил? — Джефферсон выдавил из себя напряженную улыбку. — Что ж... Змий проник туда.

— Вы хотите сказать, что туда проник *еще один* Змий?

— Ну... пожалуй, да. Так будет вернее, — проповедник, будучи загнан в угол, к своему удивлению ощущал себя спокойно и уверенно. Перед этим мальчиком, способным читать мысли, ему не нужно было притворяться, разыгрывать шоу, изображать себя чокнутым фанатиком. В некотором смысле, он даже испытал облегчение. — Я не просился сюда. Так что делай со мной все, что хочешь. Как ты сам сказал, мне больше некуда идти. Какая разница, как умереть — от ваших рук или от рук Горгонов?

— Никакой, — кивнул Дейв. — Но я предпочитаю ружейную пулю.

— Обладая таким даром красноречия, — усмехнулся Итан, — вы слишком быстро сдаетесь.

— Что? — Дейв и Джефферсон произнесли это почти в унисон.

— Вы обладаете большим талантом вдохновлять людей на поступки. Иногда даже на те поступки, которые они не хотят совершать, но вы способны убедить их, что они хотят. Так было на протяжении всей вашей жизни, разве нет?

— Некоторые могли бы так сказать...

— Я могу так сказать, потому что знаю, — Итан почувствовал странную дрожь. Этот человек использовал множество людей в своих целях, и многие пережили из-за него большие потери, но далеко не все. Некоторые сумели возвыситься над собой и многое приобрести. Он обладал даром убеждения, хотя на существо, способное читать мысли, этот дар не действовал. Он сумел выбить себе, Горгону и тайному горгонскому оружию в облике человека место в автобусе, несмотря на возражения Дейва. Он мог бы забрать Итана в мир своих покровителей, если б чуждая сущность внутри мальчика не оказалась такой сильной. Итан понятия не имел, что ждет его в месте назначения, он не понимал этой тяги и не понимал, что заставило его сейчас повернуться к Дейву и твердо произнести, — Нам может пригодиться этот человек!

— Что?! — переспросил Дейв. — Да на кой хрен он нам пригодится?

— Я пока не знаю, — ответил мальчик. — Но, возможно, я еще не готов...

— Не готов для чего? — спросила Оливия, сбитая с толку так же, как Дейв, Джей Ди, и сам Джефферсон Джерихо.

— Для миссии. Я так и не знаю, что это за миссия, но этот человек... — Итан сделал паузу, стараясь определиться в собственных ощущениях, но пока так и не смог их распознать, — он слишком ценен, чтобы оставить его здесь. Он видел существо, вероятно, являющееся Королевой Горгонов... если она действительно женщина. На него пал выбор не просто так; он был ее любимцем, — об остальных деталях взаимоотношений Джефферсона и его инопланетной любовницы Итан предпочел умолчать. — Я верю, что он должен отправиться с нами, несмотря на все его прошлые поступки.

Наступила тишина. Джефферсон никак не мог решить: стоит ли ему отправляться на поиски этой горы? Будет ли это безопаснее, чем остаться тут? Но он отчего-то был уверен: рядом с Итаном он более защищен, чем без него. Сейчас он мог стать мишенью для Горгонов, и если они выбрали Джефферсона своей целью, то просто так не отступят. Они найдут предателя, где бы он ни скрылся. Но на дороге могут встретиться Серые люди... тысячи Серых людей!

Итак... стоит ли идти на сделку?

— Я расскажу все, что знаю, — сказал Джефферсон, обратившись к Дейву, потому что именно он был камнем преткновения. Впрочем, это не имело большого значения; решения принимал мальчик. Джефферсон перевел взгляд на Оливию. — Все, что знаю о Воупе и Рэткоффе. Наверное, вы хотите это узнать. Я могу оказаться полезным, это я вам обещаю.

Взгляд Дейва оставался угрожающим и холодным.

— Если снова сделаешь к Итану хоть шаг, я тебя убью, — прорычал он. — Это я тебе обещаю, отморозок.

— Справедливо, — согласился проповедник, чуть склонив голову. Возможно, МакКейн уловил в нем все еще не умершую надежду схватить мальчика и доставить его к Королеве Горгонов, чтобы спасти своих людей и свой город. Но Джефферсон понимал, что мальчик, глядя на него, безошибочно читает все его мысли, и инопланетная сила Итана оценивает каждую идею, пришедшую ему в голову.

— Я узнаю, — намекнул Итан. Для Джефферсона Джериho этого было достаточно.

Я буду паинькой, подумал он, и Итан тут же ответил:

— Я на это надеюсь.

Майора Флемминга и его солдат ждала масса неотложных дел, так что Дейв сам взялся присматривать за Джефферсоном Джериho и не подпускать его близко к Итану. Оливия отвела мальчика к служебному лифту. Нужно было собрать вещи в дорогу. Ханне Граймс снова предстояло сесть за руль, потому что Дейв не был уверен, что справиться со специфическим управлением автобусом — особенно на этой жуткой дороге, когда они выберутся на I-70 и направятся в Югу. Возможно, вся трасса окажется усеянной вмятинами и кратерами, которые придется умело объезжать.

И все же, добраться до цели было самым важным. Итан должен был что-то найти там. Никто не знал, что именно, но все верили в значимость этой миссии. Они приготовились отбыть сразу, как закончится работа с автобусом. Снова отправиться в мир, охваченный войной.

Джефферсон Джериho понимал, что все, построенное им, скорее всего уничтожено. Регина, вероятно, погибла. Или, может, Новый Эдем вернулся к своему изначальному состоянию, в котором должен был пребывать, если б Горгоны не спрятали его от войны. Возможно, его заполонили Серые люди, и всех растерзали. Джефферсон не представлял себе, какая смерть хуже. Ему не хотелось думать об этом. Но он был уверен, что никогда больше не вернется в Новый Эдем. Джефферсон вверял свою участь мальчику и его спутникам. Возможно, Дейв МакКейн убьет его, прежде чем они доберутся до этой, почему-то такой особенной, горы. Или Королева Горгонов решит нанести мстительный удар, сцапает «своего Джефферсона» и разорвет на куски. Не исключал он и возможности, что смерть поджидает его на дороге в лице серой твари, против которой окажется бессилен даже Итан. Но сейчас, по крайней мере, Джефферсон был жив. И его пока не собирались запереть или казнить.

Мальчик мог его защитить. Эта мысль заставляла Джефферсона немного нервничать, но пока он считал это своей удачей. На данный

момент это был лучший выигрыш, на который мог рассчитывать «Рисковый Игрок».

Глава двадцать вторая

Итан был готов к тому, что ожидало его в торговом центре. Мальчик с серебряным глазом, способный одной лишь силой своего разума разнести в клочья огромных инопланетных пауков и солдат Сайферов, вышел к людям, которые сторонились его, как чумного. Он знал, его будут бояться, и он не мог их в этом винить. Если бы Итан мог увидеть, как выглядит притаившаяся в нем сила, не будучи облаченной в человеческую плоть, он бы, наверное, и сам испугался.

Дей отправился на поиски Ханны Граймс, прихватив с собой Джефферсона Джериго. Итан, Оливия и Джей Ди поднялись в буфет, что-нибудь поесть. Люди, что сидели там, включая военнослужащих, спешно покинули свои места, когда появился Итан и его сопровождающие. Лишь трое выживших из Пантер-Ридж остались в буфете. Пришлось заняться самообслуживанием. Они налили себе по миске не очень наваристого овощного супа из большой металлической кастрюли, взяли по чашке, наполнив их водой из пластиковых баклагов, и присели за один из ярко-оранжевых столиков.

Спустя некоторое время, Оливия покосилась вбок и произнесла:
— У нас гости.

Итан увидел приближающуюся к их компании Никки. Она, по крайней мере, не боялась его. Девушка подошла к столу, на мгновение задержала взгляд на серебряном глазу без зрачка, и спросила:

— Тебе не больно?

— Нет. Никаких неудобств, как и со вторым глазом.

— Это... так прикольно, — сказала она, не сдержав короткий смешок. Зардевшись, Никки прикрыла рот рукой, но быстро поняла, что уже поздно сдерживаться. — Я хочу сказать... смотрится круто. А у тебя теперь, что... рентгеновское зрение... или что-то типа того?

— Нет, не сказал бы.

Беспокоится, вдруг я могу видеть сквозь ее одежду, подумал он и сосредоточил взгляд на ее лице, чтобы не смущать ее лишним раз.

— Возьми себе что-нибудь и садись с нами, поешь, — предложил Джей Ди, кивнув на пустующий четвертый стул. — Похоже, всех остальных мы распугали.

— Спасибо, — ответила Никки. — Но я просто хотела немного поговорить с Итаном.

— Нам что — выйти? — спросил Джей Ди, поднося ко рту полную ложку супа.

— Нет, сэр, — Итан покачал головой. — Мы сами пересядем за другой стол, — взяв чашку с водой он последовал за Никки к столу на другом конце буфета. Он понимал, хоть она и стесняется, им нужно поговорить наедине. Когда они уселись друг напротив друга, Никки вновь с любопытством задержала взгляд сначала на одном глазу Итана, потом на другом, словно пыталась понять, куда смотреть во время разговора.

— Они оба зрячие, — вздохнул он. — Просто... как ты сказала, это прикольно.

— Как это случилось? Ты почувствовал что-то в тот момент?

— Нет. Ничего такого я не чувствовал, — Итан подумал, что подобные изменения лишний раз свидетельствуют о том, как быстро крепнет растущая в нем инопланетная сила. — Мне было немного не до того...

— Ого, — хмыкнула Никки, убрав светлую прядь волос, упавшую ей на лоб. — Это просто нереально круто! Но... ты не возражаешь, если я у тебя еще кое-что спрошу?

На что это похоже? — явно хотела спросить она. Итан догадывался об этом, но все равно кивнул. Вопрос прозвучал, но ответить на него было не так-то просто.

— Это похоже... на такое ощущение... как будто ты понимаешь — все, что тебе нужно, это сосредоточиться на чем-то. И тогда у тебя получается. С каждым разом становится все легче... да и особенно тяжело-то никогда не было. Я просто чувствую, что могу это сделать, но не могу объяснить, как. Это как выбор: жизнь, либо смерть. Понимаешь?

— Наверное...

— Можно теперь я задам тебе вопрос? Когда я убивал пауков и солдат Сайферов, ты видела, что вылетало из моей ладони? Я имею в виду... мог ли кто-нибудь кроме меня это видеть?

— Нет... ничего не было видно.

— Для меня это выглядело... как молнии, или... я не знаю, как горящие пули. Их были тысячи! Они просто вырвались из моей ладони, по моему желанию, когда были нужны. И с воздухом сделалось что-то странное... он так причудливо искажался, как будто все мое тело — один большой раскаленный пистолет. Энергетическое оружие. Все выходило отсюда, — он показал ей правую ладонь, которая ничем не отличалась от ладони обычного подростка. — Значит, только я мог это видеть?

— Ну, я ничего не видела, — пожала плечами Никки. — Я находилась неподалеку, но ничего не заметила.

Как предположил Итан, возможности его зрения все же выходят за пределы человеческого. Видимо, это связано с внешним изменением его глаза — мог поменяться спектр восприятия, например.

— Тот мужчина, который загорелся и атаковал Сайферов, — нахмурился Итан, — Если б не он, то я вряд ли справился бы со всеми. Того человека звали Рэткофф. Я лишь недавно узнал. Он был человеком, но, после проведенных над ним опытов, Горгоны сделали из него... то, что сделали.

Итан сделал глоток и отставил чашку с водой в сторону. Посмотрев Никки в глаза, он тихо спросил:

— Когда ты поняла, что не боишься меня? На самом деле, — он вдруг обратил внимание, что ее уцелевший глаз имеет насыщенный цвет молочного шоколада, и невольно подумал, что с радостью съел бы сейчас что-нибудь сладкое. — все остальные, кроме моих друзей, боятся меня. А почему ты — нет?

Потому что я тоже твой друг, подумала она. Итан ничего не сказал, и она произнесла это вслух:

— Потому что я твой друг. Разве нет?

— Конечно же, друг, — кивнул он, не задумываясь. — Просто... ты же знаешь... что я меняюсь. Со мной происходит что-то странное. И теперь, с этим глазом, я...

Те слова, что Никки собиралась произнести, для Итана отчетливо звучали в ее сознании, и он заставил себя сосредоточиться только на ее лице и губах, понимая, что рыться в мыслях — неправильно. Он ничего не мог поделать с этой способностью, все происходило само собой. Это было настолько просто, что стало частью его природы.

— Хочешь увидеть мой? — спросила Никки едва слышно.

Итан знал, что она хочет поделиться с ним, поэтому ответил:

— Да.

Сделав глубокий вздох и набравшись смелости, она начала приподнимать повязку на глазу, но остановилась. На губах появилась грустная усмешка, а в здоровом глазу — печаль.

— Я уверен, — кивнул Итан.

— Это... не очень красиво, — пожала плечами Никки. Он повторил ее движение.

— А мой, по-твоему, красивый? Когда я зашел в уборную и взглянул в зеркало, то чуть не упал в обморок. Я даже не сразу понял, что могу им видеть!

Она едва не рассмеялась, видя его замешательство, но момент был неподходящий. Никки все еще была ошеломлена тем, что произошло в торговом центре. Она не успела отойти после ночной атаки Серых людей и смерти Гэри Рузы, как состоялось новое нападение. Иногда она мечтала впасть в спячку, чтобы ужасы нынешнего мира

не сломали ее, как тростинку. Девушка едва справлялась с целым омутом мрачных воспоминаний о смерти тех, кого она знала. Но она понимала, что ни спячка, ни оцепенение ей не помогут. Что произойдет с человеком, если он вдруг растеряет все чувства, погрузится во тьму и не сможет найти дорогу назад?

Никки хотела показать Итану то, что скрывала повязка; ей требовалось, чтобы хоть кто-то увидел и понял, какую боль она пережила. Нельзя сказать, что ее боль и травма были хуже и страшнее, чем то, что довелось пережить множеству других людей. Но Итан мог понять: каково оставаться в этой реальности и каждый день переживать все больше жестокости, когда душа и так уже истерзана в клочья. Никки нуждалась в простом человеческом сочувствии от этого мальчика, которого и человеком-то не вполне можно назвать... Хотя, может, он более человечен, чем большинство людей, потому что у него была цель. В этом Никки тоже нуждалась.

— Ну же, давай, — подбодрил ее Итан.

Она подняла повязку и показала ему пустую глазницу, из которой доктор Дуглас извлек поврежденный глаз, прежде чем развилась инфекция. Шрам тянулся чуть ниже глазницы, а сверху доходил до брови.

— Это от осколка стекла. По крайней мере, док так сказал. Я этого не помню. Помню только огонь и как взрывались дома на Вествью-авеню. Той ночью шло сражение в небе. У меня на теле было гораздо больше ран и порезов, лицо зацепило совсем немного... Самые уродливые шрамы у меня под одеждой. Большая часть волос у меня сгорела, но... все уже отросло обратно. Наверное, мне повезло, да? Что я не сгорела полностью.

— Да, — согласился Итан.

Никки снова опустила повязку, и на ней заискрились маленькие стразы-звездочки.

— Тогда в Пантер-Ридж пришло много людей. Некоторые из них были с сильными ожогами и долго не протянули. Одна семья пришла с двумя маленькими мальчиками... близнецами. Они очень сильно обгорели — от рук и ног почти не осталось живого места. Один умер на следующий день, а второй спустя двенадцать часов. Я слышала, как Оливия и доктор Дуглас говорили о них. Будто бы... после того, как умер первый близнец, второй потерял волю к жизни. Их родители тоже не прожили долго. Я видела так много самоубийств! Я тоже хотела покончить с собой, но Оливия останавливала меня. Дважды.

— Я рад, что она это сделала, — слабо улыбнулся Итан.

— Хм, — вздохнула девушка, словно не разделяла радость Итана по этому поводу.

— Оливия подарила мне стразы для повязки. Знаешь, кому они принадлежали раньше? Матери тех близнецов. Откуда она их взяла, я без понятия. Может, в магазине «Все за доллар»? Просто увидела их и решила, что они милые. Люди иногда совершают странные поступки, чтобы не сломаться.

Итан кивнул. Это была правда, не поспоришь. Он знал, в чем нуждалась Никки — в слушателе. Поэтому он терпеливо ждал, пока она расскажет ему все, что хотела рассказать.

— У меня была сестра по имени Нина, — сказала Никки. — На год старше меня. Представляешь, она умела ездить верхом! Ну, мы обе умели, но у нее получалось гораздо лучше. Она в то время только перешла в старшую школу. Мы собирались поехать в Колорадо и развлечься — это она мне предложила. Нина хотела стать ветеринаром и работать с лошадьми. У нее бы, наверное, получилось — она была умной. Математику хорошо знала... и химию... и много чего еще. А мне было наплевать на учебу, я росла настоящей пацанкой, — Никки на мгновение сфокусировала взгляд на бесконечно далекой точке пространства, и Итан не стал ее торопить.

— Иногда, — продолжила Никки, — я вижу сестру во сне. Она всегда красивая... улыбается и выглядит очень счастливой. Она не сторепа, ей не больно. И она говорит: «Эй, Никки-тики, не смей сдаваться. Ты не одна, кому плохо. Так что расскажи Оливии про те таблетки снотворного, что ты нашла в комнате мистера и миссис Эстевез после их смерти. А еще расскажи ей о ноже с зубчатым клинком в нижнем ящике твоей тумбочки, прикрытом красным одеялом». А я ответила: «Хватит мне указывать! Ты всегда любила командовать, но кто тебе сказал, что ты имеешь на это право?» Но она просто усмехнулась и сказала: «Выбрось все это из головы. Ведь ты последняя, кто остался от семьи Стэнвик, жившей на Вествью-авеню с 1733-го года. И папа всегда говорил, что сдаваться — это непозволительное малодушие!» Затем, она добавила: «Найди свой путь». Я до сих пор не уверена, что она имела в виду.

Итан молчал. Он не позволял себе заглядывать в ее мысли, но и так догадывался, о чем она думает.

— Если у человека нет надежды, — грустно пробормотала Никки, — он умирает. Сначала внутри, в душе. А если ему не удастся найти выход, он умирает и физически, — взгляд ее единственного глаза остановился на мальчишке. — Я не хочу оставаться здесь и ждать смерти, Итан. Если получится, я хочу найти свой путь. Знаю, тебе очень нужно добраться до той горы в штате Юта. Я понимаю, как это важно, — она чуть помедлила, прежде чем задать вопрос, заранее готовясь к отказу. — Ты позволишь мне отправиться с тобой?

Он не колебался ни секунды.

— Да, я хочу, чтобы ты присоединилась к нам.

— Правда? Серьезно? — выдохнула она. — Я знаю, что это опасно, но...

— Безопасных мест не существует, — напомнил он ей. — Пока продолжается этот кошмар — везде опасно.

Она кивнула.

— Ты знаешь, что там, на горе?

— Нет. Думаю, я узнаю, лишь когда мы доберемся туда и увидим все своими глазами.

А будет ли что увидеть? мысленно спросил он себя. Итан заметил, что его образ мыслей тоже меняется, и то, что он говорил, не всегда диктовалось тем, что он думал. Это не походило на мысли обычного подростка. Внутри него звучали чуждые мысли, чуждая речь, которые с каждым днем становились все настойчивей.

— Скоро я могу стать совсем другим, — сказал он ей со слабой улыбкой. — Будто я уже не другой. Но... я могу перестать быть Итаном Гейнсом. Эта часть меня становится все более тусклой, уходит все дальше... или просто погружается в сон, я не знаю. Но я не хочу оставлять тебя тут, ждать смерти. Твоя сестра права. Нам нужно найти свой путь. Я рад, что ты хочешь отправиться с нами, — он указал на металлическую кастрюлю с супом. — Поешь, пока еще есть возможность.

— Я поем. Спасибо.

Итан очень устал, ему требовался отдых. Битва с паукообразными тварями и солдатами Сайферов совсем истощила его. Он надеялся, что некая часть его, постоянно остающаяся на чеку, сообщит ему, если в опасной близости объявятся Горгоны или Сайферы. Итан едва успел разложить на полу свой спальный мешок, прежде чем провалиться в сон.

Но что-то внутри него не спало, оно не нуждалось в отдыхе и покое в этом царстве страданий, и оно заговорило с Итаном, произнеся три слова:

Вот мой мир.

Где-то глубинах своего сознания Итан увидел суровый серый пейзаж, усеянный валунами. По земле бежали широкие трещины. Небо молочно-белого цвета прорезали яркие пурпурные молнии. Сквозь атмосферу виднелась мрачная планета-спутник, окруженная тремя мерцающими кольцами из обломков и пыли. У Итана было ощущение, будто он стоит на вершине горы, обдуваемый слабым сухим ветром, пахнущим щелочной пылью. В раскинувшейся перед ним долине он увидел серебристый обелиск, тонкий, но высотой в тысячи футов, с медленно и беззвучно вращающимся шпилем. Башня походила на антенну или маяк, рассылающий не лучи света, а энергию и

сообщения, расшифровать которые было за гранью возможностей Итана. На станцию тоже приходили сигналы. Итан не знал, почему он счел это сооружение станцией, но был уверен в своей догадке. Более того, он догадывался, что подобные строения высились и на других планетах.

Это было чудовищно унылое место. На мальчика давило чувство одиночества и опустошения, но местный хранитель, как понял Итан, был древним созданием, выбравшим эту участь по своей воле. Он отказался от другой жизни ради выполнения своего долга. Это положение было сравнимо с обоюдоострым мечом: честь службы и пожизненная ответственность. Время здесь отличалось от земного, а жизнь не подчинялась земным законам. Итан не понимал, что за существо делилось с ним образами и воспоминаниями, и было ли у него физическое тело. Существо могло состоять из чистой энергии и интеллекта, о его происхождении ему не было ничего известно. Но Итан знал, что это создание обладает двумя эмоциями, что роднили его с человечеством: сочувствием и чувством справедливости. Казалось, это были те движущие силы, которым оно подчинялось. А еще существо обладало врожденным любопытством по отношению ко Вселенной и высшей мудростью.

Шпиль повернулся. Ветер продолжал дуть, а молнии все пронеслись по молочно-белому небу, но изображение стало постепенно угасать. Когда это видение из другого мира исчезло полностью, человеческая часть Итана погрузилась в глубокий сон без сновидений, но пребывающий внутри него пришелец оставался неусыпно бдительным, поскольку что это был единственный известный ему способ существования.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НА ЗАПАД

Глава двадцать третья

— Это так уж необходимо? — спросил Джефферсон Джерихо, когда Дейв МакКейн защелкнул на запястьях его рук, заведенных за спину, черные наручники. Дейв не ответил. Он втолкнул Джефферсона по ступенькам в автобус, надеясь, что этот убудодок споткнется, сломает себе нос и тогда, может, заткнется.

Ханна Граймс ждала, сидя за рулем. Она боялась, что эта поездка станет последней в ее жизни, но готова была костями лечь, но довести этот автобус до штата Юта. В ее ежедневнике все равно не было других запланированных важных событий. А Дейв убедил ее, что это

поистине важная поездка. Поэтому Ханна осталась — к счастью или к несчастью. Еще она считала, что Дейв на ее месте угробит автобус на первой же серьезной трещине.

Слабый свет дождливого рассвета начал расползаться по линии горизонта. Места в автобусе уже заняли Джей Ди и Оливия. Теперь ждали только Итана и Никки. Майор Флемминг вернул им оружие, консервы и канистры с водой, выразив сожаление, что не может помочь более существенно. Он все же раздумывал, не отправить ли небольшой эскорт в броневике, но каждый солдат был на счету, и лишиться даже одного значило подвернуть остальных выживших риску. На это майор пойти не мог. Он велел заполнить бак автобуса из собственных запасов топлива, и нашел длинный шланг, позволяющий перекачивать топливо в дороге. Фару автобуса также отремонтировали, позаимствовав лампу с одного из грузовиков.

Группа механиков трудилась всю ночь под ярким светом дуговых ламп, питавшихся от генератора. Они заменили разбитое лобовое стекло листом металла с прямоугольной стеклянной вставкой, позволяющей водителю видеть дорогу. То окно, что разбил Серый ребенок, заделали пластиком. В других окнах зияли пулевые отверстия от выстрелов, которыми люди тщетно пытались отгонять Серых людей. Большую часть времени заняла сборка и сварка ковшеобразной клетки, которую прикрепили к передней части автобуса и увенчали железными шипами. Все эти металлические новшества значительно увеличили вес автобуса, что должно было сказаться на расходе топлива. Майор заверил Дейва, что это неизбежно, но дополнительная защита поможет им продержаться ночью против Серых людей. Кавалерия не придет на выручку, когда автобус выедет на I-70 и окажется в Скалистых горах. Будь у них достаточно времени и возможностей, сказал майор, можно было бы установить пулемет на крыше автобуса. Но, опять-таки, все M240 на сторожевых башнях и боеприпасы к ним были на вес золота, и требовались для охраны торгового центра. Щетку стеклоочистителя переделали, чтобы она доставала до стеклянной вставки. Последнее, что мог сделать майор для этого отряда самоубийц — это очистить салон автобуса от пятен крови и липкой жижи, заменявшей Серым людям кровь.

— Извините, но освежителей воздуха у нас нет, — сказал Флемминг. — Может, салон хоть немного проветрится, когда вы отправитесь в дорогу.

Майор не стал говорить о том, что каждый солдат расписался на бортах автобуса черной или красной краской. Возможно, не все они понимали важность этого путешествия, но Флемминг и капитан Уолш расписались на удачу первыми, и остальные последовали их примеру.

От майора Дейв получил наручники, которые теперь сковывали запястья Джефферсону Джерихо. Еще он выпросил ножницы.

— Сядь там, — указал Дейв проповеднику на место с левой стороны автобуса, в нескольких рядах позади Ханны. Оливия и Джей Ди заняли места с правой стороны, Дейв же сел прямо за Джефферсоном, чтобы в случае чего огреть того по затылку. Ну, или если возникнет непреодолимое желание это сделать. Его «Узи» отлично устроился в своей наплечной кобуре, а на поясе висел револьвер «Магнум», который уже спас однажды его и Оливию в библиотеке средней школы. Конечно, это оружие не остановит Сайферов и Горгонов, но справится с другими тварями. И, если возникнет такая необходимость, оружие не позволит инопланетянам захватить своего обладателя живьем. Если врагов окажется слишком много, и Итан с ними не совладеет, Дейв собирался позаботиться об Итане, Оливии и остальных. Но лучше бы им добраться до места целыми и невредимыми.

Дейв потянулся вперед и шлепнул Джефферсона по затылку.

— Ну-ка заткнись!

— Ох, Боже! Я разве что-то сказал?

— Нет, ты громко думаешь. Так что заткнись!

Оливии вернули ее автоматический пистолет 45-го калибра с двумя запасными магазинами — их подарил ей Джоэль Шустер, у которого была такая же модель оружия. Джон Дуглас получил «Беретту М9». Оружие ему не принадлежало, поскольку свой пистолет он потерял еще в Пантер-Ридж, но капитан Уолш решила не оставлять его без средства самозащиты, и вдобавок расщедрилась на четыре запасные обоймы. Солдаты добавили пару «конфискованных» винтовок и несколько обойм. Пулемет на крыше, по мнению Дейва, тоже не помешал бы, но приходилось брать, что дают. В задней части салона хранились пластмассовые контейнеры, ручной насос и двенадцатифутовый шланг для перекачивания топлива, а также лом, который Дейв использовал раньше для взлома подземного резервуара.

Через несколько минут на парковке торгового центра появился Итан, затем показались Никки и майор Флемминг. Майор нес небольшой оливково-зеленый зашнурованный мешок.

— Ну, что ж, — сказал Флемминг, когда Итан и Никки заняли свои места позади Оливии и Джей Ди. — Удачи вам, — его взгляд остановился на мальчишке, до сих пор вызывающем у майора страх. Но Флемминг был уверен, что поступает правильно. — Надеюсь, вы найдете то, что нужно, — майор передал сумку Дейву. — Здесь четыре осколочные гранаты, модель М67. Просто выдергиваете кольцо и бросаете, как в кино. Можно бросить футов на сорок, но сами при этом оставайтесь в укрытии, осколки разлетаются далеко. И постарайтесь не взорвать никого, кроме врагов.

Вместе с последней репликой на его лице показалась печальная усмешка.

— Спасибо, — кивнул Дейв.

— Мы очень ценим вашу помощь, — сказала Оливия. — Особенно ту работу, что вы проделали с автобусом. И мы очень благодарны за топливо.

— Мы сделали то, что могли. Итан, береги этих людей. И себя.

— Я сберегу, сэр, — ответил мальчик. Он еще задолго до завтрака, состоящего из хлеба, консервированной ветчины и бобов, чувствовал присутствие Сайферов, но догадывался, что их присутствие станет куда более явным, как только автобус выедет на дорогу и отправится на запад. Вряд ли они предпримут прямую атаку. Нет, они замыслили что-то другое...

— Ладно... — вздохнул майор. — Что ж, пожелайте удачи и нам. Мы будем держаться здесь, пока не появятся альтернативы, — он быстро отсалютовал им. — Пока, ребята!

Когда майор вышел из автобуса, Ханна закрыла дверь и завела двигатель. Его свист и дребезжание напомнил Ханне ее саму, когда приходилось вставать в четыре утра, и она усмехнулась. Как и Ханна Граймс, двигатель был готов пуститься в дорогу.

Металлические входные ворота в торговый центр подняли на цепях, и желтый школьный автобус с именами сорока двух солдат и двух офицеров, написанными на бортах, проехал по дороге. Он миновал заградительную полосу против Серых людей, где над их трупами продолжали кружить стервятники. Солнце протянуло свои алые лучи сквозь дыры в зловещих темных облаках. Разрушенные небоскребы Денвера лежали к югу, и в ту же сторону следовала трасса I-70.

Ворота крепости закрылись. Ханна вздохнула.

— Ну, что, детишки? Теперь мы сами по себе.

Итан все еще ощущал присутствие Сайферов. Это было похоже на покалывание в коже, на тень, упавшую на лицо, и он знал, что это не паранойя; пришелец внутри него не страдал паранойей, он просто чувствовал противника.

— За нами наблюдают, — сказал мальчик. — Следящее устройство Сайферов. На большой высоте.

— Господи! — Джефферсон повернулся, насколько позволяли наручники, чтобы встретиться взглядом с мальчиком. — Они преследуют нас?

— Пока только следят. Но при этом посылают сигналы, так что... рано или поздно придет подкрепление.

— Погоди, так Сайферы тоже хотят достать тебя?

— Да, — ответил Итан. — Тот Сайфер, что скрылся из торгового центра, вероятно, связался со своим командным пунктом. Они хотят

забрать меня, как и Горгоны, — он слабо улыбнулся мужчине. — Они не понимают, кто я, и пытаются это выяснить. Но... приятно знать, что они меня боятся.

— Они не глупы, — заметил Джефферсон. — Но... ты ведь и сам не понимаешь, кто ты.

— Во всяком случае, не полностью. Я думаю, что я... Вернее, тот, кто живет во мне... кто-то вроде *воина*. — Итан приложил руку к груди там, где из-под ушибов проступили символы. — Возможно, я... выращиваю свою униформу, и это тоже часть моего предназначения. С каждым днем я становлюсь сильнее. Может, с каждым часом. Это означает, что если Сайферы хотят справиться со мной, то им придется отправить своих лучших солдат.

— И тогда нам не поздоровится! — Джефферсон начал сомневаться, не лучше ли ему было остаться в торговом центре, раздобыть там оружие или забиться в какую-нибудь укромную щель, но Итан сказал:

— Мне понадобятся ваши умения. Не знаю, как и когда, но у вас будет шанс мне помочь. Помочь всем нам. Вы в это верите?

— Я не знаю, чему верить. Но... зачем ты взял с собой девчонку? — он посмотрел на Никки и спросил, — Что с тобой?

— Я хочу быть с Итаном. И доверяю ему. Это все.

— Нет, я имею в виду твой глаз. Что произошло?

— Заткни свой рот, Джерихо! — прорычал Дейв, наклонившись вперед. — Или я сам его заткну. Сколько еще зубов ты хочешь потерять?

— Случилась война, — с достоинством ответила Никки. — Мне повезло, что я осталась жива.

— Да уж, везение, — повторил Джефферсон, горько усмехнувшись. — Нам всем и правда повезло, не так ли?

— Мы живы, и у нас есть шанс совершить нечто важное, — сказал Джей Ди. — Я тоже доверяю Итану. Может, тебе в самом деле лучше заткнуться, хоть на время?

— Хорошо бы вам всем заткнуться. Так я смогу сосредоточиться на проклятой дороге, — сказала Ханна. — Перед нами сплошная череда сгоревших и брошенных машин. Придется чуть замедлиться, чтобы не задеть их.

Это был трудный и мучительный участок пути. Полсотни или около того легковых автомобилей, внедорожников и грузовиков загромождали федеральную трассу. Некоторые из них выгорели до черных остовов. Кратер, футов тридцати в поперечнике, на пересечении трассы с Западной 80-й Авеню, красноречиво свидетельствовал об ущербе, нанесенном оружием Горгонов или Сайферов. Это, видимо, еще больше усилило панику среди беженцев, и многие люди по-

бросали свои машины. По обеим сторонам дороги поднимались выжженные здания. Некоторые из них почти превратились в груды камней. Ханне несколько раз приходилось буквально продирается через затор, стирая краску с бортов автобуса вместе с именами расписавшихся там солдат.

— Давай, детка, давай, — Ханна вела и проталкивала свой 712-й через баррикады из обломков и машин, чтобы оказаться в море разбитого стекла и кусков ржавого металла. Не только она, но и все пассажиры автобуса вдруг осознали, что поездка может оказаться очень короткой, если хоть одна шина будет повреждена.

— Держитесь, может тряхнуть, — предупредила Ханна, пытаясь на низкой скорости протиснуть 712-й между сторовшим городским автобусом и опрокинутым грузовиком из мясного магазина Хормела. Она за что-то зацепилась, и пришлось немного сдать назад, прежде чем попробовать снова. Скрип металла заставил Джефферсона Джексона наклониться вперед и зажмуриться в тщетной попытке отгородиться от этого неприятного звука. Никки сжала руку Итана с такой силой, что запросто могла бы сломать кисть полузащитнику «Ягуаров».

— Средняя школа д'Эвелин, — внезапно прошептал Итан, уловив вспышку воспоминаний. — Прямо здесь, в Денвере. Вот в какую школу я ходил.

— Что? — переспросила Оливия.

— Я вспомнил, — ответил Итан. — Класс естествознания в средней школе д'Эвелин. Там, на уроке я собирался показать свою анатомическую куклу. Учителя звали мистер... — имя вертелось где-то близко, но так и не вспомнилось. — А маму звали... — но и тут провал. Но некоторые воспоминания все же возвращались. — Я из Лейквуда, — вздохнул он. — Я жил в... в номере дома было две восьмерки. Мой дом... — он изо всех сил старался вспомнить что-то еще, под аккомпанемент скрежета металла. Наконец, Ханне удалось пробиться через преграду. — Ниже по улице находился парк. Огромный парк; помню, там было озеро. Кажется, он назывался... Белмар-Парк, — Итан удовлетворенно кивнул, вспомнив название. — А озеро называлось Каунтз. Я его помню. Раньше я ловил там рыбу, — он с облегчением взглянул на Никки. — Я мало что помню. Но теперь я хотя бы знаю, откуда я.

Ужасный визг металла прекратился. Ханна выдохнула:

— У нас получилось! Черт, надеюсь, не вся дорога будет такой кошмарной. Дейв, я вижу знаки, указывающие выезд на западную I-70, но там все сильно забито.

— Это было предсказуемо. Просто... сделай, что можешь, ладно?

Пока Итан изо всех сил пытался вспомнить детали из своей прошлой жизни, его инопланетная часть сохраняла бдительность и сканировала пространство в поисках врагов. Это напоминало работу радара, вращающегося во всех направлениях и сигнализирующего о чужом присутствии вспышками на невидимом экране где-то в разуме. Итан знал, что представляет собой следящее устройство Сайферов: ярко-красная трехгранная пирамидка, размером с половину лобового стекла автобуса, медленно вращающаяся на границе атмосферы. А малиновый энергетический луч направлялся вниз, прямо на Итана. Вычисления, производимые этим устройством, выходили далеко за рамки возможностей обычного спутника-шпиона. Сайферы уже выслали за ним команду, готовую атаковать в нужное время и в подходящем месте, как только они почувствуют, что могут добиться успеха. Пока что мальчик не ощущал их поблизости. Горгонов тоже не было рядом, но они явно не отказались от попыток захватить его. Но теперь пришельцы боялись его, и не собирались повторять свои прошлые ошибки, не имея шансов на успех. Однако, они приближались. Их появление было лишь вопросом времени. Если бы враги могли узнать и понять цель Итана... они, возможно, не скрывались бы, а попытались уничтожить его любой ценой.

— Так, этот подъем заблокирован, — объявила Ханна, безуспешно попытавшись миновать новые выросшие на пути баррикады. — Попробуем в объезд.

— А ты не можешь заставить автобус полететь по воздуху? — спросил в шутку Дейв Итана. Итан задумался. Мог ли он? Ответ пришел быстро.

— Нет, извините. Этого я не могу. И, к сожалению, переместить нас силой мысли я тоже не могу. Боюсь, что за перевозку придется отвечать Ханне.

— Ну, спасибо, супер-мальчик, — хмыкнула она.

— Итан, ты не позволишь задать тебе пару вопросов? — спросил Джефферсон. — Если не возражаешь, — последнюю реплику он адресовал скорее Дейву. Тот пожал плечами, словно намекая, что поведению следует тщательно следить за языком. — Мы едем к горе, так? Ты чувствуешь, что тебе нужно до нее добраться, но не знаешь, почему. Когда-то ты был обычным ребенком, а теперь ты толком не знаешь, но что-то... вселилось в тебя, и это не Горгон и не Сайфер. Они боятся тебя, потому что ты... эта сущность в тебе... может уничтожить их, а они не могут ничего этому противопоставить. Я пока нигде не ошибся?

— Нет.

— Хорошо. Ты считаешь, что сущность внутри тебя — воин. Откуда ты это знаешь?

— Я это чувствую. Оно позволяет мне понять, когда мои ощущения верны, а когда нет. Но... это может быть не совсем воин в том смысле, какой вы вкладываете в это слово.

— Я вкладываю такой смысл: крепкий циничный ублюдок, обученный сражаться и способный выиграть войну. Какой еще тут может быть смысл?

— Есть и другой, — встрял в разговор Джей Ди. Он раздумывал над этим с тех пор, как Итан первый раз произнес слово «воин». — Есть миротворцы. Как солдаты ООН в голубых касках. Они тоже должны быть крепкими и уметь сражаться, но они сражаются не ради победы в войне. Им зачастую приходится сражаться лишь для того, чтобы погасить конфликт, — он кивнул в сторону Итана. — Что, если Итан... то есть, если существо, поселившееся внутри Итана — нечто вроде миротворца, в широком смысле этого слова? Тогда его можно назвать Галактическим солдатом ООН, — Джей Ди пожал плечами. — Думаю, ход моих мыслей верен. Может быть, эта война нарушает баланс в космическом масштабе. Если эти Горгоны и Сайферы конфликтуют уже сотни... даже тысячи лет, то космическая ООН могла решить, что они зашли слишком далеко. Вопрос вот в чем... почему миротворец выбрал этого юношу, а не взрослого мужчину? Я не знаю, да и кто может это знать? Может, так даже лучше. Возможно, в личности Итана были некие особенности, потребные этому воину. Эй, я обычный землянин, не знаю ответов на загадки вселенной и не утверждаю, что не могу ошибаться! Я лишь высказал свое мнение.

— Боже, это какое-то безумие, — простонал Джефферсон. Но он не мог считать это полным безумием после всего, через что прошел сам. Мальчик с серебряным глазом посмотрел на него. Вероятно, снова прочел его мысли. — И как же этот воин в тебя проник? Как он сюда попал? На летающей тарелке что ли? И если он действительно хочет остановить войну, то почему он один, а не целая армия? Почему бы ему просто не сказать тебе, чего он хочет? Почему бы просто не обозначить цель? Или нам такое знать не положено?

— Возможно, даже он не всеведущ, — предположила Оливия. Она тоже думала над этим вопросом. Итана словно кормили крупицами информации, которая пока не складывалась в цельную картину. — Возможно, у него есть идея, не знаю. Может, этот пришелец не хочет слишком перегружать Итана, ведь он еще ребенок. И разум его ограничен, как и любой человеческий. Вот почему процесс слияния идет постепенно. Чтобы Итан не сошел с ума от всей этой уймы информации.

— Оно не хочет, чтобы Итан слетел с катушек, — хмыкнул Дейв. — Понимаю. Я бы слетел.

Итан ничего не сказал. В некотором смысле эти разговоры могли бы его заинтересовать, но они отвлекали. Слишком большой поток вопросов, слишком быстро. Он сомневался, что когда-нибудь у него будут все ответы. Потому что Оливия была права — ограниченный человеческий разум не мог полностью охватить эту чуждую силу. Не мог понять, как она прибыла сюда, почему выбрала его, и как становится сильнее. Но еще труднее Итану было понять, как сила вырывается из него, чтобы вызвать землетрясение или разнести Сайферов и Горгонов на кусочки. Сила просто возникала в нем, когда он... когда пришелец внутри него требовал у этой силы проявить себя. Итан отметил, что последняя схватка с пауками Сайферов и их солдатами оставила в его суставах боль и скованность. Он будто постарел сразу на десятилетия — такова была плата за сдерживание такой мощи в человеческой плоти. Итан задумался, сможет ли он использовать и свою левую руку в качестве еще одного оружия. Несмотря на невероятную мощь пришельца внутри него, физическая слабость, присущая человеческому телу, лежала на нем тяжким бременем. Он ведь умер, а пришелец воскресил его... взял контроль над своей собственной версией анатомической куклы, питал его сердце, качал воздух легкими, восстановил кровяное давление, пищеварение и остальные системы организма. Но, когда миссия миротворца на Земле будет закончена, все вернется — возможно — в прежнее состояние, и никакой врач не сможет помочь Итану.

— Я не думаю, что этому существу нужна армия. — наконец произнес Итан. — Но, вероятно, ему нужны мы.

— Нужны мы? — удивился Джефферсон. — Зачем?

— Мы должны... — Итан сделал паузу, подбирая слова, верно описывающие ситуацию. — Мы должны показать... что нам не все равно, — продолжил он. — Как представителям человечества, я имею в виду. Думаю, сперва это существо хотело выяснить: готов ли кто-то из нас бороться? Достаточно ли мы сильны, чтобы продолжать сопротивление? Возможно, поэтому оно и не сказала мне, где именно находится Белый Особняк. Ему нужно быть уверенным, что любой из нас готов пробивать путь к спасению, а не собирается прятаться в какой-нибудь дыре в ожидании неизбежного конца. Дейв, если бы вы с Оливией в тот день не отправились на поиски карты... если бы сочли меня сумасшедшим, сказали бы, что землетрясение и рождение источника воды были лишь случайными событиями, никак от меня не зависящими... Если бы я не смог убедить вас во всем остальном... тогда, возможно, Миротворец решил бы, что нам не стоит помогать. Может, он просто покинул бы мое тело, и я бы умер. А Сайферы и Горгоны продолжали бы сражаться, пока весь мир не будет уничтожен, потому что всем наплевать, — Итан перевел взгляд с Дейва на

Оливию, затем посмотрел на Джей Ди, на Никки, и снова вернулся к Дейву. — Вот что я думаю, — закончил он.

— Этот разговор выходит за рамки моего скромного понимания, джентльмены, — сказала Ханна. — Мое дело — просто доставить вас на место. И, если вам интересно, я как раз смотрю на очередной въезд на шоссе. Там тоже все забито, как на парковке; нам никак не протиснуться, — она развернула автобус и выехала на встречную полосу. — Что ж, пока поблизости нет копов, попробуем проехать не по правилам.

Ханне, наконец, удалось вывести автобус на западное направление I-70. Бегство людей на восток в начале этой жуткой войны, после первого же сражения, разрушившего центральную часть города, привело к хаосу на дорогах. Несколько машин и большой грузовик с прицепом соскользнули в трещины и сгорели там, но Ханне удалось объехать эти препятствия. Больше всего она беспокоилась о стекле и кусках металла на проезжей части, ведь мусорщики давно не работали. У Ханны Граймс не было выбора, кроме как заставить автобус танцевать на стекле. И пока она с этим справлялась.

Дорога начала свое восхождение. По обеим сторонам от нее поднимались предгорья, а впереди высились настоящие горы-великаны, частично скрытые уродливым желтым туманом. Все те же горы, что стояли тут восемьдесят миллионов лет назад. Итан подумал, сколько лет может быть существу, притаившемуся внутри него? Где он родился? Может, земные горы были лишь в планах Божьих, когда Миротворец появился на свет. Что для него значила жизнь? У мальчика было ощущение, что это создание очень одиноко — судя по пустынному миру, который оно показало Итану. Миротворец мог быть и последним представителем вымершей расы, цепляющимся за свой долг, как утопающий за соломинку. Как знать, может, в этом и был смысл его существования и его истина.

Ответы пришли столь четко и понятно, словно пришелец сидел рядом с Итаном и рассказывал о бессмысленной войне, о чем всем известно, но никто не делал ничего, чтобы положить ей конец. О вечной непримиримости двух рас, поклонявшихся своим Богам. О гордости, высокомерии и глупости, присущих не только худшим представителям человеческого рода, но и распространенным среди всех галактик, как цена, которую платят за уважение и признание среди любых цивилизаций. О стремлении к власти и завоеваниям. Итан почувствовал грусть и тяжесть на сердце... возможно, даже не своим, а сердце Миротворца. Это существо знало, что сражается в безнадежной битве. И все же... здесь, на границе, пролегающей по этому молодому миру, не имеющему большого значения в противостоянии рас, воевавших веками, должно прозвучать послание тем вечным война-

чальникам, что собирают солдат, оружие и корабли, и отправляют их сеять разрушения и несчастья.

Послание могло оказаться бесполезным, но такова была обязанность существа — сообщить о творящемся здесь хаосе.

«Я опекун этого сектора. Я состарился еще до того, как ваши миры возникли из болота или были искусственно созданы. Если вы отвергаете мир и выбираете ужас войны, то подтверждаете разгул ужаса внутри собственной сущности».

Итан чувствовал, как сопровождающий их соглядатай — высоко, на краю атмосферы — продолжает свою слежку. Глаз Сайферов был направлен прямо на него. Они скоро придут. Они выберут место и время для попытки захвата... и Итан знал, что времени осталось не так уж много.

А Горгоны?

Они тоже явятся. Они попытаются уничтожить то, чего не могут контролировать.

Пока Итану удавалось отбиться и от рептилий, и от роботов, и не оказаться на столе для вивисекции, но это нельзя было назвать победой, потому что все его друзья и все оставшиеся в живых на этой планете по-прежнему находились под угрозой уничтожения.

Я буду...

— Готов, — сказал Итан.

— Что ты сказал? — переспросила Никки.

Мальчик лишь пожал плечами и ответил, что просто размышлял вслух. Затем улыбнулся, сжал ее руку и подумал, что не позволит никому — ни Горгону, ни Сайферу — навредить этим людям, которые и без того уже перенесли немало страданий. Однако великая битва еще впереди. Он чувствовал разрушительную силу своих противников; они тоже были готовы.

Автобус, петляя, продолжал двигаться на запад, по мере того, как I-70 поднималась к исполинским горам. Мальчик с серебряным взглядом понял, что размышлял о судьбе человечества с точки зрения совсем не человеческого существа. Он невольно задумался о том: если существует рай, и его мама там — видит ли она его сейчас?

Глава двадцать четвертая

Молния ударила так близко, что заполнила весь салон автобуса ослепительным голубым светом, а от последовавшего громового раската 712-й содрогнулся, и каждый проржавевший болт натужно застонал.

— Отличная ночь для дальней поездки, — глухо пробормотал Джефферсон Джериho. Никто ему не ответил. Ханна сосредоточилась на дороге, стараясь издали заметить препятствия. Остальные пребывали в собственных мыслях, или молча переживали из-за крепнущей бури, поэтому ни у кого не возникало желания поддержать беседу. Джефферсон пожал плечами. Он ничего не мог изменить, но утешал себя мыслью, что здесь, под защитой Итана, безопаснее, чем если бы он остался в торговом центре. Устройство на затылке после исчезновения Воупа больше не напоминало о себе пламенной вспышкой боли, и Джефферсон чувствовал, что он вне зоны Ее досягаемости, во всяком случае сейчас. Возможно, этому поспособствовала гроза?

Даже со скоростью около пятнадцати миль в час, Ханне было нелегко двигаться по I-70 из-за густого желтого тумана. Они уже довольно высоко поднялись в Скалистые горы. В считанных футах от дороги склон круто обрывался вниз, и при любом неосторожном маневре пропасть угрожала поглотить автобус вместе со всеми его пассажирами, будь они хоть земляне, хоть дети космоса.

— Эй, Итан! — окликнул Джефферсон.

— Да? — рассеянно отозвался мальчик. Он прислушивался к сигналу следящего устройства Сайферов, которое по-прежнему держало его под наблюдением, хотя в эту минуту на краю атмосферы разгорелось сражение боевых кораблей.

— Эта буря настоящая? Или они ее устроили?

— Настоящая, — ответил Итан. — Но атмосфера под влиянием их оружия, поэтому во время боевых действий все бури агрессивнее.

Бури, порожденные насильем, подумал Джефферсон. Фраза Итана не походила на то, что мог бы ответить земной подросток. Пришелец говорил через него. Как, интересно, он выучил английский? Должно быть, читал мысли мальчика. Пришелец, явившийся в этот мир без помощи космического корабля, и проникший в тело мертвого подростка... все это звучало довольно бредово. Хотя, если задуматься, Джефферсон и до этого повидал немало того, что можно было бы назвать бредовым. Как насчет Нее, Королевы Горгонов? Или Муравьиной Фермы? Или Микроскопических Лугов? Джефферсон содрогнулся, вспомнив о Берте Рэткоффе, и постарался отогнать мысли о нем. А ведь Рэткофф пытался рассказать, что над ним проводили опыты, что из него извлекли все органы и засунули внутрь что-то другое... *Бедный лысый ублюдок*, подумал Джефферсон. Вероятно, Берг даже не предполагал, что из него создали Горгоны. Теперь, по крайней мере, этот кошмар для него закончился. Может, так даже лучше.

Джефферсон почесал подбородок, радуясь, что может сделать это свободной рукой. Несколько часов назад он обратился к Дейву:

— Послушай, мне нужно по нужде. Хочешь, чтобы я делал свои дела прямо тут, или остановим автобус на минутку?

— Хорошая идея, — усмехнулась Ханна. — Мне тоже нужно. Могу остановиться. Пока мы отлучимся в кустики, остальные тоже могут выйти и размяться.

— Ну так что, — Джефферсон обернулся к Дейву, — ты освободишь мне руки, или оставишь так?

Они остановились у смотровой площадки, откуда открывался вид на раскинувшийся внизу лес. Среди обгоревших деревьев валялись обломки истребителя ВВС США.

Джефферсон вздрогнул от вспышки очередной молнии, сверкнувшей очень близко. Здесь, высоко в горах, погода разыгралась не на шутку. Джефферсон старался поменьше думать о Регине и о Муравьиной Ферме. Он уже ничего не мог сделать для этих людей. Возможно, их всех уничтожили, а прах развеяли по космосу? Или просто оставили без защиты? Какая участь хуже? Джефферсон хотел бы иметь возможность объясниться с Региной, дать ей понять, что она напрасно ожидала от такого особенного человека, как он, нормальной человеческой жизни и смиренного служения пастве. Нет, он должен был оставить свой след в истории, взять то, что ему причитается. Такова была его судьба с самого рождения, и никто не мог этого изменить. Но... объяснять это Регине, должно быть, уже поздно. Возможно, что-то следовало предпринять в тот день, когда она собиралась застрелить его? Как бы то ни было, сейчас, сидя в автобусе, слыша рев нарастающей бури и испытывая зуд отрастающей бороды, сожалеть о прошлом было бессмысленно. Сейчас нужно сосредоточиться на божественной миссии странного мальчика-пришельца, хотя непонятно в чем она заключается. В глубине души Джефферсон надеялся, что смерть Регины была быстрой. В мощном взрыве, за секунды развеявшем ее прах в безвоздушном пространстве. Она была хорошим человеком, просто не понимала, что ее мужу судьбой предначертано было использовать те дары, которыми наделил его Господь. Джефферсон желал Регине милосердной смерти, потому что любил ее. Возможно, когда-нибудь он будет оплакивать ее, но сейчас он больше не хотел думать о Регине. В конце концов, если она умерла, то, как и Берг Рэткофф, уже в лучшем, чем этот, мире. Потому что этот мир превратился в сплошное дерьмо.

Здесь больше не бывает радуги, даже после самого сильного ливня, подумал он. Можно сколько угодно гнаться за радугой — ничего не выйдет.

Сидящий через несколько рядов от Джефферсона Джерихо, Итан ощутил, словно куда-то проваливается. Это походило на взгляд на свою жизнь со стороны. Он понял, что его речь изменилась, и он

больше никогда не будет говорить или думать, как обычный земной ребенок. Эти изменения начались с самого начала, но сейчас они дошли до точки, когда он в полной мере осознал, что с ним происходят серьезные перемены, и он ничего не может с этим поделать. С этим можно было бы смириться, но... самая серьезная перемена предвещала его смерть — смерть мальчика, который звал себя Итаном Гейнсом. Как только инопланетный хранитель выполнит свою задачу, Итан Гейнс перестанет существовать.

Когда вспыхнула молния, и гром сотряс автобус, Итан изо всех сил сосредоточился на воспоминании о том дне в школе д'Эвелин, когда прибыли Горгоны. Утро третьего апреля. Об их прибытии возвестили звуковые удары. Как раз перед этим Итан должен был выступить с презентацией своей анатомической куклы. Детали воспоминаний тонули в тумане, становились все более мрачными и размытыми, и дотянуться до них становилось все тяжелее. Итан старался держаться за воспоминания, как мог. Пытался вызвать в памяти образ своей темноволосой мамы, заглянувшей в комнату. Но образы ускользали. А что с отцом? Почему он вообще ничего не мог вспомнить о нем? Может, его уже не было в живых или он давно покинул семью? Похоже на то. У мальчика не возникало воспоминаний о ссорах родителей, криках или разговорах о разводе. Было просто чувство, что отец ушел много лет назад, а мать так и не вышла замуж повторно. Она посвятила всю свою жизнь сыну. Разве можно просить у нее большего?

По мере того, как сила инопланетного гостя крепла, человеческая личность Итана продолжала таять, и мальчик понял, что, несмотря на все свои попытки остаться собой, он не может противостоять этим изменениям. Он будто проваливался в сон, слишком устав после долгого дня. Рано или поздно он будет вынужден сдаться и ему придется уснуть, как бы упорно он ни сопротивлялся. Бороться с этим бесполезно и... неправильно. Миротворец должен выполнить задание. Тело Итана являлось лишь его транспортным средством, вместилищем. Миротворец поднял его из мертвых и поддерживал в нем жизнь, насколько мог, но мальчик, назвавший себя Итаном Гейнсом, был лишь песчинкой в космосе. Он был средством для достижения цели. Он знал и принимал это. Впрочем, не без печали: в нем еще сохранилось достаточно человеческого, чтобы чувствовать приближение смерти и бояться ее. Он знал, что будет скучать по жизни, независимо от того, во что превращался.

Присутствие инопланетного пришельца наделило Итана удивительными возможностями. Он не только знал о следящем устройстве Сайферов, но и ощущал тепло его поискового луча, направленного на автобус, и знал где именно корабли Горгонов и Сайферов сражаются

друг с другом. При этом, проезжая в школьном автобусе по I-70 через маленькие городки, он чувствовал себя в курсе местных событий. Он мог бросить взгляд на крыши домов и церковный шпиль, и через несколько секунд уже знал, что там прячутся люди — еще одна община, объединенная стремлением выжить. Миротворец относился к этим людям с большим уважением, ведь они готовы были противостоять захватчикам и умудрились остаться в живых до этого момента. Его вдохновляло их упорство; он раз за разом убеждался, что у этих вдовлях настрадавшихся и уставших людей оставалось достаточно сил для выживания... а также еды и воды.

Внимание Миротворца занимало еще одно обстоятельство; Итан знал, что Миротворец беспокоится о времени. Он хотел добраться до Уайг Мэншн как можно скорее, хотя сам не понимал, зачем.

Большинство маленьких городков, что были отмечены на дорожной карте, и через которые они проехали, казались Итану холодными и безжизненными. В них витал ржавый запах насилия: запах человека, восставшего против человека в битве за пропитание и кров. А еще здесь ощущался страшный запах гнили — вонь плоти Серых людей, прячущихся в подвалах и темных влажных укрытиях.

Никки беспокойно поерзала на своем месте после очередной вспышки молнии. Она ничего не видела за окном, тьма поглотила внешний мир. Ее рука нашла руку Итана. Когда-то она боялась даже приближаться к нему, и всерьез думала убедить Оливию высадить его из автобуса и бросить. Теперь ей было стыдно за те мысли. Она так боялась, что он окажется одним из Горгонов или Сайферов, и лишь теперь поняла, что он стал вместилищем для другого пришельца, стремящегося остановить войну. События были ей понятны, но в то же время их истинный смысл так бесконечно далек от понимания, что у Никки кружилась голова. Все равно, что смотреть на звезды, и одновременно пытаться осмыслить, насколько велика вселенная. Когда-то она раздумывала, какую татуировку сделать следующей, собиралась на субботнюю вечеринку, флиртовала с горячими парнями и пила пиво со своими подругами Келли и Ритой Шармейн, которые теперь, вероятно, были мертвы... или хуже.

Никки скучала по своей семье. Кто бы мог подумать, что ей будет не хватать голоса матери, даже когда та говорила с ней резко и сквозь зубы, или фигуры отца с пивом в руке, и взглядом, прикованным к футбольному матчу на пятидесятидюймовом телеэкране. Или старшей сестры, что любила подставлять ее перед Герцогом и Герцогиней Отрицание — так они называли своих родителей. Однако Никки скучала по ним, потому что они были ее родными, а теперь они умерли, и никто — никто! — не заслуживал такой смерти.

— Нет, с ними этого не случилось, — спокойно сказал Итан. Сначала Никки показалось, что она думала вслух, но она быстро поняла, что дело не в этом. О просто читал ее мысли, и теперь девушка гадала — долго ли?

— Недолго, — сказал он. — Не волнуйся, я не влезаю к тебе в голову постоянно. Просто... иногда.

Никки отдернула руку, и он не стал ее удерживать. Он понял свой промах. Разум был священным местом, и в него не следует вторгаться без веских причин. Это все равно, что подглядывать в замочную скважину. И неважно, что такой была одна из наименее важных способностей Миротворца.

Вот, почему ты остался один, сказал мальчик существу, сидящему внутри него, — *ты всех пугаешь.*

И ответ прозвучал для него его собственным голосом, просто немного... другим. Более взрослым, грустным и мрачным:

Хотел бы я, чтоб все было так просто.

Неожиданно хлынул дождь. Хотя, его скорее следовало бы назвать потопом.

Ханна включила стеклоочиститель, и убедилась, что военные, конечно, старались, но ремонт автобусов не был их коньком. Звук привода напоминал стон человека, страдающего от зубной боли, а щетка мучительно, но бесполезно скребла по стеклу.

— Я ни черта не вижу! — прорычала Ханна. — Мы должны остановиться и переждать!

Никто не стал возражать, когда Ханна надавила на тормоз и остановила автобус. Она заглушила двигатель, отметив, что благодаря дополнительному весу и тому, что приходилось двигаться в гору, они тратили почти по галлону топлива на каждые шесть миль.

— Зажгите пару фонарей, — процедила она сквозь зубы. — Незачем расходовать электричество.

Дейв встал, прошел в заднюю часть салона и зажег фонари своей зажигалкой «Бик». Он расставил их так, чтобы осветить весь салон, и Ханна могла выключить электрическое освещение. Дождь продолжал барабанить по крыше, и этот стук трепал и без того напряженные нервы. Дейв вернулся на свое место и сел, вытянув ноги в проход.

— Думаю, нам осталось примерно семьдесят миль до пересечения со 191-м шоссе, которое и приведет нас к Уайт Мэншн. — сказал Дейв. От перекрестка до места назначения оставалось еще около ста миль. — Как считаешь, верно я прикинул расстояние?

— По моим расчетам примерно так же, — ответила Ханна. Она встала и потянулась, распрямив спину. — А еще нам скоро снова понадобится топливо.

— Да, — Дейв не питал иллюзий, что они смогут добраться до Уайт Мэншин на полном баке в пятьдесят галлонов. — У нас осталась всего четверть бака, да?

— Чуть меньше.

— Ясно, — Дейв выглянул в окно, располагавшееся к нему ближе остальных, но увидел только темноту и дождь. Они были как на ладони для тех, кто мог скрываться в этой ночи. Однако при таком ливне продолжать движение невозможно. — Ты как? В порядке? — спросил он Оливию.

— Бывало и лучше, — хмыкнула она. — Но в целом, да, я в порядке.

— Джей Ди? Ты как? Держишься?

Джон Дуглас знал, что Дейв задаст ему этот вопрос, но правда состояла в том, что держаться ему было все труднее и труднее. Кости ныли. Казалось, что каждый сустав горит огнем. Это началось сегодня утром; уколы острой боли постепенно рассыпались по всему его телу, и за весь день самочувствие не улучшилось, становилось только хуже. Док старался списывать это на слабость, возраст или усталость, но боялся, что дела обстояли гораздо хуже. Боль терзала его правую ногу, и, похоже, причина ее была не в поврежденной лодыжке. Он сказал:

— Я не очень хорошо себя чувствую. Не принесешь мне одну из этих ламп?

Дейв выполнил просьбу. Джей Ди поманил к себе Итана. *Он знает, и я знаю*, подумал Джей Ди, *ведь я видел, как это начинается у других*. Джей Ди подтянул штанину, обнажая поврежденную лодыжку. И там, на коже ноги, открылось серое пятно около восьми дюймов в длину и четырех в ширину. Оно слегка припухло, как келоидный шрам.

Никто не проронил ни слова.

Джей Ди встал.

— Я сниму рубашку, — сказал он спокойным и тихим голосом, хотя сердце его бешено колотилось. — Давайте проверим грудь и спину.

Его грудь оказалась чистой. Но когда он повернулся, показывая Оливии и Дейву спину, он уже знал, что все плохо, услышав, каким прерывистым стало их дыхание.

— Там только одно, или много? — спросил он.

Ему довольно долго не отвечали, а затем Дейв произнес:

— Только одно.

— Насколько большое?

— Думаю... дюймов двенадцать-тринадцать в поперечнике. И около десяти дюймов в длину. Почти прямо между лопатками.

Джей Ди издал какой-то звук: бормотание, фырканье или приглушенное проклятье — он сам толком не понял. Теперь он чувствовал всю безнадежность ситуации, понимал причину каждого укола боли в своем теле. Дождь мучительным потоком обрушивался на крышу автобуса.

— Не думаю, что есть смысл снимать штаны, — сказал он, пытаясь улыбнуться, но у него не получилось. Он снова надел рубашку и застегнул ее удивительно твердыми руками, после чего аккуратно заправил в брюки. — Спасибо, Дейв. Теперь можешь поставить лампу.

— В чем дело? — спросил Джефферсон Джерихо напряженным голосом. — Что это за серая дрянь у него на спине?

— Заткнись, — прорычал Дейв. — Никто не разрешал тебе говорить.

— Да, хорошо, но, думаю, у меня есть право...

— Заткнись, я сказал! — взревел Дейв и бросился на Джефферсона Джерихо прежде, чем кто-либо успел остановить его. Оливия и Ханна попытались вмешаться, но Дейв схватил Джефферсона за грудки и принялся трясти его, как бешеная собака окровавленную кость. На мгновение показалось, что Дейв собирается пустить в ход масляную лампу и огреть проповедника по голове. — Заткнись, заткнись, заткнись! — орал он. Джефферсон испуганно съежился, решив, что Дейв сошел с ума. Ханна и Оливия пытались оттащить Дейва. Джей Ди воскликнул, громко, чтобы было слышно за шумом дождя, барабанищего по крыше автобуса:

— Это не его вина! Никто не виноват! Отпусти его, Дейв. Ну же, отпусти его.

Дейв не послушался, хотя и перестал трясти Джефферсона так, будто хотел вытрясти из него всю душу.

— Отпусти его, — повторил Джей Ди. Теперь его голос звучал мрачно, как у человека, осознающего, что смерть близка. Лишь тогда Дейв убрал руки от Джефферсона и отступил.

— За что? — спросил Дейв. Он обращался не к кому-то из пассажиров автобуса, тут никто не мог ответить ему. Этот вопрос был адресован Богу или Судьбе... Или тому, кто бросает кости в этой безумной Игре в Жизнь. Итан видел серые пятна на ноге и спине Джей Ди так же ясно, как и остальные, и он тоже понимал, что это значит. Казалось, кровь перестала циркулировать под серой плотью, которая уже начала отмирать. Эти пятна были только началом. Скоро на свет появится еще один Серый человек.

— Что ж, — пробормотал Джей Ди. Он не хотел ни с кем встречаться взглядом, поэтому опустил глаза и тихо вздохнул. — Друзья мои, боюсь, я не смогу завершить эту поездку вместе с вами.

— Сделай что-нибудь! — Дейв словно выплюнул эту команду Итану, который отрешенно уставился на него, не зная, что ответить. — Да, ты — кивнул Дейв, — Повелитель вселенной, или кто ты, на хер, такой?! — глаза Дейва потемнели, а рот искривился в гримасе бессильной злости. — Исцели его. Вылечи. Без разницы! Просто не дай ему стать одним из них!

Все внимание сосредоточилось на Итане. Он чувствовал их всепоглощающую боль. Джон Дуглас был Дейву больше, чем просто другом. И не только ему: Оливии, Ханне и Никки тоже. Он был им так же дорог, как все близкие люди, которых они уже потеряли. Док путешествовал с ними по этой долине отчаяния с самого начала и всегда приходил на помощь, когда они нуждались в нем. Понимание, что он обречен, было невыносимо и заставляло сердца разрываться, ведь все они любили Джона Дугласа.

— Он не сможет меня вылечить, — вздохнул Джей Ди, подняв взгляд на Дейва, — не требуй этого от него.

— Он из космоса... — последовал ответ, как будто это все объясняло. — Если он может силой мысли вызывать землетрясения или убивать монстров... он может и тебя исцелить. Разве ты не можешь, Итан? — последние слова прозвучали, как мольба. Странно было слышать их из уст человека с каменным лицом и характером Дейва МакКейна. Итан готов был ответить, но Джон Дуглас вновь опередил его.

— Нет, ты не можешь, — произнес Джей Ди. — Он не может этого сделать, Дейв. Боже... как бы ему этого хотелось! Но если бы он мог исцелять людей, то помог бы и тем троим, кого мне пришлось... — он остановился на мгновение, собираясь с силами. Дождь продолжал молотить по автобусу, а над горами то и дело вспыхивали молнии. — Я должен уйти, — закончил доктор. — И больше не проси Итана. Он здесь не за этим.

Дейв собрался было протестовать, упрямо переть напролом, как обычно. Но, взглянув в глаза Итана, он понял, что пришелец мог творить чудесные, удивительные вещи. Он мог принести луч света на эту планету, мог перемещаться в другие, неведомые измерения. Он смог выгнать мальчика с порога смерти, заставить его двигаться, дышать и питаться, как марионетку на невидимых нитях, ради выполнения поставленной перед ним задачи. Он мог пробудить родник под бассейном Пантер-Ридж, мог заставить землю содрогнуться... Он умел множество удивительных вещей, которые не под силу ни одному человеку. На фоне его возможностей все технологические и научные достижения человечества казались просто детским лепетом... но Миротворец не мог спасти Джона Дугласа от превращения в Серого че-

ловека. Поэтому Дейв не стал спорить, но лишь обреченно и кротко произнес:

— Я хочу, чтобы ты попробовал.

Это было единственное, о чем он мог попросить.

— Я прошу тебя попробовать. Исцели его. Просто не дай ему стать одной из этих тварей.

Итан не знал, что ответить, и тогда вместо него заговорил Миротворец. Голос звучал так же, как у Итана, но мальчик теперь стал просто сторонним наблюдателем.

— Я не знаю, как вы заразились, доктор, но вы правы. Когда эта болезнь овладевает человеком, ее не остановить. Лекарства от нее не существует.

— Значит... ты можешь разрушать жизнь, но не можешь сохранить ее? — Дейв вполне осознавал, с кем сейчас разговаривает, но все же решил идти до конца во всеоружии. — Ты же находишься теле мертвого мальчика! Ты поднял его из мертвых, разве нет?

— Он был *почти* мертв, — ответил Миротворец. — Его стремление выжить, сила духа и способности соответствовали моей цели.

— Ладно, как угодно. Так ты что-то вроде призрака? Верно?

— Я — сущность, вне пределов вашего понимания. Мне нужна оболочка из человеческой плоти, чтобы выполнить свою задачу, и я воспользовался возможностью. Наше место назначения уже близко. Спешу предупредить: для вашего разума может оказаться фатальным столкновение с тем, что он не способен постичь.

— И я так считаю, — сказал Джей Ди. — Похоже, мы не так уж разумны по вашим меркам.

— Оливия тоже права, — последовал ответ. — Я не всеведущ и не безупречен. Я знаю, что на этой горе, или, вернее, в горе находится нечто важное... Но я не уверен, что это такое, и не понимаю, почему оно так важно. Это все, что я могу сказать.

— В горе? — переспросил Джефферсон. — Как это понимать?

— Именно так, как я говорю. Нечто находится внутри горы. Оно откроется нам не раньше, чем мы доберемся туда, — Миротворец обратил свои разные, серебряный и голубой, глаза на Джона Дугласа и произнес с глубоким сожалением, — Простите, Джей Ди, я не смогу исправить то, что с вами произошло.

Доктор кивнул. Гром прогремел так сильно, что весь автобус завибрировал. Дождь все еще бился в крышу и окна. Джей Ди знал — его состояние ухудшается с каждым часом, и понимал, что Дейв и Оливия уже готовятся к тому, что их друг будет метаться в агонии. Тогда болезнь примется за дело быстрее, изменения в костях, мышцах и внутренних органах ускорятся, и он превратится в персонажа из фильма ужасов. Судя по общему состоянию, у него осталось два или

три дня, которые обернутся лишь чередой мучений. Джей Ди вспомнил, как первый раз наблюдал превращение, произошедшее с человеком в Пантер-Ридж. Это была двенадцатилетняя девочка; ее застрелил отец, когда у нее начала отрастать вторая голова. Джей Ди не хотел для себя такой участи. Что ж, пришло время прогуляться под дождем.

— Черт возьми, — пробормотал он, вспоминая, как много ему пришлось пережить. Нечто подобное пережили все присутствующие, но он чувствовал себя обманутым, потому что у него отняли возможность увидеть, что Уайт Мэншн приготовила для Миротворца. Возможно, он мог бы какое-то время жить, даже потеряв человеческий облик и разум, но... ему стоит покинуть автобус, пока он еще может ходить, и подготовиться воссоединиться с Деборой. Он сказал:

— Я оставлю вам «Беретту», но обменяю ее на одну из этих гранат в сумке.

— Тебе не нужно этого делать, — сказала Оливия. — Нет, Джей Ди. Пожалуйста. Не прямо сейчас.

— Тише, — нежно успокоил он ее. — Я не уверен, что для этого существует подходящее время... Господи... я забрал жизни тех троих... там, в Пантер-Ридж, потому что ничего не мог для них сделать. Я принял решение за них, а теперь должен решить свою судьбу. Сам.

— Пожалуйста, — с мольбой повторила Оливия, не находя других слов.

— Во имя хлеба Христова! — воскликнула Ханна. — Почему бы тебе хотя бы не подождать, пока кончится дождь, старый дурак?

Джей Ди попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая. Боль пролетела пламенной вспышкой по его нервам и мышцам. Та маленькая девочка, как он помнил, не могла подняться с первого же дня своей болезни. Он хотел понаблюдать за тем, что будет с ней происходить; отец дал свое согласие. Девочку приковали цепью в комнате безопасности, и доктор делал записи и заметки, по мере прогрессирования болезни. Тогда все это казалось чудовищно жестоким, да и сейчас тоже, но он должен был понимать, как протекают метаморфозы — от перестройки костей до роста новой плоти.

Док ощущал острую боль и жар в спине и по обеим сторонам левого бедра. Там быстро серела и отмирала плоть. Зараза проникла слишком глубоко.

— Дайте мне гранату, — потребовал он.

— А если я скажу «нет»?

— Я отвечу, что тогда мне придется воспользоваться пистолетом, но он больше пригодится вам. Граната сделает все быстро и правильно. Кроме того... — он почувствовал, как что-то внутри напряглось, словно готовясь разорваться — может быть, это сердце? Но оно

столько раз разрывалось, что уже, должно быть, выглядело, как экспонат из лаборатории Франкенштейна. Ему потребовалась пара минут, чтобы успокоиться. — Кроме того, — продолжил он, — я хочу уйти, пока сохраняю в памяти всех вас. И себя. Не знаю, когда память начнет покидать меня, какими станут мои мысли. Я даже не представляю, что это зараза делает с мозгом. Может, когда начнутся серьезные изменения, исчезнут все мысли, кроме инстинктов, как у животных. И тогда кому-то из вас придется убить меня, как убивали других. Кто из вас возьмется за эту необходимую работу?

— Если ты скажешь хоть слово, — угрожающе прорычал Дейв в сторону Джефферсона, — клянусь, я убью тебя и выброшу тело из окошка на дорогу.

— Я ничего и не говорил! Ты слышал, чтобы я говорил?

Дейв проигнорировал его.

— Я это сделаю, когда придет время, — ответил он на вопрос Джона Дугласа. — Время еще не пришло.

— Может быть, оно придет завтра? — Джей Ди разочарованно улыбнулся. В тусклом свете лампы его старое, худое, изможденное и измученное тело было похоже на призрака. — Часом раньше или часом позже. — Док кивнул Миротворцу. — Он поможет вам добраться туда, куда ведет вас Господь. А я выхожу из автобуса. Все. Моя остановка.

— Господи, — выдохнул Дейв, не в силах сказать ничего больше.

— Дай мне гранату, Дейв. Не заставляй меня умолять.

Дейв колебался, хотя и понимал, что у него нет выбора. Так действительно будет быстрее и, черт побери, милосерднее. И так, «Беретта» в обмен на гранату. Джей Ди осмотрел гранату, прикидывая, как с ней обращаться. Дождь все не прекращался.

— Я пойду с тобой, — предложил Дейв.

— Нет, не пойдешь. Вдвоем нам там нечего делать.

— Я пойду с вами, — решительно произнес Миротворец.

— Хорошо, — ответил Джей Ди после недолгой паузы. Может, это был неоправданный риск... но вдруг на него нападут в темноте, прежде чем он успеет выдернуть кольцо? — Но ненадолго. Не стоит затягивать.

Оливия заплакала. Она обняла Джона Дугласа, и он обнял ее в ответ, велел перестать плакать, но она никак не могла остановиться. Доктор сказал, как он гордится знакомством с ней, Дейвом, Ханной и Никки. И что Дейв не ошибся насчет Итана. И что, к счастью, никто не стал слушать научные возражения, ведь все произошедшее вышло далеко за пределы любой земной науки. Теперь, если пришелец внутри Итана сможет остановить эту войну, это даст Земле второй шанс.

Шанс, подаренный космосом — царством, неведомым человеческому разуму.

— Да будет так, — подытожил Джей Ди. Он протянул Дейву ладонь для рукопожатия, но тот подался вперед и обнял доктора. Затем, с ним попрощалась Никки, с мокрыми от слез глазами. Джефферсон Джерихо молча застыл на своем месте, понимая, что любое его слово может стать для него смертным приговором, который не замедлит привести в исполнение МакКейн.

Миротворец встал рядом с Джей Ди, держа в руке фонарик, а мальчик, называющий себя Итаном, смотрел на происходящее, словно сквозь туман. В какой-то момент он испугался, что инопланетянин получил над ним полный контроль, но затем... он ощутил не страх, а покой.

Итан вдруг вспомнил имя своей матери. Ее звали Нэнси, но все называли ее просто Нэн. А его собственное имя?

Он снова вспомнил урок естествознания в средней школе д'Эвелин, третьего апреля. Незадолго до того, как потрясенная миссис Бергесон из канцелярии вошла в класс мистера Новотни, чтобы сообщить: «Детям придется пораньше уйти из школы». *Это во всех новостях! Везде! Что-то происходит, поэтому... детям придется пораньше уйти из школы.* Итан тогда очень обиделся, что прервали его показ анатомической куклы, но вместе с тем его испугал вид дрожащей от ужаса миссис Бергесон.

— Я сам открою дверь, — сказал Джей Ди Ханне. Он блестящими от слез глазами посмотрел на остальных и произнес, — То, что мы пережили... это только прогулка в парке. Удачи. Да сохранит и благословит вас Господь, — он сдержанно и невесело улыбнулся. — Вы все герои.

После этого доктор спустился по ступенькам на бетон, под нещадный ливень. Миротворец последовал за ним, направляя свет фонаря так, чтобы Джей Ди видел, куда идти. По этой дороге уже очень давно не проезжали машины. И теперь по ней отправился в свое странствие мальчик, назвавший себя Итаном Гейнсом. Это было странствие, подобное тому, что собирался предпринять Джей Ди. Возвращение никто не представлял даже в самых смелых мечтах. Это было странствие навстречу тайне, но Миротворец убедил Итана, что с ним будет все в порядке, и ему не нужно ничего бояться.

Я благодарю тебя за твою помощь, сказал мальчику пришелец. Ты — существо силы и чести. Есть место, где герои отдыхают после того, как оконченны их сражения. Вы с доктором обретете там мир и покой. Я обещаю вам.

Я в порядке, ответил мальчик. Я немного боюсь, но я в порядке.

Я собираюсь освободить тебя прямо сейчас, продолжал Миротворец. *То, что предстоит дальше, я должен сделать в этом теле. Ты понимаешь?*

Понимаю. Но... я так ничего и не узнаю о Уайт Мэннин?

Ты узнаешь, ответил пришелец. *Вы оба обязательно узнаете. Говорю: это мое обещание.*

Мальчик хотел ответить, что верит этому обещанию, но понял, что это не обязательно говорить... А затем, он уснул, как в теплой постели холодной зимней ночью, зная, что когда-нибудь проснется, и кто-то, очень сильно его любящий, скажет ему «доброе утро».

— Полагаю, нужно отойти так далеко, как только я смогу, — сказал доктор, перекрикивая шум бури.

— Да.

— Я хотел бы знать, кто ты на самом деле. Как ты выглядишь там, внутри?

— Ты был бы поражен, — ответил собеседник.

— С нами все будет в порядке? — спросил Джей Ди спокойно. — Мы переживем все это?

— Я на это надеюсь, — был ответ.

— Я тоже, — сказал Джей Ди. — Защити их, если сможешь.

— Я смогу.

— Тогда, пока. Позволь покончить с этим кошмаром прежде, чем я превращусь.

Рука мальчика на мгновение сжала руку Джей Ди, успокаивая его.

— Вы заслужили мое величайшее уважение, — сказал Миротворец. — До свидания, мой друг.

Больше сказать было нечего, поэтому он развернулся и направился прочь.

Джей Ди стоял прямо, сохраняя равновесие вопреки буре, бушевавшей вокруг него. Он вспоминал о Деборе и их прекрасной семейной жизни, что была у него до всего этого кошмара. Он надеялся, что каким-то образом они смогут продолжить все с того места, на котором их прервали.

Доктор уронил свою импровизированную трость. Послышался звонкий удар металла о бетон, похожий на звон церковного колокола в городе, где Джон Дуглас провел детство. Он прижал гранату к сердцу. Затем, в последний раз втянул носом запах дождя — влажный, плотный воздух, который он больше никогда не вдохнет.

Граница, подумал он. И почувствовал облегчение, готовясь пересечь другую границу, за которой — он был уверен — будет намного лучше. Вне всякого сомнения.

Джей Ди дернул за чеку.

Глава двадцать пятая

Они увидели вспышку примерно в ста ярдах от автобуса, через долю секунды донесся грохот взрыва.

Оливия вернулась на свое место, опустила голову, закрыв лицо руками, и принялась молча оплакивать смерть своего дорогого друга Джона Дугласа.

Ханна открыла дверь автобуса. Промокший до нитки инопланетянин в теле мальчика поднялся по ступенькам, глядя себе под ноги. Когда существо посмотрело на нее, Ханна, вместе с Дейвом, Никки и Джефферсоном, заметили, что теперь оба глаза мальчика засверкали серебром. Лицо его было преисполнено мрачной суровой решительности.

— Я хочу знать, — заговорил Дейв, — как нам тебя называть?

Инопланетянин ответил:

— Итан. А как еще?

— Но ты уже не он, разве нет? Он... исчез?

— Да.

Оливия подняла взгляд и посмотрела в серебряные глаза. Внутри нее будто что-то оборвалось, и она вернулась к своему состоянию тяжелой молчаливой скорби. Итан выключил фонарик, экономя заряд батареи, и направился к своему месту.

— Твоя грудь, — сказал Дейв, прежде чем Итан успел сесть. — Давай посмотрим, — он поднял лампу и кивнул. Итан задрал рубашку, и там, поверх темной плоти прямо над сердцем проявились новые серебряные буквы. Теперь они складывались в слово «ZATHAN» — «Защитник». Похоже, метка проявилась до конца, другие буквы под кровоподтеком уже не проступали. Дейв нахмурился. — И как это понимать?

— Мое предназначение, — сказал Итан. — Я солдат.

— Что ты такое? Ты из... какого-то космического специального подразделения, или как? — спросил Джефферсон, рискуя получить удар в зубы.

— Что-то вроде того, — кивнул Итан. Он заметил, что дождь ослабевает. А еще он ощутил нечто странное, словно мерцание некоего сигнала в сознании. — За нами следят.

— Ага, — отозвался Дейв. — Сайферы.

— Так вы их называете. Настоящее название их расы основано на математике неизвестной для вас природы. Но нет, на этот раз это те, кого вы называете Горгонами.

— Они нас преследуют? — это заставило сердце Джефферсона бешено заколотиться в грудной клетке. — Насколько близко они подобрались?

— Пока они на безопасной дистанции. Это военный корабль. Его системы слежения ориентируются по устройству, имплантированному в затылок мистера Джериho.

— Дерьмо! — взорвался Дейв. Он потянулся к Джефферсону. Проповедник поднял руки в знак полной капитуляции, надеясь избежать наказания. Дейв оттолкнул руки Джефферсона, вызвав крик боли, когда удар пришелся по сломанным пальцам, и схватил проповедника за шиворот. — И ты молчал об этом?! Какого черта? Ты все еще шпионишь для них, да?!

— Он больше не шпион, — спокойно сказал Итан. — Ему имплантировали это устройство, когда завладели всем его городом. Они отбирали людей для экспериментов.

— Да-да, знаю я об этих проклятых экспериментах!

— По какой-то причине, — продолжал Итан, — Королева Горгонов считала нашего Джефферсона очень привлекательным, — он знал причину. Это было связано с любопытством и интересом к человеческой анатомии. Сам Джефферсон Джериho не хотел в этом участвовать. — Его пощадили и не стали превращать в оружие, но имплантировали портативное контрольное устройство. Вероятно, оно небольшого размера, как булавочная головка, но мощное. Мистер Джериho ничего не знает о его работе, за исключением того, что устройство причиняет боль за непослушание.

— Послушайте его! Он совершенно прав! — умоляюще воскликнул Джефферсон.

— Так, может, мне взять нож и вырезать эту дрянь из ублюдка?

— Вряд ли мы сможем определить точное местонахождение устройства. Только если нам подфартит, если я правильно помню это выражение. И, возможно, если к этому устройству прикоснуться, это приведет к смерти для вас обоих.

— Ты уверен, что этот тип нам нужен? Клянусь, я скоро выброшу его наружу и застрелю ко всем чертям.

— Отпустите его, Дейв, — сказал Итан. — Кем бы он ни был раньше... сейчас он на нашей стороне.

— И всегда был! Клянусь, я...

— Завали свою дыру, Джериho! — приказал ему Дейв, борясь с искушением повыбивать проповеднику оставшиеся зубы. С трудом взяв себя в руки, он отпустил Джефферсона. — Так что нам делать? — спросил он Итана.

— Поедем дальше, пока можем. Думаю, Горгонам любопытно, куда мы направляемся. Возможно, Королева понимает, насколько это

важно. А еще нам нужно в скором времени найти топливо, — Итан положил руку на плечо Оливии, и когда она заглянула в его странные серебряные глаза, она не ощутила космического холода — лишь сочувственное тепло. — Я искренне сожалею о Джей Ди, мне очень жаль, что я не мог ему помочь. Но он поступил так, как должен был поступить, независимо от желания. Он не хотел подвергать нас опасности и... задерживать нас. Поэтому нам нужно продолжать путь.

— Мы отправимся, как только я смогу хоть что-то разглядеть в этом дерьме, — отозвалась Ханна. Теперь, по крайней мере, у ее автобуса горели обе фары, хотя одна была чуть более тусклой, чем другая.

— Да. Как только вы сможете что-то разглядеть в этом дерьме, — повторил Итан. Он прошел по салону до своего места, но перед тем, как он сел, Ники встала. Теперь она боялась его, по-настоящему боялась, потому что понимала: это уже не Итан. Не Итан провожал Джона Дугласа в последний путь и не Итан сейчас возвращался к ней. Она знала, что он не причинит ей вреда — это она понимала ясно — но все же, он казался ей слишком чуждым теперь, и спокойно сидеть рядом с ним она уже не могла.

Ее глаз блеснул от слез.

— Ты забрал его, — сказала она. — И даже не позволил мне с ним попрощаться.

— Время пришло, — тихим голосом объяснил он, наблюдая, как упрямая слезинка скатывается по ее щеке к подбородку, и его измученное сердце, которое все еще качало кровь для поддержания жизни в его теле, вдруг отяжелело от горя. Эта девушка держалась за Итана-человека, сколько могла, но теперь она лишилась его. А ведь она и до этого потеряла так много! Трагические картины в ее сознании приводили в ужас. Он коснулся ее — мягко и осторожно — а затем отстранился, потому что его слишком тяготил долг.

— Он понял, что я готов, — ответил новый Итан.

— А я не поняла. И никогда не пойму. Это было жестоко — не позволить ему жить.

Как он мог заставить ее принять тот факт, что Итан-человек умер уже давно? Сказать ей, что таково великое вселенское предназначение? Что противоречить ему нельзя, потому что, несмотря на всю жестокость, оно указывает путь к концу войны? К новой жизни?

Он не мог.

— С этого момента я должен быть в полной готовности. Ум, тело, рефлексы — все должно работать исправно. Я не мог делить все это с ним, Ники.

— Не произноси мое имя, — она непроизвольно отшатнулась от него. — Ты меня пугаешь.

Ответа не последовало. Это была простая истина, высказанная прямо и откровенно.

— Я сяду там, — сказала Никки, отвернулась и пересела на сиденье позади Дейва.

Итан опустил на прежнее место. Взглянув в окно, он увидел, что дождь стих. Буря закончилась, но ведь будут и другие.

Ханна завела двигатель, включила фары и стеклоочиститель. Motor все еще издавал жалобные стоны, но щетка кое-как очищала прозрачную вставку, служившую окном. Но держать стеклоочиститель включенным слишком долго Ханне не хотелось, чтобы не сойти с ума от постоянного скрежета металла.

— Ну, наверное, мы можем ехать дальше, — сказала она. — Все готовы?

Никто не ответил.

— Тогда, вперед! — хриплым голосом воскликнула Ханна, обращаясь, по большей части, сама к себе. Автобус медленно проехал мимо того места, где Джей Ди свел счеты с жизнью.

Не прошло и двадцати минут, как они увидели впереди заправочную станцию. Что было хорошо на I-70 — заправки с дизельным топливом для грузовиков дальнбойщиков попадались довольно часто, даже в горах. Ханна предложила Дейву немного порулить, тот согласился:

— Да, давай.

Вскоре, снова сменив Дейва на месте водителя, Ханна завела автобус на стоянку для грузовиков. Здесь осталось несколько брошенных автомобилей; страшно было представить, что стало с их владельцами.

Дейву не потребовалось много времени на осмотр баков с дизелем: оба оказались пустыми. Они продолжили путь по дороге, до станции «Шелл», но и там бак тоже был опустошен. Дейв свернул шланг и вернулся в автобус, велел Ханне ехать дальше.

На другой стороне дороги располагалась заправочная станция «Филлипс-66», недалеко от которой темнели силуэты нескольких небольших домов. До Итана донесся болезненно-сладкий запах гниения и мора, исходящий оттуда. Пока чуял его лишь он один.

— Там Серые люди, — сказал Миротворец голосом мальчика.

— Не останавливайся, ради Бога! — выкрикнул Джефферсон, широко раскрыв глаза. — Давайте убираться отсюда!

— У нас крайне плохи дела с топливом, джентльмены, — покачала головой Ханна. — Нам нужно заправиться. Очень нужно. Дейв, что скажешь?

— Черт, — прошипел он. Ханна остановила автобус под крышей станции, накрывающей два дизельных бака. Дейв почувствовал, как

мурашки бегут у него по шее. Он не сомневался, что пришелец был прав насчет Серых людей, оставался лишь вопрос...

— Сколько их там?

— Не могу точно сказать. Но больше одного.

— Боже! — воскликнул проповедник. — Почему мы все еще здесь?

— Твое решение, Дейв, — сказала Ханна. — Пока стоим — мы тратим топливо впустую.

— Нам не следует здесь оставаться, — пробормотала Никки. Ее голос дрогнул. — В самом деле, нам лучше уехать.

— Оливия? — обратился к ней Дейв. — А ты что думаешь?

Она покачала головой, все еще глядя в пол.

— Я не знаю. Я сейчас не очень хорошо соображаю, но... если мы застрянем на полпути с пустым баком, ничего хорошего не выйдет, это точно.

— Верно, — Дейв вставил новую обойму в свой «Узи». Его рука слегка дрогнула. Пришла пора действовать. — Сначала проверю, вдруг и тут колонка пуста. Итан, пойдешь со мной? Мне может понадобиться защита.

— Да.

— Ты сумасшедший! — лицо Джефферсона покрылось блестящей испариной от страха. — Эти твари учуют нас! Ты подашь им сигнал к ужину!

— Сиди спокойно, — буркнул Дейв, пристраивая «Узи» в наплечной кобуре. — Вернусь через минуту.

Дейв и Итан взяли с собой оба фонарика. Дождевая вода вяло и безжизненно стекала по крыше заправочной станции. Через несколько секунд, лучи фонарей уперлись в желтую крышку дизельного резервуара. Он был на месте, и казался целым и нетронутым.

— Заглуши двигатель, — сказал Дейв Ханне, когда они с Итаном вернулись в автобус. — Джериho, нужна твоя помощь.

— Нет! И не подумаю туда идти! Ты и так сломал мне два пальца!

— Слушай, чем быстрее мы это сделаем, тем лучше! Нам не нужно заполнять весь бак. Просто зальем немного, чтобы проехать чуть дальше. Давай, вспомни, что у тебя есть яйца, трус.

— Ни за что!

— Черт, если он тебе не поможет, помогу я! — Ханна встала с водительского места, доставая свой «Кольт». — Что нужно делать, Дейв?

— Мне нужно, чтобы ты осталась здесь и передохнула. Ты водитель, а не ишак. Джефферсон, а ну поднимай свою задницу!

— Я сделаю все, что нужно, — сказал Итан. Кто-то должен прикрывать Дейва, пока тот будет делать основную работу: открывать крышку, заливать в бак топливо, используя ручной насос и шланг. Джерихо требовался лишь в качестве носильщика.

— Держи, — сказал Дейв, протягивая Джефферсону заряженную «Беретту». — Сможешь не отстрелить собственный стручок?

— Не дай Бог, — простонал проповедник. Он встал, взял пистолет левой рукой и подержал, привыкая к весу. — Да, думаю, справлюсь, — вдруг он нацелил пистолет в грудь Дейва. — Знаешь, мне не нравится, когда меня смешивают с грязью.

— Опустите оружие, — сказал Итан. Голос его был тихим, но сурово убедительным.

— Сможешь остановить пулю с такого расстояния? — фыркнул Джефферсон. — Хотел бы я увидеть этот трюк.

— Ты не выстрелишь в меня, — Дейв направил свет фонарика прямо в глаза проповедника. — Во-первых, Ханна грохнет тебя через полсекунды, она уже целится в тебя. Во-вторых, тебе некуда, мать твою, идти, и я не думаю, что ты предпочтешь остаться здесь. И, в-третьих, мы единственные союзники, которые у тебя остались. Поэтому, мистер Джефферсон Джерихо, телевизионная звезда, лучше бы тебе поступить, как говорит Итан. Мы должны заправить автобус, и это нужно сделать быстро. Ты тратишь наше время. Чем раньше пойдём — тем скорее управимся, — Дейв направился к задней части автобуса.

— Пожалуйста, — прошептала Оливия Джефферсону. — Просто... сделай, как он просит, ладно?

Джефферсон несколько секунд колебался. Он взглянул на Итана, но затем опустил пистолет, нацеленный в пустоту, где только что стоял Дейв.

— Хорошо, — ответил он Оливии, и в его голосе одновременно слышались упрямство и смирение. — Только потому, что ты попросила вежливо, — он поставил «Беретту» на предохранитель и засунул в задний карман джинсов.

Они принесли канистры, шланг и ручной насос, после чего Дейв ломом приподнял крышку резервуара. Пока Дейв перекачивал топливо в одну из канистр, Джефферсон напряженно вглядывался в темноту, где маячили очертания домов. Итан стоял рядом, его обостренные чувства отслеживали каждое движение поблизости. Он был уверен, что сможет защитить всех своих спутников от Серых людей, если потребуется. Проблема состояла лишь в том, выдержит ли это испытание физическое тело, в котором он находится. Сердцебиение было стабильным и ровным, легкие работали, и на данный момент все было в порядке, но Итан знал, что это тело не предназначено для напря-

женного боя, несмотря на то, что ментальная энергия превращалась в физическую лишь покидая тело, на пути к цели.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил Джефферсон, пока Дейв продолжал качать насос.

— Ничего. Можно расслабиться. Я дам знать, если кто-нибудь приблизится к нам.

— Расслабиться? — фыркнул Джефферсон. — Только послушайте его! Ну, конечно, — он достал свой пистолет и направил в сторону домов, — Как ты попал сюда без космического корабля? Прилетел на луче света или что-то в этом духе?

— Вроде того, — ответил Итан. — Существуют измерения и события путешествий, что находятся за пределами вашего понимания.

— Ну, прости, что мы такие отсталые и тупые.

— Я не это имел в виду. Просто вы — совсем молодая цивилизация, судя по тем вопросам и проблемам, на которых вы сосредоточены. Глупо ожидать, что вы познаете новые измерения и межзвездные перемещения на заре своего развития. До этого вам предстоит повзрослеть... гм... еще на несколько сотен лет.

— Если нам доведется протянуть так долго, — усмехнулся Джефферсон.

— Да, — кивнул Итан. — Очень верное замечание.

— Джерихо, помоги мне перенести эту канистру к автобусу! — велел Дейв, и проповедник оставил Итана одного.

Итан просканировал темноту слева направо и обратно. Он чувствовал запах грязной плоти Серых людей, он знал, что они затаились в этих домах, но не мог точно сказать, сколько их там.

— Держи ровно, не проливай! — скомандовал Дейв Джефферсону.

Внезапно Итан почувствовал, что серая плоть движется в его сторону. Казалось, по спине пробежал электрический разряд. В темноте обозначилось странное движение. Низкое, стелящееся по земле. Оно — чем бы оно ни было — перемещалось не по-человечески. Итан различил три фигуры. Блеск мокрых глаз, пойманных лучом фонаря, мелькнул низко, у самой земли.

Они были очень голодны.

— Они идут, — сказал мальчик. — Трое. Но размером меньше людей.

— Что это? — спросил Джефферсон, развернувшись. Топливо пролилось из канистры.

— Да осторожно ты, черт тебя подери! — процедил сквозь зубы Дейв.

Существа почти добрались до них, но старались избегать луча фонаря Итана — пытались обойти его, крутились на месте, подбирали удобное положение для атаки.

— Это собаки... — тихо сказал Итан. — Раньше были собаками, я хотел сказать.

Джефферсон попытался снова достать пистолет, но Дейв шикнул на него:

— Делом займись!

Итан внимательно наблюдал за движениями уродливых существ. Три собаки, которые были когда-то чьими-то питомцами. Две из них выглядели быстрее и ловчее третьей, неповоротливой, тяжелой и громоздкой. Ее обременяла тяжесть собственных «доспехов», выросших в результате мутации. Итан предположил, что за последние пару лет все люди в этом поселении тоже стали Серыми, а тех, кто не переродился, уже сожрали эти твари... как и других животных. Возможно, голодные и агрессивные звери не брезговали и плотью Серых людей. Итан направил свет навстречу приближающимся собакам, и они шархнулись в сторону от луча фонаря. Снова блеснули мокрые глаза... пять глаз. Третье существо не поспевало за первыми двумя.

— Давай же, быстрее! — поторапливал Джефферсон, но топливо поступало в бак автобуса катастрофически медленно.

— Нам нужно залить побольше, — рявкнул Дейв в ответ. — Итан, ты рассмотрел этих тварей?

— Я наблюдаю за ними. Они боятся света.

У Джефферсона сдали нервы, он вытащил пистолет, снял его с предохранителя и дважды выстрелил туда, куда светил фонарь Итана. Пули срикошетили от бетона. Ни одно животное, похоже, не пострадало.

— Давайте убираться отсюда! Чем быстрее, тем лучше! — призвал Дейв, и Итан стал отступать к своим спутникам, пока те продолжали заливать топливо в бак.

Как только свет начал отдаляться, твари зарычали. Третья собака, наконец, присоединилась к остальным. Итан не мог разглядеть их тела, но видел семь сверкающих глаз. Низкое грудное рычание больше напоминало рев работающей бетономешалки. Как бы ни выглядели эти существа... они были свирепыми.

— Быстрее! — выкрикнул Джефферсон, но Дейв и так делал все возможное. Оставалось еще две канистры по пять галлонов. Только после того, как они будут залиты в бак, можно будет продолжить движение.

Ханна показалась в дверях автобуса, остановившись на нижней ступеньке. Она не видела, с чем столкнулись ее товарищи, но нацели-

ла «Кольт» туда, откуда доносился зловещий рык переродившихся зверей, жаждущих свежего мяса.

Одна фигура пронеслась в луче света. Тварь была серой и лысой, вдоль ее позвоночника выступал ряд острых шипов. Показалась вторая уродливая бесшерстная серая фигура — оскалившаяся, с огромными клыками, с которых на землю капала слюна. Три ее глаза блестели красным огнем. Прежде чем Ханна успела выстрелить, тварь развернулась и ускользнула во тьму.

— По-моему... у этой мерзости было два рта... — потрясенно пролепетала Ханна.

— Так и есть, — ответил Итан.

— Поспешите, джентльмены, — тихо посоветовала Ханна, обеими руками сжимая рукоятку «Кольта».

Теперь существа подбирались с другого направления. Итан повернулся, лучом фонаря стараясь отпугнуть нападавших, но одна из тварей показалась на свету без особого страха. Это была третья собака, отдаленно напоминающая хаски. Теперь она стала лысой, серой и морщинистой, спину и бока покрывали скрепленными друг с другом крупные чешуйки, словно у dospехов. Деформированная челюсть на безобразной морде раскрылась, демонстрируя несколько рядов акульих зубов, глаза лишь отдаленно походили на собачьи, а с левого бока, прямо из «доспехов» росли еще две ноги, подергивающиеся, как у собак, бегающих во сне.

Ханна задохнулась от ужаса и дважды выстрелила из «Кольта». Одна пуля угодила в потрескавшийся бетон, вторая и вовсе ушла «в молоко». Тварь зарычала и прыгнула вперед, наметившись оскаленной пастью на ногу Ханны.

Итан выставил перед собой правую руку. Даже инопланетянин должен был как-то направлять и нацеливать силу, когда требовалось призвать ее на помощь. Между его ладонью и мутировавшей собакой воздух искажился от жара и замерцал. В следующий миг зверь отлетел назад, проехавшись головой по шероховатому бетону, и темнота поглотила его.

— Спасибо, — выдавила Ханна.

— Думаю, вам лучше вернуться внутрь, — посоветовал Итан, и она не заставила дважды повторять.

Дейв только взялся за первую пятигаллоновую канистру, а Джефферсон уже переливал топливо из второй в бак автобуса. Он энергично принялся за работу, стремясь как можно быстрее оказаться как можно дальше от блуждающих в темноте голодных монстров. Несмотря на спешку, мимо бака пролилось совсем немного.

Еще одна тварь бросилась к Дейву. По размерам она уступала предыдущей, но на спине у нее росли опасные шипы. Ее зубы щелка-

ли в предвкушении пира. Итан протянул в сторону монстра руку и взорвал его выбросом неиссякаемой инопланетной энергии, прежде чем успел об этом подумать. Это произошло так быстро, что тварь, вероятно, даже не почувствовала боли. Куски серой плоти разлетелись по разбитой дороге, и две оставшиеся твари вступили за них в борьбу.

— Хорошо. Еще пять галлонов, — сказал Дейв, поднимая последнюю канистру. — Джериго, собирай снаряжение, неси в салон.

Возражений не последовало.

Остатки топлива вскоре оказались в баке. Дейв, Джефферсон и Итан ввалились в автобус, побросав снаряжение в конец салона, дверь за ними закрылась.

— Поехали, — сказал Дейв. Он вытащил «Узи» из кобуры и ткнул в живот Джефферсона. — Верни пистолет.

— Ладно, ладно, угомонись, — проповедник без препирательств отдал «Беретту», и Дейв вернулся на свое место рядом с Оливией. Итан услышал, как Никки испустила тяжелый вздох.

Ханна никогда еще так не радовалась шуму заведенного двигателя. Датчик топлива показывал, что бак не совсем полон, но топлива вполне хватит, чтобы проехать еще миль сорок, если ничего не случится. Ханна включила фары и вывела автобус обратно на I-70. Прежде чем они покинули заправочную станцию, один из серых псов — самый большой, как подумал Итан, в бешенстве бросился за автобусом. Чудовищно искаженный лай заставил всех пассажиров содрогнуться, но Ханна решительно нажала на педаль газа, набрала скорость, и ей удалось оторваться от преследователя.

Джефферсон Джериго прошел по проходу и приблизился к Итану.

— Куда это ты собрался? — Дейв встал, преграждая ему путь. — Вернись на свое место.

— Я хочу поговорить с Итаном.

— Сядь. На свое. Место. — повторил Дейв.

— Я не собираюсь делать ничего плохого...

— А я не стану повторять, — рука Дейва потянулась к «Узи».

— Все в порядке, — сказал Итан. — Он просто хочет поговорить со мной.

— А я не хочу, чтобы он приближался к тебе, — упрямо возразил Дейв.

— Можно поговорить и на расстоянии, — пожал плечами Джефферсон. — Может, ты уже догадываешься, о чем я хочу тебя спросить?

— Да, я знаю, — теперь на чтение мыслей требовалось меньше секунды. — Дейв, он просто хочет узнать о моей силе. Откуда она

берется, и как я ей управляю. Джефферсон, знаете ли, проявляет очень живой интерес к силе и власти.

— Черт, в точку, — оскалился Джефферсон. — Именно это я и хочу узнать. Как ты это делаешь?

— Направленная энергия, — ответил Итан. — Я могу изменять и регулировать ее интенсивность. Человеческая рука — эффективный проводник для этой энергии, и отличное прицельное устройство. Обе руки. Я представляю собой сущность, которую для вас было бы проще описать, как сосредоточение энергии. При необходимости я могу вселяться в разные тела. Это не составляет особого труда, если я сконцентрируюсь. Вызвать землетрясение было задачей посерьезней. Но я должен был убедиться, что мальчик справится. Я тогда еще не был готов полностью контролировать его организм. Он тоже не был готов. Поэтому я направлял энергию через него как можно осторожнее.

— Контролировать его организм, — повторил Дейв с горечью. Было странно слышать эти слова из уст существа, выглядевшего пятнадцатилетним мальчиком. — Ты произносишь это... как приговор. Как диагноз. А он был обычным мальчиком. Подростком. Хорошим человеком. И он не просил всего этого.

— Должен ли я сожалеть о своем выборе? — спросил Итан.

— Нет, — ответила Оливия. Ее голос все еще был слабым и переполненным печалью. — Просто... кажется немного несправедливым, что из-за твоего присутствия ему пришлось... исчезнуть.

— Как я говорил Ники, в этом теле не хватит места для двоих. Мальчик знал, что рано или поздно мне придется взять полный контроль. Он отвечал требованиям моей миссии и готов был послужить моей цели. И он сделал все, о чем я его просил.

— Его организм, — мрачно скривился Дейв, словно у него во рту от этих слов возник неприятный привкус. — Надеюсь, ты понимаешь, что мы — намного большее, чем просто тела напрокат?

— Я знаю, что вы такое, но эта жертва была необходима ради высшего блага. Надеюсь, вы понимаете это.

Дейв понимал, и проклинал себя за то, что приходилось признать правоту пришельца. Он решил, что инопланетянин уже прочел его мысли, поэтому не стал тратить время на устный ответ.

— Да, — кивнул Миротворец.

— Где ты родился? И как? — спросил Джефферсон.

— Я создан, ради выполнения своего долга, и я представляю, насколько я древний по вашим меркам времени. Но больше ничего о своем происхождении я не знаю.

— И ты такой один? — задала вопрос Оливия. — Никогда не встречался с кем-то похожим на себя?

Некоторое время Итан молчал. Взгляд серебряных глаз был опущен, лицо приняло мрачное выражение.

— Есть подобные мне, но очень далеко. Я получаю информацию, обрабатываю ее и отправляю. Таков мой долг, — повторил он.

— У твоей жизни должен быть предел, — сказал Джефферсон. — Не может же она длиться вечно. Или может?

— Понятие вечности — это вопрос измерения. Каким бы долголетием я ни обладал — сейчас его ограничивают возможности этого тела. Однако, я не могу отказаться от него — тело необходимо мне как средство связи со средой этого мира.

— Мы вернулись на I-70, джентльмены, — объявила Ханна. Ее голос немного дрожал после того, что она услышала из уст мальчика. — Я искренне благодарю вас за пополнение запасов топлива. Будем надеяться, что шины продержатся.

— А Бог? Есть ли Бог? — тихо спросил Джефферсон, пристально глядя на Итана, — Знаешь, я много лет торговался с Ним. Я натворил... немало плохого, прикрываясь именем Бога. И был удивлен, что меня не поразило молнией или чем-то в этом духе много лет назад. Я ведь не раскаивался, а продолжал идти своим путем. Похоже, словно я испытывал нервы Бога на прочность, и Он позволял мне продолжать. Так может, ты скажешь мне... есть ли Бог?

Итан не ответил. Как дать объяснение тем, кто не способен его понять из-за ограничений своего разума? Как вложить в их головы свои знания? Они ждали ответа и думали, что он, возможно, видел в лицо сущность, которую они называли Богом. Может, они думали, что он является чем-то вроде «ангела», если использовать слова из их представлений о тайнах вселенной. Он собрал свои мысли воедино и произнес:

— Я не могу сказать вам, что у вселенной есть некий единый Создатель, всеведущий и всеильный. Как я уже не раз видел, многое зависит от воли той или иной цивилизации... Любая, в том числе и человеческая, может подняться, а может упасть. Является ли ваш Бог тем же, в какого верят Сайферы и Горгоны? Или любая другая цивилизация? Как я могу вам это объяснить? Каждая цивилизация имеет свою собственную мифологию и свою религию, свою собственную систему ценностей. Сущность, которую вы называете Богом, думаю, может иметь столько имен, сколько существует языков, сердец и умов во вселенной. Поймите меня... у меня нет ответов на все ваши вопросы. То, что я скажу, может вызвать еще больше вопросов, некоторые из которых выйдут за рамки вашего интеллекта. Без обид, — добавил Итан. — Но... я здесь. Меня направила сюда сила, которую я сам едва могу понять. Я был создан этой силой. Мне дали задачу и приказ. Мое намерение... цель моего пребывания здесь — остановить

войну и спасти этот мир. Я не получил точных указаний, как это сделать, не считая того, что вы называете отправной точкой. Это гора Уайт Мэншн. Успех миссии зависит как от меня, так и от вашей готовности бороться за выживание. Вы должны дойти со мной до этой точки и выжить.

— Так это испытание? — спросил Дейв. — Вот что ты имеешь в виду? Война... весь этот кошмар... это — испытание? Проверка — достойны мы жить или нет? Это не похоже на Божью любовь. И даже если ты сможешь остановить войну... как насчет мира? Нашего мира. Он уже изуродован, парень! Все люди, которых мы знали и любили, умерли! Все эти Серые люди... и сколько миллионов людей погребены под пеплом этой войны? Мы никогда не сможем вернуться к тому, что было!

Итан кивнул. Его губы сжались в тонкую линию. Серебряные глаза устремили свой пронзительный взгляд на Дейва.

— Вот, что я узнал за долгое время своего существования, — говорил Миротворец. — Важнее всего терпение. Верьте, что разум, который призвал меня сюда, поставил мне цель и позволил странствовать по этому миру, знает, что делает. И я тоже знаю. Если ты во что-то веришь, сейчас не время отказываться от веры, — он перевел взгляд на Джефферсона. — Это тело и его системы нуждаются в отдыхе. Есть еще что-то, о чем вы хотите поговорить?

— Нет, — ответил Джефферсон. — Это все, — он вернулся на свое место, сел и уставился в пространство. Он размышлял о своей жизни; о том, что он творил и что его ждало впереди. Джефферсон мог только догадываться о предстоявших ему испытаниях, поэтому постарался отогнать эти мысли прочь, попытался не думать о том, хорошо или плохо все обернется. Он не знал, чего в его жизни было больше — хорошего или плохого, поэтому решил просто двигаться к цели, как и все остальные.

В салоне автобуса повисла тишина.

Автобус двигался сквозь непроглядную темноту. Снова начался дождь, но не такой сильный, чтобы стеклоочиститель не мог справиться с каплями на стекле. Миля за милей пролетали мимо.

Оливия заснула, и во сне она оказалась рядом с Джей Ди на балконе своей квартиры в Пантер-Ридж. Джей Ди взял ее за руку, наклонился к ее плечу и тихо сказал:

— Это выход, Оливия. Есть способ исправить ситуацию. Исправить все это.

— Ты решишь в это, Джон? — спросила она во сне. — Действительно веришь?

Джей Ди сжал ее руку и улыбнулся. Его глаза сверкали, лицо казалось моложе, чем она помнила, а небо над их головами было не грязно-желтым, а голубым и чистым.

— О, моя Оливия, — проговорил он самым мягким тоном, на какой был способен. — Ты можешь положиться на него.

Глава двадцать шестая

Солнце красным пятном поднималось с востока, заливая Скалистые горы своим алым светом.

Автобус 712 достиг шоссе 191 штата Юта, которое тянулось дальше на юг. Ханна вырулила на дорогу после очередной заправочной станции, недалеко от границы штата. Это была одинокая постройка с негерметично закрытым топливным резервуаром, где у них — в отличие от предыдущей остановки — было достаточно времени, чтобы залить полный бак. Ханна сказала Дейву, что устала и ей нужно часок-другой поспать, поэтому путь лучше продолжить на рассвете. Он не стал спорить, потому что и сам мечтал немного отдохнуть. Времени на отдых вечно не хватало. Итан проснулся через час и сменил Дейва, заметив, что его начинают тревожить следящие устройства пришельцев. Он обещал разбудить Дейва, если произойдет что-то важное.

Оливия, Никки и Джефферсон спали. Дейв некоторое время поворочался в беспокойной полудреме, затем вдруг вздрогнул, словно ему привиделось, как он падает в бездонную яму, и проснулся. По его прикидкам, до горы Уайт Мэншн оставалось около сотни миль. И кто знает, ведет ли туда нормальная дорога. Шоссе 191 было четырехполосным и, на взгляд Дейва, выглядело совершенно свободным; ни одной брошенной машины или грузовика на много миль вперед. Красноватый утренний свет заливал то, что прежде именовалось Западным Раем — местность, поросшую низким кустарником и усеянную оранжевыми скалами, с обширными лугами и огромными, высившимися вдаль, горами. Открывался вид на природные каменные арки и соборы, выстоявшие даже под инопланетными атаками. Каким же удивительным созданием была планета Земля! Дейв часто думал об этом с тех пор, как началась война, но никогда не обращал внимания прежде, ведь постоянная потребность решать бытовые проблемы и зарабатывать себе на жизнь сильно отвлекала от философских измышлений. Да и Дейв МакКейн не был склонен к философии. Лишь теперь он понимал, что Земля была удивительной планетой. От теплых морей до замерзшей тундры, от пышных лугов и сосновых лесов до красных Скалистых гор, возвышавшихся вдоль шоссе 191 — все

это было невероятным разнообразием творения. И ведь всю жизнь он прожил в этом удивительном мире! Сейчас эта мысль ошеломляла его. *Возможно, лишь когда мы что-то теряем, то можем по-настоящему это оценить*, подумал Дейв. А сколько земных существ было убито инопланетным ядом! Тысячи и тысячи! Он не хотел думать о том, сколько еще умрет. Так что, даже если Итан мог остановить войну — хотя Дейву было трудно в это поверить — каким будет будущее Земли? Дейв с грустью посмотрел на Миротворца, словно в ожидании продолжения всех этих бед. Нет, мир никогда не сможет оправиться.

Дейв заметил, что Итан проснулся и молча смотрит в окно. Если пришелец и читал сейчас его мысли, то предпочел не отвечать. *Он тоже не знает*, подумал Дейв. Ответа снова не последовало. Ты можешь быть намного могущественнее нас, знать секреты вселенной и прочее дерьмо, от которого у нас ум за разум заходит, но даже ты ни в чем не можешь быть уверен, ведь так? Ты, как и мы, просто бродишь впотьмах. Как с этой горой... ты не знаешь, что там, потому что это испытание не только для человечества, тебя — тоже испытывают. Именно в этом и состоит настоящая жизнь, верно, Итан? Испытание, придуманное неким инопланетным божеством — своеобразная насмешка над человечеством. Все эти века борьбы и унижений, все то, что пришлось вынести человечеству... все свелось к тому, чтобы пройти или завалить тест от инопланетного учителя?

— А еще это были века, — заговорил Итан, — великих открытий и изобретений, гениальных идей, смелых теорий и стойкости. Похоже, ваша раса каждый раз находит способ преодолеть трудности. Поэтому вы все еще живы.

— Что? — Джефферсон проснулся и прищурился от утреннего света. — Ты о чем это?

Итан кивнул.

— Мы с Дейвом просто беседуем.

— О, — протянул проповедник. Он выглядел озадаченным, но не решился переспрашивать.

Остальные тоже начали пробуждаться. Итан отметил, что Оливия выглядела очень вялой и изможденной. Даже во сне она оплакивала Джона Дугласа и не могла примириться с тем, что его больше нет. Она оплакивала и потерю мальчика, назвавшегося Итаном Гейнсом. Похоже, она прониклась к нему материнскими чувствами и стремилась защитить его, так что эта потеря оказалась для нее особенно болезненной. А Миротворец не мог притворяться, что в этой телесной оболочке еще осталась хоть часть земного мальчика. Что он мог сказать Оливии, чтобы успокоить ее? Чтобы она поняла...

Ничего. Ему нечего было сказать ей, поэтому ей придется скорбеть до конца.

Когда все проснулись и по очереди вышли из автобуса облегчиться, Миротворец с интересом отнесся к этому процессу, глядя глазами земного мальчика. По его опыту, все виды живых существ должны были испражняться. Почти все; наполовину из плоти, а наполовину биомеханические солдаты расы, которую люди называли Сайферами, не поглощали и не перерабатывали пищу. Миротворец знал и о других машинных цивилизациях, но большинство из них разделяли людскую потребность. Нуждался в этом и он сам.

Вернувшись в салон, люди поделили содержимое баклаги с водой. Итан в своей истинной форме не нуждался в воде, но знал, что она очень важна для человеческого тела. Дейв открыл на завтрак пару банок с фасолью и свинойной, банку с арахисовым маслом и пачку черствых крекеров.

К восьми часам солнце уже поднялось, но его скрыли желтые облака. Итан попытался поговорить с Никки, успокоить ее, но она отвернулась, и он понял, что это бесполезно. Ей тоже пришлось преодолевать горе, погрузившее ее в мир боли и печали, и Итан был бессилен помочь ей. Поэтому он просто занял свое место, зная, что все в автобусе рассчитывают на него и нуждаются в нем. Несмотря на то, что он был таинственным пришельцем, вызывающим страх не только у Никки.

Дейв бросил взгляд на простирающийся перед ним пустынный участок шоссе 191 и сказал:

— Ханна, пора двигаться дальше.

Ханна запустила двигатель. Автобус тронулся по дороге к горе Уайт Мэншн.

— Итан? — подал голос Джефферсон. — За нами все еще следят?

— Устройство Сайферов почти над нашими головами. А корабль Горгонов... — Итан сделал паузу, мысленно вычисляя расстояние, — ...в семидесяти двух милях к востоку, на высоте, я бы сказал, сорок семь или сорок восемь тысяч футов. Он держит дистанцию, но продолжает следовать за нами.

Джефферсон кивнул и больше ничего не спрашивал. Итан знал, почему он беспокоится об инопланетной слежке больше, чем все остальные. Он прислушался к укромному течению мыслей Джерихо. Тот был почти полностью поглощен переживаниями о своей судьбе, хотя немного приоткрыл раковину своей души, проявляя время от времени интерес к окружающим и думая о предстоящей миссии. Тем не менее, Джефферсон всю свою жизнь руководствовался эгоизмом, из эгоизма состояло все его существо, и он использовал его как меч и щит.

Автобус 712 продвигался по разбитой дороге через сюрреалистический, но по-своему прекрасный пейзаж, с его красными скалами, утесами и каменными формациями, к созданию которых пришельцы не имели никакого отношения. Холмы и горы вздымались из тумана, покрытые серооливковой растительностью. Итан разглядывал окружающую местность с любопытством туриста. До него донеслись мысли Дейва о родной планете, но он не стал слишком прислушиваться. Если бы эти люди знали о тех мирах, за которыми он наблюдал по всему космосу, их изумило бы разнообразие жизненных форм, но при этом и напугало, потому что многие из этих форм жизни чертовски отличались от земных. Некоторые цивилизации уже давно начали межзвездные путешествия, используя пространственные порталы, а другие еще не вылезли из пещер. Многообразие этих миров представляли великие города и благородные правители, суровые государства-тюрьмы, особи, облепляющие, подобно пиявкам, тела более крупных организмов, и подчиняющие их своей воле. Он видел такое миллиарды раз. Языки и математика, манеры и одежда, развлечения и науки, торговля и законы, мифология и ритуалы, сексуальные практики, рождение и смерть.

И, обладая всеми этими знаниями, Миротворец был одинок.

Его редко вызывали для вмешательства, только ради великой цели, когда речь шла о кончине мира. Иногда, высшая сила, создавшая его, не обращалась к нему напрямую, но обширная информационная сеть, к которой он был подключен, посылала ему сигналы от других цивилизаций, растущих благодаря жадности, решительности или религиозному рвению. Итан понимал, что не должен вмешиваться в политику и развитие мира, он призван лишь защищать мир от разрушения внешними агрессорами. Горгоны и Сайферы, настоящие имена которых люди не смогли бы выговорить, на протяжении многих столетий воевали на необитаемых планетах. Они сражались в открытом космосе над мертвыми обломками скал, над мирами льда и пламени, но за все это время Земля стала единственным населенным миром, в который они безжалостно вторглись. Граница их территорий проходила через эту планету.

Нельзя было допустить разрушения этого мира. Но почему это было так важно для высшей силы, которой подчинялся Миротворец? Он задумался об этом, но не получил никакого ответа. Порою в своем молчании эта сила могла быть очень таинственной и неуступчивой, при всей настойчивости Итана. Он этого не понимал, но понимания от него никто и не требовал. Пути высшей силы неисповедимы. Он был словно небольшой шестеренкой в огромном механизме, размеры и предназначение которого заставляли его разум трепетать. Он лишь выполнял приказы, хотя часто ему самому был предоставлен выбор

— как влиять на ход событий. Испытание, как выразился Дейв? Испытание для самого Миротворца, вместе с испытанием воли жителей этого мира? Он не знал точно. Высшая сила проявляла что-то вроде легкого любопытства, связанного с развитием этой цивилизации, Миротворец догадывался об этом, но все же оставались тайны, что никогда не будут ему раскрыты.

Он продолжал присматривать за соглядатаями врагов. Устройство слежения Сайферов оставалось на краю атмосферы, военный корабль Горгонов держался на расстоянии около семидесяти миль. Итана не покидало ощущение, что множество глаз Горгонов и датчиков Сайферов сейчас направлены на автобус, медленно ползущий над обрывами, меж скал дюжины оттенков красного. Пришельцы боялись мальчика, но в то же время стремились заполучить его. И сейчас они выбирали время и место.

Дейв вынул из кармана джинсов многократно сложенную грязную карту Юты, вырванную из дорожного атласа. В районе, куда они направлялись, было несколько крупных вершин. Нужно выяснить, которая из них Уайт Мэншн. Дейв сильно сомневался, что она будет отмечена хоть каким-нибудь указателем.

Путь на юг занял больше времени, чем ожидалось. Ханна боялась слишком перегрузить двигатель автобуса или повредить шины. Радовало одно: топлива пока было в достатке. Дорога выровнялась, а затем вновь стала подниматься к горной цепи, вдоль которой простирались бесплодные земли. Автобус миновал несколько покинутых фур и легковых автомобилей, сожженных энергетическим оружием. В остальном же шоссе оставалось почти пустым.

Около десяти часов утра они миновали центр города Монтичелло, который оказался мертвым и заброшенным. Шоссе 191 перешло в главную улицу. Дейв неоднократно сверялся с картой и помнил, что им нужно попасть в Национальный парк Манти-Ла-Саль, находящийся на западе от Монтичелло. Дальше вела узкая дорога 101. Проржавевший дорожный знак напротив почтового отделения, на пересечении шоссе 191 и западного шоссе 200, указывал на поворот к Национальному парку. Еще через несколько минут западное шоссе 200 превратилось в Абахо-Драйв, а затем стало дорогой 101, которая начала взбираться в лесистые предгорья.

Большая часть деревьев в лесу, сосны и березы, стояли мертвыми, с коричневой листвой или вовсе без нее. С левой стороны, в просветах между стволами Оливия заметила приближающуюся гору с белой вершиной. Все прочие горы в пределах видимости были покрыты бурым покрывалом мертвых лесов.

— Видишь? — спросила она Дейва, указывая на гору.

— Вижу. До нее, может, миль десять. Пока не знаю, как, черт возьми, туда добраться, но выглядит многообещающе. Итан, это та самая гора?

— Я так думаю, — ответил Итан. — Должно быть, это она.

— Он чувствует космический корабль за семьдесят две мили и спутник-шпион в космосе, но не уверен, правильная ли гора перед ним, — усмехнулся Джефферсон. — Великолепно!

— Спутник не в открытом космосе, — поправил его Итан. — А что до горы... Я знаю лишь то, что она указана на карте Дейва.

— Может, туда не ведет ни одна дорога, — сказала Ханна. Двигатель автобуса напряженно ревел, преодолевая довольно крутой подъем. — Похоже, так и есть.

— Будем продолжать ехать, пока возможно, — ответил ей Дейв. — А дальше посмотрим, что к чему.

Дорога петляла, и гора оставалась на виду. Она была единственной с белой «шапкой», и казалась такой величественной. Склоны покрывали тысячи мертвых деревьев. Через несколько миль дорога выровнялась, пролегая через унылый пейзаж хворых лесов. Затем, путь снова пошел вверх, одновременно поворачивая налево.

— Наша детка задыхается, — проворчала Ханна. Пассажиры и сами чувствовали, как содрогается автобус, поднимаясь в гору. Дорога 101 снова повернула на юг, и стала спускаться вниз через предгорья, из которых вырастала гора с белой вершиной. Ханна слегка придала педаль тормоза, чтобы не потерять контроль над автобусом при спуске.

— Как бы мне не сжечь тормоза, — взволнованно прошептала она. — Они такие старые... Нас тянет вправо...

— Ты отлично справляешься, — сказал Дейв, хотя ему казалось, что он уже чует запах перегретых тормозных колодок. И если они действительно сгорят, им придется долго катиться под откос, с умопомрачительной скоростью.

Миля через четыре дорога 101 снова выровнялась и побежала на юг, мимо горы. Все, кто был в автобусе, прильнули к окнам, пытаясь разглядеть путь наверх, но вокруг были только тысячи актов бурых деревьев.

— Ближе подъехать не получится, — сказала Ханна. — Отсюда нам предстоит адская прогулка.

— Не останавливайся, — велел ей Дейв. — Может, дальше есть дорога.

Они проехали еще две мили. Более узкое ответвление дороги 101 уходило вправо, и Дейв посоветовал Ханне свернуть туда. Они снова начали подниматься, хотя теперь двигались на северо-запад и удалялись от горы с белой вершиной. Дейв сказал:

— Я не уверен, что это верный путь, но давай попробуем.

Больше двадцати минут они ехали, казалось бы, в неправильном направлении, но вдруг Ханна заметила грунтовую дорогу, уходящую налево, на юго-запад. К дороге с обеих сторон подступал мертвый лес, так что трудно было понять, куда она ведет. Ханна остановилась у съезда на проселок.

— Что скажете? — спросила она. — Проверим? Эта грунтовка может привести нас в тупик, а может приблизить к месту назначения. Не узнаем, пока не попробуем.

— Тогда надо проверить, — отозвался Дейв. — Поехали.

Ханна повернула автобус на грунтовую дорогу, и они снова начали подниматься, оставляя за собой облака пыли из-под шин. То и дело под колеса попадали камни, заставляющие автобус опасно накрениваться. Ярдов через двести дорогу перекрывал сетчатый забор около восьми футов высотой, увенчанный спиральями колючей проволоки. Забор уходил в лес по обе стороны от дороги, насколько хватало взгляда.

На воротах красовался прочный висячий замок, а табличка чуть выше гласила: «*ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПРОЕЗДА НЕТ*».

Автобус остановился, двигатель работал на холостом ходу.

— Что скажешь, босс? — спросила Ханна.

— Скажу, что это странно. Это ведь национальный парк. Какая тут может быть частная собственность?

— Понятия не имею, но тут так написано.

— Ага, — Дейв повернулся к Итану. — А ты как считаешь?

По выражению лица Итана трудно было что-то понять. Серебристые глаза блестели.

— Я думаю, нам нужно проехать через ворота.

Дейв кивнул.

— Такой штуки, как частная собственность, уже давно не существует, так ведь? А уж в лесу, в национальном парке — и подавно. Ханна, сможешь проломиться?

— Могу, но не хочу. Слишком рискованно; можем повредить радиатор, проколоть шины... Не стоит.

— Я все сделаю, — Итан встал. Ханна открыла ему дверь, и он сошел по ступеням. Остальные через окна наблюдали за тем, как Миротворец направил на ворота правую ладонь и снес их энергетическим выбросом. Замок разлетелся на куски, створки ворот отлетели прочь, и, исковерканные, упали среди мертвых деревьев. Спираль колючей проволоки осталась висеть над дорогой, чуть оцарапав крышу автобуса, когда тот медленно прополз под ней. Итан вернулся в автобус и занял свое место. По его ощущениям, это простое действие

отняло слишком много энергии; сев, он стал разминать пальцы правой руки, кости и сухожилия которых пульсировали тупой болью.

— Раз — и готово, — хмыкнула Ханна. — Жаль, ты не мог вернуть такое же чудо с моим бывшим мужем. Так, ладно, можем ехать дальше.

Сделав два поворота, автобус продолжил подниматься, но вскоре еще один забор перегородил дорогу. Этот был не из обычной металлической сетки, а из чего-то вроде переплетения белых проводов, и тянулся вверх футов на шесть. Ханна снова остановила автобус, поняв, что видит перед собой, еще прежде, чем это озвучил Дейв.

— Черт... электрический забор! Похоже, кто-то сильно не хотел, чтобы люди ездили по этой дороге.

— Это означает, — сказала Оливия, — что там нечто секретное.

— Верно. Что ж... Итан, сможешь сбить эти ворота?

— Я-то смогу, — сказал Итан. — Но, полагаю, вам не помешает знать, что электричество по-прежнему включено.

— Не может быть! — воскликнул Джефферсон. — Все источники энергии давно вырубались. Разве что для питания этой ограды использовали резервный генератор.

— Энергия проходит через забор и ворота. Я чувствую ее. Одно прикосновение убьет любого человека.

Все промолчали. Дейв почесал бороду и отметил, что этот забор, как и предыдущий, простирается по обе стороны дороги, насколько видно. Вероятно, он огибал всю гору. Кто-то потратил огромные деньги на охрану своей собственности, но почему?

— Мы должны продолжать путь, — сказал Итан. — Я открою ворота.

Он снова вышел из автобуса и через несколько секунд ворота распахнулись. Итан, используя минимум сил, постарался избежать слишком сильных повреждений проводов. Он отчетливо ощущал, что теперь за ним следит кто-то еще, помимо соглядатаев Сайферов и Горгонов. Осмотрев деревья поблизости, Итан быстро заметил два небольших оптических устройства серого цвета в ветвях над головой. Обе камеры были направлены на ворота. Итан предположил, что его действия, если их заметили, могли вызвать тревогу.

— На деревьях установлены камеры, — сообщил Миротворец, вернувшись в салон автобуса. — Я видел две, но, возможно, их здесь больше. Думаю, кто-то уже знает, что мы приближаемся. И им это не нравится.

— Нет смысла теперь останавливаться, — отрезал Дейв, — Едем дальше.

Итан вернулся на место. Ханна направила автобус в проем ворот и затаила дыхание, пока они не проехали. Уклон дороги резко возрос,

двигатель протестующе взревел. Шины боролись за сцепление с пылью и камнями. После прорыва через тяжелый участок, протяженностью четверть мили, автобус достиг границы мертвого леса. Перед людьми предстала белая «шапка» горы. Дорога выровнялась, прежде чем закончиться огражденной площадкой, откуда открывался вид на расстилавшуюся внизу долину. Справа от дороги возвышалась стена из белого камня, толстая и прочная на вид.

Ханна остановила автобус в десяти футах от ограждения.

— Дальше нам не проехать, ребята.

Все сидели молча, слушая шипение перегретого двигателя.

— И что теперь? — нетерпеливо спросил Джефферсон. — Здесь же ничего нет!

— Ты ошибаешься, — качнул головой Дейв, вставая. — Эти заборы... для чего они? Чтобы никто не проехал по дороге. И будь я проклят, если вижу, где мы могли бы развернуться, чтобы поехать назад. И это означает, что...

— Оставайтесь на месте! — вдруг раздалась властная команда из громкоговорителя. Голос был мужской. — Если двинетесь — открываем огонь на поражение. Повторяю: стойте, где стоите!

Голос был ровным, спокойным, но крайне решительным. Это был голос опытного профессионала, который, как понял Дейв, не станет колебаться, если придется расстрелять нескольких человек в автобусе. Кто бы это ни был, он знал толк в обращении с незваными гостями.

Одновременно с тем, как часть каменной стены, шириной не менее десяти футов, начала наклоняться внутрь с помощью хорошо смазанного, почти беззвучного механизма, Дейв закончил свою фразу:

— ...есть способ проникнуть внутрь. И вход достаточно большой для автомобиля.

Глава двадцать седьмая

— Они что, собираются нас убить? — спросила Никки дрожащим голосом.

Пятеро вооруженных мужчин появились из открывшегося прохода в белом камне. Трое были одеты в обычные футболки и джинсы, и вооружены автоматическими винтовками. На одном были серые брюки и бледно-голубая рубашка с закатанными рукавами, а последний облачен в черный костюм с белой рубашкой и серым галстуком в полоску. Эти двое держали в руках пистолеты. Тот, что в костюме, был темнокожим с коротко стриженными волосами, а другой смахивал на азиата. Всем пятерым на вид не больше тридцати, все гладко выбри-

ты. Двигались они быстро и пребывали в отличной физической форме. Они подступили к автобусу, выходя при этом не слишком дружелюбно.

— Открывайте! — скомандовал человек в костюме, который, похоже, являлся лидером и привык отдавать приказы. Голос его звучал не громко, но с интонацией, требующей незамедлительного подчинения. Он прицелился в Ханну через стеклянную дверь. — Повторяю, мэм — открывайте!

Остальные новоприбывшие рассредоточились вокруг автобуса, держа оружие наготове, направленным на пассажиров.

— Открой им, — шепнул Дейв.

Ханна повиновалась. Темнокожий быстро вошел в салон, за ним последовал человек с автоматической винтовкой.

— Встаньте, мэм. Оставьте ключ в замке зажигания, положите оружие на сидение и отступите назад, — Ханна послушалась, понимая, что пререкаться себе дороже. — Остальным не двигаться! — лидер твердо держал пистолет обеими руками. Его оливковые глаза пристально осматривали салон автобуса и пассажиров. На несколько секунд взгляд замер на Итане. — Так! Медленно встаньте и сложите оружие в проходе. Если мне не понравится хоть одно ваше движение — я стреляю. Всем подтвердить, что поняли!

Ответили все, кроме Итана, который молча остался на месте. Лидер уставился на мальчика так, словно собирался прожечь в нем дыру взглядом. Пока что его пистолет не был нацелен на кого-то конкретного, и в то же время он мог держать под прицелом весь салон автобуса и за долю секунды перевести оружие на любую выбранную цель.

Спутники Итана сложили оружие в проходе между рядами сидений.

— Спасибо, — сказал мужчина в костюме. — Теперь, ребятки, заложите руки за голову и выходите по одному. И напоминаю: я не люблю резких движений, и агенты снаружи тоже не любят. Так что ведите себя очень осторожно, когда будете покидать автобус, и тогда никто не пострадает. Когда выйдете наружу, вам скажут, что делать дальше.

— Агенты? — удивленно переспросил Джефферсон. — Что еще за агенты?

— Секретная служба,²⁹ сэр. А теперь... никаких больше разговоров. Всем сохранять молчание, двигаться осторожно и следовать указаниям.

---

²⁹ Секретная служба США — федеральное агентство США, подчинённое министерству внутренней безопасности США. Одной из основных задач Сек-

Когда все пассажиры вышли из автобуса, человек в костюме велел им двигаться по цепочке ко входу в гору Уайт Мэншн. Через этот вход мог проехать не только автомобиль, но даже большой грузовик или танк. Агент в костюме жестом остановил Итана, держащего руки за головой, как приказали.

— Оставайся на месте, — сказал агент Итану, добавив для своего коллеги-азиата, — Уилл, отведи остальных внутрь.

— Послушайте, — обратилась к темнокожему лидеру Оливия. — Нам очень о многом нужно вам сказать.

— Не сомневаюсь. У нас к вам тоже множество вопросов. Пожалуйста, направляйтесь за остальными. Дон, задержись здесь на минуту, — один из мужчин с автоматической винтовкой встал за спиной Итана.

— Не могли бы вы назвать свое имя, сэр? — попросил Итан, пока его друзья проводили через открытый проход.

— Беннет Джексон. А твое?

— Итан Гейнс. Мистер Джексон, я должен сообщить вам, что в сорока милях к северо-востоку отсюда находится горгонский боевой корабль, и он приближается. Не знаю, готовятся они атаковать, или нет, но будет мудрым решением подготовиться к нападению.

— Мальчик с серебристыми глазами, говорящий, как зрелый мужчина — вот что меня волнует в первую очередь. Ты Сайфер?

— Нет, сэр.

— Мы видели по камере, как ты разрушил ворота без оружия. Как ты это сделал?

— Я сам — оружие, — ответил Итан. — Могу я опустить руки? Это очень неудобная поза.

— Обыщи его, — скомандовал Джексон своему подчиненному. Обыск прошел быстро и эффективно, все это время Джексон продолжал внимательно наблюдать за лицом Итана. — Хорошо, Итан, можешь опустить руки, — Джексон взглянул на небо, затем снова посмотрел на мальчика. — Ты не Горгон и не Сайфер, как ты говоришь, но ты и не человек. Я склонен поверить, что ты — оружие, после того, что видел. Вопрос в том: чье ты оружие? На чьей ты стороне?

— На вашей.

— Ага, — Джексон черство улыбнулся, даже без намека на юмор. — Я видел множество вещей, которые казались невозможными еще пару лет назад. Моя жена и шестилетняя дочь погибли в Вашингтоне, — огоньки ярости и горечи блеснули в оливково-зеленых глазах, но быстро угасли. Итан понимал, что этот человек привык скрывать свои

ретной службы США является охрана президента, вице-президента, их непосредственных родственников, других высокопоставленных чиновников.

эмоции, словно в надежно закрытом сундуке, из опасения сорваться и утратить над собой контроль. Потеря семьи иссушила чувства Джексона, заставила его работу стать главным в жизни. Вечный повстанец, сражающийся против захватчиков — этот человек был требователен к себе и другим, сохранил гордость и никогда не позволял себе проявить слабость. В его сознании мелькали воспоминания о бедном районе, где он когда-то жил, о тяжелой военной подготовке, награждении медалью...

— По крайней мере, они умерли до того, как положение на планете стало совсем уж плачевным, — продолжал Джексон. — Я думаю, ты — некое биооружие, созданное Горгонами или Сайферами. Это единственное объяснение. Значит, ты ведешь пришельцев сюда? В этом все дело?

— Нет. Вы ошибаетесь.

— Как ты нашел это место?

Через несколько секунд путешествий по воспоминаниям Беннета Джексона, Итан узнал, что в себе скрывала эта гора.

— Это убежище для президента, — сказал Итан. — И он здесь.

— Ты пришел убить его? Или привел сюда корабль, чтобы он уничтожил всех?

— Нет. Как сказала моя подруга Оливия: нам есть, что вам рассказать.

Джексон вытащил из кармана черную коробочку, похожую на рацию. На ней была клавиатура и три отдельных кнопки: желтая, зеленая и красная. Он нажал на красную.

— Ожидаю инструкций, — произнес он в микрофон. Затем обратился к Итану. — Если я проведу тебя внутрь без разрешения, меня посадят в карцер, где я буду сидеть до самого расстрела.

— Если меня здесь не выслушают, — спокойно заметил Итан, — некому будет вас расстреливать, потому что вся человеческая раса будет уничтожена, как и сама планета. И даже тогда Горгоны и Сайферы не остановятся. Мистер Джексон, я хочу помочь вам. Ради этого я проделал очень долгий путь. Поэтому, пожалуйста, отведите меня к вашему президенту.

Джексон, плотно сжав челюсти, снова взглянул на небо.

— Откуда ты знаешь, что приближается военный корабль?

— Я чувствую, как усиливается его гармоническая частота.

— Что-что?

— Материя, из которой он состоит, вибрирует на определенной частоте. Я могу ее уловить, все дело в этом. Благодаря этому сигналу корабли Горгонов хорошо различимы.

Джексон замер, как истукан, уставившись на мальчика. Итан прикоснулся к своей голове и пояснил:

— У меня здесь что-то вроде радара.

— Господи Боже, — вздохнул Джексон. — И что же там с тобой делать?

— Надеюсь, вы поступите мудро, — ответил Итан.

На лице Беннета Джексона читалась тревога. Он переглянулся со вторым агентом, будто искал у него поддержки, но тот лишь пожал плечами. Затем Джексон, казалось, сверился со стрелками своего внутреннего компаса, определяя собственный курс. Он напряженно потер лоб, словно пытаясь заставить мозг лучше работать.

Из коммуникатора раздался голос:

— Приведите его. Комната 5-А.

— Хорошо, Итан, — сказал Джексон. — Когда мы войдем внутрь, ты же не станешь превращаться в существо, которое мне придется убить, не так ли? Мне бы очень не хотелось стрелять в голову тому, кто выглядит, как обычный мальчик. Но я сделаю это в одно мгновение, если придется. Кроме того, внутри будут другие люди, и они убьют тебя, даже если ты окажешься достаточно быстр и расправишься со мной. Поэтому иди первым и не делай резких движений. Попрошу тебя снова заложить руки за голову и сцепить пальцы — так нам всем будет спокойнее. Согласен?

— Да, — кивнул Итан. Он выполнил указания Джексона и направился в открытый проход перед своим конвоером. Второй агент с автоматической винтовкой держался рядом, слева от Итана.

Они вошли в убежище в горе Уайт Мэншн. Первое помещение выглядело как современный, безупречно чистый гараж, шириной футов сорок, с блестящим белым полом и высоким потолком. Трубчатые энергосберегающие лампы делили потолок с водопроводными трубами и вентиляционными коробами. Здесь стояли три черных внедорожника и джип. Металлическая лестница поднималась на уровень выше. На полках вдоль стен располагались топливные насосы, в том числе для дизельного топлива, масляные фильтры, шины, уложенные друг на друга, и аккумуляторные батареи. Итан заметил около десятка мужчин — некоторые в обычной одежде, другие в костюмах, но все опрятные и спортивного телосложения — собравшихся здесь, чтобы встретить прибывших. В особенности — мальчика, сумевшего без оружия снести с петель металлические ворота. В группе людей выделялись два солдата в форме, шлемах и с пулеметами наперевес. Итан услышал низкий гул, и ощутил поблизости мощный источник энергии. Это удивило его.

— Откуда вы получаете энергию? — спросил он.

Джексон настолько старательно проигнорировал его вопрос, что Итан не смог прочитать ответ даже в его мыслях. Джексон подозвал одного из агентов Секретной службы, одетого в джинсы и футболку,

приказал ему осмотреть автобус, собрать оружие и все остальное. Однако команды куда-либо переместить автобус не последовало. Затем Итана повели вверх по металлической лестнице. Джексон и агент по имени Дон следовали за ним по пятам, вплоть до двери с электронным замком и маркировкой «5-А». Джексон проводил Итана внутрь, щелкнул выключателем и шагнул назад. В комнате стояла кровать, комод, письменный стол с лампой на нем и стул. Также здесь располагалась небольшая душевая, отделанная белой плиткой. На обоях были изображены орлы в полете. Окна отсутствовали, так как убежище находилось глубоко в толще горы. Из вентиляционной решетки на стене струился прохладный воздух. Джексон закрыл дверь, после чего он и его напарник встали по обе стороны от нее.

— Скоро к тебе придет посетитель, — сказал Джексон. — Он очень захочет услышать твою историю.

— Хорошо, — Итан поднял голову, осмотрел лампы на потолке и настольный светильник, прежде чем сесть на кровать. — Вы тут не испытываете нужды в энергии. Что за источник?

Джексон снова воздержался от ответа, но на этот раз Итану удалось получить от него ментальный образ. Ярко светящийся кусок белого кристалла, размером с руку человека, подвешенный в прозрачном медленно вращающемся цилиндре. От основания цилиндра к генераторам в соседнем помещении бежали кабели. Итан чувствовал, что этот источник — чем бы он ни был — находится гораздо ниже уровня гаража.

Итан хотел было спросить о кристалле, но дверь открылась, и в комнату вошли двое. Мужчину в сером костюме сопровождал еще один, в синем мундире и фуражке. На груди мундира поблескивали отличительные знаки и награды. Серый костюм первого посетителя дополняла белая рубашка и галстук с синим узором. Мужчина был строен, подтянут и чисто выбрит, как и все прочие здесь. Взгляд и выражение лица сохраняли боевой настрой, челюсти сжаты, подбородок упрямо выдается вперед. Голова его почти облысела; седеющие, некогда русые волосы оставались только на висках. Он носил очки в роговой оправе, под стеклами которых блестели почти бесцветные бледно-голубые глаза. На лацкане пиджака виднелся значок с американским флагом. Голубые глаза человека в костюме смерили Итана ничего не выражающим взглядом, однако его спутник в синем мундире казался заметно встревоженным. Джексон закрыл дверь.

— Сэр, это Итан Гейнс, — объяснил Джексон. — Он утверждает, что не является ни Горгоном, ни Сайфером, но признается, что он — инопланетное оружие в теле земного мальчишка. Он сказал, что с северо-востока к нам приближается военный корабль Горгонов. А еще он говорит, что...

— Я выслушаю его историю из первых уст, благодарю, — сказал мужчина в сером костюме, обращаясь к Джексону грубоватым, отрывистым тоном. — Итан, почему наши радары не засекали этот корабль?

— Они используют маскировку, легко обманывающую ваши системы. Могу я спросить ваше имя и звание?

Вэнс Дерриман, начальник штаба, пришел ответ из мыслей человека.

— Мы здесь не для того, чтобы отвечать на твои вопросы.

— Хорошо, мистер Дерриман, — кивнул Итан. — Как начальник штаба, вы имеете непосредственный доступ к президенту. Могу ли я поговорить с ним?

На несколько секунд Дерриман потерял дар речи. Когда он собрался с мыслями, его губы растянулись в тонкой улыбке, взгляд стал настороженным. Он извлек из кармана такое же устройство связи, как у Джексона. Дерриман нажал кнопку на клавиатуре и тихо произнес в динамик:

— Амблер Семь Семь. Код желтый. Просканируйте северо-восточный сектор неба. Также отправьте вверх «Глаз», — он подождал ответа и убрал коммуникатор.

Итан ощутил еще чьи-то панические мысли, посмотрел на мужчину в синем мундире и понял, что тот до смерти перепуган. *Кто он такой? Фамилия Уинслетт, имя Патрик, прозвище Фогги...³⁰ интересно, почему? А, он много курит, и столько дымит, что все вокруг окутывается туманом.*

Дерриман сел в кресло и сложил руки на коленях, после чего довольно долго и пристально смотрел на Итана, будто в надежде испытать собственные ментальные способности.

— Я полагаю, — Итан первым нарушил молчание, — что мои друзья сейчас подвергаются допросу по-отдельности? — он знал, что так и есть, поэтому продолжил, не дожидаясь ответа. — Вы услышите от всех одинаковую историю, но, пожалуйста, особенно прислушайтесь к рассказам Дейва МакКейна и Оливии Куинтеро. А еще ваш интерес наверняка вызовет человек по имени Джефферсон Джерихо. Ему довелось побывать в обществе Королевы Горгонов.

В комнате вновь воцарилось молчание. Фогги Уинслетт казался таким нервным и перепуганным, что едва держался на ногах. Он, наверное, ожидал, что Итан вот-вот отрастит вторую голову и шесть рук, или же потолок просто рухнет им на головы.

— Насколько близко сейчас корабль Горгонов? — спросил Дерриман, словно задавал будничным вопросом.

---

³⁰ Фогги (Foggy) – букв. «Туманный».

Итан сконцентрировался и несколько секунд вычислял расстояние, на котором находился корабль.

— В тридцати милях, но он перестал приближаться.

— Это ты приказываешь ему оставаться там?

— Нет. От людей, вместе с которыми я прибыл сюда, вы узнаете, что я представляю опасность и для Горгонов, и для Сайферов. Я хочу, чтобы эта война закончилась, сэр. Пришельцы не понимают кто я, поэтому хотят захватить меня, распластать на операционном столе, препарировать, а затем убить. Или они считают, что могут использовать мою силу для создания нового оружия.

— Твою силу, — повторил, кивнув, Дерриман. — Я видел ее в действии. Расскажи.. что ты такое и почему хочешь закончить эту войну?

— Прежде чем мы продолжим, я тоже хочу задать вам вопрос, — Итан все еще не понимал, в чем состоит его миссия здесь, но догадывался, что она как-то связана со здешним источником энергии. — Ваш источник электричества не земного происхождения. Откуда он взялся?

Дерриман колебался. Итан мог прочесть его мысли, но хотел услышать устный ответ. Дерриман был не глуп и тоже понимал это.

— Ты прав. Он инопланетного происхождения. Откуда ты узнал о нем? Как?

— Я спросил мистера Джексона, и он ответил мне, сам того не осознавая.

— Ну, конечно. Что ж, ты владеешь весьма удивительной способностью, Итан. Мне нравятся твои серебряные глаза. Поначалу немного сбивают с толку, но выглядят впечатляюще. Думаю, ты можешь видеть в спектре, недоступном обычным людям?

— Да.

— Ничто во вселенной не бывает бесцельным, не так ли? Кристалл, который мы используем для получения электричества, обладает неиссякаемым запасом энергии. Так, во всяком случае, утверждают наши физики. Мы получили его из Зоны-51, — сказал Дерриман. — Ты знаешь, что это такое?

Итан в глубине души догадывался, но хотел услышать объяснение из уст Дерримана.

— Мне известно, что эту планету много раз посещали представители других цивилизаций. Но я хочу узнать подробности.

— Сэр, — вмешался Уинслетт. — Я бы посоветовал вам...

— Я слышу ваш совет, генерал, и принимаю его к сведению, — взгляд Дерримана при этих словах не отрывался от Итана. — Я думаю, что наш гость может прочесть все сведения, касающиеся Зоны-51, в вашем или моем разуме. Но он столь лобезен, что предпочитает

не влезать к нам в мозги, а хочет услышать все своими ушами. Я ведь ничего не напугал, Итан?

— Ничего, сэр.

— По всем правилам, мне сейчас следовало бы встать и выйти отсюда, — сказал Дерриман. — Я должен бы счесть тебя угрозой наивысшей степени и найти какой-то способ справиться с этой угрозой, как бы это ни было сложно. Но, скорее всего, это будет неправильный выбор. Я думаю, что ты являешься некой формой энергии, проникшей в человеческое тело? Или это искусственно созданная оболочка?

— Обычное человеческое тело, — ответил Итан. — Я сожалею, что мальчик умер, но так было необходимо.

— Вэнс, мне нужно выпить, — сказал Уинслетт. Пот блестел у него на лбу, и его затравленные темно-карие глаза налились кровью.

— Зона-51,³¹ — заговорил Дерриман, — находится в Неваде, примерно в пятистах милях отсюда. На этой базе создаются и испытываются новейшие истребители и гражданские самолеты. В Зоне-51 существует сектор, называемый S-4³², расположенная в выработанных в 70-х годах свинцовых и серебряных шахтах. Эти шахты теперь расширены, укреплены и оснащены всем, что необходимо для современных взаимосвязанных исследовательских центров. Мы изучаем там любые вземные механизмы, устройства или биоматериалы, которые только попадают нам в руки. Это продолжается уже более шести десятков лет. Излишне говорить, что мы многому научились, перенимая знания других цивилизаций и работая с их объектами, особенно если удача позволяла заполучить детали космических ко-

---

³¹ Зона 51 — военная база, удалённое подразделение военно-воздушной базы Эдвардс. Расположена в США на юге штата Невада, в 133 км к северо-западу от Лас-Вегаса.

Официально, в Зоне 51 разрабатываются экспериментальные летательные аппараты и системы вооружения. Вместе с тем, упоминания о Зоне 51 часто используются в конспирологических теориях и в массовой культуре как некий символ тайны, скрываемой военными и правительством Соединённых Штатов Америки, и связанной, как правило, с неопознанными летающими объектами.

³² S-4 — часть мифов, связанных с Зоной 51. Секретная подземная лаборатория из 7-ми подземных этажей, напоминающая муравейник.

Якобы, президент США Дуайт Эйзенхауэр заключил соглашение с инопланетянами в Зоне-51, обеспечив американским ученым доступ к инопланетным технологиям и взамен позволив инопланетянам проводить опыты над людьми в лаборатории S-4.

раблей или ценные артефакты. Мы старались оградить другие страны мира от этих знаний. В России и некоторых других государствах проводились собственные аналогичные исследования. Все это является одним из самых тщательно охраняемых секретов в мире, потому что инопланетные технологии очень сложно контролировать, и мы не можем быть застрахованы от катастрофы. Кстати, Итан, позволь тебя кое-что спросить: если те пришельцы, что посещают нашу планету, обладают столь технически совершенными космическими кораблями — почему же они иногда терпят крушение? Мы сбили парочку, благодаря тому, что пилоты наших истребителей были настолько безумно испуганы и растеряны, что выпустили ракеты почти в упор, не думая о последствиях. Но мы были свидетелями четырех аварий, произошедших, вероятно, по техническим причинам. Почему такое происходит?

— Сложная техника — вне зависимости от того, насколько она продвинутая — иногда тоже выходит из строя, — ответил Итан. — Это не связано с тем, на каком принципе она работает или насколько высокий интеллект стоит за ее созданием. В космосе всякое может случиться.

— Боже мой, — пробормотал Дерриман, словно только что осознал величие момента. — Я сижу здесь и разговариваю с инопланетной сущностью, что может дать ответ на любой вопрос. — он взглянул на Джексона и Дона, которые выглядели невозмутимыми. Уинслетт, напротив, казался потрясенным до глубины души, и на волоске от того, чтобы впасть в панику. Ему отчаянно хотелось выпить чего-нибудь покрепче. На мгновение Дерриман разделил его желание, но он быстро взял себя в руки, вновь почувствовав себя опытным адвокатом из Коннектикута. — Теперь ответь мне: кто ты, откуда? И, если ты не Горгон и не Сайфер, почему заинтересован в том, чтобы их война прекратилась?

— Я... — Итан пожалел, что с ними нет Джей Ди; тот объяснил бы гораздо лучше. — Я миротворец, подобный вашим солдатам Организации Объединенных Наций. Я прибыл издалека. Мой долг — постараться прекратить войну и спасти ваш мир... — что-то вдруг вторглось в поток его мыслей. Через мгновение он понял, что это было. — Еще один боевой корабль Горгонов присоединился к первому. Третий находится в шестидесяти милях, приближается с запада. Есть и четвертый... на расстоянии около ста миль, направляется сюда с юго-востока, но медленно. Какое у вас имеется оружие?

— Ракеты «ERAM»³³ класса «земля-воздух», дистанционно запускаемые. Дальность поражения цели — двести миль. Вторая пусковая установка стреляет ракетами «Патриот». Также у нас имеется два зенитных орудия на поворотных лафетах, — Дерриман сделал паузу, ожидая вопросов Итана, но тот промолчал. — Этого достаточно?

— Нет. Я так не думаю.

— Это оружие предназначено для борьбы с вражескими самолетами, сконструированными людьми, а не пришельцами, — Дерриман поднялся. Несмотря на его сдержанный характер и прохладный воздух в комнате, его лицо покрылось каплями пота. — Фогги, нам нужно сообщить остальным офицерам.

— Зона-51, — задумчиво проговорил Итан. — Там содержится множество инопланетных артефактов, попавших на Землю с кораблей пришельцев?

— Насколько я понимаю, да.

— А оружие?

— Я никогда там не бывал. На брифингах такие детали не раскрываются. Я правда ничего не знаю.

— На этих ваших брифингах упоминалось, как туда попасть?

Дерриман помедлил с ответом.

— И зачем тебе это, Итан?

— Очевидно, что мощи вашего оружия недостаточно. Я не уверен, но, возможно, в Зоне-51 может найтись что-то полезное.

После этой фразы Итана в комнате снова повисла тишина. Дерриман задумчиво изучал костяшки пальцев на правой руке, затем перключил внимание на аккуратно подстриженные ногти.

— Вам придется довериться мне. — поторопил его Итан.

Дерриман резко вскинул голову и переспросил:

— Придется?

— Ваш мир сейчас на грани уничтожения. Я — ваша единственная надежда, но, мне кажется, вы и сами это уже поняли.

— Сильное заявление. Выходит, мы должны довериться инопланетной форме жизни.

— У вас нет выбора, — кивнул Итан, и его серебряные глаза, словно два энергетических луча, вперились в Вэнса Дерримана, — Ваше время на исходе. Нет, сэр, это не угроза. Такова реальность. Если вы не хотите брать на себя ответственность, то как насчет того, чтобы дать мне возможность встретиться с вашим президентом?

---

³³ ERAM — англ. Extended Range Active Missile — активно самонаводящаяся ракета, увеличенной дальности.

Дерриман хмуро уставился на Итана. Выражение его лица и холодные глаза не выказывали никаких эмоций, но Итан понимал, что начальник штаба напуган не меньше, чем Фогги Уинслетт.

Дерриман снова сел, откинулся на спинку стула и на несколько секунд закрыл глаза. Наконец, он произнес:

— Генерал Уинслетт, вы уполномочены сообщить этому... субъекту любую информацию, что вам известна о Зоне-51.

— Вэнс... послушай... я не думаю, что мы...

— Просто сделай это, — прозвучал приказ, не подлежащий обжалованию.

Покрасневшие щеки и нос Уинслетта намекали на его пристрастие к виски. И этой ночью форма и звание не могли защитить его от кошмаров. Сделав явное усилие, чтобы преодолеть отвращение к отданному приказу, он начал, опустив взгляд на бежевый ковер:

— Да, я бывал там. Базу эвакуировали два года назад. Система безопасности перешла в автоматический режим. С инопланетными технологиями, теми, что на тот момент были активны, это тоже сработало. Зона была запечатана. Любая попытка взлома активирует механизмы защиты, вплоть до полного самоуничтожения сектора S-4. Под ним находится ядерное взрывное устройство. У меня нет кода для активации комплекса. Вице-президент его знал. Министр обороны тоже, но, насколько мне известно, его самолет разбился в Вирджинии. Другие официальные лица и ученые из исследовательской группы имели при себе опознавательные знаки и пропуска, но все они пропали без вести.

— У президента тоже есть код, — уверенно сказал Итан.

— Да. Код позволит попасть внутрь базы, но дальше, на каждом уровне, потребуется сканирование ладони.

— Мне нужно попасть внутрь и увидеть, что там находится. Я уже спрашивал: могу я предложить эту идею вашему президенту?

Дерриман с генералом растеряно переглянулись, и Итана осенило.

— С президентом что-то не так, — произнес он. — Умственное расстройство?

После паузы Дерриман попытался объяснить:

— Он то приходит в себя, то вновь впадает в беспамятство. Дважды пытался покончить с собой. В последний раз на прошлой неделе, наглотался снотворных таблеток. Он... толком не понимает, что происходит. Мы стараемся не дать ему окончательно спянуть. Первая леди тоже делает все возможное.

— И единственный способ попасть в исследовательскую лабораторию Зоны-51, не включив защитную систему — это отпечаток его ладони, — Миротворец не спрашивал, а утверждал.

— Верно. Но мы не можем рисковать и позволить президенту покинуть убежище. Он совершенно утратит рассудок, если поймет, что мы нуждаемся в нем только... как в символе, не более того. Мы передаем ему ложные военные сводки. Обнадеживающие новости, Итан, чтобы сохранить в нем хоть искру рассудка, — Дерриман снова встал, заканчивая тем самым разговор. Он обратился к Джексону, — Оставайтесь ненадолго с нашим гостем. Ты не узник, Итан, но мы все же будем тебе признательны, если ты побудешь в этой комнате, пока мы не получим новых указаний.

Итан почувствовал новую волну гармонических колебаний, из которых составил ментальную картину происходящего. Его человеческое сердце учащенно забилося:

— Я должен сказать вам... корабли Горгонов сходятся, но сохраняют дистанцию... И появились еще два... три... четыре боевых корабля Сайферов. Они заняли позицию в девяноста... восьмидесяти шести милях к югу отсюда. Это не истребители Сайферов. Эти — очень большие.

— Спасибо за предупреждение, — тихо проговорил Дерриман. — Нам может понадобиться твоя помощь в наведении оружия на цель, если наши радары окажутся бесполезны. В общем... добро пожаловать в Белый Особняк.

Он и генерал покинули комнату. Беннет Джексон опустился на освободившийся стул, все еще держа пистолет в руке. И он, и второй агент старались смотреть куда угодно, только не на инопланетянина с серебряными глазами, примерившего на себя тело земного мальчика.

Итан воспользовался возможностью отдохнуть и растянулся на кровати. Он и с закрытыми глазами видел парящие в воздухе корабли Горгонов и Сайферов. Станут ли они атаковать друг друга, или нанесут удар по горе Уайт Мэншн? Они могут сразиться за Итана, потому что никто из них не желает оставлять этот ценный приз противнику. Он представлял слишком большую ценность для их исследований. Все, что Итан мог сейчас сделать — ждать, как и любой другой человек. Впервые это древнее существо, занявшее человеческое тело, чувствовало себя совершенно беспомощным.

Глава двадцать восьмая

— Что-то приближается, — внезапно сказал Итан, сев на кровати. Он ощутил, как перед его внутренним взором разрастается синяя сфера. Прошло всего несколько минут с тех пор, как начальник штаба Дерриман и генерал Уинслетт покинули комнату. — Это Горгоны... но не военный корабль. Что-то другое... Возможно, оружие.

Джексон схватил свой коммуникатор прежде, чем Итан успел договорить.

— Амблер Семь Семь, это Джексон. Как меня слышно?

— Слушаю, Беннет.

— Сэр, Итан сообщил о приближении неопознанного горгонского объекта, возможно, это оружие. С какого направления? — последний вопрос был адресован Миротворцу.

— С юга. Объект запущен с одного из кораблей.

Джексон передал эту информацию.

Итан видел голубую сферу, набирающую скорость в полете над пустынным ландшафтом. Сфера становилась ярче с каждой секундой, сияя, словно искусственное солнце. В этом оружии сосредоточилось огромное количество энергии. Военные корабли все еще держались на расстоянии. Сперва Итан решил, что задачей оружия было испытать убежище на прочность. Но тут он вспомнил, что уже видел это ослепительное синее сияние раньше.

Итан вскочил, испугав обоих агентов и заставив их схватиться за пистолеты.

— Автобус внутри? — спросил он. Из мыслей Джексона он понял, что нет. — Спрячьте автобус внутри, немедленно! — приказал Миротворец. Джексон все еще был на связи с Дерриманом, но не знал, как отреагировать на эту команду. Он не представлял, как автобус может быть связан с оружием, что стремительно двигалось в сторону крепости.

— Вы не успеете, — качнул головой Итан. — Оно почти на месте. Я уйду. Пожалуйста, позвольте мне пройти.

— Нет, Итан, тебе придется...

Миротворец отбросил обоих мужчин двумя щелчками пальцев левой руки. С кончиков пальцев при этом сорвался серебристый заряд. Оба агента врезались в стену с изображением летящих американских орлов — возможно, сильнее, чем хотел Итан. Грянул выстрел из пистолета Джексона, но пуля ушла в потолок. Прежде чем Джексон успел подняться на ноги, Итан выбежал из комнаты и опрометью бросился к лестнице. Второй агент потерял сознание, ударившись головой.

Когда Итан достиг лестницы, ведущей к гаражному уровню, раздался высокий сигнал тревоги. Включили тревогу из-за его бегства, или из-за приближающейся извне угрозы, Итан не знал, да его это и не заботило. У подножия лестницы он увидел солдата; молодой парень уже поднял автоматическую винтовку, собираясь стрелять. Только Итан оказался быстрее, энергетическим выбросом сбил солдата с ног и устремился вниз по лестнице. Тревога все еще звучала — это был неприятный пульсирующий звук, эхом отражавшийся от

стен. Когда Итан достиг гаражного уровня, кто-то окликнул его. На пути вдруг появились люди, схватили его за руки и попытались задержать. Итан непроизвольно позволил своей силе вырваться наружу, и выброс был столь мощным, что, возможно, убил одного или нескольких человек.

— Стойте! Остановитесь! — закричал он, но его не слушали. Людьюми овладел панический страх, они вновь схватили Итана, заставили опуститься на колени. Кто-то приставил ствол винтовки прямо к его лицу, и он ощутил, что синяя сфера исчезла. Мелькнула яркая вспышка, и Итану показалось, что нечто коснулось его затылка.

Он вспомнил, когда и где видел такое раньше. Когда он, в теле мальчика, прятался под машиной на парковке средней школы. Тогда тоже в небе пронеслась ярко-синяя сфера, рожденная в самой темной лаборатории Горгонов, последовала ослепительная вспышка, а затем пикап и другие брошенные машины стали...

Что-то обрушилось на плиту, запечатывавшую вход в Белый Особняк. По гаражу прокатилось гулкое эхо. Крики затихли, а руки, державшие Итана, разжались, когда люди обратили свои взгляды ко входу.

Итан поднялся на ноги. Снова что-то массивное врезалось в камень. Тревога верещала, как умалишенный в приступе паники. Итан понял, что Горгоны снова использовали некую программу создания жизни за считанные секунды, чтобы мутировавшая из металла тварь пробила вход в убежище.

Раздался третий удар о каменную плиту. Пол дрогнул, машины подпрыгнули. В дальнем конце гаража что-то упало и разбилось. Рации и коммуникаторы голосили наперебой, люди пытались понять, что происходит. Вибрация от ударов отдавалась во всей горе, на каждом уровне засекреченного убежища. И снова что-то с огромной силой обрушилось на каменную заслонку. Послышался треск, словно метлу сломали о колено. Кусочки камня, отвалившиеся от стен, заскользили по бетонному полу.

— Дайте мне картинку! — прозвучал поблизости от Итана раздраженный голос из динамика коммуникатора. — Что там происходит?

— Нам срочно нужна огневая поддержка на втором уровне! — Итан оглянулся и увидел позади Джексона, с коммуникатором в одной руке и пистолетом в другой. — Код Красный! Внимание, Красный Код на втором уровне. Расти, пришли нам пушки!

Итан уловил еще один ментальный образ — четыре огромных пестрых корабля, набирающие скорость.

— Приближаются корабли Горгонов, — сказал он Джексону, который тут же передал информацию по связи. Послышался искаженный динамиком голос его собеседника:

— На радаре что-то есть!

— Сканируйте все пространство вокруг! Приготовьте оружие! — Дерриман, отдавая на ходу приказы по своему коммуникатору, спустился по лестнице вместе с Уинслеттом. За ними следовали шестеро солдат в полном боевом облачении и с пулеметами. Они рассредоточились по помещению, прицелились в сторону входа. Снова раздался удар, каменная поверхность пошла зигзагообразными трещинами. Пол содрогнулся и застонал подобно человеку, мечущемуся в кошмаре.

— Что это?! — потребовал Дерриман ответа у Итана. Очки начальника штаба криво сидели на носу, волосы растрепались, на лице от волнения блестел пот. — Ты знаешь?

— Да, — ответил Итан. — Раньше это был школьный автобус...

При следующей атаке обломки треснувшей плиты влетели внутрь гаража. В облаке пыли показалась огромная фигура. Она была почти такого же цвета, как и автобус 712, но теперь его корпус — или, вернее, тело — пересекали красные и черные полосы. Огромный красный костяной нарост тянулся от треугольной головы, из-под нижней губы которой торчал ряд острых зубов. Три малиново-красных глаза располагались на морде треугольником. Полуорганический полумеханический таран по всей длине усеивали черные шипы, из которых сочилась молочно-белая жидкость. Итан узнал видоизмененную железную клетку, приваренную к автобусу военными из торгового центра.

712-й автобус превратился в трехглазого монстра, с пульсирующими под кожей крепкими мышцами. Его короткие когтистые лапы, оставляя глубокие борозды в бетоне, втащили тело чудовища в гараж. Тело достигало сорока футов в длину, и еще на пять тянулось вперед таран. Монстр по своим габаритам и весу нисколько не уступал автобусу, из которого был создан. По туловищу были разбросаны темные квадратные пятна, бывшие раньше окнами. Пока солдаты и остальные собравшиеся в гараже люди с ужасом рассматривали существо, оно стало подниматься с бетона, размахивая хвостом из стороны в сторону. Его голова и плечи врезались в потолок, разбив несколько трубчатых ламп.

— Открыть огонь! — закричал Уинслетт, перекрикивая общий гомон. Оглушительные очереди шести пулеметов заголосили наперебой. Каждый стрелок счел своим долгом разрядить в мутанта весь магазин, в надежде нанести максимальный урон.

Существо отпрянуло назад, взмахнув передними лапами. Из его уродливого одногубого рта под костяным тараном вырвался и отразился от стен вопль, такой высокий, что повывлетали стекла во внедорожниках. Люди сморщились от боли, побросали оружие и опустились на пол, изо всех сил зажимая уши руками. Итану тоже пришлось защитить свои уши; звук был невыносимым — звуковой шторм, который мог сломить волю любого человека... или пришельца в человеческом теле. Когда вопль прекратился, солдаты вновь схватились за оружие и возобновили стрельбу, однако два солдата и трое гражданских так и не смогли оправиться; они потеряли сознание и рухнули на пол.

— Огонь! Огонь! Огонь! — кричал Уинслетт. Даже для стоящего рядом Итана его голос звучал приглушенно — слух еще не восстановился после ошеломляющей атаки.

Плоть монстра сочилась черной жидкостью из сотен мест, куда попадали пули. Его хвост метнулся в сторону и ударил один из внедорожников, отшвырнув его на другие машины. Обратив свою морду к людям, зверь издал новый вопль, который вновь оглушил всех и каждого. В уши словно вонзались острые шипы. Уинслетт пошатнулся, Дерриман тоже едва удержался на ногах. Джексон упорно продолжал стрелять, но, в конце концов, пистолет выпал из его рук, а сам он опустился на колени. Итан зажал уши руками, чувствуя, как все его тело горит адским пламенем. Атака сломила его, несмотря на всю силу, которой он обладал; вопли монстра воздействовали прямо на центральную нервную систему человеческого организма, били в ту самую точку мозга, что отвечала за чувство боли. Итан упал на колени, почти сразу завалившись на правый бок, его зубы сжались, глаза невольно зажмурились. Он подтянул колени к груди, и агония пробежала по телу обжигающими волнами.

***

Дейв, находясь в комнате 3-А, ощутил странную вибрацию. Солдат у двери, охранявший его с автоматической винтовкой наперевес, напрягся, почувствовав то же самое.

— Это еще что такое, черт побери? — спросил он. Сигнал тревоги продолжал звучать. Несколько секунд назад звук заставил Дейва выскочить из ванной, куда он зашел попить воды.

— Сейбр Четыре Восемь, — произнес охранник в свой коммуникатор. — Что происходит, Джонси?

— У нас Красный Код на втором уровне, — последовал краткий взволнованный ответ. — Похоже на прорыв. Деталей пока не знаю.

— Говорите, что случилось?! — воскликнул Дейв.

— Не могу, я должен идти, — ответил Джонси через коммутатор. Охранник Дейва отозвался:

— Понял тебя.

— Прорыв? — Дейв снова ощутил вибрацию через пол. — Что бы это ни было, оно здоровенное.

— Успокойтесь. У нас приказ — оставаться здесь.

— Успокоиться? Ты в своем уме? Когда же я найду хоть кого-то адекватного, у кого уши не забиты дерьмом?

— Сэр, сейчас не время для...

— Самое время! — Дейв сделал шаг к двери, и охранник вскинул винтовку, прицелившись ему в лицо. Дейв с презрением взглянул прямо в дуло, затем таким же презрительным взглядом одарил солдата. — Я хочу выяснить — что происходит. Если хочешь пойти со мной — пошли. А если собираешься застрелить меня — валяй, потому что это единственный способ, которым ты можешь удержать меня в этой комнате.

— Сэр, мне даны совершенно четкие указания, — палец солдата напрягся на спусковом крючке.

И снова по полу пробежала вибрация. Сигнал тревоги все еще стонал по всему убежищу. Дейв вздохнул.

— Стреляй, если понадобится, — он потянулся к дверной ручке, но молодой охранник преградил путь, все еще целясь ему в голову. Дейву очень хотелось сбить его с ног ударом кулака, но он понимал, что как только замахнется, то получит пулю. Скорее всего не смертельную, в ногу или плечо, но после такого ранения от него будет мало проку.

Из коммуникатора охранника вновь раздался голос:

— Майк, Красный Код на втором уровне! Им нужны пушки! Спускайся сюда, немедленно!

— Я присматриваю за одним из вновь прибывших!

— Отставить! Запри его в комнате на замок и спускайся!

— Ты не запрешь меня здесь! — воскликнул Дейв. — Ни за что! Я выбью эту чертову дверь!

— Ясно, — солдат опустил винтовку чуть ниже, целясь Дейву в живот. — Отойдите, сэр.

— Я пройду через эту дверь так или иначе. Клянусь, я выбью ее к чертовой матери! Стреляй в меня, если не согласен.

Молодой человек замешкался, на его лице отразилась растерянность и недоумение. Глаза блестели, пока внутри шла борьба между долгом и здравым смыслом.

— Проклятье! — прошипел он. — Только человек может быть таким упрямым! — он распахнул дверь. — У меня могут быть неприятности, но пойдете. Не отставайте.

Они вышли в коридор, где столкнулись с Джефферсоном Джери-хо. Тому тоже удалось уболтать своего охранника и убедить выпустить его из комнаты 1-А.

Джефферсон и его охранник, похоже, только что вышли. Дейв понял, что охранник Джерихо тоже получил приказ отправляться на подмогу с оружием, и его подопечный не захотел оставаться один в комнате.

Оба охранника бросились по коридору к лестнице, не обращая внимания на Дейва с Джефферсоном.

— Что происходит?! — заорал Джефферсон на ухо Дейву, пере-крикивая сигнал тревоги.

— Какой-то прорыв вниз.

— Прорыв? Что это значит?

— Не знаю. Но пол ходуном ходит!..

Дейв уловил странное движение, как будто воздух между ними и лестницей задрожал. Что-то холодное и липкое поползло по его затылку. Прорываясь сквозь высокий сигнал тревоги, по коридору раз-несся звук, эхо которого отразилось от стен и пола. Это заставило обоих мужчин вздрогнуть от боли.

Из мерцающего воздуха материализовалось тело.

Это был крупный мужчина, широкоплечий, с заросшим бородой квадратным лицом, скулы на котором выступали, словно от долгого голодания. Спутанные черные волосы спускались до плеч. Одет он был в темно-синюю футболку, серые брюки и грязные кроссовки.

Воуп бесстрастно произнес:

— Я пришел за мальчиком, но мне разрешили испытать удоволь-ствие и сперва убить вас двоих.

***

Когда монстр прекратил свою звуковую атаку, Итан поднялся на четвереньки. Его тело будто пылало; трудно было отринуть боль и сосредоточиться — казалось, мозг вот-вот взорвется. Явившееся че-рез пролом существо вытянулось к потолку. Его треугольная голова разбила несколько трубчатых энергосберегающих ламп, а раздвоен-ный хвост хлестал по бетону, нещадно разбрасывая в сторону кани-стры с маслом и запасные аккумуляторы.

Солдаты были парализованы болью и страхом, никто не в силах был поднять оружие. Джексон, Дерриман и генерал Уинслетт — все лежали на полу, мучаясь в агонии. Но с лестницы появилось подкреп-ление. Люди заняли позиции, прицелились, готовясь открыть огонь. Хотя, как казалось, пули не способны нанести монстру ощутимый вред.

Прежде чем зверь решился на очередную звуковую атаку, Итан вытянул по направлению к нему обе открытые ладони. Сосредоточившись и заставив себя забыть о боли, он направил в сторону мутировавшего автобуса тысячи энергетических огненных снарядов, летящих быстрее света и видимых ему одному. В местах попаданий на груди монстра мгновенно появились черные пятна. В следующий миг он вспыхнул и отшатнулся назад. Взмах хвоста отправил один из внедорожников в стену, в десяти футах от Итана. Горящий монстр снова издал оглушающий вопль, мощь которого ощущалась не только ушами, а всем телом, и сбил Итана с ног, оборвав огненный поток, сходящий с его ладоней. Солдаты на лестнице тоже прекратили стрелять.

Зрение Итана помутилось от боли и давления звука, но он увидел, как чудовище движется к нему, готовясь подмять под себя и раздавить, вместе с другими людьми. Раны на груди зверя истекали черной жидкостью, похожей на машинное масло. Итан не мог сосредоточиться на стрельбе, пока его тело и разум истязал этот взвизгивающий крик. Ему все же удалось привстать, но крик продолжался. По потолку гаража побежали трещины.

***

В коридоре уровнем выше Джефферсон Джерихо произнес всего одно слово, обращаясь к Дейву:

— Бежим!

Лицо Воупа дрогнуло, словно маска, которая собиралась соскользнуть. Правая рука его стала пятнистой, покрылась чешуей черно-желто-коричневого цвета. Ладонь больше не была ладонью — она превратилась в желтый шип, покрытый мелкими черными колючками, каждая из которых была острой, как игла и в то же время пугающе живой, словно маленький извивающийся червь.

Воуп сделал пару шагов к людям, и смертоносный шип метнулся вперед. Джефферсон и Дейв шарахнулись назад. Джефферсон видел, как рука-шип с невероятной скоростью приближается к нему, и успел лишь подумать, что удар неизбежно достигнет его, даже если он развернется и попытается бежать. Не в грудь — так в спину.

Но тут прямо на пути шипа распахнулась дверь в комнату 2-А. Конечность Горгона пробила дверь, выбив из нее целый фонтан щепок. Агент Секретной службы, собиравшийся выйти из комнаты в коридор, издал полный ужаса крик, когда инопланетное оружие пронеслось мимо, едва не задев его грудь. Несмотря на испуг, ему потребовалась лишь секунда, чтобы оценить угрозу, прицелиться и нажать на спусковой крючок пистолета, целясь туда, где у человеческих существ находится сердце. Однако прицелец успел выбросить вперед

вторую конечность, схватить агента, подтянуть к себе и раздавить его череп неестественно широко раскрывшимися челюстями. Оставшаяся в комнате Ханна увидела, как голова молодого человека взорвалась, словно переспевший арбуз; вокруг разлетелись кровавые осметки мозга. Ханна со скоростью олимпийской чемпионки по бегу бросилась в душевую, заперлась там и забилась за занавеску.

В коридоре между Дейвом, Джефферсоном и Воупом одна за другой открылись еще несколько дверей. Появились двое агентов с винтовками наизготовку, услышавшие выстрелы их коллеги.

— Стреляйте! — заорал Дейв. Один из агентов впал в ступор при виде существа, руки которого удлинились, словно змеи, и устремились к нему вдоль коридора. Второй успел дважды выстрелить, попав Воупу в голову. Брызнувшая кровь походила на человеческую, но на месте ран показалось нечто, напоминавшее злокачественную опухоль или язвы проказы.

Рука-шип нацелилась на человека, попавшего из винтовки в голову Воупа, но тот оказался более ловким, чем те несчастные, убитые на глазах Джефферсона в Форт-Коллинзе. Агент увернулся, шип врезался в дверь. Второй агент опомнился и открыл огонь по пришельцу почти в упор, с расстояния в несколько футов. Пуля снесла Воупу нижнюю челюсть, другая прошла горло насквозь. Джефферсон и Дейв, спасшиеся, благодаря вмешательству агентов, замороженно наблюдали, как Воуп буквально разваливается на куски, потеряв контроль над ситуацией. Змеиная голова с раскрытой пастью, полной металлических клыков, задралась к потолку. Шипастая рука, почти отстреленная пулей, упала на бежевый ковер, будто мертвый питон.

Первый агент Секретной службы снова выстрелил, целясь в и без того искалеченную голову Воупа. Пуля выбила Воупу глаз, а его нос превратился в дыру, в которой пульсировала прокаженная плоть.

Воуп развернулся и пошел к лестнице, подтаскивая за собой болтающуюся на окровавленных лоскутах кожи руку. Оба агента преследовали его, держась плечо к плечу и продолжая стрелять по искалеченной фигуре, пыгающейся скрыться.

Со стороны лестницы донеслось эхо пронзительного вопля, от которого люди замерли, ошеломленные и дезориентированные. Дейв и Джефферсон почувствовали, словно их барабанные перепонки пробуравлили раскаленными металлическими штырями. Горящие капли боли скатились по позвоночнику до самых пяток. Дейв понял: что бы ни происходило внизу — там заварилась серьезная каша, которую так просто не расхлебать. Воуп скрылся на лестнице; оба агента, помешкав, последовали за ним.

С уровня гаража раздался металлический лязг, пол задрожал.

— Я иду вверх! — закричал Джефферсон и рванул к другой лестнице, в дальнем конце коридора, стремясь оказаться как можно дальше от Воупа и того, что творилось в гараже.

Дейв не пытался его задержать. Его больше волновали друзья. Отзвук чудовищного вопля снова долетел снизу и разнесся по коридору. На этот раз боль в ушах и позвоночнике была настолько сильной, что Дейв скорчился, привалившись к стене и зажав уши ладонями. С огромным трудом ему удалось добраться до двери в ближайшую комнату, где можно было хоть немного укрыться от боли.

***

По гаражу разносился крик горящего монстра — настолько пронзительный и невыносимый, что ни у одного человека не нашлось сил ему сопротивляться. Итан был на грани полной потери сознания, ведь его реакция на боль и прочие внешние раздражители ничем не отличалась от реакции любого из тех, кто без чувств валялся на полу. Пол дрожал все сильнее, по мере того, как существо приближалось.

Крик зверя прекратился, но его отголоски все еще звенели в мозгу и теле Итана. Глаза застилал красный туман, но Итан изо всех сил старался подняться на ноги. Другие люди, совершенно беспомощные, корчились на бетоне. Хотя грудь монстра сильно обгорела, и с нее на пол гаража осыпались куски обугленной плоти, творение Горгонов продолжало двигаться. Оно, казалось, готово было разорвать или раздавить всех, кто попадет на пути, совершенно не заботясь о собственной жизни, которой его наделили создатели.

Миротворец выставил перед собой обе ладони, в последней попытке уничтожить тварь.

Сквозь нестерпимую мучительную боль он ощутил чье-то присутствие за спиной. Повернув голову, Итан увидел нечто, бывшее когда-то Джеком Воупом. Существо, чье человеческое лицо превратилось в кроваво-гнильное месиво, а тело было залито кровью из множества огнестрельных ран, шатаясь, ковыляло к нему. На месте рук у Воупа болтались длинные отростки, напоминающие что-то среднее между человеческими конечностями и покрытыми шипами пятнистыми змеями. Они были сильно повреждены, но уже начали восстанавливаться.

Итан не мог позволить себе отвлекаться на это гротескное зрелище. Нацелившись обеими ладонями, он выпустил белые энергетические сгустки в голову монстра, что возвышался над ним. Голова твари вспыхнула, раздулась, а затем взорвалась, разметав куски обугленной плоти по всему гаражу. Задние ноги подкосились, безголовое тело

врезалось в один из внедорожников, превратив автомобиль в груды металлолома.

Одна из удлиненных рук Воупа походила на человеческую с той лишь разницей, что оканчивалась шестью шипастыми пальцами, а ладонь другой напоминала змеиную голову. Рука дергалась, как умирающая рыба; поврежденный мозг Горгона все еще посылал телу команду: схватить Итана.

На противоположном конце гаража возникли четыре призрачные фигуры. Ростом под семь футов, в гладких, закрывающих лица масках, солдаты Сайферов приняли твердую форму. Первый из них без колебаний выстрелил из своего бластера. Сдвоенные огненные шары пролетели над Итаном и врезались в грудь Воупа. Горгон пошатнулся и стал падать; сгустки огненно-красного пламени разорвали его почти пополам. Но, прежде чем коснуться пола, его тело замерцало, стало прозрачным и исчезло.

Королева спасла его, подумал Итан. Его мысли с трудом пробивались сквозь туман, каждая клетка тела горела огнем. *Королева забрала его туда, где сможет восстановить.*

Впрочем, у Итана не было времени беспокоиться о дальнейшей судьбе Воупа. Ему пришлось сосредоточить внимание на четырех солдатах Сайферов, пробирающихся к нему через обломки бетона и разбросанные детали машин. Итан понимал, что они пришли с той же целью, что и Воуп — забрать его в лабораторию, где каждый дюйм его тела подвергнут исследованиям, в поисках ответов на свои вопросы. В поисках источника его силы.

Он не мог этого допустить. Нет. Не мог.

В ушах все еще звенело после звуковой атаки, но Итан расслышал приглушенный хлопок — это был выстрел. Оглянувшись, Итан увидел двух мужчин, что спустились по металлической лестнице и открыли огонь по солдатам Сайферов. Джексон тоже нашел в себе силы подняться на четвереньки, хотя его уши кровоточили, а глаза были налиты кровью и опухли. Он подобрал оружие и, держа его на удивление крепко, начал стрелять.

Сквозь завесу дыма, поднимавшуюся от обгоревшей туши горгонского монстра, Итан видел, как инопланетные солдаты мерцают и переходят в призрачную форму. Пули пролетали сквозь них и ударялись о стену. Одна из пуль Джексона прошла через лицевую панель Сайфера, и это заставило пришельца вновь принять твердую форму. Но повреждение оказалось несерьезным, солдат Сайферов вновь замерцал и растворился в воздухе. У Джексона кончились патроны, и он в отчаянии потянулся за чьей-то валяющейся на полу винтовкой. Командир Сайферов выстрелил из своего энергетического бластера.

Двойные огненные шары понеслись к Джексону, но Итан сумел силой воли отвести их в сторону и направить в стену.

Используя обе руки, Итан выпустил два заряда энергии в командира Сайферов. Это стоило ему очередной вспышки боли; он чувствовал, словно органы и кости его тела вот-вот взорвутся от напряжения. Но двойные вихри из тысяч огненных сфер сорвались с его ладоней и полетели в сторону пришельца. Тот замерцал и ускользнул, но солдат, находящийся позади, оказался не таким быстрым. Попав на линию огня, он взорвался, разлетевшись на горящие ошметки. Двое других Сайферов исчезали и возникли снова в разных концах помещения, стараясь запутать Итана.

Итан ощутил энергетическое возмущение справа от себя, и тут же командир Сайферов возник из ниоткуда, принял твердую форму и потянулся к мальчику, стараясь схватить его за плечо. Миротворец опасался этого захвата, зная, что заряд инопланетной энергии при прикосновении может парализовать его тело и сделает его беспомощным. Такой, вероятно, и была цель Сайферов. Но прежде чем командир Сайферов успел дотянуться до Итана, ему пришлось размыться в воздухе под градом пуль, что выпустили в него Джексон и двое других агентов. Некоторые пули рикошетили от бетона в опасной близости от Итана, и едва не заделали других людей, которые все еще не оправившись от звуковой атаки горгонского монстра.

Один из Сайферов материализовался и тут же выстрелил, стараясь одним зарядом поразить двух человек — и снова Итану удалось сбить энергетические шары с их траектории. Джексон выстрелил из винтовки солдату в грудь, но пришелец растворился и исчез; пуля на миг словно повисла в воздухе, прежде чем упасть на пол. Итан направил поток пылающих сфер в четвертого Сайфера, и они настигли цель, до того, как тот успел отреагировать и защититься.

Командир отряда Сайферов снова возник в шести футах за спиной Беннета Джексона, нависнув над агентом своей долговязой фигурой. Итан успел лишь развернуться, и увидел, как Сайфер выстрелил из бластера в упор. Сдвоенные огненные шары мгновенно разорвали человека пополам и разбросали останки по всему гаражу. Итан выпустил еще один шквал взрывчатых сфер, но Сайфер замерцал, заряды прошли сквозь него, оставив на стене выбоины от взрывов. Воздух наполнился свистящими осколками бетона и камня.

Итан, тяжело дыша, старался разглядеть в пыли и дыму мерцание, свидетельствующее о перемещениях Сайферов. Его голова раскалывалась от боли, но он методично просканировал гараж в поисках командира Сайферов. Тот был хитер и чертовски быстр, он мог появиться с любого направления.

Одна секунда сменяла другую, но противник не показывался. Итан подумал, что изначально у Сайферов был приказ захватить его, а не убить. Но они не ожидали, что придется вступить в схватку не на жизнь, а на смерть. Свою жизнь и смерть.

Прошла минута. Миротворец ждал, но командир Сайферов не спешил появляться. Итан посмотрел на ужасные останки Беннетта Джексона. Верхняя часть тела была обуглена, нижняя лежала поодаль. Эта жестокая расправа стала мстостью командира Сайферов за гибель солдат из его отряда.

То, что Сайферы не могли захватить, они должны были уничтожить. Они поняли — Итан слишком силен, и нельзя оставлять его в живых, независимо от того, насколько он мог бы оказаться полезным для исследований. В любой момент Сайферы могли вернуться с новым приказом — убить Миротворца любой ценой. Но пока на внутреннем радаре Итана было чисто.

Оставались лишь корабли.

Итан неуверенно поднялся и едва не упал после первого же шага. Казалось, весь мир вращается вокруг него с головокружительной скоростью. Он медленно побрел, словно во сне, через разрушенный гараж Белого Особняка. Наружу, на обзорную площадку перед въездом. Зрение все еще было затуманено красной пеленой, а в ушах по-прежнему звенело, но он знал, что над желтыми облаками две расы воюют между собой.

Шло сражение. Корабли Сайферов и Горгонов атаковали друг друга. Росчерки красных и синих молний пробегали по небесам. Итан не мог разглядеть ни одного корабля, и не слышал никакого отзвука битвы, кроме отдаленного низкого гула, но он ощущал происходящее своим разумом: огромные треугольные пятнистые корабли Горгонов и не уступающие им размерами гладкие черные машины Сайферов, выпускающие из своего чрева множество миниатюрных беспилотников, которые метались вокруг кораблей Горгонов и выводили их из строя, прогрызая себе путь вовнутрь. Однако Горгоны тоже были не лыком шиты и, присмотревшись, Итан увидел, как один из боевых кораблей Сайферов, не меньше восемьсот футов шириной, с испещренным глубокими дырами корпусом, падает из облаков, окруженный голубыми энергетическими шарами. Он врзался в горы, милях в десяти от Белого Особняка. Красный энергетический луч упал с неба на вершину другого пика, подняв в воздух огромные камни.

Миротворец стоял в одиночестве на площадке, которой заканчивалась дорога.

Он не был уверен, как все это остановить. Но надеялся, что ключ может находиться в Зоне-51. Нужно было добраться до Зоны-51 раньше, чем президент Соединенных Штатов покончит жизнь само-

убийством, потому что он оставался единственным, кто мог открыть этот комплекс.

Если в Зоне-51 хранилось нечто, что могло помочь... нечто инопланетного происхождения, способное остановить эту бессмысленную войну и спасти планету от разрушения...

Кто-то коснулся плеча Итана.

Он повернулся и увидел Дейва, пепельно-бледного, выглядевшего изможденным. За его спиной была Оливия, а за ней — Ханна и Никки.

Его единственные друзья в этом диком и беспокойном мире.

Дерриман, пошатываясь, поднялся на ноги и тоже вышел наружу. Его лицо и волосы выбелила бетонная пыль, очки перекошились, из правого уха сочилась кровь. Он мотал головой из стороны в сторону, словно отвергая этот кошмар, ставший реальностью. Итан попытался заговорить с Дейвом, но слова не давались ему. Он ничего не мог произнести — творящийся вокруг ужас говорил сам за себя.

Они стояли над обрывом, походящим на край земли, наблюдая за всплесками инопланетной энергии и взрывами в небесах, пока облака не пролились отравленным дождем на покрытые мертвым лесом горы и тянущуюся по ним дорогу, по которой уже никто не осмелится пройти.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ТО, ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ

Глава двадцать девятая

Джефферсон Джерихо взбежал вверх по лестнице и уткнулся в направленные на него стволы винтовок двух солдат в парадной форме морской пехоты, включая фуражки с белым верхом и белые перчатки. Морпехи выглядели такими ожесточенными, словно готовы весь мир разнести в труху. Пальцы напряглись на спусковых крючках, а лазерные прицелы винтовок заставляли плясать на груди Джефферсона смертоносные красные точки. Один из морских пехотинцев включил коммуникатор:

— Эйкерс Два Ноль, — произнес молодой солдат, которому на вид было не больше двадцати, однако выражение лица свидетельствовало, что он не понаслышке знаком с насильственной смертью. Ему пришлось повысить голос, перекрикивая все еще звучащий сигнал тревоги. — Один из вновь прибывших на четвертом уровне! Что там у вас, внизу?

Никакого ответа не последовало.

— Грэг? Где ты?

Джефферсон поднял руки и завел их за голову, не дожидаясь команды.

— Что-то пробралось внутрь, — сообщил он военным. Его голос дребезжал от страха и волнения. — Так нам сказали. Я не знаю, что это было, но что-то прорвалось внутрь...

— Мы знаем, что был прорыв, — ответил морпех. Затем снова заговорил в коммуникатор. — Грэг? Отзовись, приятель! Что там у вас происходит?

— Внизу появился Горгон... — выговорил Джефферсон с явным трудом. — На третьем уровне. Там. Внизу.

— Грэг, отзовись!

Джефферсон увидел за спинами двух морских пехотинцев еще один коридор, который заканчивался лестницей, ведущей на уровень выше.

Морпех набрал на клавиатуре коммуникатора другую комбинацию.

— Эйкерс Два Ноль, — повторил он. — Фриско, ты на связи?

— Горгон, — повторил Джефферсон. — Он выглядел, как человек. Но внутрь прорвалось что-то еще. Я не знаю, что именно, — он почувствовал, как горячая кровь приливает к лицу и стучит в ушах, а холодный пот, текущий по спине, заставляет тело содрогаться, но боялся даже пошевелиться. Эти двое могли изрешетить его без колебаний. Ноги Джефферсона подкашивались, перед глазами заплясали темные пятна.

— Фриско, ответь мне!

— Можно... мне немного воды? — попросил Джефферсон. Он набрался смелости и обернулся, посмотреть на лестницу позади. То, что его могли застрелить морские пехотинцы, пугало Джефферсона гораздо меньше, чем возможность вновь столкнуться лицом к лицу с преследующим его Воупом. — Пожалуйста, я думаю, что...

— Заткни ему пасть! — рявкнул морпех своему напарнику, который тут же шагнул вперед, развернул Джефферсона и прижал его лицом к стене. Ствол винтовки уткнулся между лопаток.

— Фриско! — крикнул молодой пехотинец в свой коммуникатор. — Да отзовись уже!

— Он не ответит, — сказал ему напарник. — Похоже, там внизу реальное дерьмо, защита прорвана.

— Что происходит? — вдруг послышался новый голос, перекрывающий сигнал тревоги. — Сержант Эйкерс, отвечайте!

— Я как раз пытаюсь прояснить ситуацию, сэр, но все под контролем.

Сержант Эйкерс явно боялся, но старался сохранить голос твердым и властным. Джефферсон повернул голову, взглянуть, что за незнакомец обращался к сержанту, хотя уже догадывался, кого увидит в коридоре. Он узнал его по голосу. Единственной причиной, по которой убежище все еще действовало и охранялось агентами Секретной службы и морской пехотой, было присутствие здесь этого человека.

В коридоре стоял президент Соединенных Штатов.

— Джейсон! — воскликнул Джефферсон, обращаясь к президенту Биллю. Они однажды встречались лично. Много лет назад, когда Джефферсон Джерихо еще звался Леоном Кушманом и подрабатывал в Арканзасе волонтером в предвыборной кампании Билла Клинтона. Джейсон Биль тогда учился на юридическом факультете в Миссури, был старше Джефферсона на четыре года, столь же самоуверенный и с дьявольской деловой хваткой. Они познакомились на вечеринке, где курили травку и обсуждали порноиндустрию. Леон в то время подумывал пойти по стезе порно-актеров, и у них развернулась дискуссия об особенностях этой профессии и о некоторых актрисах. — Это я, Леон Кушман! Ты меня не помнишь?

Джейсон Биль был одет в темно-синий костюм, белую рубашку и красный узорчатый галстук с настолько тугим узлом, что он, казалось, душил его. На лацкане его пиджака блестел значок с американским флагом. Биль то ли сильно исхудал, то ли костюм и рубашка были ему велики на пару размеров. Грива его светлых волос поседела и заметно поредела спереди, однако он следил за прической и, вероятно, пользовался средствами для укладки. Президент все еще оставался красивым мужчиной, фотогеничным и харизматичным, но теперь вокруг его сияющих голубых глаз залегли темные круги, а сами глаза казались запавшими. Глубокие морщины пересекали высокий благородный лоб. Он раскрыл рот, и, пока Джефферсон ждал ответа, в углу левого глаза президента возник заметный нервный тик. Через секунду начала подергиваться вся левая сторона лица, как будто он ожидал или только что получил пощечину.

— Леон Кушман! — повторил Джефферсон. — Вечеринка в квартире Джинджер Райт, май 1992 года!

Первая леди — которую звали отнюдь не Джинджер Райт — появилась позади мужа. В девичестве ее звали Аманда Гейл; дочь главы влиятельной финансовой корпорации в Миссури. Именно она основала агентство по связям с общественностью, которое в дальнейшем помогло Джейсону Биллю пробиться в Овальный кабинет. Она подерживала его и сейчас, в буквальном смысле — держа под руку и не давая упасть.

— Кто этот человек? — спросил Биль у морских пехотинцев, державших Джефферсона. Речь президента звучала медленно и не-

разборчиво. Тик продолжался и усиливался с каждой секундой. — Почему он здесь?

— Сэр, пожалуйста, возвращайтесь в свою комнату, — попросил Эйкерс. — У нас все под контролем.

— Я требую ответа. Сработала тревога. Вэнс не отвечает на мой вызов, как и Беннетт. Я хочу знать, что происходит.

— Сэр, пожалуйста...

— Сержант, мне через час выступать на телевидении перед американским народом. Они заслуживают знать, в чем дело, — он поднял взгляд к потолку, лицо жутко подергивалось. — Эта тревога... вы можете ее выключить?

— Да, сэр, — ответил Эйкерс. Джефферсон заметил, что молодой сержант переглянулся с первой леди, и та ответила ему едва заметным кивком. — Если вы вернетесь в свою комнату, сэр, мы обязательно выключим сигнал тревоги и все приведем в порядок.

— Ко мне скоро придут делать макияж, — рассеянно произнес Биль.

— Джейсон! — сделал еще одну попытку Джефферсон. — Я же писал тебе, помнишь? Просил подписать для меня фотографию, — он вспомнил, что в последние годы использовал совсем другое имя, в том числе отправляя президенту фотографии на подпись. Эти фото должны были впечатлить «Рисковых Игроков». — Джефферсон Джейрихо! Ты не помнишь?

Рот президента открылся и снова закрылся. Казалось, на его глаза упала мутная завеса.

— Вернемся домой, Мэнди, — пробормотал он своей жене, которая и сама едва держалась на ногах от усталости, хотя по-прежнему выглядела красивой, спортивной и собранной женщиной. Ее длинные темно-каштановые волосы поседели, а глаза запали и потускнели, приобретя цвет пепла. Она повела своего мужа к двойным дверям в конце коридора.

— Эйкерс Два Ноль, — снова произнес Эйкерс в коммуникатор. — Чертова тревога! — раздраженно прошипел он, обращаясь ко второму морскому пехотинцу, а затем вновь заговорил в коммуникатор. — Кейт, ты там? Ответь мне!

— Дэнни, прием! — из динамика донесся странный шум, словно мимо говорившего мчалась толпа людей, и каждый считал своим долгом толкнуть его. — Вы на посту?

— Да, но сюда проник один из вновь прибывших. Он что-то болтает о Горгоне на третьем уровне. Что там происходит?

— У нас был прорыв.

— Принято. Кто именно прорвался?

— Ты не поверишь! Я тебя с трудом слышу, у меня уши повреждены. Тут полное дерьмо. Док уже в пути. Мы потеряли Джексона и еще человек пять в плачевном состоянии.

— Что? Потеряли Джексона? Как?

— Я не могу говорить, Дэнни, у меня голова просто раскалывается...

— Понял тебя. Так что мне делать с этим сукиным сыном?

— Задержи его. Мы разберемся, проверим все уровни и найдем всех, кого сможем.

— Там на третьем уровне мертвец, — вставил Джефферсон. — Один из агентов. Его убил Горгон.

— Помалкивай, — приказал ему Эйкерс. — Слушай меня внимательно и делай все без резких движений. Прислонись спиной к стене, сядь, держи руки за головой, а ноги скрести. И сиди спокойно.

— Я знаком с президентом. Знал его, еще когда он был студентом-юристом. Что он имел в виду, когда говорил о телеви...?

— Заткни свой рот и сядь, — второй морской пехотинец направил ствол винтовки Джефферсону в лицо, и маленькая красная точка засветилась у того на лбу.

Джефферсон сел. Что ж, позже еще будет возможность поговорить с Джейсоном Билем, подумал он. Если президент, конечно, его вспомнит. Пока проповедник решил воздержаться от расспросов. Выжить он хотел сильнее, чем получить ответы на вопросы, и пока эти два морпеха с винтовками охраняли его, ему лучше их слушаться.

***

— Проклятье, — прошипел Вэнс Дерриман, подводя итоги разрушений в гараже. И как же им теперь вытащить отсюда эту штуку? Каким образом починить входную заслонку? Беннетт погиб, несколько других солдат в тяжелом состоянии в лазарете, весь уровень разрушен, в небе все еще сражаются друг с другом корабли Горгонов и Сайферов, хотя инопланетянин — который выглядит как мальчик с серебряными глазами — сказал, что поле битвы уже удаляется от Белого Особняка.

В голове у Вэнса стучало, нервы были словно обуглены, все чувства казались приглушенными. Он боялся, что не обошлось без серьезных внутренних травм, потому что несколько минут назад его вырвало с кровью. И эта тревога... ее завывание болезненно сказывалось на его и без того истерзаных звуковой атакой ушах.

— Кто-нибудь, отключите сирену! — кричал он. Его голос звучал, словно бормотание под водой. — Боже, прекратите этот шум! — он не мог думать, не мог ни на чем сосредоточиться. Логика и здра-

вые рассуждения всегда были его сильной стороной, еще до того, как инопланетяне принесли в этот мир хаос, разрушение и войну. Все должно обладать смыслом, все должно иметь свое рациональное объяснение. Когда он узнал о Зоне-51, то постарался оградить свой разум от этой информации. Это не входило в его обязанности и не попадало под его ответственность. А ведь он мог бы уделить тому брифингу больше внимания, мог послушать доклад об инопланетных кораблях и артефактах, которые изучали в S-4 для военных целей. Но Дерриман отстранялся от этого, предпочитая мысленно переигрывать партии в гольф или слушать Первую Симфонию Рахманинова, воспроизводя ее по памяти и размышляя о том, как холодно она была встречена критиками в 1897 году.

Третьего апреля два года назад картина мира Вэнса Дерримана рухнула. Он попросил своего младшего брата позаботиться о Линде, потому что не мог уйти сам — у него был долг перед президентом США. По телефону брат сообщил ему, что они укрылись на военном складе Национальной Гвардии за пределами Рестона, но затем спутники взорвались, вышки сотовой связи вышли из строя, и связи больше не было.

Генерал Уинслетт что-то сказал. Дерриман расслышал лишь обрывки слов, из которых не сумел вычленить никакого смысла. Лицо Уинслетта было белым, как известка, и блестело от пота, глаза налились кровью. Генерал стоял, пошатываясь, и смотрел на безголовое чудовище, лежащее на полу гаража. Затем он отвернулся, отошел на пару шагов, и его стошнило. Один из солдат подошел к генералу, чтобы отвести его в лазарет, и Фогги не стал возражать.

Нам придется разделить эту тварь на кусочки, решил Дерриман, глядя на огромную мертвую тушу, *разрезать на тысячу мелких частей и вынести отсюда по частям.*

Дейв МакКейн обратился к Дерриману, но тот лишь покачал головой. Дейв попытался снова, почти крича:

— Мы можем поговорить?

— Я едва слышу, черт побери! — ответил Дерриман, указывая на ухо. Хотя сигнал тревоги смолк, звук его собственного голоса врезался в мозг раскаленным шилом с каждым словом. — Дайте мне прийти в себя!

Дейв кивнул и отошел. Осторожно перешагивая через куски камня и бетона, он вышел наружу, где пахло дымом, жженой плотью рептилии и озоном. Итан и Оливия стояли рядом, опираясь на перила и наблюдая за тем, как в облаках вспыхивают синие и красные огни. Незадолго до этого, Ханну и Никки отправили в лазарет. Поначалу они хорошо держались, но этот огромный монстр и трупы в гараже все-таки сломили их. Никки упала в обморок, как только увидела по-

следствия бойни, и могла бы разбить голову при падении, если бы Итан не поймал ее вовремя. Осознав, чем было чудовище, до того, как ожить и вломиться в гараж, Ханна сказала лишь, что ей не мешает привести нервы в порядок. После чего эта закаленная войной женщина села на землю и расплакалась, а Оливия отправилась за помощью. Когда ее уводили, на морщинистом заплаканном лице Ханны вдруг появилась кривая улыбка, и она заявила, что могла бы сейчас в одиночку ополовинить бутылку виски. И это было бы почти так же здорово, как оказаться под свежим и чистым земным дождем.

— Джефферсона нашли? — спросила Оливия, когда Дейв приблизился.

— Уверен, он найдется. Такие подлецы всегда выживают, — Дейв тоже понаблюдал немного за вспышками в небе. В отдалении, из-за мертвых деревьев поднимался дым. — Они приближаются?

— Пока еще далеко, — ответил Итан. В голове у него шумело, каждый нерв человеческого тела болел, а слух все еще не восстановился, но своим разумом он мог «слышать» гораздо яснее, чем ушами. — Похоже, сейчас они слишком заняты друг другом, чтобы думать обо мне. Но только сейчас, — добавил он. Его голос звучал приглушенно и казался чужим даже ему самому. Он подумал, что стоит добавить еще кое-что. — Теперь они знают, что не смогут взять меня живым. В следующий раз они явятся, чтобы уничтожить меня, — Итан немного помолчал, а затем повернулся к Дейву. — Вот почему я должен как можно скорее добраться до Зоны-51.

Итан уже успел поделиться с Дейвом и Оливией своими догадками. Он не был уверен, но надеялся, что в секторе S-4 может находиться нечто полезное, что поможет прекратить эту войну. Ни одно земное оружие неспособно было остановить войну Горгонов и Сайферов, даже ядерное, которое могло бы расколоть планету на части. Но и в этом случае, исчезнет лишь планета, а линия в космосе, служащая границей между владениями Горгонов и Сайферов — останется.

— Я не знаю, что ты собираешься предпринять, чтобы остановить войну, — сказал Дейв, словно научившись читать мысли Итана. — Ведь для этого тебе придется уничтожить их... обе их цивилизации, так? И каким же образом ты это сделаешь? И вообще, разве это не противоречит... твоим правилам, принципам и прочему?

— Да, — ответил Миротворец. — Моя цель — не уничтожить миры, а спасти их.

— Ну, вот... Даже если ты найдешь инопланетное оружие, чем это тебе поможет?

Итан покачал головой.

— Я верю, что избран для этой миссии высшей силой. И она знает, что мне делать. На данном этапе, моя цель — убедить вашего пре-

зидента отвести меня в S-4, — некоторое время он молчал, наблюдая за огнями небесной битвы и прикидывая, что поле боя все больше отдаляется от Белого Особняка. — Это единственное, в чем есть хоть какой-то смысл, — сказал Итан, наконец. — Ради этого я прибыл сюда. И только президент может отвести меня в S-4, несмотря на его помутившийся рассудок и склонность к самоубийству.

— Я думаю, это безнадежно, — вздохнула Оливия.

— Не говори так, — Дейв увидел, как помрачнели ее глаза. Их взгляд был пустым от шока и печали. Оливия была близка к тому, чтобы сорваться и броситься вниз с обрыва. Дейв обнял ее за плечи, понимая, что если позволит ей сделать хоть шаг по этому пути, Оливия Куингера просто исчезнет. — Нельзя сдаваться, — ободряюще произнес Дейв. — Мы должны довериться Итану.

— Довериться Итану, — бесстрастно повторила она. — Там ведь миллионы Серых людей, Дейв. По всему миру. Китай, Россия, Южная Америка... весь мир! Их уже может быть миллиард, а то и больше! Даже если Итан прекратит войну Горгонов и Сайферов, что делать с Серыми людьми? А с миллионами обычных людей, которые сошли с ума или опустились до состояния дикарей за последние два года? Что делать с ними, Дейв? Как Итан сможет исправить это? Некоторые вещи уже никогда не станут, как прежде, — она уставилась на ограждение, и Дейв подумал, что она, устав от бесконечных страданий, всерьез помышляет о самоубийстве. — Мы слишком многое потеряли, — с болью выдохнула Оливия, прикрыв глаза. — Слишком многое.

Дейв взглянул на Итана в поисках поддержки, но Миротворец молчал. Дейв понял, что вытаскивать Оливию из этой пропасти придется ему одному.

— Да, мы слишком многое потеряли, — кивнул он. — Я потерял жену и сыновей. Ты — своего мужа, и саму жизнь, что у вас была. Но посмотри на меня, Оливия. Посмотри, пожалуйста.

Она посмотрела на него; Дейв взглянул ей в глаза и увидел, что они почти безжизненны. Ее сила духа совсем иссякла.

— Мы не потеряли друг друга, — сказал Дейв. — И мы должны держаться. Итан верит, что ему необходимо попасть в Зону-51, значит, и я тоже в это верю. Оливия, мы слишком далеко зашли, чтобы все бросить, — он кивнул в сторону облаков, все еще озарявшихся синими и красными вспышками. — Они победят, если мы опустим руки. Пожалуйста... останься со мной... с нами... хотя бы еще немного.

— Скажи мне, — пробормотала она, тихо и почти безразлично, — как мы попадем туда? Машины сломаны. Наш автобус... — она замялась, стараясь подобрать слова, что могли бы описать произо-

шедшее с автобусом, — ...нельзя использовать. Не уверена насчет точного расстояния, но Розуэлл,³⁴ как и штат Нью-Мексико, находятся довольно далеко отсюда. Как мы туда доберемся, Дейв? Итан? Есть идеи?

— Пока еще нет. Нам нужно поговорить с мистером Дерриманом.

Их разговор прервало появление Джефферсона Джерихо, который споткнулся на обломке бетона, упал на колени и выругался. Он был бледен, в глазах шок. Двигался так, словно в одиночку осушил ту бутылку виски, о которой мечтала Ханна.

— Что это за хрень там валяется? — спросил он и, не дождав-шись ответа, продолжил. — А автобус... где наш автобус?

— Это и был наш автобус, — устало ответил ему Дейв. — Технологи Горгонов способны создавать жизнь из неорганики. Вот они и...

— Так, ладно, этого я не хочу знать, — перебил Джефферсон. — Боже, ну и погром там! — он сосредоточил внимание на Итане. — Это ты убил... наш автобус?

— Да.

— А Воуп? — обратился Джефферсон к Дейву. — Что произошло с ним?

— Он или оно — испарилось или переместилось куда-то в другое измерение. Или что там делают Горгоны? А ты-то где был?

Джефферсон услышал отдаленный грохот и понял, что где-то далеко отсюда продолжается битва. На мгновение его внимание оказалось поглощено разноцветными вспышками в небе.

— Я был наверху, на четвертом уровне, — объяснил он. — Встретил там президента Биля и первую леди. Пара морпехов чуть не застрелили меня, но потом отпустили, — он нахмурился. — Все живы? Как Ханна и Никки? Они в порядке?

— Они в лазарете. Думаю, на этом же уровне убежища. Они не ранены, но вот их нервам не позавидуешь.

— Да уж, моим тоже, — Джефферсон перевел взгляд на Оливию и заметил, что она едва держится на ногах. — А ты как? — спросил он ее.

---

³⁴ Розуэлл — город в штате Нью-Мексико, США. Мировую известность город приобрёл в связи с «Розуэльским инцидентом» 1947 года, одним из наиболее известных происшествий, связанных с обнаружением неопознанных летающих объектов (НЛО).

Не очень понятно, почему Оливия говорит о Розуэлле, ведь Зона 51, куда собираются отправиться персонажи — расположена в другом штате, далеко от Розуэлла.

— Бывало и лучше. Итан говорил о том, что ему нужно попасть в Зону-51 и найти... я не знаю, что именно... что-то, способное остановить все это, — она кивнула на желтые облака, за которыми все еще вспыхивали красные и синие огни. — Я не понимаю, как это можно остановить. Мне кажется, все безнадежно.

— Зона-51, — произнес Джефферсон, обращаясь к Итану. — База, где хранятся летающие тарелки. — Года три назад он бы рассмеялся и покрутил пальцем у виска, если бы кто-то завел речь о засекреченных подземных исследовательских центрах и контактах с инопланетянами.

— Да, я хочу попасть в тот исследовательский центр и посмотреть, что за артефакты там хранятся. Мистер Дерриман сказал, что единственный человек, кто может провести меня туда — это президент. Но он...

— Почти полностью выжил из ума. Я встречал его, давным-давно, еще когда он был студентом юридического факультета и работал на Клинтон. Мы курили косяки на вечеринке в Литл-Роке и обсуждали порно. Наверное, теперь мы могли бы шантажировать друг друга фактами того вечера, — однажды у Джефферсона и впрямь мелькнула такая мысль, но он решил, что целая армия адвокатов размажет его, как масло по бутерброду. А вот если кто-то покопается хорошенько в прошлом самого Джефферсона, он потеряет все, что создал за последние годы. Так что он послал эту идею к черту. Рассеянный взгляд Джефферсона вернулся к Дейву. — Значит, у них есть технология, превратившая наш автобус в ту дрянь?

— Да, они способны превращать неживое в живое, — ответил Итан. — Быстрый и эффективный синтез органики, с использованием неодушевленных объектов в качестве основы. Проще говоря, у Горгонов есть луч жизни.

— Вот ведь черт! — воскликнул Джефферсон. — А я когда-то 3D-принтер считал чудом фантастики!

— Президент, — напомнил Итан. — Вы его видели?

— Видел. Он меня не узнал. Правда я и выгляжу сейчас совсем не так, как раньше. С другой стороны, я не уверен, что Биль сейчас узнал бы собственную мать.

— Но все-таки когда-то вы были с ним знакомы. Если удастся ему об этом напомнить — это может нам помочь.

— Сначала нам нужно поговорить с Дерриманом, — вставил Дейв.

— Да, — Итан замолчал, наблюдая за тем, как битва отдалается от горы Уайт Мэншн. Хоть какая-то хорошая новость. В облаках мелькнула огромная синяя вспышка; ее лучи, казалось, выстрелили во

все стороны. Огромный темный силуэт вдали медленно проскользил сквозь облака и упал где-то по ту сторону горной гряды.

Еще одно очко в пользу Горгонов, подумал Итан, но *Сайферы отплатят сторицей*. Это тоже было одной из причин, почему война продолжалась без конца и края. В битве смерть порождает месть, а та — снова смерть, и так будет всегда.

Вскоре показался один из агентов Секретной службы и попросил Итана с его друзьями вернуться внутрь. В Белом Особняке люди пытались хоть немного разобрать учиненный пришельцами погром. Эту задачу можно было легко приравнять к одному из подвигов Геракла. К тому же, пока никто из обитателей убежища пока не знал, что делать с разрушенной входной заслонкой. Проходя мимо трупа чудовища, в которое обратился школьный автобус, Оливия пошатнулась и схватилась за руку Дейва, чтобы не упасть.

— Можете отвести ее в лазарет? — спросил он у молодого человека в джинсах и футболке. — Она в шоке, ей нужна медицинская помощь.

— Сделаю, — ответил солдат, хорошо понимающий, что такое шок. Его сперва приставили следить за девушкой-подростком с повязкой на глазу, и он оставался на посту, пока не услышал стрельбу. Выскочив в коридор, он на несколько секунд застыл, как соляной столп, увидев человекоподобную фигуру с чем-то вроде толстых пятнистых щупалец вместо рук. Позже, солдат был одним из тех, кто вел огонь по проникшим в гараж Сайферам. После пережитой звуковой атаки, когда его вырвало кровью, а нос и уши перестали кровоточить, в лазарете ему выдали валиум, и он переделся в чистое. Теперь солдат почти пришел в себя, хотя со слухом все еще были проблемы, а в левом ухе периодически простреливала боль, отдающаяся в левую половину лица и шею.

— Нам нужно увидеть мистера Дерримана, — сказал ему Итан, пока они провожали Оливию до лазарета.

— Мне приказано отвести вас обратно в ваши комнаты.

— Это неверное решение, — возразил Итан. — Горгоны и Сайферы вернутся, и следующее их нападение никто из людей не переживет.

Солдат не нашел в себе достаточно мужества, чтобы встретить взгляд серебряных глаз Итана. Он долго смотрел на мертвый безголовый каркас монструозного автобуса, затем извлек из кармана джинсов коммутатор и набрал номер.

— Сторм Один Один, — произнес он. — Говорит сержант Эйкерс. Дерриман там?

— Он сейчас не в лучшей форме, Джонни. Ему нужен доктор. А после он собирался присутствовать при речи президента.

— Мы все сейчас не в лучшей форме. Но мальчишка с серебристыми глазами говорит, что дело срочное, и я ему верю. Если б ты видел, что здесь произошло, ты бы тоже поверил. Мы поднимаемся. — Эйкерс убрал коммуникатор и обратился к Итану. — Идем, но запомни одно: я убью любого из вас, или вас всех, если мне не понравится хоть одно движение, — это прозвучало из его уст, как пустая угроза, поскольку сейчас он и муху не смог бы прихлопнуть. — Следуйте цепочкой за мной, — приказал он.

Глава тридцатая

— Они уже готовятся начать запись, — сообщил сержанту Эйкерсу агент Секретной службы, когда они достигли четвертого уровня. — Ему не понравится, если его прервут, — он взглянул в серебряные глаза пришельца и заметно задрожал от страха. Впрочем, это было чувство за пределами страха. Страх в это жуткое время был столь привычен и постоянен, что, скорее, приравнивался к смирению перед неизбежным. Агент хотел было попросить визитеров подождать, но быстро понял, что ждать они не собираются.

— Под мою ответственность, — ответил Эйкерс, поманив за собой Дейва, Итана и Джефферсона. Джефферсон не удержался и отсалютовал двум морским пехотинцам, проходя мимо них.

Группа достигла двери с надписью «*Студия*», и агент впустил Дейва первым. Дейв оказался в ярко освещенной комнате со светло-зелеными стенами, белым диваном, книжными шкафами и несколькими мягкими стульями. Из небольших колонок, закрепленных под самым потолком, играла музыка, напомнившая Дейву о парадах, проходивших на главной улице любого мало-мальски значимого города. Джефферсон же узнал марш Джона Филипа Сузы,³⁵ заставлявший раньше каждого американца испытывать чувство гордости. От звуков этой музыки не только пробуждался патриотизм, но и раскрывались кошельки, особенно во время празднования Четвертого Июля в Новом Эдеме.

В комнате было еще три двери, пока закрытых. Агент Секретной службы отправился к дальней двери и постучал. Почти сразу же на стук отозвался высокий мужчина в темно-синем костюме, белой ру-

---

³⁵ Джон Филип Суза — американский композитор и дирижер духовых оркестров, автор знаменитого марша «The Stars and Stripes Forever», ставшего национальным маршем США. Суза вошел в историю американской музыки как «король маршей».

башке и сером полосатом галстуке. На лацкане пиджака виднелся значок с американским флагом. Итан видел этого человека на гаражном уровне, когда они только приехали, но с тех пор встречаться с ним не доводилось.

— Они хотят поговорить с Дерриманом, — сказал агент, отступая в сторону, чтобы человек увидел его спутников. — Говорят, это срочно.

Человек с острыми чертами лица одарил пришедших жестким, холодным взглядом, прежде чем заговорить. В его глазах читалась смесь неприязни со страхом.

— Вы же знаете, что он занят. Президенту только что сделали макияж, и они собираются начать запись через три минуты.

— Да, мне это известно. Просто передайте ему, что к нему пришли. Скажите, мол, пришелец хочет предупредить о новой атаке Сайферов и Горгонов.

— Чертовски вовремя. Все это нарушение протокола...

— К черту протокол, — прошипел Эйкерс, начиная закипать от раздражения. — Все давно вышло из-под контроля. Просто скажи Дерриману.

Мужчина со значком на лацкане без единого слова покинул комнату.

— Подождите, — буркнул агент. Марш Джона Филлипса Сузы продолжал играть; мощные удары барабанов перекликались с яркими серебряными нотами давно мертвых тромбонов.

Прошла почти минута. Наконец, дверь открылась и показался Вэнс Дерриман, с лицом, столь перекошенным от напряжения и боли, словно кто-то вонзил нож ему в позвоночник. Дерриман сменил костюм на черный; его прежний серый костюм был безнадежно испорчен.

— Я же сказал, что мне нужно время, — сердито сказал Дерриман Дейву. Его голос звучал медленно и нарочито громко, Дерриман все еще плохо слышал.

— У нас нет такой роскоши, как время, — ответил Итан. — Я хочу знать... как вы сюда попали? В это убежище внутри горы, — он увидел ответ в разуме Дерримана, не прошло и секунды. — Ясно. На вертолете. Где он?

Судя по воспоминаниям Дерримана, основную часть путешествия обеспечили ВВС, перебросив президента вместе с его свитой из Вашингтона в Солт-Лейк-Сити. В аэропорту их посадили в черный внедорожник и отвезли к вертолетной площадке, с которой они уже переместились сюда. Миротворец выхватил эту информацию из разума человека сразу же, как только уловил ментальные образы воспо-

минаний. Итан уже знал, где находится вертолет «Пустельга» VН-71,³⁶ но Дерриман сказал вслух, для остальных:

— На другой стороне горы есть вертолетная площадка. Она замаскирована. Вертолет хранится там же, в ангаре.

— Он может доставить нас в лабораторию S-4, — сказал Итан, с интонацией утверждения, не вопроса.

— Может. Примерно за три часа. Но я уже говорил вам... — Дерриман вдруг замолчал. Челюсти его сжались. Его все еще мучили боль и давление в голове, каждое слово давалось с трудом. — Вы хотите увидеть, почему он не сможет покинуть это место? Следуйте за мной.

Дерриман провел Дейва, Итана и Джефферсона через еще одну зону отдыха к двери с висящей над ней красной табличкой «*ПРЯМОЙ ЭФИР*», которая сейчас не горела. За ней, в тускло освещенном помещении стояли несколько рядов кресел, как в кинотеатре. Трое мужчин в наушниках сидели за большой микшерной панелью. За стеклом, на подиуме с изображением президентской печати стоял Джейсон Биль. На него нацеливался ряд прожекторов и две профессиональные телевизионные камеры. Операторы также были в наушниках. Светотехник направлял и настраивал освещение подиума. Седая женщина в джинсах и синей блузе вытирала бисеринки пота со лба Джейсона Билия. За спиной президента и позади подиума высился ряд книжных полок, заставленных томами в дорогих переплетках. Там же стояли небольшой белый бюст Авраама Линкольна, статуэтка в виде сложенных в молитве рук и прислоненная к ним библия, а рядом — цветная фотография Джейсона Билия и первой леди с двумя их детьми — Джеймсом и Натали. Дополнял интерьер глобус. Все эти предметы были расставлены так, чтобы попасть в кадр. Те, кто обставлял помещение, старались максимально близко воссоздать обстановку Белого Дома.

— Что это? — спросил Дейв. — Как...

— Сядьте, — сказал Дерриман. — Примерно через минуту он будет произносить речь, — начальник штаба указал на электронные часы над стеклянной стеной, отсчитывающие секунды.

Один из членов съемочной группы нажал кнопку на пульте.

— Кэти, у него все еще блеск на носу, — человек говорил устало, лицо его казалось бесстрастным, словно он проходил через эту процедуру подготовки к съемкам сотни раз, но вынужден был повторять

---

³⁶ VН-71 «Пустельга» — вертолет средней грузоподъемности, используемый как в военных, так и в гражданских целях.

снова и снова. Такой была его работа, и он выполнял ее, как мог. Женщина кивнула и еще немного поработала кисточкой.

Дерриман сел в первом ряду между Дейвом и Джефферсоном, стараясь держаться подальше от Итана. В конце ряда сидела первая леди, наградившая вновь прибывших настороженным взглядом. Она пила из стакана с кубиками льда, и Дейв уловил запах алкоголя.

— Теперь все нормально? — спросил Биль, глядя в камеру.

— Все в порядке, сэр, — ответил техник.

— Мэнди? У меня все в порядке? — голос Биля казался тонким и хрупким, далеким от того, что Джефферсон и Дейв помнили по прошлым речам президента. Хотя Дейв не так уж часто слушал эти речи, и не интересовался политикой. Прежде чем явились пришельцы, его мнение о политиках сводилось к тому, что они презирают своих избирателей, и заигрывают с ними только тогда, когда им нужны голова.

— Да, с тобой все в порядке, — сказала первая леди, хотя даже не посмотрела на мужа, сделав вместо этого еще один глоток из стакана.

— Мой самый заслуживающий доверия критик, — сказал Биль, нервно усмехнувшись. На нем был тот же темно-синий костюм, в котором его видел Джефферсон чуть раньше, белая рубашка и галстук с красным узором. Одежда выглядела безупречно, и макияж был сделан профессионально. Он скрыл темные круги под глазами Биля и глубокие морщины, пересекавшие его лоб, однако никакой макияж не мог замаскировать чувство печали и трагического отчаяния, которое, как Итан знал, ощущал каждый в этой комнате.

— Сэр, — обратился к президенту техник. — На телесуфлере нет бликов?

Похоже, это был стандартный вопрос.

— Бликов нет. Все хорошо.

— Мы дадим обратный отчет до прямого эфира, как обычно. Кэти, заканчивай. Джордж, все готово. Софиты светят идеально, — женщина с кисточкой закончила работу, а техник убрал из кадра складную лестницу и прислонил ее к дальней стене.

Джефферсон наклонился к Дерриману.

— Что здесь происходит? — спросил он громким шепотом.

— Обращение президента к народу. Он делает это два раза в месяц.

— К народу? К какому народу?

— К тому, который, по его мнению, все еще существует.

— Он не знает правды? Думает, что люди все еще смотрят кабельное телевидение?

— Джентльмены, я включаю запись! — сказал техник, словно предупреждая остальных, что им следует осмотрительно выбирать слова.

— Давай, — кивнул Дерриман. — Мы посмотрим.

— Включить первую камеру. Включить вторую камеру. Мистер президент, начинаем через пять... четыре... три... два... один... Мы в эфире!

Джейсон Биль выпрямился в свете софитов. Он не улыбался камерам, но лицо его не было угрюмым. Он был политиком, и на его тонком желтоватом лице застыло выражение самой глубокой и искренней решимости.

— Мои собратья-американцы, — начал читать он с экрана телесуфлера, — мои дорогие граждане этой доблестной страны, которая никогда не будет сломлена ни одним завоевателем или оккупантом — земным или внеземным — сегодня я оглашу вам новости, в которых нас ждет новая надежда. Согласно последним военным сводкам, армия и ВВС Соединенных Штатов в ходе тяжелого боя уничтожили оплот Сайферов к западу от реки Миссисипи, недалеко от Александрии, штат Луизиана. Военно-морской флот и морская пехота США в настоящее время ведут осаду крепости Горгонов недалеко от Сиэтла, штат Вашингтон, и, как мне сообщил начальник штаба, Горгоны долго не продержатся, — президент Биль сделал паузу. Тик начался с левого глаза, вскоре заставив содрогаться всю левую сторону его лица. Он опустил голову. — Простите меня, — приглушенно сказал он в микрофон, — меня переполняют эмоции... поскольку я уверен, что все мы... все мы в эти тяжелые дни испытаний и скорби... — эти слова он не читал с телесуфлера, они исходили из его измученной души. Он замолчал, быть может, секунд на десять или пятнадцать. Съемка продолжалась в полной тишине. Когда Биль, наконец, снова поднял взгляд, тик все еще мучил его мышцы, но стал слабее, показывая, что у этого человека еще сохранилась сила воли. Он вновь начал читать с телесуфлера. — Я счастлив сообщить вам, что вскоре следующие города будут освобождены от инопланетной оккупации и никогда не забудут погибших американских героев: Шарлотта, Северная Каролина; Балтимор, штат Мэриленд; Провиденс, Род-Айленд; Чикаго, Иллинойс; Сидар-Рапидс, Айова; Омаха, Небраска; Денвер, Колорадо; Феникс, Аризона; и Портленд, штат Орегон. Будьте осторожны, оставайтесь в ваших убежищах в этих городах до тех пор, пока не будет дан сигнал «Все чисто», означающий, что угроза миновала. Этот сигнал будет передан вам чуть позднее. С прискорбием вынужден сообщить, что из других столиц и от лидеров других государств по-прежнему нет никаких вестей, но мы продолжаем попытки установить связь со всеми мировыми лидерами, и будем молить Бога об

их благополучии. Каждые четыре часа мы будем отправлять экстренное сообщение и ждать новостей.

Дерриман поерзал в своем кресле. Итан понимал, что все происходящее было лишь спектаклем, постановкой, призванной вселить надежду в президента и удержать его от новой попытки самоубийства. Ведь какой лидер своей страны — находящейся под его защитной и ответственностью — выдержит, узнав, что половина его народа превращена в монстров инопланетным ядом, льющимся с небес, а другая половина разорвана и сожрана этими монстрами?

— Мы все еще здесь, — продолжил Биль уверенным, хорошо поставленным президентским голосом. — Мы все еще зовемся Соединенными Штатами Америки. Я получаю от наших командиров обновленные данные каждые несколько часов. Как я уже говорил в прошлый раз, мы потеряли множество хороших людей, но многие другие остаются верными этой стране и продолжают нести свою службу. Мы выражаем наши искренние пожелания успеха другим народам этого мира и надеемся, что они слышат нас. Позвольте мне повторить: оставайтесь в своих убежищах, пока не получите сигнал «Все чисто». Военные сражаются за вас, и рано или поздно они одержат победу над инопланетными захватчиками. Я хочу обратиться к своим детям Джеймсу и Натали: оставайтесь в безопасном месте и не теряйте веру в то, что очень скоро мы увидим рассвет нового дня вместе. Я хочу сказать это всем детям и всем родителям в мире, которые вынуждены сейчас находиться вдали от своих близких. Хочу сказать каждому солдату на поле боя, каждому моряку в море, каждому летчику — Господь пребудет с вами, а ваш подвиг никогда не будет забыт, ибо вы лучшие люди, которых всегда будут помнить, как героев. Благодаря вам инопланетные захватчики знают, что мы никогда не сдадимся, — он остановился на мгновение, чтобы эти волнующие слова прозвучали в воздухе. Итан, Дейв и Джефферсон задумались: верит ли сам президент в то, что говорит?

Кубики льда звякнули в стакане первой леди, когда она сделала еще один глоток.

— Я снова выйду на связь с вами ровно через две недели, в тот же день, в то же время, — сказал человек на подиуме, чей лоб снова заблестел от пота, хотя поток прохладного воздуха струился в его сторону от специально установленных вентиляторов. — Это был президент Соединенных Штатов Америки Джейсон Биль. Как и всегда, я желаю вам сил и выдержки.

Затем Биль замер и стоял неподвижно — за исключением нервного тика — пока техник не сказал ему:

— И... снято. Вот и все, сэр.

— Я нормально выглядел? Мэнди, как я выглядел?

— Скажите ему, — ответила она между глотками, — что он выглядел очень хорошо.

Ее голос больше напоминал голос тени.

— Она говорит, что вы выглядели отлично, сэр.

— Я беспокоился. Здесь жарко. Вам тоже жарко?

— Это софиты, сэр. Из-за них всегда так.

Дейв наклонился ближе к уху Вэнса Дерримана.

— Как вы это объясните? Богом клянусь, чертов Денвер ни хрена не был освобожден!

— Так и есть, — кивнул Дерриман.

— Да, так и есть! А он думает, что спутники все еще передают? И что у людей есть электричество?

— Осторожнее со словами. Он выходит, — Дерриман поднялся навстречу президенту. — Великолепно, Джейсон. Ты сказал им именно то, что им нужно было знать.

Биль посмотрел на Дейва, Итана и Джефферсона, который тоже поднялся на ноги. Когда он заглянул в серебряные глаза Итана, то непроизвольно потер свои губы. Нервный тик усилился.

— Он не опасен?

— Я уверен, что нет.

— Вэнс показал мне видеозапись, на которой ты прорвался через металлические ворота без всякого оружия, — сказал Биль. — Кто ты и откуда?

— Я не Горгон и не Сайфер, если это вас тревожит. Мы приехали из Денвера. Мне трудно объяснить вам, откуда я, но я здесь ради миссии, что должна положить конец вашей войне. Их войне.

— Мы и так побеждаем, — сказал президент. — Это может занять некоторое время... Может привести к потере многих тысяч... сотен тысяч солдат, но мы побеждаем. Разве нет, Вэнс?

— Полевые командиры настроены оптимистично, — кивнул Дерриман.

— Послушайте, сэр... — начал Дейв. — Я думаю, вы...

— Приятно слышать, — перебил Итан, не желая открывать президенту страшную истину, хотя именно это собирался сделать Дейв. После такого, рассудок этого человека окончательно помутился бы. Быстрый взгляд в разум президента показал, что он и так состоит из целого клубка эмоций: вины, разочарования, страха, боли и грусти. Все это почти сокрушило его. Итан покинул его сознание, убедившись, что Джейсон Биль действительно верил в ту ложь, что читал с телесуфлера для американского народа, существующего лишь в его воображении.

— У нас есть резервные генераторы в некоторых районах, — сказал Биль. — На северо-востоке и на западном побережье. Я знаю, что

не так много людей могут видеть и слышать мое сообщение, но все же я думаю, что... оно помогает им держаться. Не так ли, Вэнс?

— Все верно, сэр.

Биль не отрывал взгляда от Итана.

— Ты похож на человека, за исключением... этого, — президент кивком указал на серебряные глаза мальчика. — Говоришь, ты собираешься остановить войну? Как? И... кто послал тебя сюда?

— Мой главнокомандующий, — ответил Итан. — Считайте меня миротворцем, подобным вашим солдатам Организации Объединенных Наций. У меня есть к вам одна просьба, сэр. Вы можете мне попасть в исследовательский центр S-4 в Зоне-51?

Биль резко вскинул взгляд на Дерримана.

— О чем он говорит, Вэнс? Почему он хочет туда попасть?

— Он считает, что там, среди инопланетных артефактов, может найтись оружие. Я уже объяснил ему, что мы не можем покидать это убежище, это слишком рискованно для вас, сэр.

— Возможно, это и так, — сказал Итан. — Но мы могли бы воспользоваться вертолетом... Я думаю, возможность прекратить войну стоит этого риска.

— Лететь *туда*? — Дерриман сделал ударение на последнем слове, неопределенно взмахнув рукой. — Ты не представляешь, с каким трудом ВВС переправили нас в это убежище. А тогда дела обстояли далеко не так плохо, как теперь. Я совершенно уверен, что полет невозможен.

Дейв покачал головой.

— Мистер президент, вам нужно послушать Итана. Дайте ему шанс сделать то, что нужно.

— Итан, — повторил Биль. — Что за странное имя для существа из другого мира?

— Сэр, — невозмутимо продолжил Итан. — Я прошу вас поверить мне. Я хочу остановить эту войну, и единственный способ это сделать — заручиться вашей помощью, сэр. Мне нужно попасть...

— Разговор окончен, — отрезал Дерриман. — Мы не позволим президенту покинуть убежище. Точка. Конец истории.

— Это далеко не конец. Как только Сайферы и Горгоны закончат свою битву, они снова вернутся сюда. И на этот раз они уничтожат все и всех.

— Поверь ему, Джейсон, — сказал Джефферсон Джерихо. — Слушай... неужели ты меня не помнишь? Лигл-Рок, сбор средств для Билла Клинтона в мае 1992 года. Вечеринка у Джинджер Райт. Тогда меня звали Леон Кушман. Припоминаешь?

Биль медленно моргнул. Похоже, он старается сосредоточиться на словах Джефферсона, но это давалось ему нелегко.

— Я не... не думаю, что знаю вас... Кушман?

— Да.

— Я встречал... так много людей. Так много имен и лиц, все смешалось в памяти. Извините... у меня болит голова. Мэнди? Мэнди? — президент с таким отчаянием в голосе позвал первую леди, как будто она не сидела в двух шагах от него, а находилась где-то безумно далеко. Она допила свой напиток и поднялась, скрывая усталость и печаль. Итан подумал, что после гибели детей ей уже все безразлично.

— Я здесь, — ответила она. — Я не уйду далеко, — она проговорила это так, словно была заложницей.

Аманда Биль изучила Итана, как изучают странное растение, проросшее через трещину в асфальте. Итан знал, о чем она собирается спросить. *Что ты, черт побери, такое?* Но вопрос умер внутри нее, не родившись.

— Вы отлично поработали, сэр, — обратился Дерриман к Билю. Он осторожно сжал плечо президента. Джейсон Биль так похудел, что казался тенью самого себя. Президенту нужно было напоминать, чтобы он ел хотя бы раз в день. — Вы всегда отлично справляетесь, — кивнул Дерриман. — А теперь отдохните. Послушайте музыку. Аманда, пожалуйста, напомните ему принять лекарства в пять часов.

Итан уловил мысль Дерримана о том, что Биль уже приобрел зависимость от нескольких препаратов, включая антидепрессанты, а любимое лекарство первой леди покоится на дне бутылки. Дерриман переживал о том, что будет с ее психикой, когда «лечиться» ей станет нечем.

Аманда взяла мужа под руку и повела его прочь из студии, сама не очень твердо держась на ногах. Биль обернулся к начальнику штаба.

— Вэнс, — сказал он, бросив беглый взгляд на прищельца-мироотворца. — Мы в безопасности, не так ли? Я имею в виду... то, что он сказал о возможной атаке Горгонов и Сайферов. Мы в безопасности, правда?

— Я же сказал вам, сэр, что прорыв устранен. Мы обо всем позаботились. Прорвались несколько нарушителей, но все они были *ликвидированы*, — Дерриман акцентировал внимание на этом слове. — Более безопасного места, чем это, не существует во всем мире.

— Спасибо, — измученные глаза Билиа на осунувшемся лице вновь нашли Итана. Он заговорил с мальчиком так, словно сам превратился в испуганного ребенка. — Ты не навредишь нам, правда?

— Нет, сэр. Я хочу помочь, а не навредить.

— Наверное... нам нет смысла запирать тебя, да? То, что ты сделал с воротами... ты сможешь проделать с любой дверью?

— Верно.

Биль не нашел что к этому добавить. Его разум и так был почти перегружен. Он кивнул жене, и они вместе направились к выходу из студии. Трудно было сказать, кто из них кого поддерживал, поскольку и президент и его жена пребывали не в лучшей форме.

— Леон Кушман! — выкрикнул Джефферсон, прежде чем они ушли. — Теперь меня зовут Джефферсон Джериho! Я был евангелистом, выступал по телевидению! Помнишь меня?

Президент внезапно остановился у двери и оглянулся.

— О... да... Этот человек... Я откуда-то знаю его имя.

— Это я! Я!

— Идите отдыхать, сэр, — настоятельно сказал Дерриман. — Поговорите позже.

Как только за президентом и первой леди закрылась дверь, Дерриман испустил тяжкий вздох. Он обеими руками потер виски, все еще пульсирующие болью.

— Это было очень не просто, — сказал он.

— Если вы думаете, что дальше будет легче, то это не так, — ответил Дейв. — Вы и правда ведете съемку, или телекамеры тоже бу-тафория?

— Он любит пересматривать записи своих выступлений на DVD, критиковать, решать, что следует изменить в следующий раз. Это происходит с тех самых пор, как мы здесь — каждые две недели. Я сам сочиняю отчеты. Он думает, что вооруженные силы по-прежнему сохраняют свою организацию. И что армия все еще ведет сражения с пришельцами. Без этой веры он давно сошел бы с ума.

— Когда они вернуться, — твердо сказал Итан, — они уничтожат это убежище со всеми его обитателями. Я сделаю все, чтобы защитить вас всех, но и я не всемогущ. Я сожалею о смерти мистера Джексона. Сожалею, что не смог спасти его. Когда вы собираетесь рассказать об этом президенту? — Дерриман не ответил, но Миротворец владел его вниманием. — И Сайферы, и Горгоны хотят схватить меня, потому что не понимают — кто я, — сказал Итан. — Если они не смогут захватить меня живым — а их предыдущие попытки провалились — то они постараются убить меня. Я слишком опасен для них, чтобы позволить мне жить. — Итан ответил на следующий вопрос Дерримана, прежде чем тот его задал. — Нет, я не могу просто переселиться из тела в тело... Мне нужно время, чтобы интегрироваться в оболочку. И времени у нас нет, сэр. Сейчас самое важное для меня — попасть в лабораторию S-4, и найти там нечто, что я смогу использовать против них.

— Я уже говорил, что президент не может...

— Ваш мир погибает, — прервал его Итан. — Вся ваша цивилизация погибает. Я понимаю, что вы не хотите подвергать его риску, но другого выхода у вас нет.

— Прислушайтесь к нему, — призвал Джефферсон. — Пожалуйста, послушайте.

— Нет, — твердо сказал Дерриман. — Это вы послушайте. Я работал на Джейсона Биля почти пятнадцать лет. Я видел его взлеты и падения, я видел все. Он едва держится, и Аманда тоже. Они знают, что их дети, вероятнее всего, мертвы. Я не собираюсь посылать его в полет до Невады, под этими сражениями в небе. Горгоны и Сайферы могут уничтожить наш вертолет в считанные секунды. Так что ответ — нет. Сейчас я отведу вас в столовую, и вам дадут немного еды. Ты принимаешь пищу? — спросил он Итана.

— Тело должно питаться.

— Если бы моя школьная учительница биологии только могла это видеть! — воскликнул Дерриман. На его лице на несколько секунд появилась странная гримаса. Дейву показалось, что он близок к тому, чтобы расплакаться. — Надеюсь, она умерла во сне до того, как все это началось.

— И вы хотите, чтобы так погиб ваш мир? — спросил Итан.

— Что?

— Хотите, чтобы ваш мир погиб, рыдая?

Дерриман ответил не сразу. Он уставился в пол, затем поправил очки и сказал:

— Столовая. Предлагаю вам пойти со мной, потому что охранники не позволят вам оставаться здесь, — он направился к двери, открыл ее и дождался, пока все не последовали за ним, как дисциплинированные солдаты.

Глава тридцать первая

Миротворец вместе с Дейвом, Оливией и Джефферсоном оказался в помещении, которого они раньше не видели. Местные обитатели называли его «кофейником». Как только Итан сделал первый глоток крепкого обжигающего кофе, он подумал, что это отличный напиток: горячий, черный, немного горький, бодрящий, если сейчас было уместно говорить о бодрости. Он прислушался к своим ощущениям, представил, как энергия этого напитка распределяется по всем клеткам присвоенного тела.

Оливия присоединилась к ним после недолгого пребывания в лазарете. Доктор — бесстрастный военный с «ежином» темных волос — измерил ее кровяное давление, проверил сердце и легкие, реакцию

зрчков на свет и, в конце концов, выдал ей валиум и предложил отдохнуть в одной из палат. Его помощи ждали другие пациенты, пострадавшие после происшествия в гараже гораздо серьезней. Оливия полежала полчаса на кровати, успокоилась, благодаря валиуму, и решила, что в лазарете ей делать больше нечего. Прежде чем уйти, она проверила Никки и Ханну, лежащих в соседней палате. Никки уже шла на поправку, но еще не была готова покинуть лазарет. Ханна казалась такой спокойной во сне, но все же она заметно постарела и выглядела уставшей и хрупкой женщиной. Оливия не решилась ее будить, поэтому попросила у медсестры бумагу и оставила Ханне записку: *«Не стала тебя будить. Зайду к тебе позже. Отдыхай, пока можешь, и ни о чем не беспокойся. Главное, не теряй веру. С любовью, Оливия».*

Ярко освещенные и раскрашенные в цвета американского флага стены «кофейника» были украшены фотографиями. На них были запечатлены различные сцены и места США: сияющая неоновыми огнями Таймс-сквер, первые лучи над мостом Сан-Франциско, гигантские леса секвойи, Бостон-Харбор в день праздничного парада красных, белых и синих лодок, пшеничные поля в Канзасе, простиравшиеся на многие гектары под пылающим солнцем и синим безоблачным летним небом, массивные дубы, между которыми бежала тропинка к большому особняку где-то на юге. Итан молча рассматривал эти сюжеты прошлого и раздумывал над тем, помогали ли эти картинки укрепить дух солдат и правительственных чиновников, вынужденных скрываться в этом убежище. *«Это их последний оплот, думал он, последняя черта, отделявшая их от полного безумия.»* Здесь они пытались сохранить хотя бы воспоминания о той жизни, что была до катастрофы... о том, что исчезло не только в этой стране, но и по всему миру.

В кафетерии находились несколько десятков человек: солдаты, гражданские, чиновники. Все они старались держаться подальше от вновь прибывших. В «кофейнике» сегодня подавали куриный суп с лапшой в маленькой пластиковой миске, печенье из дрожжевого теста и стакан апельсинового сока — всю посуду после еды требовалось сложить в отдельные контейнеры для переработки. Дейв, совершенно не насытившись одной порцией, попытался выпросить себе добавку, но угрюмый повар заявил, что больше положенного он не получит, и это не обсуждается.

По крайней мере, кофе было в достатке. Покручивая в руках пластиковый стаканчик, Дейв задумался: не подмешивают ли туда каких-то наркотиков или лекарств? У него в голове не укладывалось, как годами существовать в этом месте без антидепрессантов и не спать. Даже в тюрьмах есть окна, а сюда никогда не проникал дневной свет.

Мужчины и женщины, за исключением агентов спецслужб и солдат, передвигались вяло, с уставшим видом, словно пребывая в полусне. Унылые выражения на их лицах почти не менялись. Все они потеряли семьи, лишились множества друзей и родственников и сейчас вели себя так, словно уже выслушали собственный смертный приговор и лишь ждут приведения его в исполнение.

Итан не знал, сколько времени у них осталось и как долго они смогут продержаться в случае атаки. Пришельцы в любой момент могут попытаться сровнять эту гору с землей. Военные трудились не покладая рук, чтобы привести гараж в порядок, но Итан сомневался, что им удастся запечатать вход так же надежно, как раньше. Тем не менее, работа позволяла людям сосредоточиться на определенной цели и отвлечься от прочих забот. *Может, так они и выживали здесь день за днем, подумал Дейв, выполняли сиюминутные задачи, отработывали свои восьмичасовые смены, и больше ни о чем не раздумывали.*

Спутники и друзья Итана ели молча. Он мог читать их мысли, но не заводил разговор, не желая вторгаться в их личное пространство. Оливия все еще выглядела болезненно-бледной, иногда ее мысли возвращались к Джону Дугласу и его смерти. Каждый раз, когда она вспоминала о его трагедии, все дальнейшие усилия, связанные со спасением мира, казались ей безнадежными. Она обманывала сама себя, думая, что успокоительное помогло ей. На самом деле ей хотелось забиться в угол и отгородиться крепкой стеной. Итан снова и снова видел воскресающие в ее сознании сцены: молодой агент Секретной службы с раздавленным черепом, лежащий на полу в коридоре, и огромный безголовый монстр, труп которого дымился в гараже. Оливия была на пределе своих сил, и Итан не знал, как ей помочь или утешить. В глубине души он понимал, что подходящих слов просто не существует, поэтому решил промолчать.

— Посмотрите, кто пожаловал в гости, — нарушил молчание Джефферсон.

К их столу приближался Вэнс Дерриман. На полпути он остановился у другого стола, перекинулся парой фраз с женщиной в серой полосатой рубашке с закатанными рукавами. Во время разговора Дерриман указал на вновь прибывших, мужчина взглянул в их сторону и кивнул. Лицо его было суровым и изможденным, с бесстрастным выражением. Дерриман продолжил свой путь, остановился у стола, где сидели Итан и остальные, достал из кармана белый платок и принялся тщательно протирать линзы очков.

— Он хочет нас видеть, — сказал Итан, прочтя мысли Дерримана.

— Верно.

— Зачем он хочет с нами встретиться? — спросил Дейв.

— Не со всеми нами, — покачал головой Итан. — Только с Джефферсоном и со мной.

— Снова верно, — подтвердил Дерриман, надев очки. — Я тоже буду присутствовать при вашем разговоре.

— Ну, конечно. А на нас просто не обращайтесь внимания, — едко заметил Дейв, — Мы просто подождем здесь, как верные псы.

Итан и Джефферсон молча встали и направились за Дерриманом к лестнице. На четвертом уровне их повели в апартаменты президента, но не с главного входа, а окольным путем. Здесь их ждал и готовился сопровождать дальше молодой сержант Эйкерс.

Они прошли по небольшому коридору к двойным дверям, уже знакомым Джефферсону.

— Спасибо, сержант, — сказал Дерриман, тем самым отпуская морского пехотинца. Затем он надавил на белую кнопку дверного звонка, и внутри раздался тихий звуковой сигнал.

— Я ожидал услышать «Hail to the Chief»,³⁷ — нервно усмехнулся Джефферсон, но Дерриман никак не отреагировал на его слова.

Дверь открылась почти сразу после звонка. В дверном проеме стояла Аманда Биль — она выглядела чуть более собранной, чем час назад. На ней была все та же одежда: коричневые брюки и белая блуза, которая уже начала желтеть после множества стирок.

— Входите, — сухо произнесла она, тут же отвернувшись. Свою задачу она выполнила.

Дерриман шел первым. Вслед за ним гости пересекли порог и попали в уютную квартиру, обставленную хорошей, прочной американской мебелью, с темно-синим ковром на полу, поверх паркета. На стенах висели картины, выполненные на заказ, хотя Джефферсону Джерихо они показались безвкусными и не лучше тех, что можно было приобрести на любой воскресной распродаже. Зато он оценил по достоинству аппетитные бедра Аманды Биль, когда она повернулась спиной, отходя от двери. *Интересно, как у президентской пары обстоят дела с постельными играми?* — подумал Джефферсон. *Особенно после того, как начался конец света.* Если судить по состоянию Билья, то вряд ли на этом фронте все благополучно. Джефферсон подумал, что был бы не прочь дать первой леди то, чего ей не хватает, и не раз, но тут он почувствовал пронизывающий душу взгляд серебряных глаз и стыдливо опустил голову.

---

³⁷ Hail to the Chief — официальный гимн президента США. Играет при появлении президента на большинстве публичных мероприятий.

— Добрый день, — поздоровался президент, выходя к гостям навстречу. Он улыбался, но улыбка казалась вымученной, а в глазах его стоял целый омут боли. Он снял галстук и пиджак, но создавалось впечатление, что его до сих пор что-то душит. Президент не протянул руку ни Итану, ни Джефферсону. — Спасибо, что пришли. Пройдемте в кабинет.

Кабинет президента располагался дальше по коридору. Одну стену покрывали фотообои с панорамой Вашингтона с высоты птичьего полета, в какой-то мере восполняющие отсутствие окон. На другой стене висела огромная карта США и несколько региональных карт, утыканных булавками и разрисованных стрелками. Джефферсон понял, что на картах отмечены передвижения войск, которые давно прекратили свое существование, вскоре после начала вторжения пришельцев. На полках стояли книги, выглядящие, скорее, как украшение интерьера — вряд ли их кто-то читал. Центр комнаты занимал огромный антикварный стол, с вырезанным на столешнице американским флагом и гербом. Возле стола располагались три стула с кожаной обивкой. В углу стояло массивное черное кресло, а рядом — довольно старый диван, обтянутый грубой материей серо-зеленого цвета. Джефферсон подумал, что этот диван, наверное, приобрели на барахолке, когда закончились деньги налогоплательщиков, потраченные на мебель с черной кожаной обивкой.

— Закрой дверь, Вэнс, — Биль сел на один из кожаных стульев, а Итану и Джефферсону указал на два стула напротив, по другую сторону стола. — Здесь достаточно прохладно? Если хотите, можем включить кондиционер.

— Я прибыл не из ледяного мира, — с легкой улыбкой отозвался Итан.

— О... хорошо. Просто твои глаза... они такого холодного оттенка.

Дерриман сел на диван, закинув ногу на ногу. Он не знал, о чем Биль собирается говорить с этими двумя, и старался приготовиться к любым неожиданностям. Все, что президент сказал ему, прежде чем попросить устроить эту встречу: «они мне любопытны».

— У нас есть фруктовый сок, — предложил Биль. — Яблочный и апельсиновый. Я бы предложил вам что-то покрепче, но у нас... ограничены запасы, — эта реплика была в основном адресована Джефферсону.

— У вас есть кофе? — спросил Итан, но тут же вспомнил, что после обильного питья ему захочется облеγχиться, а тут к его услугам будет только личный туалет президента. Отчего-то справлять там нужду показалось Итану неправильным. — Впрочем, не стоит. Мне ничего не нужно.

— Как скажешь, — Биль откинулся на спинку стула и уставился в потолок, словно нечто важное привлекло его внимание. Казалось, мыслями он витает где-то очень далеко отсюда. Джефферсон проследил за взглядом президента; может, тот заметил на потолке паука или что-то в этом роде?

— Извините, я просто задумался, — сказал Биль, возвращаясь к собеседнику. — Джефферсон Джерихо — да, я тебя помню. Не сразу вспомнил, но... понимаешь, сейчас в голове столько разной информации. Всего при всем желании, не упомнишь.

— Понимаю.

— И все же мы не собираемся сдаваться, — вдруг заявил президент. Легкий нервный тик начался в углу его левого глаза. Тревожный знак, подумал Джефферсон. Биль поднял руку, возможно, неосознанно, и потер глаз, словно стараясь остановить тик. — Слишком много людей уже погибли. Храбрые мужчины и женщины сражались за нас. И дети... они тоже. Неужели вы думаете, мы после этого можем сдать? Просто лечь и ждать смерти? Ради чего тогда все эти жертвы?

— Мы не собираемся сдаваться, — поддержал его Дерриман, словно успокаивал нервного ребенка.

— Да. Города возвращаются к нам. Вы ведь слышали мою речь, не так ли?

Джефферсон осторожно кивнул.

— Судя по сообщениям, которые я получаю... там остались люди... не солдаты, а обычные гражданские... И они тоже сражаются, дают отпор захватчикам. Слава Богу, у них есть оружие. А ведь два года назад я и не думал, что когда-нибудь возблагодарю Бога за то, что люди умеют стрелять и изготавливать бомбы.

— Верно... — пробормотал Джефферсон.

— В конце концов, мы победим. Сайферы и Горгоны... они не смогут сломить нас. Я скажу вам, что произойдет. Это уже происходит, в эту самую минуту. Стоит ли мне рассказать им о G-бомбах, Вэнс?

Итан и Джефферсон заметили, как по лицу Дерримана пробежала тень, когда президент говорил о воображаемых победах и успехах. Однако Итан не стал вмешиваться.

— Если хотите, сэр, — ответил Дерриман едва слышно.

— В Кентукки, в пещерах, собираются особые бомбы. — начал свой рассказ Биль. — Когда мы нанесем мощный контрудар, у нас будут тысячи G-бомб. Тогда мы нанесем мощный контрудар. Мы сбросим эти бомбы на цитадели Горгонов и Сайферов. Обычные земные бактерии, безвредные для нас, потому что мы привыкли и невосприимчивы к

ним. Но инопланетяне... они не будут даже знать, что их поразило. Тысячи бомб обрушатся на них. Вы понимаете?

Никто не ответил.

— Так Земля была спасена в «Войне Миров» Уэллса, — сказал Биль. — Мы можем сделать то же самое. А затем мы сожжем трупы и захороним останки бульдозерами. Трупы, — повторил он и нахмурился. — Или лучше говорить «туши», Вэнс? Как ты думаешь?

Миротворец не выдержал и заговорил.

— Сэр, вы знаете, где их крепости?

— Прости, что?

— Их цитадели. Крепости, — Итан почувствовал, что Дерриман собирается прервать его, и поднял указательный палец, прося не вмешиваться хоть несколько секунд. — Вы можете показать их на карте?

— Неважно, где они сейчас, — все-таки встрял Дерриман. — К моменту завершения проекта нам придется уточнить их диспозицию.

Итан взглянул в лицо начальника штаба, чтобы тот в полной мере ощутил ответственность за свои слова.

— Вы уверены, что этот план сработает? Что все именно так, как говорил президент?

В комнате снова повисла тишина. Джефферсон нервно поерзал на стуле и прочистил горло; атмосфера вдруг стала неудобной, давящей.

— Джефферсон Джерихо! — воскликнул президент, вызвав на лицо мучительную улыбку. — Я несколько раз смотрел твои телепередачи. Ну... дважды. Аманде нравилась музыка. У вас был хор из Атланты, кажется. Должен сказать... я бы ни за что тебя не узнал, если бы ты не напомнил. Я и сейчас с трудом тебя узнаю.

— Мне просто нужно побриться и принять душ. Это поможет.

— И ты сказал, тебя в то время звали Леон Кушман. Мне это ни о чем не говорило. Так много людей, так много лиц. Но потом я припомнил. Вечеринка в квартире Джинджер Райт в Литл-Роке в мае 1992-го. Кампания Клинтон. Конечно, я тебя помню. Боже мой, это было так давно!

— Целую жизнь назад, — согласился Джефферсон.

— Мы снова встретились. Столько всего произошло, весь мир вокруг сходит с ума, а мы снова встретились. Я помню... ты казался мне парнем, который далеко пойдет. У тебя были немалые амбиции. И ведь ты многого добился, правда?

— Я старался.

— Ты не просто постарался, Леон. Я так понимаю, теперь мне следует звать тебя Джефферсон?

— Такое имя написано в моих водительских правах.

После этого снова наступила тишина. Президент резко повернулся на стуле, ставившись на стену с фотообоями. Прошло некоторое время, прежде чем он снова заговорил. Возможно, этот кабинет — единственный островок безопасности, который остался для него в целом мире.

— Какой величественный город, — тихо и отстраненно произнес он. — Все эти грандиозные здания... памятники ушедшим героям. Я думал прошлой ночью... просто лежал в постели и думал... о Библиотеке Конгресса и Смитсоновском институте.³⁸ Эти сокровища... эти великолепные памятные вещи... что с ними стало, Вэнс?

— Я уверен, они все еще там, сэр.

— Но они могли и пропасть. Они могли сгореть. И тогда все ушло. Некоторые здания горели, когда мы улетали из Вашингтона. И сейчас... от города мог остаться лишь пепел.

— Не переживайте об этом, Джейсон. Вам нужно думать о другом. Держите голову ясной.

— Моя голова, — сказал президент и запнулся. Он все еще не отрывал взгляда от фотообоев с панорамой Вашингтона. Руки с силой вцепились в подлокотники, костяшки пальцев побелели. — Итан, — произнес он.

— Да, сэр?

— Я хотел бы задать тебе множество вопросов. Но я знаю... знаю, что не готов понять все ответы. Может, я не пойму ни единого. Или ты не ответишь мне, понимая, насколько скуден и примитивен мой разум по сравнению с твоим. Люди для вас — словно дети, ведь так?

— Скорее, подростки, — поправил Итан.

— Я хочу, чтобы эта страна выжила. Боже милостивый, я хочу, чтобы этот мир выжил!

— Джейсон? — обратился к президенту Дерриман. — Я думаю, вам надо...

— Помолчи, — оборвал его Биль. Хотя он говорил тихо, в его голосе послышались нотки гнева. — Я слышал достаточно твоих советов. — он повернулся, встретив взгляд серебряных глаз Итана. И хотя нервный тик по-прежнему заставлял подергиваться его лицо, Биль теперь выглядел спокойнее, увереннее и... старше, чем мгновение назад. — Скажи, почему ты считаешь, что тебе необходимо попасть в S-4?

— Джейсон! — Дерриман начал вставать, но президент отмахнулся от его возражений и жестом велел ему сесть.

---

³⁸ Смитсоновский институт — научно-исследовательский и образовательный институт, и принадлежащий ему комплекс музеев. Большинство учреждений расположены в Вашингтоне.

— Я сам разберусь, Вэнс. Сам. Я тебе не какой-то гребаный манекен на коленях чревовещателя! Конечно, я знаю, что говорят коммандиры о G-бомбах и обо всем остальном, но я должен принять решение сам. Продолжай, Итан. Почему тебе нужно попасть в S-4?

— Я протестую, — резко сказал Дерриман. — Нет никакой необходимости...

— Сядь на место и помолчи. Или уходи. Я серьезно, Вэнс. Клянусь Богом, я серьезно. Еще одно слово, и я выставлю тебя за дверь.

Дерриман ничего не ответил, но приложил руки к вискам и, казалось, был готов вот-вот разразиться отчаянным криком.

— Итак, S-4, — кивнул президент Итану. — Рассказывай.

— Как я уже говорил, сэр, моя задача — остановить эту войну. Но я не справлюсь сам, без посторонней помощи. Думаю, меня послали сюда встретиться с вами и убедить вас провести меня на этот объект. Нужен отпечаток вашей ладони, чтобы попасть туда. И какой-либо из артефактов, хранящихся в S-4, может оказаться мне полезен...

— Но ты в этом не уверен, — Биль не спрашивал, но утверждал. — Почему?

— Я могу читать человеческие мысли и способен многое чувствовать. В своем истинном облике я обладаю невообразимой мощью, но мне необходим... назовем это камуфляжем. Только так я могу пребывать в вашем мире и находиться среди вас. Мне многое известно, и я многое могу сделать, но есть и такое, что мне не подвластно — я не умею предсказывать будущее. Эта книга еще не написана, — Итан сделал паузу, чтобы президент в полной мере осознал его слова. — Я был бы рад заверить вас, что ваша победа в войне зависит от G-бомб, но... боюсь, с инопланетными захватчиками нужно бороться инопланетными технологиями. У вас есть подтверждение их силы, учитывая, откуда вы получаете энергию для этого убежища. Так что мне нужно попасть в S-4 и увидеть — что там хранится. И тогда, возможно, я смогу остановить эту войну раз и навсегда.

— Трехчасовой полет на вертолете, — посмел вставить Дерриман. — В небе, контролируемом Горгонами и Сайферами. И все это ради того, в чем никто не уверен? — его подбородок с вызовом поднялся, показывая, что Дерриман готов на все, лишь бы защитить главу своей страны. — Джейсон, вы осознаете какой это риск? Этот... кем бы они ни был, признает, что инопланетяне хотят его уничтожить. Они последуют за вертолетом и собьют его.

— Да, они последуют за нами, — согласился Итан. — Следящее устройство Сайферов, парящее в атмосфере, нацелено на меня. Они будут знать, когда мы взойдем на борт, и они проследят за нами до самого конца. Из любопытства они захотят узнать о цели нашего пу-

тешества, так же, как и Горгоны. Я считаю, что это помешает им уничтожить вертолет в полете.

— Ты считаешь! Это пустые домыслы, — воскликнул Дерриман. — Я пока не вижу никаких гарантий!

— Трудно предсказать наверняка. Но время работает против нас. Хотя я не могу предсказывать будущее, две вещи не вызывают сомнений: это убежище вскоре подвергнется еще одной атаке, и следующее нападение станет более ожесточенным. Без каких-либо средств защиты вы не сможете выстоять. В этом случае, если меня здесь уничтожат, ваш мир погибнет. Но для вас это будет уже неважно, сэр, потому что никто здесь не доживет до завтрашнего утра. Никто не застанет гибели мира.

— Но ведь им нужен ты! Если ты просто уйдешь отсюда, они оставят нас в покое.

— Может и оставят. Но, как вы сами должны понимать, ни одна из воюющих сторон даже не задумывается о сохранности вашей цивилизации. Причины, по которой они хотят уничтожить меня, мистер Дерриман, уже достаточно, чтобы вы доставили меня в S-4.

— Нет. Ошибаешься. Мы должны оставаться здесь. В безопасности, — сказал Дерриман. Лицо его выглядело, словно кожаная маска. — В безопасности, — повторил он в отчаянии, яростно сверкая увлажнившимися глазами то на Биля, то на Итана.

Президент опустил голову. Нервный тик все еще беспокоил его. Он снова потерял уголок левого глаза. Итан ощущал смятение в его мыслях. Он чувствовал, что президент хочет действовать вопреки обстоятельствам, нагонявшим на него страх, и искренне переживает за судьбу гибнущей страны. И в то же время осознает, что при всей своей власти он почти беспомощен против могущества Горгонов и Сайферов, и это самое худшее.

Наконец, Биль поднял глаза.

Не на Итана, а на Джефферсона Джериho.

— Ты Божий человек, — сказал президент. — Я доверяю тебе. Скажи, что мне делать?

Впервые в жизни Джефферсон Джериho потерял дар речи.

Теперь он понял. Понял, почему ему было суждено оказаться здесь. Вот она — реальная цель всей его жизни. Он получил второй шанс, возможность искупления. Возможно, Миротворец и не умел предсказывать будущее, потому что «эта книга еще не написана», но он точно знал, что Джефферсона Джериho не следовало бросать на милость Горгонов.

По крайней мере, Джефферсону хотелось верить в это всей душой. Он почувствовал, как уныние и тревога, заставляющие его вжи-

маться в спинку стула, вдруг сменились небывалой легкостью на душе, благодаря вере в себя, в свое предназначение.

— Ты должен довериться Итану, — сказал он. — Сделай то, что он просит.

Президент сидел молча, глядя в глаза Джефферсону.

— Джейсон, — голос Дерримана слабел с каждым словом. — Вы не можете отправиться туда. Если мы потеряем вас, все будет кончено...

— Когда будет готов вертолет? — спросил Биль.

— Пожалуйста... вы должны понять... вы не обязаны...

— Вертолет. Когда он будет готов?

Вэнс Дерриман упрямо встал и скрестил руки на груди, не желая сдаваться. Однако президент ждал ответа, и его намерения были непоколебимы.

— Два часа, — наконец, сказал Дерриман. Внутри него шла жестокая борьба, но он понимал, что обязан подчиниться приказу. — Гарретт и Нильсен давно не летали. Им нужно потренироваться на симуляторе.

— Распорядись, — кивнул Биль. Ни у кого не возникло сомнений, что это был официальный приказ.

— Если я не смогу отговорить вас в ближайшие два часа, — произнес Дерриман, — то я полечу с вами. И это не обсуждается.

— Не буду спорить, но свое решение я огласил. Прикажи запустить вертолет, подготовь пилотов, сделай все необходимые приготовления. И давай узнаем, что там, в S-4.

— Спасибо, сэр, — сказал Итан. — И вам спасибо, — повторил он для Джефферсона Джерихо, который тоже решил лететь. Джефферсон зашел слишком далеко, чтобы пропустить развязку. Удивительно, но сейчас его совершенно не волновала опасность. Он подумал, что Дейв чувствовал то же самое, когда решил сопровождать Итана... и Оливия, возможно, тоже.

Нужно было заняться подготовкой к отлету. Президент Биль отпустил своих гостей, и они покинули его апартаменты, чтобы подготовиться к новому путешествию в неизвестность.

Глава тридцать вторая

Тяжелый буксир притащил большой темно-зеленый вертолет «Пустельга» VH-71 на взлетно-посадочную площадку, расположен-

ную с западной стороны горы Уайт Мэншн. Эта версия Борта №1³⁹ имела бортовой номер «АА-3». Границы вертолетной площадки отмечали небольшие синие фонари. Поднялся северо-западный ветер, принесший с собой кислотный запах отравленного дождя. Облака ступились, скрыв последние солнечные лучи, после чего и без того слабый свет приобрел тусклый сероватый оттенок.

Пассажиры уже находились на борту. Наряду с президентом Билем и Вэнсом Дерриманом в это опасное путешествие решили отправиться Фогги Уинслетт, Итан, Дейв, Оливия, Джефферсон и двое морских пехотинцев, занявших места в задней части салона вертолета. Они сидели молча, в полной боевой экипировке, вооруженные автоматами «Кольт» девятимиллиметрового калибра.

Сидения покрывала бежевая ткань, а вдоль левой стены стояли два дивана, такого же цвета. Окна скрывались за плотными синими шторками. Полосы света от настольной лампы, установленной на столике, пролегли по потолку. Итан обратил внимание, что абажур лампы все еще закрыт пылезащитным чехлом. Специально для Били в салоне нашлось место для величественного кабинетного кресла с президентской печатью на спинке.

Вскоре в салоне послышалось низкое рычание трех запущенных турбовальных двигателей. Шум и вибрация все нарастали.

Никто из пассажиров не осмеливался заговорить с кем-либо. Они понимали: в этом полете предстоит серьезная проверка их стойкости, поэтому никто не горел желанием ее обсуждать. Двое морских пехотинца вызвались на это задание добровольцами. Пилоты Гарретт и Нильсен охотно согласились, хотя им пришлось освежить навыки пилотирования на симуляторе. Все присутствующие здесь военные являлись профессионалами, для них понятия «опасность» и «работа» были неразделимы. Пусть они давно не покидали стен Белого Общества, но были готовы рискнуть.

Дейв отдернул шторку и выглянул наружу. Над горами нависло угрожающе-мрачное небо, но в нем, по крайней мере, прекратилось световое шоу сражающихся инопланетных кораблей. Либо битва закончилась поражением одной из сторон, либо сражение попросту переместилось на многие мили.

Через интерком зазвучал голос Гарретта:

— У нас три минуты до взлета, леди и джентльмены. Добро пожаловать на борт, мы рады послужить вам и своей стране, — к его чести, голос звучал уверенно и спокойно. Казалось, этот военный

---

³⁹ Борт №1 — позывной летательного аппарата, на борту которого находится президент США.

летчик готов доставить Борт №1 в любую точку страны, и зубами перегрызет глотку любому врагу, что осмелится помешать ему.

Все пассажиры пристегнули ремни. Лопасти винта начали вращаться. Их шум был приглушенным, благодаря специальной конструкции вертолета; шум не должен был мешать президенту заниматься важными делами во время полета.

Хотя никто не произносил ни слова, Итан мог, внимательно посмотрев на любого человека, услышать его мысли, так же ясно, как слышал бы голос в темной комнате. Скользя взглядом по присутствующим в салоне, Итан ощутил эмоциональную перегрузку. Трудно сказать, каких чувств сейчас не испытывали люди в вертолете; все, что только есть. Он хотел бы успокоить своих друзей и спутников, но не мог отыскать ни способа, ни слов. Поэтому Итан откинул голову на подголовник, закрыл глаза и оставил каждого наедине со своими мыслями. Самому Итану тоже хотелось хоть немного отдохнуть.

Вертолет «Пустельга ВН-71» плавно и ровно оторвался от земли и стал подниматься, вскоре оставив внизу вершину горы Уайт Мэншн. Держась чуть ниже облаков, он повернул на юго-восток и направился к месту назначения со скоростью в 170 миль в час.

***

Часом раньше, Итан, Дейв и Оливия пришли в лазарет, навестить Ханну и Никки. Ханна, несмотря на действие успокоительных снадобий, выглядела изможденной. На вид ей сейчас можно было дать лет девяносто, при этом в ее облике было что-то от потерявшейся девочки-сиротки. Лежа в постели, она пыталась выдать из себя напутственную речь, но едва ли могла связать пару слов. Что ей нужно было, так это напутственная речь от Оливии.

— Вы вернетесь? — тихо спросила Ханна, словно боясь, что слишком громкий голос привлечет чудовищ из мира мертвых. Она взяла Оливию за руку и заговорила с жаром. — Пообещай мне, что вы вернетесь. Мы без вас не выживем, понимаешь? Мы без вас не сможем...

— Мы вернемся, — пообещала Оливия. Она сама отчаянно нуждалась в отдыхе и еще одной — удвоенной — дозе валиума. Но, следуя совету, который Джефферсон получил от Дейва, она вспомнила про «свои яйца». Что бы ни ждало впереди, она должна была это увидеть. Узнать, чем все закончится. Ей показалось, что Винсент одобрил бы такое решение.

— Пантер-Ридж не сможет выстоять без тебя, — продолжила Ханна. Она вздрогнула от проскользнувшей в голове мысли, словно

та обожгла ее. Рука с силой сжала руку Оливии. — А где Джей Ди? Мне нужно увидеть Джей Ди.

— Он... где-то рядом, — пробормотала Оливия. — Неподалеку.

— Ты наш лидер, — сказала ей Ханна. — Ты всегда была лидером, поэтому ты обязательно должна вернуться. Ты и Дейв. Вы оба должны. Это Итан? У меня что-то совсем плохо со зрением.

— Да, это я, — ответил Миротворец.

— Я видела тебя... как ты бежал через ту парковку. Рядом со школой. Я видела, что случилось с машинами и пикапами, — Ханна вновь попыталась сфокусировать рассеянный взгляд на Оливии. — Они ожили! — сказала она, словно делаясь самым страшным секретом на свете. — Дейв велел мне держать рот на замке, и я так и делала, но... Итан?

— Да?

— Защити их. Они должны вернуться в Пантер-Ридж. Все вы должны.

— Я уверена, он сделает все, что сможет, — заверила ее Оливия. — А теперь, тебе нужно отдохнуть. Просто постарайся поспать, ладно? Мы можем еще что-нибудь для тебя сделать, пока не уехали?

— Время... — слабо выдохнула старая женщина. — Хотелось бы... больше времени...

Она уже проваливалась в забытие, вызванное действием успокоительных, но друзья оставались рядом с Ханной, пока ее рука не ослабла и не отпустила руку Оливии. Лекарства усыпили ее, позволив хоть ненадолго ускользнуть из этого страшного мира.

— Я должен повидать Никки, — сказал Итан. — Вернись через несколько минут.

Он нашел ее в другой палате, с бледно-зелеными стенами, на которых кое-где выделялись яркие цветы. Никки лежала в постели, рядом с ее койкой на столике горела лампа. Здесь же стоял пластиковый стаканчик с апельсиновым соком и тарелка, на которой лежали остатки сэндвича с джемом и арахисовым маслом. Девушка просматривала старый выпуск журнала «Эль», когда Итан заглянул в палату.

— Привет, — поздоровался он, стараясь разговаривать, как обычный пятнадцатилетний подросток. — Можно войти?

Ее единственный карий глаз посмотрел на него. Стразы на повязке, закрывающей пустую глазницу, сверкнули под светом лампы. Лампа горела, благодаря источнику энергии, намного старше ее самой. Лицо Никки, после того, как она приняла душ и отдохнула, выглядело гораздо более живым и здоровым, волосы посветлели и блестяли. То, что она ест, пьет и с интересом читает журнал — хороший знак, решил Миротворец. Даже если она просто просматривает картинки, это уже хоть немного отвлекает от печальных мыслей.

Он знал, что Никки скучает по Итану. Она отправилась вместе с ним в это путешествие, потому что доверяла ему, а он покинул ее, даже не попрощавшись. В этом не было вины мальчика; такова была необходимость, план Миротворца с момента его прибытия на Землю. Но это в самом деле было несправедливо, жестоко и нечестно, какими бы благими намерениями ни следовал инопланетянин. Так что Миротворец вполне понимал чувства Никки.

Он жил долго — намного дольше, чем Никки Стэнвик. Ее разум не мог даже охватить и осознать столь долгое время. И все же сейчас Миротворец растерялся. Он никогда прежде не сталкивался с такой ситуацией и не знал, что ему сказать.

Когда он уже почти решился уйти, несмотря на свою способность читать мысли не уверенный, хочет ли Никки видеть его в своей палате, она тихо произнесла:

— Конечно.

Он вошел.

— Милая комнатка, — смущенно произнес он.

— Нормальная.

— У тебя есть все, что нужно?

— Наверное.

— Жутковато тут без окон..

— Жутковато, — согласилась она. — Хотя странно слышать это слово от тебя.

— Да... — он ступешался, но все же продолжил, — да, я понимаю, что это странно.

— Не пытайся говорить, как он, — сказала Никки. — Ты — не он. Не притворяйся.

— Ох... да. Хорошо, — Миротворец кивнул. — Ты права, я никогда не смогу стать им.

— У тебя была какая-то причина прийти сюда?

— Да. Дейв, Оливия и я уедем на несколько часов. Мы, вместе с президентом Билем, отправимся на его вертолете в Зону-51. Вернее, в секретную лабораторию под названием S-4. Там хранятся инопланетные артефакты, — он решил пояснить. — Вещи, когда-то находившиеся на борту упавших инопланетных кораблей. Я думаю... и надеюсь, что там найдется что-то полезное.

— Ты хочешь сказать... типа, пушка или что-то такое?

— Я толком не знаю, что может помочь мне остановить эту войну, но почему-то уверен — найти это я смогу именно там.

— Хм... — только и произнесла она. Прошло некоторое время, прежде чем она заговорила вновь, и Итан почти слышал, как она выстраивает фразы в уме, прежде чем произнести. — Вообще-то... это довольно круто.

Итан не знал куда смотреть. Он догадывался, что взгляд его серебряных глаз пугает Никки. Один глаз мог казаться ей «крутым», но оба... это уже перебор.

— Что означают эти буквы у тебя на груди? — спросила она. — Почему они проступили? И почему, когда касаешься твоей кожи, под ней светится серебро?

Ответы на эти вопросы может знать только высшая сила, создавшая меня, подумал Итан. Он почти ничего не знал о ней, но она незримо напоминала ему долге, о его способностях, о том, что он — даже облаченный в человеческую оболочку — не должен забывать, ни на мгновение, что ему никогда не стать человеком.

— Генерал Уинслетт носит на груди цветные полоски, означающие, что он принимал участие в сражениях и военных операциях. И медали носит, — ответил Миротворец. — А мои выглядят вот так. Каждый символ имеет свой смысл, а вместе они указывают на мое предназначение и цель. На вашем языке это значит «защитнику».

— Но я ведь и раньше видела такие буквы, похожие на руны. Разве они не земного происхождения?

— Они очень древние. Каким-то образом они нашли путь в этот мир — возможно, на одном из разбившихся кораблей. Либо одна из инопланетных рас принесла их вам в качестве подарка. Я уверен, на Землю проникала и другая письменность, но ныне она забыта и утеряна. Извини... за то, что говорю, как... — он запнулся, подыскивая верное слово. — ...чудик. Что касается моей кожи — вернее, серебряных переливов под кожей Итана — я думаю, это лишь химическая реакция. Реакция живой ткани, внутри которой я нахожусь, на меня и мою энергию, дающую этому телу жизненную силу.

У него мелькнула мысль, что не стоило говорить этого Никки. Она могла неправильно понять.

— Ясненько, — ответила она, и нахмурилась. — Наверное, мне следовало сказать: «вау!». Как сказали бы мои приятели из боулинг-клуба Боул-А-Рама.

— Они никогда бы в это не поверили, даже если б я стоял рядом с тобой в качестве доказательства. Скорее, они решили бы, что я сбежал из... — Итан пожал плечами.

— Из фильма ужасов, — хмыкнула Никки.

Он слабо улыбнулся.

— Я настолько ужасен?

— Этими своими глазами ты пугаешь меня до чертиков, — ответила она, решив не лукавить.

— Лучше бы я пугал до чертиков Горгонов и Сайферов, и мог таким образом положить конец их войне.

— Да, — кивнула она. — Так было бы лучше.

И снова он замолчал, пытаясь найти слова. В этом мире, разговор, похоже, был основным способом выяснения отношений, но для него требовались определенные слова, которые не так-то просто подобрать.

— Мне... мне жаль, что пришлось забрать его так неожиданно, — наконец, сказал он.

— Ты говорил, что время пришло и он, наверное, это понимал. Так что тебе не нужно оправдываться передо мной. Ты же — что-то... то есть, кто-то особенный. Ты прибыл сюда из космоса. Кто я такая, чтобы тебя упрекать?

— Иногда, даже пришелец из космоса может совершать ошибки. Ты согласилась принять участие в этой поездке, потому что доверяла ему. А я забрал его у тебя. У всех вас. Я должен был дать ему больше времени.

— Ну, — протянула она, — теперь ведь ничего не изменить, так?

— Так.

— Тогда я должна радоваться, что он вообще прожил хоть немного дольше, чем ему было отпущено. Но... мне его и правда не хватает. Он был классным парнем, — на ее лице возникла задумчивая улыбка. — И ты тоже классный, просто ты не он.

— Странный, страшный, но классный, — хмыкнул Миротворец. — Разве можно требовать лучших званий от своей межзвездной организации?

Никки рассмеялась, и он решил, что ее смех звучит прекрасно. Ей было еще далеко до полного выздоровления, но она уверенно шла на поправку. Теперь Итану нужно было так же поддерживать Ханну, Оливию, Дейва... всех, кто боролся, жил и продолжает жить с угасающей надеждой. И в память о тех, кто умер в безуспешных стараниях. Он хотел найти что-то и для Джефферсона Джериho, сыгравшего свою роль, хотя ни он, ни Итан, до самого конца не догадывались о ней.

— Тебе принести что-нибудь? — спросил он.

— Нет, у меня все есть.

— Что ж... тогда, наверное, мне пора идти.

— Итан? — позвала она, когда он уже собирался уходить. Он остановился в дверях. — Я прощаю тебя, если ты хотел это услышать. И хочу сказать, что ты поступаешь правильно.

— Спасибо тебе, Никки, — ответил Итан. Хотя он не являлся человеком, и ему вряд ли понадобилось бы подобное одобрение, слышать эти слова было приятно — он и сам не знал, почему.

Затем он покинул палату Никки и направился навстречу своей судьбе.

***

«Пустельга» ВН-71 был в надежных руках. Вертолет летел в ступающих сумерках, с отключенными борговыми огнями. Шум винтов был почти не слышен в салоне, благодаря качественной звукоизоляции.

Полет длился уже больше часа. Итан открыл глаза и ощутил сигнал следящего устройства Сайферов. Он чувствовал, словно сигнал выжигает горящую точку у него на макушке. Соглядатай постоянно наблюдал за ним, еще до того, как вертолет взлетел с площадки. А теперь появились и другие объекты. Итан потребовалось несколько секунд на обработку гармонических сигналов двух военных кораблей Горгонов — один находился на востоке, другой на западе. Они шли параллельным курсом, следуя за чипом, встроенным в шею Джефферсона. Каждый корабль находился в сотне миль, но это было пустяковым расстоянием — Горгоны могли преодолеть его за несколько секунд, просто чуть прибавив скорости. Но Итан полагал, что они умышленно двигаются медленно, не желая оказаться слишком близко. Разумеется, они знали о том, что он их чувствует. На борту каждого корабля находилось специальное устройство, некий сенсор, настроенный на его гармоническую частоту, и показывающий, что Итан тоже следит за ними.

Горгоны не спешили, выжидали. Своим внутренним взором Итан видел движение кораблей Сайферов, крадущихся сквозь облака на огромной высоте. Их было пять, выстроившихся в форме буквы V, и они тоже держались в ста милях. Хотя, при желании, могли преодолеть эти сто миль быстрее, чем Итан сообщил бы Вэнсу Дерриману об их приближении.

Впрочем, Итан и так ощущал в мыслях Дерримана уверенность в том, что Горгоны и Сайферы близко. Никто в вертолете не сомневался, что за ними следят. Поэтому Итан снова закрыл глаза и решил еще немного отдохнуть. Он был уверен, что сумеет засечь и опознать любое изменение, связанное с кораблями пришельцев. Сообщать об этом кому-то из присутствующих, особенно Дерриману, генералу Уинслетту, пилотам и президенту, было не обязательно, это привело бы только к лишнему беспокойству. Они знали о слежке, этого достаточно.

Полет продолжался без происшествий. Каждый из пассажиров мог свободно передвигаться по салону, воспользоваться уборной, выпить воды или чего-нибудь безалкогольного из бара. В какой-то момент президент встал, потянулся и направился в кабину пилотов, где оставался некоторое время. Дерриман и Уинслетт тихо шептались. Итан решил не подслушивать их мысли, и без того прекрасно

понимая, что они встревожены. С самого начала полета никто не осмеливался отодвинуть шторы и посмотреть, что творится снаружи.

Дейв спал или притворялся, что спит, а Джефферсон отправился в конец салона, поговорить с двумя морскими пехотинцами. Оливия посетила уборную, вернулась на свое место и села, молча сосредоточившись на своих мыслях. Итан однажды проник в сознание Оливии, и увидел в ее мыслях образ худощавого, красивого и загорелого человека с седоватой бородкой. Он улыбался, вручая ей коробку с подарком. В обставленной прекрасной мебелью комнате присутствовало множество счастливо улыбающихся людей, в камине потрескивали дрова. На столе возвышался праздничный торт с розовой глазурью, рядом с вырезанной из белого камня лошадью. Оливия осторожно снимала золотистую подарочную бумагу, стараясь не порвать даже белую ленту, потому что считала, что упаковка — тоже часть подарка. Закончив с бумагой и лентой, Оливия достала из коробки черную сферу с номером «8» в белом кругу.

— То, что мне нужно! — воскликнула Оливия. — Шар, полный ответов на любой вопрос!

В тот день она была заметно моложе, чем сейчас, весила фунтов на пятнадцать больше и выглядела здоровее. Она продемонстрировала всем гостям шар «Волшебная Восьмерка», Винсент поднял бокал белого вина и начал говорить тост. На этом моменте воспоминание прерывалось, образы ускользали от Оливии, она не могла вспомнить слова Винсента. Итан понаблюдал за тем, как Оливия, пропустив слова тоста, задула свечи на своем любимом клубничном пироге, и оставил ее разум.

Президент вернулся на свое место. Похоже, все это время он перекидывался грязными шуточками с пилотами. Биль знал их великое множество. Хотя президент был бледен, а под глазами все еще залегали темные круги, двигался он с мрачной решимостью, пробужденной этой миссией. Риск словно придавал ему жизненных сил.

По расчетам Итана, полет должен продлиться еще полчаса. Его человеческое тело отдыхало, и он позволил своему разуму тоже расслабиться; все продвигалось, как и было задумано.

В следующую секунду Итан резко выпрямился в кресле. Сработала его внутренняя тревога, потому что один из кораблей Сайферов покинул построение, ускорился и направился прямо к вертолету на перехват.

Он приближался с юго-запада. Миротворец ощутил, словно огромная туча застилает солнце, предвещающая бурю. Он не собирался держать в тайне то, что узнал. Поднявшись, он направился к Вэнсу Дерриману. Оба морских пехотинца настороженно потянулись к ору-

жию, но Итан не обратил на них внимания. Он наклонился к уху Дерримана и тихо произнес:

— Приближается корабль Сайферов. Очень быстро, с юго-запада. Он будет здесь раньше...

Чем я договорю, собирался сказать он.

Но он не успел даже договорить.

Ослепительно яркий красный свет заполнил салон вертолета через окна с правой стороны, заставляя занавески казаться тонким слоем туалетной бумаги. Своим высокочувствительным зрением Итан видел волны темно-красной, почти фиолетовой энергии, которая заставляла воздух искриться и дрожать. Корпус «Пустельги» скрипел и трещал. Затем сильный толчок сбил Итана с ног и бросил его на дверь в кабину пилотов. Он почувствовал сокрушительную боль в левом плече и боку, вкус крови на губах, а перед глазами заплескались звезды. Итану стоило немалых усилий не позволить своему сознанию ускользнуть во тьму забытья.

Вертолет словно схватила гигантская рука, замедлявшая его ход. Все остальные пассажиры были пристегнуты ремнями безопасности, кроме морских пехотинцев, которые отстегнули ремни при приближении Итана. Одного из них, словно тряпичную куклу, тоже швырнуло через весь салон в стену, после чего он безжизненно рухнул на пол рядом с Итаном.

Лампа, подобно смертоносному снаряду, сорвалась с места и ударилась об стену, как и все прочие незакрепленные предметы. Банки с безалкогольными напитками вылетели из бара. Врезавшись в переборку, они с шипением взорвались.

Оливия ощутила, что ремень безопасности едва не разрезал ее пополам. У Дейва перехватило дыхание; в панике ему казалось, будто он тонет под толщей воды. Джефферсон закричал, когда его дернуло вперед. При втором рывке он испытал такую боль, словно ему переломали все кости.

Интерьер борта №1 превратился в полный хаос за считанные секунды, и за это же время каждый словно успел побывать в персональном аду. Затем, в ошеломляющей тишине, следовавшей за оглушительным шумом, вертолет сбросил скорость... затем еще замедлился... и замер в воздухе, удерживаемый красным лучом, хотя лопасти винта продолжали вращаться, а двигатели работали на полную мощность, заставляя подрагивать стены.

Итан поднялся на четвереньки, и понял, что его человеческое тело не в порядке. Некоторые кости сломаны. Левое плечо горело от боли и им невозможно было шевельнуть. Нижняя губа, поврежденная его же собственными зубами, сильно кровоточила. Воздух вокруг

него вспыхивал энергетическими всплесками, видимыми только для его инопланетных глаз.

Вертолет завибрировал. «Пустельга» начал неохотно смещаться вбок, вопреки желаниям пилотов и отчаянному гулу двигателей. Итан подумал, что люди, знакомые с фантастикой, назвали бы это явление силовым лучом. Он попытался встать, но не смог. Вертолет издавал такой звук, словно тысячи гвоздей скоблили разом по огромной клас-ной доске. Из-за двери в кабину пилотов доносилось бешенное ве-рещание предупреждающего сигнала, Итан слышал механический женский голос, монотонно выговаривавший: «*Опасность... опас-ность... опасность...*». Но компьютер вертолета понятия не имел, о какой опасности пытается предупредить. Живы ли пилоты? В созна-нии ли они?

Итан все же поднялся на ноги и подковылял к правому борту «Пустельги», сорвав шторы с ближайшего окна. Луч был настолько ярким, что Итан мог лишь чувствовать, но не видеть огромный чер-ный корабль Сайферов примерно в паре сотен ярдов. Крейсер не дви-гался, но постепенно подтаскивал вертолет к себе. На лице Итана вы-ступил пот, и он едва не потерял сознание. Его спина... неужели и в спине что-то сломано? Он едва мог стоять на ногах. Нужно было дей-ствовать быстро, пока он не впал в забытье, вертолет не развалился на части, или крейсер Сайферов не проглотил его.

Итан постучал указательным пальцем правой руки по стеклу. С кончика ногтя сорвался крошечный сияющий шарик энергии, раз-несший стекло вдребезги. Теперь между ним и кораблем Сайферов не было никакой преграды, кроме силового луча и ста восьмидесяти яр-дов ночной тьмы.

Боль отвлекала внимание. Левая рука теперь была бесполезна — она была сломана в двух местах: выше и ниже локтя. Обычный маль-чик вообще не смог бы вынести такую боль, но Миротворец держал-ся.

Сейчас, подумал он, плотно стискивая зубы. Пот заливал ему гла-за. *Сейчас*.

Вы хотели войны? Сейчас получите!

Итан растопырил пальцы, одновременно вызвав из своего созна-ния образ того, что хотел сотворить. Пять светящихся белых шаров мгновенно сорвались с кончиков его пальцев и унеслись прочь, вдоль силового луча. Если бы он хотел, то мог следить за их движением, или сам стать любым из них. Оружие, которое Итан создавал, было непосредственно связано с ним, и он чувствовал эти пять смертонос-ных светящихся шаров, словно они были продолжением его пальцев. Шары пульсировали от гнева, вызванного глупостью и жестокостью

существ, возомнивших себя хозяевами вечности и вселенной... Но теперь они получают за это сполна!

Каждый из шаров в полете вырос до десяти футов в поперечнике, и они так ярко светились от разрушительной энергии, что могли бы моментально ослепить человеческий глаз. Но, к счастью, сияние их ярости выходило за рамки спектра человеческого зрения.

Шары попали точно в цель, куда и хотел Итан. Они нанесли удар в унисон, без малейшей задержки, врезавшись в крейсер Сайферов на скорости шестьдесят миллионов футов в секунду.

Если бы земной ученый мог изучить эффект от попадания, он был бы поражен тем, что эквивалент взрыва атомной бомбы был достигнут без пламени, излучения и ударной волны. Только что восьмисотфутовый корабль Сайферов парил в небе, прочный, как черная скала, а в следующий миг... его просто не стало. Его совершенно бесшумно разнесло на мельчайшие частицы и рассеяло в пространстве — лишь ветер чуть сильнее загудел за окнами «Пустельги».

Силовой луч исчез. «Пустельга» снова рванулся вперед на четверти своей крейсерской скорости, поврежденные двигатели выли, словно моля о пощаде. А на землю вновь обрушился отравленный кислотный дождь. Только в этот раз вода была черной и странно пахла — словно раздавленный кузнечик в жаркий летний день. Черный ливень струился по красным скалам, впитывался песком и низким кустарником, испокон веков покрывающими пустыню Нью-Мексико, пролежавшую между Санта-Фе и Розуэллом.⁴⁰

Глава тридцать третья

«Пустельга» описал в воздухе два резких виража, то стремительно теряя высоту, то вновь поднимаясь в небо. На третьем вираже, Гарретт, наконец, взял вертолет под контроль и возблагодарил Бога за недавнюю тренировку на симуляторе. Нильсен отключил все сигналы тревоги и проверил системы. Электрика была в порядке, но он заметил, что на панели мигают индикаторы утечки топлива и неисправности в гидравлике. Лопасты винта работали с задержкой. Похоже, теперь полет будет жестким, как поездка по гравийной дороге.

Пункт назначения ждал примерно в сорока милях. Будет большой удачей, если вертолету удастся дотянуть до посадки, но оба пилота

---

⁴⁰ И вот снова всплывает упоминание Розуэлла и Нью-Мексико. Похоже, в тексте (или переводе) расхождение. До этого речь шла о полете в лабораторию S-4, а она, как и Зона-51, находится в Неваде. Штаты Невада и Нью-Мексико даже не граничат.

были из тех, кто продолжал полет, даже когда от вибрации plombы выпадали из зубов. Они собирались добраться до цели, во что бы то ни стало. Дело не только в храбрости; им попросту некуда было деваться от окружающего кошмара. Выбор был: скорчиться на полу и рыдать от страха, или продолжать выполнять свою работу. Они выбрали второе.

— Прими пока управление, — сказал Гарретт Нильсену, решив выйти в салон и проверить — как там пассажиры. По салону словно пронесся смерч, оставив после себя лишь руины. Один из морских пехотинцев погиб, сломав шею. Инопланетянин в теле мальчика, судя по всему, серьезно повредил левое плечо и руку... а может, и не только. Миротворца поддерживали двое: мужчина в грязной синей бейсболке и латиноамериканка. С президентом на первый взгляд все было в порядке, хотя он дышал кислородом из баллона через пластиковую маску. Начальник штаба и генерал были пепельно-бледны, дрожащий Уинслетт, казалось, готов выброситься из разбитого окна. Еще один мужчина, в прошлом известный телеведущий, сидел на месте с закрытыми глазами и, похоже, молился. Второй морской пехотинец остался цел и невредим. Этот двадцатитрехлетний парень успел выучить на этой войне простую истину: все умрут, когда придет их черед, поэтому он просто радовался, что его время еще не настало.

Гарретт достал аптечку с болеутоляющими таблетками, антисептиками, рулоном эластичных бинтов, ножницами и ватными тампонами. Инопланетянин покачал головой — нет, он не хотел глотать химикаты — но спутники убедили его проглотить пару таблеток, запив их стаканом воды. Уинслетт тоже попросил болеутоляющего, хотя не было похоже, чтобы он пострадал. Гарретт все же протянул ему таблетки. Когда пилот спросил президента, требуется ли ему какая-нибудь помощь, тот лишь отмахнулся:

— Нет, черт побери. Просто доставьте нас до этой гребаной зоны.

Гарретт решил сосредоточиться на помощи мальчику — кому-то, похожему на мальчика — и начал разматывать эластичные бинты. Он не знал, чувствует ли Миротворец боль так, как люди, и облегчит ли его состояние перевязка, но рассудил, что вреда от нее тоже не будет, и сломанная рука хотя бы не станет болтаться.

— Давайте попробуем перевязать, — сказал он, обращаясь к мужчине в бейсболке. — Поможете мне? Только осторожнее с его рукой... осторожнее.

Они аккуратно проделали руку Итана в петлю перевязи. Дыхание с хрипом вырывалось через стиснутые зубы мальчика. Боль была ужасной, но он справлялся. Он готов был терпеть, лишь бы не потерять сознание. Когда боль стала почти невыносимой, Итан подумал, что она — неотъемлемая часть человеческой жизни. Боль сопровождала

все их существование, будь то боль физическая или душевная. Люди были сильнее, чем казались, раз мирились с жизнью в таких хрупких телах и привыкали жить, постоянно терпя боль. Их дух был намного крепче, чем тела. Их воля казалась почти безграничной. Вот почему его привлекло это тело: потому что мальчик упорно боролся за жизнь. Однако Итан понимал, что сейчас этому телу нанесен существенный урон, и ему может не хватить времени. Он мог заставить поврежденное сердце качать кровь, травмированные легкие работать... он мог заставить любые системы своего тела функционировать на последнем издыхании, но он не мог восстановить переломы. Теперь, его левая рука стала бесполезной.

И было еще кое-что, что тревожило Итана.

— Они снова приближаются, — сказал он всем, кто его слушал.

— Сколько? — спросил Дейв.

— Еще четыре корабля. И... корабли Горгонов тоже. Очень быстро. Сайферы будут здесь через... Они уже здесь, — поправился он. — По два с каждой стороны.

Джефферсон в ужасе отдернул шторку с окна. В темноте невозможно было различить никакого движения, никаких огней в небе, ничего. Вертолет продолжал лететь на юго-запад.

— Отпустите меня! — резко велел Итан Дейву и пилоту. — Дайте мне подойти к окну! Они собираются стрелять...

Военные корабли открыли огонь.

На этот раз инициативу проявили Горгоны, не Сайферы. И целью они выбрали корабли своих межзвездных врагов, а не вертолет. Из облаков внезапно вырвались сотни синих энергетических лучей, ударивших по Сайферам, что сопровождали с обеих сторон вертолет. Синие взрывы и вспышки мерцающего пламени разорвали тьму. Спустя мгновение, сотни красных лучей устремились в обратный путь к горгонским кораблям. Две инопланетные расы сражались друг с другом, а Борт №1 замер прямо посреди их поля битвы.

Синие и красные огни расчертили небо. В ночи грохотали взрывы, и тьма уже совсем не казалась непроглядной. Подсвеченные синекрасным огнем, показались зловещие черные корабли Сайферов. Горгоны же пока скрывались выше, в облаках. Нильсен заставлял «Пустельгу» танцевать смертельный танец, сражаясь с турбулентностью. Через окно, от которого отдернул штору Джефферсон, Итан заметил красную сферу, промахнувшуюся по своей первоначальной цели и теперь устремившуюся к вертолету. Этот сгусток энергии мог превратить их в пыль, и у Итана было лишь мгновение, чтобы отреагировать. Он успел разбить стекло прикосновением указательного пальца и отбросил сферу в сторону, она пронеслась чуть выше хвостового винта.

— Садись! Садись! — кричал Дерриман, но места для посадки здесь не было.

Часть энергетических снарядов врезались в землю прямо под ними, поднимая в воздух песчаные вихри или выбивая из скал обломки камня размером с грузовик. Холмы и скалы содрогались, некоторые из них в считанные мгновения обращались в пыль. Несмотря на страх, Джефферсон испытывал невольный трепет перед мощью инопланетных захватчиков. В их битве была своя ужасающая красота — она напоминала самый яркий, торжественный и потрясающий фейерверк, краше и продолжительней любого, когда-либо гремевшего над Новым Эдемом. Зрелище того, как один из кораблей Сайферов падает, сбитый огнем Горгонов, несколько развеяло завороченность Джефферсона, и все же он был в восторге.

Внезапно, три оставшихся корабля Сайферов, бесшумно развив такую скорость, что и не снилась ни одному земному истребителю, взмыли вверх, исчезнув в облаках. Битва продолжалась; то и дело в небе вспыхивали синие и красные огни, но искалеченный вертолет ушел с линии огня. Нильсен выпустил шасси и направил «Пустельгу» к земле. До места назначения осталось всего несколько миль.

— Держись! — Дейву пришлось перекрикивать шум ревущих моторов и грохот разрывов, доносящиеся через разбитые окна. Он успел подумать, что от его предупреждения мало толку, но это было лучше, чем совсем промолчать. Итан обливался потом и едва не сходил с ума от боли, но...

— Да, я держусь, — ответил Миротворец. — И буду держаться.

Дейв и Оливия пристегнулись. «Пустельга» вздрогнул и застонал, приблизившись к земле и подняв облака пыли. Джефферсон подумал, что вряд ли эта птичка сможет вернуться в Белый Особняк. Возможно, здесь найдется другой летательный аппарат, способный доставить их обратно... но он не хотел размышлять об этом сейчас. Он был частью команды, и собирался идти за Итаном до конца. А дальше — будь, что будет.

— Сейчас будет тачдаун!⁴¹ — воскликнул Гарретт через интерком. Голос его звучал с помехами. — Не знаю, какой ждать посадки, так что держитесь!

«Пустельга» продолжал снижаться, пыль и песок взметались во все стороны из-под винтов. Пилот полностью сосредоточился на управлении. Шасси мягко коснулось земли.

— Легче легкого, — прошептал, или, скорее, выдохнул Гарретт. — Прямо в цель, мистер президент.

---

⁴¹ Тачдаун – термин из американского футбола. Касание мячом земли в определенной зоне, приносящее команде очки – проще говоря, «гол».

Выключенные двигатели постепенно замолкли, лопасти винта замедлили свое вращение и остановились. Из открывшейся входной двери спустилась лестница. Первым в пыльную темноту вышел единственный оставшийся морской пехотинец. Он осмотрелся вокруг, используя очки ночного видения, и занял удобную для стрельбы позицию, готовый отразить любую угрозу. Перед тем, как выйти из вертолета, Дейв задержался и подобрал винтовку погибшего морпеха, а пистолет засунул в задний карман своих джинсов. Дерриман — бледный и дрожащий после изнурительного полета — начал было протестовать, но Биль остановил его:

— Думаю, капрал Суарез не станет возражать, если кто-то еще из нашей команды будет хорошо вооружен. Я тоже не против, — лицо президента вновь искажил сильный нервный тик, но голос при этом звучал на удивление твердо. Дерриман вынужден был согласиться. Он направился к выходу, и Уинслетт последовал за ним.

— Обопрись на меня, — предложил Дейв Итану, но Миротворец ответил:

— Спасибо, я могу двигаться сам.

Он и в самом деле мог двигаться, несмотря на боль, терзающую его в дюжине, а то и больше, мест. Приходилось идти очень медленно, зато без посторонней помощи. У подножия лестницы Оливия протянула Итану руку, и он все же взялся за нее, чтобы не потерять равновесие.

Итан, Дейв, Оливия, Джефферсон, президент Биль, Дерриман, Уинслетт и капрал Суарез оказались посреди плоской равнины, резко переходившей в предгорья, поверх которых мелькали вспышки космического боя Сайферов и Горгонов. Итан заметил, что к этой битве присоединились и другие корабли пришельцев. Флоты обеих противоборствующих сторон сближались с огромной скоростью.

Взрыв, словно от нескольких взорвавшихся бомб, сотряс небо и заставил людей содрогнуться. Они увидели, как вдалеке на равнину рухнул сбитый корабль Горгонов, испещренный зияющими красными ранами. Пораженный корабль настигли еще несколько смертоносных красных сфер, похоже, стремящиеся добить его.

Президент отошел от вертолета, за ним последовали все остальные, кроме пилотов. Те остались у «Пустельги», хотя Итан засомневался, что у них получится привести вертолет в порядок. Он потянулся за группой, ковыляя, словно восьмидесятилетний старик.

Биль прошел еще около семидесяти ярдов и остановился. Казалось, в этом месте нет ничего особенного, лишь равнина и темнота. Но президент достал из кармана куртки небольшое устройство, напоминающее пульт управления, и нажал на нем несколько кнопок.

Все замерли в ожидании.

Ничего не произошло.

Сияющая полоса энергии пронеслась над предгорьями в двух милях отсюда, земля под ней взметнулась в воздух. По всей равнине прошла неприятная дрожь.

Биль еще раз нажал на кнопки, но снова безрезультатно. Итан во время мучительного ожидания держался правой рукой за плечо Дейва, а с другой стороны его поддерживала Оливия.

Президент переглянулся с Дерриманом. Его лицо вновь задержалось от нервного тика, голос ослаб.

— Вэнс... я знаю, что мы прибыли в верное место. Может... я забыл последовательность цифр?

— Давайте попробуем заменить батарейки, — ответил Дерриман из достал из кармана пальчиковые «Дюраселл», которые он предусмотрительно захватил с собой.

— Я должен был подумать об этом.

— Моя работа — думать за вас, когда у вас и без того забот хватает, — лицо Дерримана освещали отдаленные вспышки инопланетных энергетических сфер. Он взял у президента пульт, извлек старые батарейки и вставил новые. — Вот. Попробуйте теперь.

Биль повторил процедуру, набрал комбинацию из шести цифр, звездочки и еще шести цифр.

В первое мгновение ничего не изменилось. Но Итан первым почувствовал какое-то механическое движение под землей.

Участок равнины вдруг наклонился вниз, образуя широкую рампу, по которой мог запросто проехать военный грузовик. Из-под земли показались бетонные стены. Облака пыли втянулись в открывшиеся воздухозаборники. Создавалось впечатление, что участок земли был укрыт под каким-то искусственным материалом, песок и галька поверх которого служили лишь для маскировки. Мягкое синее свечение усиливалось, по мере того, как вход в Зону-51 восставал из недр земли. Рампа остановилась, достигнув угла наклона примерно в пятнадцать градусов, шум механизмов прекратился.

— Спускайтесь осторожнее, — предупредил Биль. — Поверхность рампы предназначена для шин, а не для обуви. Итан, держись за кого-нибудь, не упади.

— Да, сэр, — отозвался Итан. Он обращался к Билю уважительно, ведь, как-никак, тот все еще оставался президентом этой страны. Итана с двух сторон поддерживали Дейв и Оливия, Джефферсон шел позади, на тот случай, если Итан споткнется и упадет. Но поверхность у входа в Зону-51, вопреки предположениям президента, оказалась достаточно удобной для пешеходов. Спускаясь, Итан поднял голову и бросил взгляд на продолжавшуюся в небе битву. Облака пульсировали огнем. Мощный взрыв разорвал один из кораблей Сайферов на

куски, и тот разлетелся по равнине каплями черного дождя. Через несколько секунд треугольный силуэт корабля Горгонов пронесся на высоте пятисот футов над равниной. Из его корпуса — или тела — сочилась красная жидкость. Маленькие истребители Сайферов изранили врага, разорвав почти пополам. Что-то черное несло за ним по небу, продолжая выпускать красные энергетические заряды.

Итан ощутил, что армии пришельцев сосредоточиваются вокруг этого места. Их становилось все больше; он чувствовал переливы гармонических колебаний от боевых кораблей Горгонов и Сайферов. Облака кипели, как грязно-желтая вода в котелке. Энергетические заряды вспыхивали тут и там, врезаясь в землю и скалы. Иногда, красные сферы, не находя цель, просто улетали за горизонт. Итан вспомнил последний оплот в Пангер-Ридж, и подумал, не собираются ли пришельцы устроить решающую битву прямо здесь, над Зоной-51?

Группа достигла конца спуска и оказалась в небольшом гараже с погрузочными доками и слабым освещением. Впрочем, удивляло наличие хоть какого-то света. Президент вновь нажал несколько кнопок на своем пульте, и рампа начала закрываться. Незадолго до того, как секретный проход закрылся, Итан и его спутники увидели массивную нижнюю часть крейсера Сайферов, похожего на огромную черную плотву, который пролетел всего в сотне футов над их головами. Корпус корабля покрывали дымящиеся дыры, в каждую из которых могла бы запросто поместиться «Пустельга».

В момент, когда рампа окончательно поднялась, на потолке вспыхнули ярким белым светом трубчатые лампы. Такие же световые трубки Итан видел в Белом Особняке. Как объяснил Дерриман, инопланетные технологии использовались и в S-4. Здесь, под землей, звуки идущего на поверхности сражения были совершенно неслышны. Тишину нарушало только мягкое шипение системы фильтрации, очищавшей воздух от проникшей снаружи пыли. Под светом ламп показался застекленный пост охраны, в котором сейчас, конечно, никого не было. По обе стороны поста находились два датчика движения и металлодетекторы. Система была отключена, поэтому все просто миновали пост. Президент Биль вместе с капралом Суарезом направился вглубь комплекса. Дерриман и Уинслетт держались на пару шагов позади них. Дважды Биль останавливался, чтобы Итан, а также помогавшие ему Дейв и Оливия, не слишком отставали.

Они подошли к двери лифта из нержавеющей стали. Рядом на стене находилась подсвеченная клавиатура, а над ней — плоский черный экран, похожий на монитор компьютера. Биль набрал последовательность цифр. Попытка не увенчалась успехом, монитор остался черным.

— Черт! — сквозь зубы прошипел президент. — Я ни хрена не могу вспомнить! — он попытался снова, сосредоточенно набирая цифру за цифрой.

На этот раз экран монитора ожил, появился контур ладони со слегка расставленными пальцами.

— Добрый вечер, господин президент, — произнес бездушный женский голос из динамика под экраном. — Пожалуйста, подтвердите свою личность.

Биль приложил ладонь к светящемуся контуру. Монитор быстро мигнул и снова потемнел.

— Спасибо, сэр, — сказал механический голос.

Двери лифта открылись. В большой кабине могла с комфортом разместиться дюжина человек, даже если бы они взяли с собой складные стулья. Как только все оказались внутри, Биль нажал кнопку с цифрой «5». Двери лифта закрылись, и лифт с непривычно большой скоростью понесся вниз.

— Все хорошо? — спросил Дейв у Итана.

Итан кивнул, хотя это было неправдой. Состояние тела было еще хуже, чем когда он только вселился в него. Травмы оказались серьезней, чем он предполагал. После того взрыва, когда погиб настоящий мальчик, он получил в основном повреждения внутренних органов, но не переломы костей. Почему-то сейчас Итану вспомнилась темно-волосая женщина — мать мальчика. Он старался не думать о ней, но она навязчиво лезла в мысли. Тогда, тело этой женщины и тела еще четверых людей смягчили удар, доставшийся Итану, хотя и недостаточно, чтобы он остался жив и невредим. А теперь... после того, что случилось во время полета, левая рука Итана Гейнса стала бесполезной и причиняла жуткую боль, она онемела от плеча до пальцев, и висела, словно плеть. Сломанные ребра мешали каждому вдоху, простреливая резкой болью всю левую половину туловища. Невыносимо жгло позвоночник. Итан ощущал давление жидкости в легких, ему было тяжело дышать. На него вдруг напал приступ болезненного кашля, он приложил правую руку ко рту, словно сдерживая рвущийся наружу кашель, а когда приступ миновал, увидел на ладони уродливые кровавые кляксы.

Кровь видели все. Миротворец посмотрел на Дейва и постарался уверенно улыбнуться.

— Похоже, я вернулся к тому же, с чего начал Итан, — сказал он и вытер окровавленную руку о джинсы. Дейв был не в силах на это смотреть, ему пришлось опустить глаза в пол.

Лифт замедлился и остановился. Двери открылись. Впереди раскинулся длинный, слегка закругленный коридор, отделанный пластинами из нержавеющей стали. У людей возникло ощущение, что они

движутся по огромной металлической вене. Капрал Суарез вышел из лифта первым, за ним — Дерриман и Уинслетт. Биль последовал за ними, затем Итан с Дейвом и Оливией, а последним — Джефферсон.

Президент повел их дальше. Когда коридор раздвоился, Биль выбрал левое ответвление. Они прошли еще около сорока ярдов и оказались у массивной металлической двери. Здесь на стене тоже имелась клавиатура и экран монитора. Биль повторно ввел свой код, и женский голос произнес:

— Добрый вечер, господин президент. Пожалуйста, подтвердите свою личность, — после того, как Биль выполнил все необходимые действия, механический голос поблагодарил его, и послышался щелчок открывающихся замков.

Дверь казалась очень тяжелой на вид, но внешность была обманчивой, потому что после отпирания замков Биль открыл ее с удивительной легкостью. В помещении за дверью горели все те же трубчатые лампы на потолке. Циркулировал прохладный воздух, и, как только Оливия переступила порог, в нос ей ударил типичный для больницы запах медикаментов и антисептиков.

Когда все вошли, дверь закрылась и оба замка снова защелкнулись.

Первое помещение представляло собой застекленную комнату с местами для наблюдателей, напоминающую телевизионную студию президента, с той лишь разницей, что здесь кресла располагались перед двумя широкими экранами. Одна из дверей вела в большую комнату с бледно-зеленой плиткой на стенах и с серой на полу. Лампы там были округлой формы, чем-то походившей на летающие тарелки. Электронные часы на стене все еще работали и показывали 20:38. Другая дверь из нержавеющей стали располагалась в дальнем конце помещения, и над ней горел красный прямоугольник предупреждающего сигнала.

Операционная, услышал Итан мысль Фогги Уинслетта. Генерала одолевал приступ страха: *Не хочу туда входить... нет, нет, ни за что. Слишком много воспоминаний о телах...*

— Здесь мы и держим артефакты, — сказал президент Биль.

Он стоял перед двойными стеклянными дверями маленькой комнаты справа. Джефферсону это помещение напомнило место для курения в аэропортах. Внутри, ярко освещенные горящими лампами, на полках из люцита⁴² покоились восемь различных предметов. Под артефактами были прикреплены таблички с идентификационными обозначениями: «FL12255» под тем, что казалось обычным обломком

---

⁴² Люцит — прозрачный или полупрозрачный прочный износостойкий пластик.

черного камня, «IA240873» под небольшой металлической сферой, размером с бейсбольный мяч, «AR060579» под черным кубом, и так далее.

— И вот это достали из разбитых космических кораблей? — спросил Джефферсон. Предметы отнюдь не вызывали у него благоговейного трепета, но он чувствовал, что эмоционально выдохся. — Боже!

— Некоторые из тех кораблей были сбиты ракетами, — ответил Биль, — Это произошло при моих предшественниках на посту президента. Один из кораблей в грозовую ночь столкнулся с частным самолетом над Индианой. Информация на табличках говорит о том, в каком штате и в какой день, месяц и год их обнаружили. После того, как завершилось исследование этих предметов, несколько человек по необъяснимым причинам покончили с собой, но это, опять-таки, было еще до моего избрания. Все записи о кораблях и телах пришельцев мы храним в другом месте, — Биль повернулся и посмотрел на Итана. — Эти артефакты исследовали лучшие умы нашей страны, что было нелегкой задачей, учитывая уровень секретности. Мы не уверены, что это оружие. А что думаешь ты?

— Я должен подойти ближе, — ответил Миротворец.

Биль открыл для него одну из дверей, и Итан собрал всю свою волю в кулак.

— Заходите вместе со мной, если хотите, — обратился он к Дейву, Оливии и Джефферсону. — Вы зашли уже так далеко... думаю, вам стоит сделать еще несколько шагов.

Они вошли. Биль последовал за ними и закрыл за собой дверь. Дерриман и Уинслетт предпочли остаться по другую сторону стекла. Итан внимательно осмотрел каждый объект. Он не знал точно, чем они являются, но агрессивной энергии не ощущал.

— Могу я их потрогать?

— Если ты не можешь, то кто вообще может? Возьми, например, этот FL12255. Но прежде, чем ты это сделаешь, представь какой-нибудь земной материал или поверхность... кожу, например. Смелей.

Итан представил воду, вспомнив, как она поднималась со дна бассейна в Пантер-Ридж. Когда он положил руку на кусок инопланетного камня, тот превратился в лужу жидкого металла. Стоило Итану отнять руку, как камень снова принял свою первоначальную форму. Итан подумал о другом, снова положил руку на объект, и тот обратился в металлический порошок. Но, как только прикосновение прерывалось, камень возвращался в прежнее состояние... чем бы он ни был. Похоже, в этом и была особенность артефакта — он принимал форму того, о чем думает касающееся его существо.

— Господи, — прошептала Оливия.

Итан взял металлическую сферу. Похоже, она состояла из дюжины или около того соединенных частей. Сфера оказалась довольно увесистой, но не слишком — вполне по силам поднять одной рукой.

— Сбалансируй ее на кончике пальца, — подсказал Биль.

Итану показалось, что это будет слишком тяжело, но он все же попытался следовать указаниям. По всем законам физики сфера должна была упасть, но этого не произошло. Она уравнилась на кончике указательного пальца Итана, и представлялась ему совсем невесомой. Через несколько секунд шар поднялся на три дюйма от пальца и повис в воздухе. Еще через мгновение начал вращаться. Его составные части стали отсоединяться друг от друга и вновь соединяться, с умопомрачительной быстротой, но совершенно бесшумно. И внезапно в комнате, где столпились пятеро, возник шестой... но не человек.

Гуманоид был худощавым и высоким, чуть более семи футов ростом, с блеклыми глазами и белыми волосами до плеч. В обоих ушах, которые были похожи на человеческие, но загибались кончиками внутрь, сверкали драгоценности. Одеждой существу служило что-то вроде длинного белого платья, украшенного десятками золотых вставок. Узоры и орнаменты на них напомнили Оливии о древних жрецах ацтеков, изображения которых они с Винсентом видели в Национальном Историческом музее в Мехико. Улыбнувшись, гуманоид вытянул руки с длинными пальцами явно дружественным жестом, и тихо заговорил на языке, которого не слышал ни один земной житель. Его речь напоминала смесь скороговорок и заикания. Когда он закончил свою речь, то просто склонил голову и исчез, Сфера перестала вращаться и опустилась на кончик пальца Итана, где и оставалась, пока Биль не снял ее и не вернул на место.

— Мы пытались расшифровать это сообщение, — сказал президент. — Похоже, оно имеет отношение к медицине. Некоторые звуки отдаленно похожи на комекрудский⁴³ язык, который окончательно вымер к середине 1880-х годов.

— Вы совершенно правы, — сказал Итан.

— Что?

— Речь идет о медицине. Я знаю этот язык и эту цивилизацию. Это существо предлагало вашему миру лекарство от рака.

---

⁴³ Комакрудские языки — гипотетическая семья исчезнувших индейских языков Северной Америки. Слово «Comecrudo» (исп.) дословно означает «сыроеды». Об этих языках известно крайне мало. В основном из них остались только некоторые слова, собранные европейскими миссионерами и колонистами.

Биль промолчал, как и остальные присутствующие.

— Он говорит вам, — продолжил Итан, — что формула лекарства от рака записана символами на его одеянии. Эта сфера с одного из тех кораблей, что вы сбили?

— Это случилось давно... — смущенно ответил президент.

— Понятно, — кивнул Итан. Боль прострелила левую сторону тела, и он осторожно положил правую руку на левый бок в надежде хоть немного унять эту пытку.

Слегка оправившись, Итан начал касаться других предметов. Первым делом он дотронулся до маленькой фигурки гуманоида, сделанной из металла, мерцавшего множеством оттенков. Наощупь она казалась стеклянной. Затем, он коснулся катушки из тонкого изящного серебристого металла. Дотронулся до всех артефактов в комнате.

— Здесь нет оружия, — заключил Миротворец. — Это подарки.

— Подарки, — приглушенно повторил президент.

— Их привезли вам — по своей глупости — те цивилизации, которые хотели наладить контакт. Но вы были не готовы к этому. Со всем не готовы, и они выучили этот урок.

— Нет оружия? — Джефферсон, казалось, был близок к истерике. — Никакого? Итан, здесь ничего нет?

Итан не ответил.

— А это что? — спросил он президента Билья, указав на маленький черный куб. Судя по табличке, найден в Аризоне шестого мая 1979 года.

— Загадка, — ответил президент.

Итан поднял куб, умещавшийся на ладони. Гладкие грани засветились.

— Не совпадает ни с одним земным материалом, — сказал Биль. — Его невозможно просверлить или оставить на нем какие-либо следы. Рентгеновское излучение его не берет. Никакой медицинский или военный прибор не помог нам понять, что находится внутри. Поэтому он просто лежит здесь и все. Ученые рассудили, что если бы этот куб мог взорвать наш мир, то за двадцать лет уже сработал бы...

— Возможно, вам стоило нарисовать на нем белые точки и повесить на зеркало заднего вида, — сказал Дейв, который начал осознавать, что здесь и правда нет ничего, что могло бы победить Горгонов и Сайферов, чьи корабли сейчас витали у них над головами. И, вероятно, в Белый Особняк им придется вернуться ни с чем — если вообще удастся вернуться. И если есть смысл возвращаться в убежище, где уже совсем не безопасно.

Итан размышлял об этом объекте. Он тоже не мог разгадать секрет черного куба и понять, что у того внутри, но...

— Это тоже подарок, — сказал он. — Наверное. Вопрос в том, что он должен преподнести?

— Похоже, мы этого никогда не узнаем, — пожал плечами Биль.

— Похоже на страх, — вдруг сказал Итан.

— Что? — на этот раз вопрос задал Джефферсон.

— На страх. Маленький черный куб страха. Страх — это явление, заставляющее прорасти семена идеи. Скажите мне... кто-нибудь, скажите, чего бояться все люди вашей планеты?

— Инопланетного вторжения, — мрачно ответил Дейв. — Или двух инопланетных рас, которые устраивают разборки на нашей территории.

— Должно быть что-то большее, — упорствовал Итан. — То, чего люди боялись долгое время. Нечто, чего не происходило, но люди боялись, что это свершится на самом деле.

— Полное уничтожение, — предположила Оливия.

— Каким образом? — Итан продолжал изучать куб и ждал ответа.

— Ядерная война, — пожал плечами Джефферсон, — Или... не знаю... все боялись конца света. Что мы все вырем, как динозавры.

— Что-то вроде удара огромного астероида, — добавил президент. — Даже сейчас... я имею в виду, до того, как все это началось... мы знали, что человечество может погибнуть в мгновение ока. Некоторые астероиды пролетали достаточно близко от Земли, но мы старались скрывать это от населения. Ученые считали, что если хоть один из таких астероидов столкнется с нашей планетой — всему придет конец.

— И вы ничего не могли с этим поделать, — сказал Итан, хотя он уже знал ответ.

— У нас был аварийный план на такой случай,⁴⁴ но лишь одна возможность его осуществить. Потому что, в случае провала — второго шанса не будет.

Итан почувствовал, что вот-вот снова закашляется кровью. Как долго еще сможет протянуть это тело? Он не знал.

Страх... удар астероида... конец жизни на Земле... одна возможность... в случае провала... второго шанса не будет.

Что-то резонировало внутри него. Он не мог проникнуть в куб, не мог понять, как это устройство должно работать, но — как и с мыслями о Белом Особняке — он теперь не мог выбросить из своего со-

---

⁴⁴ К астероиду, видимо, планировали послать на космическом корабле команду бурильщиков, чтобы те взорвали его ядерным зарядом. Шутка редактора ☺

знания эти слова: *страх... удар астероида... конец жизни на Земле... одна возможность... в случае провала... второго шанса не будет.*

— Я должен как-то использовать этот предмет, — сказал Миротворец гулким голосом.

И едва он закончил фразу, как взвыла сирена, и механический женский голос заговорил:

— Внимание! Нарушитель на первом уровне... Внимание! Нарушитель на втором уровне... Внимание! Несколько нарушителей! ТРЕВОГА! Нарушители на всех уровнях...

Итан знал, что это пришельцы явились по его душу. Наступил момент истины для всех в этой комнате. И для каждого человека, что надеялся на лучшее, во всем отравленном войной мире. Враги были уже близко, и не собирались ждать, пока Миротворец накопит силы, чтобы дать отпор.

Черный куб лежал на ладони.

Боже, подумал Итан, конец жизни на Земле... один шанс... ОДИН...

Они приближались.

Глава тридцать четвертая

— Это невозможно! — глаза Били в страхе округлились. — Ничто не мог проникнуть сюда!

— ТРЕВОГА! Нарушители на всех уровнях...

Женский голос продолжал сообщать о проникновении, и его механическая бесстрастность при данных обстоятельствах звучала совершенно неуместно.

— ЭХО СЬЕРРА. Повторяю: ЭХО СЬЕРРА.⁴⁵

— А это еще что значит? — воскликнул Дейв.

— Порядок действий на самый худший случай. Все сотрудники остаются на своих местах, в закрытых лабораториях, а солдаты специального подразделения отправляются на зачистку... Но сейчас их здесь нет, — Биль оставил остальных в комнате с артефактами и вышел, чтобы поговорить с Уинслетгом и Дерриманом. Те выглядели так, словно готовы из штанов выскочить от страха. Капрал Суarez наблюдал за стальной дверью, держа винтовку наготове.

— Он говорит, что ничто не может сюда проникнуть, — пролепетал Джефферсон. Лицо его превратилось в потное белое полотно. —

---

⁴⁵ «Эхо Сьерра» (Echo Sierra) – буквы фонетического алфавита, принятого в странах НАТО. Иначе говоря: ES. Вероятно, сокращение от Extreme Situation – «Чрезвычайная ситуация».

Но он и о Белом Особняке так думал. Итан, ты знаешь, где они и сколько их?

— Я получаю множество сигналов, — ответил Итан, хотя сейчас он уделял больше внимания загадке черного куба. Сирена, звучащая на высоких частотах, и боль мешали Миротворцу сосредоточиться на своей основной задаче. — Они... недалеко от этой комнаты, — добавил он. — Сейчас они сражаются друг с другом. Это даст нам немного времени.

Дейв снял автоматическую винтовку с предохранителя, а свой пистолет передал Оливии. Она охотно взяла оружие.

— Я знаю, что этот куб — подарок, — пробормотал Итан. — И он должен каким-то образом открываться.

— К тому моменту, как ты это выяснишь, мы все погибнем, — Джефферсон пристально смотрел на пистолет в руке Оливии. — А мне оружие не положено? Как насчет того, чтобы и мне что-нибудь выдать?

— Меня вполне устраивает все, как есть, — отозвалась Оливия.

— Можете подержать это, — Итан передал Джефферсону куб.

— Я не хочу держать эту хрень! Она пугает меня до чертиков.

— Пожалуйста, возьмите его. Мне нужна свободная рука.

Джефферсон с нескрываемым недовольством принял куб и вытянул его перед собой на ладони.

— ЭХО СЪЕРРА. Повторяю: ЭХО СЪЕРРА.

Компьютерный голос продолжал возвещать о необходимости принять меры в связи с вторжением нарушителей, но появления спецназа не предвиделось.

— Сколько, ты думаешь, у нас времени? — спросил Дейв, наблюдая за дверью.

— Не имею...

Понятия, хотел закончить Итан. Но в то же мгновение его поразила одна мысль. Время.

Величайший дар.

За несколько секунд в его разуме были взвешены и рассмотрены миллионы возможностей, комбинаций и шансов. Он посмотрел на электронные часы на дальней стене, показывающие 20:52.

— Я собираюсь кое-что попробовать, — сказал Итан. — Каждая цивилизация имеет концепцию наличия и отсутствия, что у вас выражается бинарным кодом. Единица и ноль. Что бы ни случилось, — с последними словами он обратился к Джефферсону, — не уроните его.

— А что должно случиться?

Итан проигнорировал вопрос. Часы все еще показывали 20:52.

Он спокойно проговорил последовательность символов двоичного кода:

— Один, ноль-ноль-ноль, ноль-ноль-ноль, ноль-ноль-ноль, ноль-ноль.

Куб не открылся.

Джефферсон ничего не почувствовал, никакого движения или пульсации внутри неизвестного артефакта. Но два маленьких угловатых символа внезапно засветились белым светом на верхней грани. Джефферсону они показались похожими на китайские иероглифы. Остальные стороны куба оставались темными и непроницаемыми.

— Что это? — спросил Дейв. — Откуда ты узнал, что надо делать?

— Это измеритель времени, — ответил Итан. — Я произнес настоящее время бинарным кодом. Этот артефакт имеет представление о вашем земном временном исчислении и реагирует на человеческий голос. Я не знал наверняка, но предположил, что куб может ответить на что-то, кроме прикосновения, — он заметил, что Биль, Дерриман и Уинслетт вошли в комнату и тоже смотрят на светящийся куб.

— Что оно делает? — спросил Уинслетт, опередив Биля. В его голосе звучали нотки безумия. — Это... бомба?

— Нет. Это... инопланетные часы, — Итан старался объяснить как можно короче и проще. — Я пробудил их.

— Часы? Что, черт возьми, в них полезного? — резко спросил Дерриман.

— ТРЕВОГА! Нарушители на всех уровнях... ЭХО СЪЕРРА. Повторяю: ЭХО СЪЕРРА.

Механический голос продолжал бодро озвучивать свои сообщения. Правда, теперь казалось, что система умоляет о помощи.

— Нас скоро атакуют, — сказал Миротворец. — Сайферы могут проникнуть сюда сквозь стены. Прежде чем они появятся, я должен вам все рассказать, — он протянул руку, и Джефферсон с радостью передал ему куб. — Я узнал символы и теперь знаю, откуда взялся этот предмет. И это немного больше, чем просто часы.

— Что же это? — спросил Биль.

— Это величайший дар, который только могли вам преподнести, сэр. Это второй шанс для вашего мира.

— Объясни...

— Цивилизация, которая сделала этот подарок, очень стара. Они первыми начали использовать измерительные оптопары.⁴⁶ Они могли быть свидетелями удара астероида, поразившего вашу планету мил-

---

⁴⁶ Оптопара (светопара) – в нашем мире, прибор, преобразующий электрическую энергию в световую, для передачи ее на расстояние и последующего преобразования вновь в электрическую.

лионы лет назад. Этот дар предназначался, чтобы предотвратить повторное разрушение вашего мира: второе столкновение с астероидом или подобную катастрофу. Мы можем использовать его сейчас. Я способен прочесть символы и активировать его потенциал.

— Потенциал? Какой? — Биль с опаской посмотрел на куб. — Что тогда произойдет?

Итан слабо улыбнулся, несмотря на боль, беспрестанно мучившую его человеческое тело. О, потенциал этого артефакта был столь невероятно огромен, что никто из присутствующих не мог бы его осмыслить.

— Это машина времени, — сказал он.

Никто не проронил ни слова. Время словно замерло, несмотря на то, что из-за стальной двери доносился приглушенный шум и взрывы. Там сражались Горгоны и Сайферы, снова сойдясь в смертельном поединке.

— Этого не может быть, — сказал, наконец, Дерриман. — Ничего подобного не существует.

— У артефакта есть свои ограничения, — сказал Итан. — Он управляет временем, но не может перенести нас вперед, в будущее. В этом смысл дара — вернуться назад и получить второй шанс... Это дар времени, который позволит избежать войны, уничтожить астероид, до того, как он врежется в планету, или принять превентивные меры перед любой другой катастрофой.

— Ты хочешь сказать... благодаря этой штуке мы можем сделать так, чтобы всего этого никогда не случилось? — спросил Биль. — Мы можем вернуться назад во времени?

— С некоторыми оговорками. Насколько я понимаю природу этого артефакта, он может быть использован только один раз. И... я думаю, что можно отправиться примерно на пару лет назад... Ваш разум так устроен, что больший скачок во времени может привести к искажению вашей памяти и восприятия. Некоторые могут запомнить все, что было до этого, а некоторые нет.

Что-то ударило о стальную дверь, но пока она держалась.

— ЭХО СЪЕРРА. Повторяю: ЭХО СЪЕРРА.

Голос системы теперь звучал потерянно и сокрушенно.

— Могут быть и другие последствия, — сказал Миротворец. — И... честно говоря, я просто не предполагаю — какие.

Биль тяжело вздохнул, задержал дыхание, затем выдохнул.

— Ты можешь запрограммировать его?

— Да?

— На какую дату?

— Чтобы соблности все меры предосторожности... на тот самый день. Третье апреля, два года назад. Я могу запрограммировать это

устройство, чтобы... — Итан сделал паузу, изучая символы, — ...оно переместило нас в точку времени, за две минуты до того, как Горгоны пройдут через порталы.

— Даже если сработает, это же чертовски близко к катастрофе! — воскликнул Уинслетт.

— И что с того, что оно сработает? — спросил Джефферсон. — Значит, мы вернемся назад во времени, но все равно не сможем предотвратить вторжение Горгонов! Они уничтожили армии всех стран нашего мира за пару дней! Без тебя мы ничто. Что мы можем сделать, чтобы не дать всему этому повториться?

Итан кивнул, его серебряные глаза казались сосредоточенными, но под ними пролегли темные круги от истощения и боли. Из левого угла рта стекла струйка крови.

— Я могу остановить их, — ответил он.

— Но как?

— В своей истинной форме... Это будет *мой* подарок для вас. Используя свою энергию, я смогу создать вокруг вашей планеты постоянный защитный барьер, непроницаемый для гармонических частот кораблей Горгонов и Сайферов. Если Горгоны не смогут проникнуть сюда, — уточнил он, — то и Сайферам тоже незачем будет это делать. Они не станут сражаться здесь за свою границу. Некоторые люди будут помнить о том, что случилось... у других сохранится лишь часть воспоминаний, — он посмотрел на Дейва и Оливию, а затем взгляделся в лицо президента. — Возникнет новый виток реальности, с очень неопределенным будущим.

— Боже... — выдохнул Биль. — Если все сработает, как ты говоришь... как наш мир справится с этим?

— Надеюсь, вы сумеете правильно использовать ваш второй шанс.

Президент обратился к Дерриману и Уинслетту за советом, но те казались растерянными, даже больше, чем он сам. От женского голоса системы S-4, монотонно повторяющего свое «Эхо Сьерра», было бы больше толку. Решение должен был принимать президент. И он знал, что другого выбора нет.

Биль уже собирался озвучить свое решение, когда первый солдат Сайфер появился, проникнув сквозь стену. Сайфер материализовался за спиной капрала Суареца, который обернулся и, не задумываясь, открыл огонь.

Второй Сайфер, последовавший за первым, распылил Суареца на мельчайшие части сдвоенным энергетическим зарядом из своего оружия.

— Сделай это, — приказал Биль.

Теперь Итан нуждался лишь в частичке времени для самого себя. Двое солдат Сайферов шагали в сторону полок с артефактами. Еще трое должны были вот-вот материализоваться. Дейв выстрелил через стекло, разбив его вдребезги. Оливия тоже начала стрелять из пистолета.

— Возьми! — сказал Итан Джефферсону, снова передавая ему куб. Сайфер, убивший Суареца, повернулся, поднимая свой бластер. Едва Джефферсон принял куб из руки Итана, как эта рука вытянулась вперед и с ладони сорвались пять серебряных молний — по одной на каждого Сайфера. Пришельцы были уничтожены раньше, чем поняли, что им угрожает, превратившись в горстки пепла и черную жидкость, забрызгавшую стены.

Но размытых фигур становилось все больше. Дейв и Оливия продолжали вести огонь, но Сайферы искажали пространство вокруг себя и были так быстры, что пули проходили сквозь их тела, не причиняя вреда. Двое из солдат, материализовавшись, выпустили четыре огненных снаряда в сторону комнаты с артефактами. Итан сумел отклонить все четыре, отправив в ответ смертельные молнии в противников. Он понял, что в своем нынешнем физическом состоянии он вскоре совершенно лишится сил. Еще пять солдат Сайферов проскользнули сквозь стены в помещение. Теперь их было тринадцать, и все они направляли оружие на семерых людей, ставших живыми мишенями.

Обливаясь потом и кровью, Миротворец быстро выбросил руку в сторону солдат Сайферов.

Сколько тысяч горящих пуль сорвалось с его руки? Так много, что даже он сам видел их в виде сплошной огненной струи, рванувшейся в сторону врагов с невероятной скоростью. Горящие пули изрешетили тела Сайферов, разрывая их на множество пылающих сгустков красно-черных волокон, которые разлетелись по стенам и потолку. Последний солдат, тяжелораненый, но все еще живой, попытался выстрелить в ответ, но как только его палец коснулся спускового крючка, серебряные молнии Миротворца прикончили его. Решимость и преданность, с которыми Миротворец защищал этот мир и его обитателей, не укладывались в логику Сайферов.

— Они вернутся, — еле слышно произнес Итан, кашля кровью в ладонь руки, что служила ему оружием. Он пошатнулся, но президент поддержал его. — Мне нужно время, чтобы запрограммировать устройство, — слабо выдавил Итан. — Здесь слишком опасно. Нужно всем перейти в ту комнату, — он кивнул на дверь в операционную.

— Пойдем, — кивнул Биль. Затем обратился к Джефферсону. — Держи эту штуку крепко.

Они покинули разрушенную комнату для артефактов и прошли через облако пыли, взметнувшейся после бойни. Биль шествовал впе-

реди, Дейв прикрывал тыл. Итану помогала Оливия. Он чувствовал движение за стенами, перед его внутренним взором мелькало множество фигур, но Горгоны или Сайферы — он уже не мог разобрать. Кем бы они ни были — опасность была катастрофически близка.

Они приблизились к двери в операционную, когда Дейв услышал звук, похожий на тихий свист. Или он больше напоминал жужжание игрушечной машинки?

Дейв повернулся в ту сторону, откуда доносился звук, с винтовкой наготове, уже догадываясь, чего ожидать.

Воуп материализовался всего в нескольких футах от него. Он снова был в цел и невредим — такой же физически совершенный, каким его создали Горгоны.

Дейв выстрелил ему в лицо, разворотив пулей правую щеку. Но прежде, чем он успел выстрелить снова, на лице Воупа появилась торжествующая ухмылка, а пятнистый шип, в который превратилась его рука, вылетел вперед и врезался в правую сторону груди Дейва, заставив того упасть на колени.

С криком, в котором смешался гнев, отчаяние и боль, Оливия выпустила в пришельца три пули, оставшиеся в магазине ее пистолета. Воуп отшатнулся, похожая на человеческую кровь потекла по его лицу. Рука-шип и рука с черной головой змеи извивались в воздухе, металлические клыки рептилии готовились вцепиться в голову Оливии.

Итан этого не допустил.

Его ярость воплотилась в плотный серебристый энергетический хлыст, удар которого мгновенно разорвал Воупа в клочья. Его лицо, лишенное эмоций, распалось на куски. То немногое, что осталось от тела, обьяло пламя, превратив в пепел.

— Помогите ему... помогите ему... — с мольбой в голосе обратился Итан к Дерриману и Уинслетту, которые склонились над Дейвом, а затем подняли его на руки, чтобы пронести через стальную дверь. Биль помог отпереть замки, пропустил всех внутрь, и запер дверь за собой.

Оливия заливалась слезами, ее побелевшие пальцы с остервенением цеплялись за разряженный пистолет. Итан опустился на колени рядом с Дейвом, который протянул руку и ухватил его за футболку.

— Черт... — прошипел Дейв в агонии. Он умирал. Его рука дрожала, лицо побледнело, как полотно. Туловище напоминало анатомическую куклу, раскрывшую свои внутренности для обозрения. Винтовка и бейсболка потерялись где-то по дороге. Его влажные от пота волосы торчали в разные стороны, как заросли чертополоха.

Итан смотрел в его глаза и видел, как свет в них угасает.

— Отдыхай, — мягко сказал Миротворец.

— Я... я... — Дейв не мог связно говорить, он почти лишился чувств. А ведь он столько хотел сказать. Холод полз вверх по его телу. Он столько хотел сказать Итану и Оливии! Даже Джефферсону. Он хотел обнять Оливию в последний раз, сказать ей, как он любил и уважал ее, но ему оставалось лишь надеяться, что она и так это знает, потому что он не мог вымолвить ни слова. Дейв верил, что она знает. Оливия опустилась рядом с ним на колени и сжала его руку. Ему становилось все труднее думать, труднее осознавать, где он и что происходит. Он чувствовал, что начинает ускользать в небытие... И на излете сознания у Дейва мелькнула одна мысль: жизнь несправедлива, и она наносит удары, которые приходится принимать, нравится тебе это или нет. Испытание, подумал он. Неужели это лишь испытание? Если так... он надеялся, что прошел его. Взгляд его запавших глаз нашел светящийся куб в руке Джефферсона. Дейв потянул Итана за футболку, убеждая его наклониться ближе.

Забыв о собственной боли, Миротворец склонился.

— Я верю в тебя, — прошептал Дейв.

С этими словами Дейв МакКейн покинул этот мир, испустив последний вздох человека, проработавшего всю жизнь ради того, чтобы перенести немало испытаний и горя, наряду с радостью и любовью. Дейв ушел, испытывая крепкие дружеские чувства к существу с другой планеты или из другого измерения... или из другой реальности — как знать. Когда он умер, хватка ослабла; Миротворец, поддерживаемый президентом Билем, поднялся. Итан с трудом держался на ногах, но не был сломлен и побежден. Вытерев слезы, увлажнившие серебряные глаза, он с решимостью взглянул на своих оставшихся спутников. Теперь он понимал, что значит быть человеком, и был в восторге от этой расы.

Оливия тоже встала. Она взглянула на Дейва, задержав взгляд лишь на мгновение, а затем вновь посмотрела на Итана.

— Делай то, что должен, — твердо сказала она ему. — Сделай, что можешь.

Они находились в помещении, где хирурги готовились к исследованию тел существ с других планет. Над длинной зеленой керамической раковиной врачи когда-то мыли руки, прежде чем надеть резиновые перчатки и взяться за скальпели. Сама операционная располагалась за стеклянной дверью, сбоку от которой было большое окно для наблюдателей. В операционной виднелись два стола из нержавеющей стали, рядом с которыми находилось необходимое оборудование. Итан заметил две камеры, предназначенные для видеозаписи операций.

— Держи куб, — напомнил Итан Джефферсону.

Послышался приглушенный шум сильного взрыва, раздавшегося на другом уровне. Пол под ногами затрясся. Горгоны и Сайферы все еще вели свою извечную войну; они сражались друг с другом на разных планетах, на безжизненных сферах из камня, льда и огня, располагавшихся на линии их границы, и теперь они сражались здесь.

— Поспеши, — умоляюще произнес президент.

Но спешить не следовало. Хоть Миротворец и понимал символы, используемые создателями куба, задача требовала предельной сосредоточенности и осторожности. Существо, доставившее этот дар, явилось сюда с целью изучать земные языки, что было детской игрой для развитой цивилизации. Они хотели выбрать среди людей наиболее восприимчивых к знаниям и обучить своим языкам, после чего дать детальные указания по использованию дара. Но этого не случилось, потому что посланник из другого мира не выполнил своей миссии. Вместо этого он оказался на одном из этих операционных столов.

Итан старался не отвлекаться. Он понял, что верхний ряд светящихся символов означает год. Ниже, вземным эквивалентом бинарного кода, указан месяц, а в самом низу — день. Итан начал с года, нажав на грань куба одиннадцать раз. Свет выступивших на кубе символов сменился с белого на красный. Значит, год принят. Теперь нужно ввести остальное: месяц, день. Третье апреля было 93-м днем земного года, поэтому Итан ввел «1011101». Угловатые символы покраснели, принимая день.

Итан вспомнил, как Джон Дуглас рассказывал о начале инопланетного вторжения. Он упомянул точное время: восемнадцать минут одиннадцатого. Именно тогда медсестра сказала Джей Ди, что по всему миру в небе наблюдаются взрывы. Итан решил ввести время: ровно десять часов. В двоичном коде это выглядело, как «1111101000». Часы куба перешли на двадцатичетырехчасовой формат, после того, как Итан назвал время с электронных часов на стене.

— Как только я введу время, — сказал он, — процесс начнется. Я не знаю, какими ощущениями он будет сопровождаться для вас. Но мне больше не понадобится это тело, и я его покину. Все готовы?

— Готов, — ответил президент. Его нервный тик прекратился, челюсти крепко сжались.

— Я тоже, — ответил Джефферсон, хотя взгляд его был стеклянным. — Боже... надеюсь, эта штука сделает то, что ты сказал.

Фогги Уинслетт просто кивнул.

— Да, готов, — сказал Дерриман.

Итан посмотрел на Оливию.

— Ты готова?

Оливия потерянно посмотрела на мертвого Дейва, и, подняв глаза, встретила с решительным взглядом Миротворца.

— А все... кто погиб... они снова будут живы?

— Таков план, — ответил Итан.

— Винсент, — прошептала она, — и Дейв тоже. Все они, — слезы побежали по ее щекам, — О, Господи!

— Я должен закончить ввод данных, — Итан ощутил, что за стальной дверью нарастает некая активность. — Прощай, Оливия, — сказал он. Ему очень хотелось обнять ее и поблагодарить за все, что она сделала, но река времени неумолимо бежала вперед. Итан приготовился ввести последнюю часть кода.

Миротворец нажал на куб семь раз, когда ворвались враги.

Итан не успел отклонить две энергетические сферы Сайферов. Одна из них попала в Дерримана, развеяв в пыль почти всю верхнюю часть его туловища. Ноги Вэнса подогнулись, одна оставшаяся рука схватила воздух, словно пытаясь нащупать недостающие части тела. Другая сфера взорвала покосившуюся дверь вместе с участком стены. В комнату влетела стальная плита и куски раскрошенного бетона. Ударная волна сбила всех с ног. Джефферсон упал, ощутив, как с треском ломается его правая ключица. Куб вылетел из его ладони и покатился по заваленному пыльными обломками полу.

Итан поднялся на четвереньки. Кровь струилась из раны под левым глазом, небольшой осколок бетона застрял в левой щеке. Его сломанная рука выскочила из перевязи и повисла бесполезной плетью. Невыносимая боль, волнами пробегавшая по его телу, едва не заставляла его терять сознание.

Итан разглядел фигуру, пробирающуюся сквозь пыль и огонь, и узнал рисунок, вытравленный в нижнем правом углу лицевой панели. Это был тот самый Сайфер, что убил Беннета Джексона.

Логические схемы Несущего-Постыдную-Смерть исправно функционировали. Солдат видел, что его главная цель находится впереди, немного левее. Цель выглядела беспомощной, хотя вид мог быть обманчив. Но в помещении находилось еще кое-что важное. Несущий-Постыдную-Смерть ощутил незнакомую вибрацию; ему не доводилось раньше сталкиваться с объектами, излучающими такие частоты. Этот имел форму куба, со светящимися символами на одной из граней. В мгновение ока схемы Несущего-Постыдную-Смерть определили объект как неизвестную угрозу, подлежащую уничтожению. Сайфер направил бластер на новую цель.

Кусок бетона, брошенный президентом, ударил в лицевую панель Несущего-Постыдную-Смерть, чуть оцарапав ее.

— Нет, — выдохнул Биль. Половина его лица превратилась в сплошную кровавую маску.

В этот момент Итан почувствовал присутствие в комнате кого-то еще. Нечто приближалось к солдату Сайферов сзади, и оно было холодным, как сама Смерть.

Солдат тоже встревожился и обернулся, но не успел выстрелить. К нему, пролетев над головой Итана, метнулось гибкое копьё. Несущий-Постыдную-Смерть попытался дематериализоваться. Он был быстр, но на этот раз — недостаточно быстр. Через пробитую лицевую панель брызнула жидкость, лицо Сайфера мгновенно вспыхнуло. Он упал, оставшись в своей истинной, твердой форме. Удар врага разрушил логику... разрушил схемы... разрушил приказы. Несущий-Постыдную-Смерть словно оказался вырван из своего мира навсегда. Он все же успел нажать на спуск бластера, и две горящие энергетические сферы пролетели между Итаном и Джефферсоном. Красные сферы врезались в стены операционной. Бластер выстрелил еще раз, заряды угодили в стену позади Оливии, которая распласталась на полу, стараясь сохранить остатки здравого смысла.

После того, как Несущий-Постыдную-Смерть с разъеденным кислотой лицом, наконец, замер, Итан увидел его убийцу.

Всего мгновение, прежде чем заработала созданная иллюзия, он наблюдал существо в его подлинном ужасающем образе, в бесформенном черном одеянии, с чешуйчатой плотью, покрытой черно-коричневыми полосами, и алыми зрачками немигающих глаз, отталкивающих и притягательных одновременно. А затем оно приняло облик земной женщины с длинными рыжевато-коричневыми волосами, грустными глазами и прекрасными чертами лица. Она была одета в джинсы и белую блузку с розовым воротником.

— Мой Джефферсон, — произнесла женщина с южным акцентом, — предал свою любовницу. Какой плохой мальчик.

Джефферсон видел перед собой Регину, но он, как и Миротворец, понимал, кто она на самом деле. В затылке начала пульсировать боль. Через секунду она усилилась настолько, что из опухших глаз Джефферсона брызнули слезы. Он был близок к тому, чтобы предпочесть смерть, лишь бы не терпеть эту боль.

— Ты заставил нас беспокоиться, — сказала Королева Горгонов, устремив взгляд на Итана. — Что ты такое?

Итан не сразу смог ответить. Рот был полон крови, легкие лихорадочно пытались вобрать в себя воздух. Его тело умирало.

— Не твоя игрушка, — сумел выдать он. — Твой повелитель.

В ее невеселой улыбке сквозило презрение.

Но когда еще четыре солдата Сайферов прошли через стену, улыбка женщины и вовсе поблекла. Миротворец понял, что это его шанс.

Куб валялся недалеко, казалось — руку протянуть. Угловатые символы все еще светились на его вершине... они всегда оказывались на верхней грани, какой бы стороной ни был повернут куб.

Итан протянул руку и сумел ввести два нуля, прежде чем Королева Горгонов поняла, какую угрозу несут его действия. Ее лицо сдвинулось, как криво надетая маска, и замерцало. В своем истинном облике она была до отвращения схожа с коброй, способной заморозить взглядом любого, кто на нее посмотрит. В тот момент, когда голова Джефферсона Джериго была готова взорваться от боли, а солдаты Сайферов направили оружие на цель, Королева Горгонов изрыгнула поток кислоты в сторону мальчика, осмелившегося бросить ей вызов.

Миротворец, даже не пытаясь уклониться, ввел последнюю цифру, и тут же кислота плеснула ему на лицо, залив лоб, нос и серебряные глаза.

Прежде чем его глаза были сожжены, и он утратил зрение, Итан увидел, как покраснели последние символы.

Он вырвался из умирающего тела, вновь став существом, полным энергии, похожим на вьющийся электрический вихрь. С каждой секундой он становился все больше, выстреливая молниями во все стороны и стремясь заполнить собою всю комнату, весь этот уровень, всю лабораторию и все небо от горизонта до горизонта. Он собирался охватить собой всю планету Земля.

Окружающая реальность исказилась. В ее структуре стали появляться разрывы и провалы, отделяющие прошлое от настоящего. Оливия почувствовала, что ее тело больше не лежит на полу разрушенной комнаты. Ей казалось, что все вокруг движется, а она остается неподвижной. Оливию окружили сумерки, в которых мимо нее проносились неуловимые формы и образы, заставляющие ее вращаться, словно сила тяжести перестала действовать. Ее затянул яркий вихрь, кружившийся вокруг нее так быстро, что у Оливии перехватило дыхание. Ей безумно хотелось, чтобы кто-то остановил это вращение...

Остановите это, пожалуйста!

Но вихрь не останавливался, и Оливия попыталась вскрикнуть. Голос не слушался ее — он просто исчез. Все вокруг стало серым, смешалось в одно размытое пятно, звуки слились в сплошной приглушенный рожот.

Оливия кружилась и кружилась вместе со всем окружением. Ей пришла в голову мысль подать на кого-то в суд, когда все это закончится. Да, она подает в суд, а Винсент ей поможет, потому что никто не может такого вынести! Она не могла дышать, не могла говорить. Все это было ненормально; ни один человек не создан для такого. И

почему в ее разуме рождались эти нелепые и ужасные образы? Она боялась за свое здравомыслие. В панике она успела подумать: *О, Боже, я распадаюсь на части...*

Глава тридцать пятая

Он ремонтировал деревянный забор на западном краю своего участка. Эта часть забора покосилась от мартовского ветра на прошлой неделе. Сегодня он надел свою любимую темно-синюю бейсболку, старые удобные джинсы, футболку и коричневую куртку. *Внутри ягненок, снаружи лев*, подумал он. *Как один из тех львов, которые...*

Мысль оборвалась, и Дейв Маккейн пошатнулся, уронив молоко, потому что вдруг осознал: грядет нечто ужасное. Он взглянул на свои наручные часы — подарок от Шерил на их десятую годовщину. Это казалось безумием... да, безумием, потому что небо по-прежнему оставалось безоблачным и синим, а солнце приятно пригревало весеннюю землю, но...

Что-то приближалось.

Дейв побежал в дом, выкрикивая имя жены. Он промчался мимо пикапа и грузовика, который — он каким-то образом предвидел это — вскоре сгорит дотла и превратится в обугленный каркас на расплавленных шинах. Он испугался, что потерял рассудок. В этот ясный, безоблачный день Дейв МакКейн решил, что сходит с ума.

— Дейв! Что с тобой такое? — воскликнула Шерил, когда он, как дикарь, ворвался в дом через парадную дверь и влетел в кухню. Кухонная дверь от сильного толчка сорвалась с петель. Дейв тряся, как наркоман во время ломки, и походил на один сплошной оголенный нерв. Дейв готов был заглушить эту панику чем угодно: стаканом виски, сигаретой... боже, только бы не сорваться. Слава богу, мальчики были в школе и не видели своего старика таким ополоумевшим, потому что, видит Бог, он таким еще никогда не был.

— Дейв? Дейв? — Шерил, хрупкая женщина с самым большим сердцем на свете, последовала за мужем в гостиную. Он уставился на часы, толком не понимая, зачем. Потом Дейв поднял пульт от телевизора, бросил его на диван и снова поднял, не осознавая, что хочет сделать. Собравшись с мыслями, Дейв все же нажал кнопку и включил телевизор.

— Да что случилось? — спрашивала Шерил. — Ты ведешь себя странно! Ты меня пугаешь!

— Угу... — только и выдохнул он, переключаясь на канал «Си-Эн-Эн». Диктор рассказывал о протестном движении в Вашингтоне:

на митинге собралось несколько тысяч человек, требующих пропорционального налогообложения. Причем спикеры с обеих сторон заявляли, что одобряют эту идею, но Дейв знал, что они лгут: обе стороны уже давно пришли к соглашению, и им было абсолютно наплевать на все, кроме своих кошельков и власти, за которую они цеплялись. Это была бесконечная война, а обычные граждане находились на границе двух лагерей...

— Подожди, — угрюмо ответил он Шерил и снова взглянул на часы. — Просто... подожди...

Он переключился на канал «Фокс-Ньюз». Ведущие, двое мужчин и женщина, спорили о том, должен ли президент отправляться в поездку по Европе, учитывая накопившиеся проблемы в своей стране. Мол, президент уклоняется от своих обязанностей перед американским народом и потворствует Европе. Его называли слабовольным демократом из Миссури, не понимающим смысла слова «ответственность», а жена его и в подметки не годилась Джеки Кеннеди, Лауре Буш или, в конце концов, Мишель Обама. Дискуссия закончилась тем, что оппоненты вместе посмеялись над заявлением Биля о его возможной отставке, и перешли к новостям о состоянии фондового рынка Индонезии.

Дейв вернулся на «Си-Эн-Эн». В углу телеэкрана указывалось точное время: 10:19. Оказывается, его часы запаздывали на минуту. Теперь ведущий новостей говорил о том, что прошлой ночью американское грузовое судно подверглось атаке сомалийских пиратов, но атака была отражена.

— Господи! — всплеснула руками Шерил. — Да что такого важного должны сегодня показать в новостях?

— Что-то грядет, — ответил Дейв едва слышным голосом. Он даже не сразу осознал, какие слова произнес.

— Что?

— Оно приближается... с неба. Слушай... я не знаю... у меня все в голове смешалось...

— Ты пугаешь меня, — жалобно произнесла она. — Пожалуйста, перестань.

Он прикурил сигарету от зажигалки «Бик» и затянулся так, словно это была последняя сигарета в его жизни.

— Да что случилось? Дейв, поговори со мной! — Шерил положила руки ему на плечи и почувствовала, как он дрожит. Это напугало ее еще сильнее. Ее муж никогда ничего не боялся, он сразился бы с самим дьяволом, в случае необходимости. Но сейчас...

— Сегодня ведь третье апреля? — спросил он.

— Ты же знаешь, что да! Твой день рождения через две недели, и ты...

— Подожди, — Дейв выдохнул сигаретный дым через ноздри. — Жди и смотри.

Она ждала, ее сердце бешено колотилось, а руки все так же лежали на содрогающихся плечах мужа. Шли секунды, и из груди Дейва МакКейна вместе с сигаретным дымом вырывалось натужное хриплое дыхание, полное такой невообразимой боли, что Шерил приготовилась вызывать мужу «Скорую помощь». Она никогда прежде не видела его таким.

Прошла еще одна долгая и страшная минута, во время которой Дейв молча курил, а Шерил молчала.

Затем ведущий «Си-Эн-Эн» заговорил со специалистом по жилищному рынку о ставках по ипотечным кредитам. Он спрашивал, чего ждать, а чего ждать не стоит, и как американцам справиться со сложившейся ситуацией.

— Я не знаю, чего мы ждем, — тихо произнесла Шерил.

Дейв приложил дрожащую руку ко лбу. Кусочки этого огромного сложного паззла начали складываться, но воспоминания упорно не желали возвращаться целиком и полностью. Он чувствовал, что должно произойти нечто настолько ужасное, что одна мысль об этом заставляла его желудок исполнять кульбиты. Дейв боялся, что его вырвет, но еще больше боялся отойти от телевизора и пропустить что-то важное.

Прежний новостной блок закончился, и теперь речь шла об антиправительственных протестах в Бангкоке, начавшихся на прошлой неделе. Уже насчитывалось трое погибших и двенадцать раненых среди полицейских и протестующих. На экране показался молодой человек с черными, как смоль, волосами и в причудливых очках — журналист, ведущий репортаж из Бангкока. Небо за его спиной было темным, горели уличные фонари. Дейв не знал, на сколько часов Таиланд опережает Колорадо, но понял, что там уже наступила ночь.

Ведущий из студии задал вопрос молодому репортеру: «Какова ситуация сегодня вечером, Крейг?»

Крейг поднес к лицу микрофон и начал говорить, но вдруг замолчал. Лицо его побледнело, глаза за линзами очков округлились и казались жутко испуганными. Он поднял взгляд к небу, затем вернулся к камере. За кадром раздался шум, похожий на два или три перекрывающих друг друга хлопка. Крейг закрыл лицо руками, словно это могло спасти его от чего-то ужасного.

— О, Боже! О, Боже! — истерически закричал он и выскочил из кадра. Оператор перевел объектив камеры на небо. Там не было видно ничего, кроме темноты. Камера лихорадочно поворачивалась из стороны в сторону — так резко, что зрителей могло укачать. В небе виднелся лишь полумесяц и, кажется, след от пролетевшего самолета.

— Похоже, у нас небольшие неполадки, — сказал ведущий новостей. Его голос звучал спокойно и твердо, как у любого диктора на телевидении, когда требовалось успокоить зрителей. — Небольшие неполадки. Возможно, мы только что слышали взрыв... Крейг, ты там? Крейг?

Камера искала репортера, превращая ночные огни в светящиеся размытые ленты. В кадр попали несколько уличных прохожих, местных жителей. Некоторые из них сбились в группы и стояли на месте, другие бродили вокруг с потерянным видом, словно проснувшись от дурного сна. Один человек, одетый в домашний халат, внезапно промчался мимо камеры, крича и размахивая руками.

Репортер по имени Крейг вернулся в кадр.

— Джим? — позвал он. В его голосе слышался британский акцент. Черные волосы спутались и упали на лоб, закрыв один глаз. — Джим, ты меня слышишь?

— Мы тебя слышим, продолжай.

— Что за бред у них там происходит, — пробормотала Шерил, и Дейв снова затянулся сигаретой.

— Они не пришли! — задыхнувшись, произнес Крейг. — Джим, они не пришли!

— Прости, я не понимаю тебя. Что?

— Они не пришли! — повторил Крейг, внезапно начав плакать. — О, Боже... Иисус Милосердный! Они не пришли... не случилось то, что было в прошлый раз... Я стоял прямо здесь... прямо здесь, в том же месте. Я слышал шум, но они не пришли!

Итан, вспомнил Дейв. Миротворец. Инопланетные часы в лаборатории S-4. Они сработали. И он сказал, что удержит Горгонов, не даст им пройти сюда. А если не пройдут они — не пройдут и Сайферы.

— Джим, разве ты не помнишь? — вскричал Крейг. Позади него пронеслась машина, ее водитель неистово сигналил.

Экран потемнел и оставался темным около шести секунд.

Затем появилась студия и Джим, телеведущий с «Си-Эн-Эн». Он повернулся и разговаривал с кем-то вне кадра, справа от него, но звука не было. Ведущий пожал плечами и сделал руками жест, говорящий о том, что он в полном недоумении и не знает, что случилось с Крейгом. Затем, картинка пропала и на экране возникла надпись: *«Канал временно недоступен»*.

Дейв посмотрел на свою жену сквозь сигаретный дым. Между бровями у нее залегла глубокая напряженная складка. Он собирался спросить ее, помнит ли она что-нибудь, но и так понимал, что ответ будет отрицательным. Если бы она знала, что время повернулось вспять, и у Земли появился второй шанс, она бы знала и о том, что

Горгоны не появились в назначенный час. Возможно, они попытались пробиться, и именно это вызвало шум в небе над Бангкоком, но защитный барьер, созданный Миротворцем, не пропустил их. Дейв проверил свои часы. Они показывали уже 10:20. Теперь он был уверен: Горгоны не придут. Потому что в прошлый раз в это же время, утром третьего апреля, Дейв и Шерил стояли перед телевизором, просматривая первые любительские видео с инопланетными кораблями, появившимися в небе после взрывов. А затем Шерил сказала: «Боже, мальчики должны быть здесь, с нами!»

Зазвонил мобильный телефон Шерил, она ответила.

— Это из школы, — объяснила она мужу.

Дейв переключился на «Фокс-Ньюз».

— ...здесь немного запутались, — говорила блондинка-ведущая, сидевшая за столом между двумя мужчинами. Одним пальцем она придерживала наушник, пытаясь расслышать поступающую через него информацию. — Ясно... наш корреспондент передает нам...

— Мы должны ехать в школу. Срочно, — взволнованно произнесла Шерил. Она уже надевала куртку и засовывала в карман бумажник.

— В чем дело, родная?

— Майк. Звонила миссис Серлинг из кабинета директора. Майк плачет, у него что-то вроде приступа паники. Он умоляет отвезти его домой. Дейв, что происходит?

Майк вспоминает, понял Дейв. Может быть, он вспоминает не все, но отголоски того кошмара возвращаются к нему.

— ...безумие продолжается, — сказала блондинка с «Фокс». — Мы получаем... минуточку... сообщения о том, что... Прошу прощения, у нас какие-то неполадки со связью.

— Подождите, — один из мужчин-ведущих также слушал сообщения через наушник. — Мы восстанавливаем связь, она наладится через пару минут. Похоже, мы скоро услышим весьма странные новости.

— А какие новости сегодня не странные? — нервно усмехнулся второй мужчина.

— Это не чрезвычайная ситуация, — нахмурившись, продолжал первый ведущий, вытянув перед собой руку, словно стараясь через экран успокоить зрителей и не дать им впасть в панику. — Приходят сообщения... как я и сказал, новости несколько странные... сообщения о нескольких взрывах в небе над Чикаго, Атлантой и Нью-Йорком... но... я ничего не слышал, а вы?

— Я — нет, — ответил второй телеведущий. — Ничего такого.

В нижней части экрана появилась картинка-в-картинке, в которой еще один репортер сообщал о взрывах, раздающихся в небе.

— Я, конечно, не ученый, но уверен в том, — сказал второй ведущий, издав нервный смешок, — что это не похоже на конец света. Итак, после небольшой паузы мы встретимся в студии с доктором Дэнни и выслушаем его мнение, касательно инвестиционных фондов.

— Пошли, — поторопила Шерил. — Мы нужны Майку.

— Да, — согласился Дейв и выключил телевизор. Шерил жива. Мальчики живы. Мир жив, и в нем нет Серых людей. Порыв эмоций чуть не сбил его с ног. Шерил, торопясь забрать своего младшего сына из школы, направилась к двери.

— Вчера, — выдохнул Дейв, прежде чем она успела повернуть дверную ручку. — Что было вчера?

— Что? Вчера? Ты не помнишь?

— Расскажи мне.

Теперь она встревоженно посмотрела ему в глаза, и по-настоящему перепугалась. Похоже, Дейв и правда был не в себе. Так непохоже на него. Шерил не понимала, что с ним происходит, но видела, что этот странный приступ случился не только у ее мужа, судя по поведению ведущих и репортеров на телевидении. Это напоминало массовое помешательство.

— Мы проснулись, — тихо начала она. — Я отвезла мальчиков в школу, ты спилил засохшее дерево, а потом поехал на работу. Ты сказал, что крыльцо Хэнка Локхарта будет легкой работой. Я поговорила по телефону с мамой о том, когда Энн получит страховку после аварии. Около двух часов дня пришла посылка из «Амазона».

— О, да, — вспомнил он. — Книга о Гражданской войне.

— Ты пришел домой, мы поужинали — тушеное мясо с зеленью и картофельным пюре, если ты помнишь мою стряпню — а потом сели смотреть телевизор. Ты помог Стивену с математикой. Около десяти часов позвонил Рэндалл, просил тебя поработать в баре в эти выходные. Затем мы пошли спать. Это был обычный день... и ночь, — ее брови поползли вверх. — Я что-то пропустила?

Дейв опустил глаза в пол — в пол дома, который он любил всем сердцем. Он подумал, что если сейчас засмеется, то, скорее всего, уже не сможет остановиться, пока смех не перейдет в слезы и... О, Боже, что же ему теперь делать с этими воспоминаниями, которые так ярко возникали в его голове? Он помнил боль от шипованной руки, разворотившей ему грудь, помнил чувство беспомощного разочарования, от того, что он не готов, но ему приходится покинуть тот кошмарный мир, так и не увидев — сработают ли инопланетные часы. После этого он не помнил ничего... но разве мог он помнить то, чего не существовало?

Миротворец сказал, что некоторые будут помнить, некоторые — лишь частично, а некоторые и вовсе ничего не узнают.

Дейва заинтересовало: многие ли помнят? Каждый пятидесятый? Сотый? Тысячный? Будет ли все помнить президент или первая леди? А как насчет мальчика, взявшего себе имя Итан Гейнс? Поймет ли он, насколько был важен? Вспомнят ли многие люди собственную гибель, или то, как они обнаружили первые серые пятна на своей коже? Вспомнят ли агонию перевоплощения в монстров? Он надеялся, что этого никто не вспомнит. Он надеялся, что высшая сила, приславшая Миротворца в этот мир, убережет людей от таких воспоминаний. И все же, он собирался это выяснить.

Время.

Об этом просила Ханна в Белом Особняке. Такой была ее просьба, когда она лежала на койке в лазарете, скрытом внутри горы Уайт Мэншн.

Больше времени.

— Позволь мне обнять тебя. Всего на минутку, — попросил Дейв. Он подошел и обнял Шерил, мечтая сжать ее в объятиях так сильно, чтобы слиться с нею в одно целое, стать одним сердцем и одной душой на двоих. Так же он обнимал мальчиков, когда они уезжали в летний лагерь, желая никогда не разлучаться с ними. И так же он хотел бы обнять мальчика, что звал себя Итаном Гейнсом.

— Я так сильно тебя люблю, — прошептал Дейв Шерил, и глаза его наполнились слезами, но он стер слезы рукавом, не позволив ей их увидеть. А затем, Дейв поцеловал жену в щеку, лоб и губы. Ее тело было живым и таким теплым, и он хотел бы...

... но пришлось ехать за мальчиками в школу.

Когда они рука об руку вышли из дома и подошли к пикапу, Дейв услышал отдаленный звон церковного колокола, пронесшийся сквозь чистый весенний воздух. *Кто-то еще помнит*, подумал Дейв. Каждый рассказывает об этом миру по-своему. Это был не похоронный звон, не знак грусти, потери или отчаяния. Это был звук нового начала.

Как и обещал Итан, подумал Дейв. Шерил села за руль, а он занял место пассажира... *нас ждет интересное будущее.*

И он встретит его вместе со всем миром.

***

Оливия и Винсент Куинтеро с десяти утра катались верхом на ранчо. На завтра был запланирован званый ужин, они ожидали компанию друзей. Подобные встречи проходили по традиции каждую пару месяцев. Эта должна была состояться в «Плавильном Котле» на Ист-Маунтин-Авеню. Еще Оливия и Винсент обсуждали предстоя-

ший осенью круиз на греческие острова, оба мечтали увидеть Эгейскую землю и родину мифических героев.

Через некоторое время они остановили лошадей, спешились и сели под деревьями, почки на которых только начали распускаться. Мир снова просыпался от очень долгой зимы. Винсент и Оливия чего-то ждали, и ждали так долго. Сегодня они хотели дожидаться ночи и посмотреть на звездное небо, держа бокалы с вином и разговаривая о простой счастливой жизни, которую они так любили.

Простые удовольствия частенько оказывались для них самыми любимыми. И Оливия, и Винсент поняли, что время — это подарок, который нужно ценить. И если кто-то в этом сомневался, то всегда мог получить ответ у шара «Волшебная Восьмерка».

***

В восемнадцать минут одиннадцатого доктор Джон Дуглас в своем кабинете заканчивал заполнять страховые формы, когда одна из медсестер постучалась в дверь и заглянула внутрь.

— Может, вам принести кофе? — спросила она.

— Нет, спасибо. Не нужно. Просто хочу доделать бумажную работу. О... ты окажешь мне огромную услугу, если позвонишь Деборе. Спроси ее, не захватить ли мне в магазин после работы. Хотя... нет, лучше я позвоню сам.

— Хорошо, — она нахмурилась, и он понял, что не все в порядке.

— Что случилось, Софи?

— Да так... что-то странное. По всем каналам говорят, что люди повсюду слышат какие-то странные взрывы. Похоже, это творится по всему миру. Просто звуки взрывов, больше ничего.

— Хм, — вздохнул Джей Ди. — Я ничего подобного не слышал.

— Я тоже. И все же это очень странно. Люди напуганы.

— Может, метеоритный дождь где-то в атмосфере? Но... надеюсь, на землю ничего не упадет? Как знать... не мне судить, я всего лишь старый доктор.

— Хотите посмотреть? Говорят, есть любительские видеозаписи, на которых слышен этот шум.

Доктор опустил глаза на надоедливые бланки и понял, что ищет любое оправдание, лишь бы не возиться с бумажками. Но нет, так нельзя.

— У меня сейчас много работы. Возможно, я присоединюсь к тебе позже, хорошо? Тогда обсудим это необычное явление.

Софи ушла, но через несколько минут раздался телефонный звонок. Это была Дебора, из дома. Ее младшая сестра из Сан-Франциско только что позвонила ей и рассказала самую чудную историю, кото-

рую Дебора когда-либо слышала в жизни. Что-то о космических кораблях и пришельцах... о какой-то войне. Все это было так удивительно. Дебора сказала, что Сисси баловалась ЛСД,⁴⁷ когда училась в Беркли, и ее страшно тревожит, что сестра вновь подседа на дурь после стольких лет.

— Я бы не стал делать поспешных выводов, — сказал Джей Ди. — Послушай... я могу приехать домой пораньше. Хочешь, я заеду в «Вудхаус», куплю макароны и сделаем пасту?

Дебора ответила, что это было бы здорово. А еще она собиралась позвать Сисси в гости и застрелить ее за эти страшилки о пришельцах.

— Только не попадись копам, — усмехнулся Джон Дуглас, представляя, как Дебора переживает за сестру. — Скажи, чтобы не валяла дурака и приезжала. Мы поможем ей бросить эту дрянь.

Затем он сказал жене, что любит ее, повесил трубку, и снова тоскливо взглянул на документы.

***

Когда в небе прогремел странный взрыв — почти над самыми головами — Регина Джерихо уронила револьвер на траву и задрала голову вверх.

Там ничего не было. Только небо, с плывущими по нему облаками.

Джефферсон сидел в своем любимом кресле, глядя на свою пасту. На свое королевство, под названием Новый Эдем. Тень большого дуба колебалась от легкого ветерка. Он посмотрел на револьвер, затем перевел взгляд на лицо Регины, и она подумала, что его глаза изменились... но она не понимала, как именно, потому что никогда не знала этого человека по-настоящему. Она задумалась, не поднять ли револьвер, чтобы закончить задуманное? Не может быть, чтобы глас Божий спас Джефферсона Джерихо от расплаты за его грехи. Это просто были испытания ВВС или что-то в этом роде.

Вдруг он тихо произнес:

— Не выбрасывай свою жизнь в мусорку, Регина.

Она замерла, так и не подняв револьвер. Спина ее выпрямилась, а глаза округлились, от осознания того, что он прав.

— Я уничтожу тебя, — пообещала она. — Я обзвоню всех юристов в Нэшвилле, я найму частного детектива и на куски тебя разо-

---

⁴⁷ ЛСД – полусинтетическое психоактивное вещество, сильный галлюциноген.

рву! Я больше не позволю тебе никому навредить, Джефферсон. Все кончено. Ты меня слышишь? Все кончено.

Он слабо улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он.

— Я серьезно! Я иду и звоню, и ты не остановишь меня, ублюдок! Я знаю о всех скелетах в твоём шкафу!

— Да. Ты права, — согласился он. Когда она все же подняла револьвер, чтобы вернуть его в ящик стола в кабинете, он остановил ее, надеясь, что она не задумала самоубийство. — Ты не могла бы оставить револьвер тут?

— Ты очень пожалеешь! — добавила Регина. — Пожалеешь о том, что родился на свет! — не глядя на него, она развернулась и направилась в особняк его мечты. И когда она уже взяла телефонную трубку, то услышала снаружи негромкий хлопок. Возможно, это был выхлоп автомобиля кого-то из жителей Нового Эдема, города, в котором солнечный свет заставлял крыши светиться так, словно они были отлиты из золота, а церковь «Рисковых Игроков» на их фоне казалась вылепленной из белого воска, уже начинающего таять.

***

— Кевин Остин,⁴⁸ — позвал мистер Новотни. — Твоя очередь!

Мальчик поднялся из-за своей парты. Его сердце учащенно билось в груди. Он нервничал, несмотря на всю подготовительную работу. Подняв свою анатомическую куклу, Кевин приготовился показать ее всему классу.

Почки, желудок, толстая кишка, тонкий кишечник, поджелудочная железа, печень, селезенка, легкие, мозг, сердце.

В голову ему почему-то пришла мысль, что в этой модели анатомической куклы не хватает одной невыразимо важной вещи. И великий смысл, заложенный в ней, нельзя было ни показать, ни объяснить, не только одноклассникам, но и ни единому человеку на всей планете.

Эта неосязаемая вещь называлась душой. Когда какой-либо из органов поврежден, и жизнь всего организма под угрозой, сила души способна сохранить плоть. Это движущая сила, дающая человеку выбор: сдаться и отказаться от надежды, прежде чем умереть, либо собрать волю в кулак и выиграть еще один день, а затем еще и еще...

---

⁴⁸ В книге ранее упоминалось, что настоящая фамилия Итана, вероятно, начиналась на «А». Фамилия «Остин» по-английски пишется «Austin».

В последние дни Кевин постоянно задумывался об этом. Он думал о силе духа, и о том, что некоторые люди, столкнувшись с бедой, словно теряют волю и впадают в ступор, а некоторые, поднимаются и идут дальше, несмотря на кровавую пену на губах. Например, его мама после развода — очень тяжелого развода. Анатомическая кукла могла показать чудеса человеческого тела, его великолепную структуру и внутренние связи, но она не могла показать то, что превращает человека в героя, который день ото дня борется за то, что ему дорого, и никогда не сдается.

Кевин рассказывал о мозге, когда дверь открылась, и вошла миссис Бергесон. Испуг на ее лице сразу передался Кевину и всему классу.

— Что-то происходит... — прошептала она мистеру Новотни. — Это во всех новостях. Что-то происходит.

— О чем вы? Что именно?

— Странные звуки раздаются в небе, — сказала она. — Звуки взрывов. В сотнях мест по всему миру. Я думала, вы... будучи учителем естествознания, захотите узнать эти новости.

Мистер Новотни сделал паузу, потер подбородок, барабанил пальцами по столу. Затем он сказал:

— Я уверен, всему этому есть рациональное объяснение. И я уверен, что новости не должны пугать людей до полусмерти. Сейчас я не могу прерваться, потому что Кевин выступает со своим проектом.

— Хотите сказать, вы...

— Я присоединюсь к вам позже. Но, спасибо за информацию, — учитель кивнул Кевину, давая знать, что тот может продолжить.

Почки, желудок, толстая кишка, тонкий кишечник, поджелудочная железа, печень, селезенка, легкие, мозг, сердце.

Но ведь не это на самом деле делает человека человеком.

Это тоже. Но это не главное.

Иногда, задумываясь о своем будущем, Кевин мечтал стать врачом. Словно кто-то подсказывал ему, что он создан для этого.

Он не мог точно вспомнить, когда возникли эти мысли, но был уверен, что его призвание — помогать людям. Это было странное ощущение.

А другое ощущение, родившееся в его разуме, говорило ему о том, что в субботу вечером ему нужно поиграть в боулинг. Да, он определенно должен отправиться в Форт-Коллинз и заглянуть в «Болл-А-Раму».

Это было так странно...

Когда он закончил свой доклад, тот показался ему сухим и далеким от реальности, но он не знал, что еще добавить. Возможно, у кого-то остались вопросы?

Кевин поднял свою анатомическую куклу и сказал:

— На этом все.

Затем он вернулся на место, и день продолжил идти своим чередом.

Время. Нужно больше времени.
(Пограничная заметка переводчика)

Работа с «Границей» МакКаммона продлилась куда как дольше, чем я предполагала. Взявшись за эту книгу после «Лесного Охотника», я ожидала, что перевод будет быстрым и стремительным — тем более что сюжет книги захватил меня с первых страниц, и мне самой не терпелось узнать, чем же закончатся злоключения Итана Гейнса, что за силу он скрывает внутри себя и как он сумеет положить конец страшной войне Горгонов и Сайферов.

Однако посреди работы с «Границей» я умудрилась попасть в больницу, и меня продержали там больше двух недель без видимых на то причин. Помимо того, я была вовлечена в еще два проекта по переводу: вычитывала 15-й том серии «Пендергаст» («Багровый Берег»), который мы перевели с моей коллегой Еленой, и переводила попутно первые главы 14-го тома той же серии («Голубой Лабиринт»). Раньше я понимала, что могу работать с несколькими книгами одновременно. И в плане переводов я действительно могу это делать, но, когда приходит время вычитки, все становится гораздо сложнее. Вычитывать мне обычно сложнее, чем переводить, времени на это нужно больше — я не могу заниматься этим на работе, в отличие от непосредственно перевода, поэтому мне приходится садиться за вычитку ночами, когда прихожу домой. Когда на очереди несколько книг, уже переведенных и требующих коррекции, это давит. Сильно. Я словно оказалась зажата на границе между несколькими художественными романами, разрывавшими меня на части — почти как герои этой книги, застигнутые врасплох борьбой двух инопланетных цивилизаций. Это был бы забавный синхронизм, если бы он, по сути своей, не был таким грустным. Приходя домой и понимая, сколько мне еще нужно сделать, я готова была вопить: «Дайте мне больше часов в сутках!», я не успевала, и это было действительно обидно.

Больница, тяжелый, прерывистый процесс вычитки и дикая усталость, боюсь, могли несколько повлиять на качество перевода этой книги. Дошло то того, что вторую вычитку я попросила сделать другого человека, чего раньше за мной никогда не водилось. Но воспоминания об этом тексте, которые наваливались на меня сразу же, сто-

ило мне заново его открыть, были слишком тяжелыми — возвращали меня обратно в машину скорой помощи и в тесную, душную больничную палату, где я пыталась переводить остатки оригинального текста. Когда пришло время начинать вторую вычитку, я поняла, что больше не могу смотреть на эту книгу.

Некоторые читатели спрашивали меня, каково вычитывать книгу два раза после того, как один раз я уже видела текст в процессе перевода. Раньше я отвечала, что в этом нет ничего сложного, правда, немного надоедает. Во время работы с «Границей» последний пункт стал для меня особенно острым — почти болезненным.

Я, кстати, подумала, что это и есть проклятие переводчика (нервный смех за кадром). Когда ты видишь текст в первый раз, основной задачей все же является правильный перевод его на русский язык, и ты пытаешься подобрать удобоваримые фразы, чтобы передать верный смысл. Когда видишь текст второй раз, сюжет тебе уже известен, и ты смотришь на стилистические недочеты, стараясь ни один не пропустить, хотя глаз тянется пробежать уже знакомые участки с катастрофически большой скоростью. Приходится постоянно одергивать себя, иногда прочитывать текст вслух, нарочно заострять внимание на, казалось бы, незначительных деталях. Когда видишь текст в третий раз — во время второй вычитки, без перерыва, у тебя от него уже такая оскомина набита, что хочется отшвырнуть его куда подальше, ибо надоел. Поэтому в полной мере я не имею возможности насладиться сюжетом переводимых мною книг, потому что техническая часть процесса перетягивает на себя слишком много внимания.

И, тем не менее, «Граница» мне понравилась. Я даже приобрела лимитированное издание на английском языке и поместила сюда, в текст иллюстрации из него... ну, точнее, приобрела эту книгу не я — это был потрясающий подарок от моего любимого человека. Я до сих пор считаю этот подарок дорогущим безумством, но, признаться честно, счастлива, как ребенок в канун Рождества.

Что до самой книги, то здесь, как мне показалось, МакКаммону удалось по-настоящему заставить читателей почувствовать то же самое, что ощущала Никки Стэнвик, когда Миротворец окончательно забрал у нее Итана. Читая эти отрывки, я понимала, что мне действительно обидно. Главный герой словно бы умер в середине книги. А потом появился Миротворец. И мне хотелось сказать ему то же самое, что говорила Никки: «Не притворяйся им. Ты не он», даже несмотря на то, что он сохранил имя Итан. Для меня «Граница» — это одна из тех книг, где нет как такового центрального персонажа, хотя де-факто он есть. Здесь героем, пожалуй, выступает каждый индивид из горстки выживших представителей человечества. Это необычно, я нечасто

встречаю такое в книгах. Если МакКаммон задумывал показать именно это, то ему удалось, и это большая победа.

Победой — уже лично своей — я считаю и то, что все же справилась с этой книгой, несмотря на несколько тяжелых преград, которые пришлось преодолеть (и до сих пор преодолевать) в текущий временной период. Надеюсь, вам все же понравится то, что у меня получилось в конечном итоге. Так или иначе, дорогие читатели, знайте, что пробираться через страницы «Границы» мне пришлось с боем, а делаться малой кровью мне не удалось. Отчасти я даже рада, что пока что у меня на очереди остается все меньше и меньше книг, над которыми надо работать. Пока впереди две, и обе они не авторства МакКаммона. Хочу взять небольшой перерыв и позволить себе заняться и собственным творчеством тоже. В конце концов, мои герои тоже хотят, чтобы их история была рассказана. Но это, разумеется, не значит, что я не переведу последующие работы МакКаммона! Переведу. Обязательно. И Мэтью, и Тревора — все я закончу, потому что не в моих привычках бросать на полпути то, за что уже взялась. И «Слушателя», который должен выйти в начале 2018 года у МакКаммона, я тоже планирую перевести. Так что, несмотря на ожидаемый перерыв, я не прощаюсь с вами, дорогие читатели. Увидимся в следующих книгах, которых мне выпадет перевести. Кто знает, каких еще авторов эта работа раскроет передо мной! Кстати, если хотите совет, что почитать, то почти на правах саморекламы, могу порекомендовать серию Дугласа Престона и Линкольна Чайлда «Пендергаст», начиная с романа «Реликт» и далее (порядок чтения можно найти на Лаборатории Фантастики). Для меня эти книги стали приятнейшим из открытий, и я спешу поделиться этим с вами напоследок.

Не скучайте! Следите за новостями. И до новых встреч!

Искренне ваша

Наталья М.

Послесловие... гм, литературного редактора, наверное.

Как вы можете узнать из заметки переводчика, работа над «Границей» была нелегкой, ей мешали различные малоприятные жизненные события и факторы, и, по словам Натали Московских, все это «могло несколько повлиять на качество перевода этой книги». Боюсь, это очень смягченная и оптимистичная оценка. Я с большим уважением отношусь к Натали Московских, читала ее предыдущие переводы романов Маккаммона и никогда слова плохого про них не скажу. Но «Граница»... простите мою прямоту, но выпускать текст в таком виде, даже на просторы интэрнета, где никто никому ничего не дол-

жен и не обязан, было нельзя. Это просто удар по репутации переводчика и обманутые ожидания читателей. Впрочем, не стану во всех подробностях расписывать недостатки и ошибки перевода, оказавшиеся в моих жадных ручонках, лучше скажу пару слов о том, что я предприняла для их исправления.

В первую очередь, конечно, текст подвергся ручной и кропотливой литературной обработке. Вернее – переработке. Поначалу казалось, что достаточно будет поменять порядок слов в некоторых предложениях, перефразировать отдельные словосочетания, заменить повторяющиеся слова синонимами, местоимения – именами, убрать избыточные слова-костыли, вроде: «который», «было», «что», «чтобы», «потому что», и шаблонные фразы, придающие тексту схожесть со школьным сочинением, сократить или упростить громоздкие перегруженные предложения... Но оказалось, что целые абзацы подчас проще переписать заново, с нуля, своими словами. Особенно это касается описаний и сцен с действиями.

Поскольку работала я лишь с русскоязычным текстом, без оригинала, нередко приходилось импровизировать и отсебятничать. А также местами приукрашивать слишком сухой и скупой текст. Да-да, «Тень улыбки скользнула по бледному лицу Боромира»⁴⁹ и все такое. Но что поделать, иначе конечный результат не оправдывал потраченных усилий. Если возникал выбор между точностью и удобочитаемостью, между буквой и духом, сохранением «как было» и изменением на «как нравится» – я, ни секунды не колеблясь, делала выбор в пользу второго варианта. Не волнуйтесь, откровенной отсебятины не так уж много, чтобы она бросалась в глаза.

По тем же причинам (отсутствие англоязычного текста; а также категорическое отсутствие желания заново переводить с английского – это потребовало бы втрое больше времени и сил) в тексте могли сохраниться ошибки, неточности и ляпсусы, допущенные при начальном переводе. Те, что привлекли внимание,⁵⁰ я постаралась исправить, но некоторые, наверняка, остались незамеченными.

Ну и, само собой, исправлялись все попавшиеся ошибки и опечатки. А также небольшие логические нестыковки и расхождения.⁵¹

---

⁴⁹ «Улыбка Боромира» - хрестоматийный пример из перевода «Властелина Колец», когда речь заходит о вольности художественного перевода. В оригинале просто *Boromir smiles*.

⁵⁰ Например, в 27-й главе слово *mines* было переведено, как «мины» из-за чего возник ляпсус: «серебряные и свинцовые мины». Естественно, речь там шла о «шахтах».

⁵¹ К примеру, сержант Эйкерс то оказывается морским пехотинцем, то агентом Секретной службы, то снова морпехом.

Кроме того, были добавлены сноски для некоторых слов и терминов, небольшие дизайнерские примочки (вы обязательно обратите на них внимание в трех местах романа ☺), и значительно сокращено количество текста, выделенного курсивом.

Искренне надеюсь, что мои скромные усилия пошли тексту на пользу. И приношу свои извинения за то, что работа по редактированию текста была проведена без ведома и разрешения переводчика.

Langley.